

Урина Темер

*Хроники Небес,
Держать и честь*

Легенды гласят, что есть миры, где светит Солнце.

Для мира, погруженного во мрак среди древних руин, легенды — единственное, что может удержать от забвения и дикости.

Там под сводами соборов проповедники обещают, что все уже предрешено.

Там короли и рабы, благородные и простые смертные связаны Небесами в переплетении интриг, предательств, клятв и ненависти. В вечной гонке за властью и справедливостью уже нельзя отличить правду от лжи, клятвы от предательства.

Там молодой дворянин, наследник древнего рода, втянутый в борьбу за власть в королевстве, должен вступить в схватку с самой судьбой, чтобы защитить не только титул, но и единственного человека, который ему действительно дорог.

Глава 1. Преемственность поколений

«Отец учил меня, что в жизни превыше всего долг и честь. Человек, не умеющий держать слова, никогда не заслужит уважения». Аль Пачино

— «Звезда Беатрисс», продолжайте движение согласно переданному курсу.

— Диспетчерская, говорит мостик «Звезды Беатрисс». Вас поняли. Продолжаем движение согласно переданному курсу.

— Принято, «Звезда Беатрисс». Добро пожаловать домой.

Легкий крейсер «Звезда Беатрисс», отливая в свете ярких прожекторов металлом внешней брони и почти стершейся позолотой бортовых украшений, медленно входил в закрытую гавань, двигаясь практически на холостом ходу. Только едва заметное горячее марево, окружающее сопла, выдавало работу двигателей. Корабль вернулся из дальнего рейда, что было заметно по метеоритным рытвинам на броне, опаленным дулам орудий и по толстому налету гари и грязи по всему корпусу. Скорректировав курс, он медленно развернулся и двинулся дальше вдоль ряда причалов к указанному стыковочному месту. На него практически не обращали внимания: для служащих гавани возвращение очередного корабля с задания являлось вполне обыденным событием. Только ремонтные команды провожали его взглядом, представляя, сколько придется повозиться с техническим обслуживанием.

Лишь один человек следил за ним внимательнее остальных, сложив руки на груди и не отрывая взгляда до тех пор, пока крейсер не скрылся в тени корпуса, стоявшего у одного из причалов линкора. Тристанский барон, кого-то ожидавший на широком, больше похожем на транспортную магистраль верхнем уровне причала, отлично знал, откуда возвращается крейсер. «Звезда Беатрисс» исследовал самую дальнюю из известных королевству прыжковых точек. А переданная капитаном корабля информация была получена еще две недели назад, что позволило закончить все приготовления в срок.

Разведчик только что вернулся, а экспедиция уже фактически готова к старту. Эта мысль заставила барона тяжело вздохнуть. На кон было поставлено слишком многое, а он сам до сих пор не мог мысленно охватить масштаб поставленных целей и рассчитанных результатов. Словно прыжок в Бездну вниз головой. Эдвард Тристанский, больше ста пятидесяти лет правивший феодалом после смерти своего отца, понял, что нервничал. Такого с ним уже давно не случалось.

Тристанский барон по праву считался воплощением истинного дворянина королевства Рейнсвальд. Высокий мужчина с коротко стриженными серо-стальными волосами и небольшой бородкой эспаньолкой всегда держал идеально прямую спину, даже опираясь на трость. Вырезанная из цельной кости антарийского дракона, древнего и полумифического существа, обитавшего где-то на краю известного человечеству мира, она напоминала о принятом когда-то вынужденном решении отказаться от личного участия в сражениях. Подарок короля стал признанием его заслуг перед королевством и горьким символом былого величия и нынешней беспомощности. Когда вся медицина королевства оказалась бессильна, трость стала опорой и верной спутницей великого воина, некогда водившего за собой в кровавые сражения целые армии.

Барон скользил задумчивым взглядом по боевым кораблям, стоявшим у причалов воздушной гавани парящего в небесах огромного острова. Естественные полости отвесных

скал, опоясывающих побережье, были расширены, их потолки и стены укреплены решеткой балок и опорных колонн. Внутри располагались технические сооружения, ремонтные доки, склады и жилые модули для портовых рабочих. Стены украшали барельефы с изображениями святых и древних героев. А выше проходили ниши со статуями крылатых ангелов. Колонны покрывала тонкая резьба, арочные своды были выполнены в виде переплетенных тел гигантских змей. Мощные электрические прожекторы и голубые плазменные факелы освещали причалы и сооружения, загоня окружающую остров темноту в самые дальние уголки пещер.

Центральные и второстепенные причалы гавани тянулись на десятки километров, и практически каждое стыковочное место было занято кораблями различных классов: от легких корветов до тяжелых крейсеров. Их матовые металлические тела опутывала паутина силовых кабелей, заправочных и транспортировочных рукавов, а вокруг суетились ремонтные платформы и сервисные дроны. Мощные исполины с угловатыми корпусами, покрытыми многочисленными орудийными башнями зенитных батарей и второстепенных орудий, надстройками дополнительных палуб и постами наблюдения, с рядами внешних каркасных арок, барельефами и статуями, они были воплощением техногенного совершенства, а свет прожекторов, играющий в многочисленных гранях и отражениях брони и яркого серебра декоративных украшений, добавлял им красоты и величия. Некоторые из них Тристанский барон видел еще не сошедшими со стапелей, потом командовал ими в воздушных сражениях и встречал с победой в порту приписки.

Заложив руки за спину, барон отстраненно наблюдал суетливую повседневность военного порта, отблески света на корпусах кораблей и казавшуюся со стороны бестолковой возню дронов. Он не сразу обратил внимание на спешившего к нему офицера флота бароната. Рядом с ним всегда находился только личный адъютант, спокойный и безмолвный. Киборга нельзя было назвать полноценным человеком, но его неизменное присутствие скрашивало одиночество.

Тихо стуча подошвами высоких армейских сапог по плитам дорожки причала, к нему подошел офицер в полевой форме вооруженных сил феода и, поклонившись, отрапортовал:

— Господин барон, флот готов и ожидает ваших распоряжений.

Он вытянулся, обращаясь к барону, держа одну руку на эфесе шпаги на поясе, а вторую приложив к сердцу. Говорил офицер четко, выделяя каждый слог, с интонациями профессионального военного. Высокий и статный, со скуластым лицом и пышными бакенбардами, не закрывающими только подбородок, он ждал ответа, внимательно глядя на барона бледно-голубыми глазами. Его зеленая длиннополая шинель выглядела далеко не новой, золотая вышивка на ней уже успела потускнеть от времени, а на груди блестели многочисленные награды.

— Последние корабли доложили о завершении приготовлений. Флагман уже занял центральную позицию в построении. Ожидают только вас, господин барон.

— Превосходно. Мы стартуем в самое ближайшее время, — кивнул феодал, взял из рук адъютанта инфопланшет и быстро пробежал глазами столбики данных. Все корабли экспедиции отчитались о полной готовности к отбытию, и только на флагмане ожидали барона со свитой приближенных и адъютантов.

Отключив планшет, он, тяжело опираясь на трость, повернулся к группе вассалов в военной форме, стоявших чуть позади, все это время сопровождавших своего сюзерена. Её основным цветом был геральдический зеленый с золотыми эполетами и позументом,

вышивка серебром на левом рукаве указывала звание и титул.

— Осталось только решить несколько последних вопросов... Сир Де Андрил?

— Всегда к вашим услугам, господин, — седой мужчина с открытым лицом и волевым подбородком сдержанным жестом приложил руку к сердцу и подошел к феодалу. Сир Де Андрил входил в самый близкий круг барона и был его доверенным лицом в метрополии на время отсутствия сюзерена.

— Сир Де Андрил, — феодал отдал инфопланшет адъютанту, заговорив не сразу и тщательно подбирая слова. — Мы с вами уже обсуждали эту тему, и все же я прошу вас еще раз: присмотрите за моим сыном. На время моего отсутствия он примет титул барона Тристана. Это большая ответственность, и мне будет гораздо спокойнее, если рядом с ним останутся люди, которым я могу всецело доверять. В наши беспокойные времена доверие стоит дорого.

— Господин барон подозревает кого-то конкретно?

— Я подозреваю каждого, кто знает, чем мы занимались последние пятнадцать лет. И каждого, кто имеет право претендовать на титул. Не все спокойно примут факт, что новым феодалом станет зеленый юнец, — барон Тристанский тяжело вздохнул, вспоминая, как много незавершенных дел он оставляет сыну, но ради миссии приходилось чем-то жертвовать.

— Господин барон, я уже говорил вам, но позвольте повторить снова, — вассал приложил руку к сердцу и поклонился. — Вам дана клятва честью и кровью моей, что буду служить вашему сыну с той же верностью, с какой служил вам, не изменив ни словом, ни делом.

— Я не знаю, сколько продлится экспедиция, и, возможно, пройдет немало времени, прежде чем вы сможете ответить передо мной за эти слова, — впервые с начала их разговора барон позволил себе улыбнуться. — Однако мне будет гораздо спокойнее, когда я буду знать, что у него есть доверенное лицо и мудрый советчик.

Сир Де Андрил приложил руку к груди и снова поклонился, благодаря за оказанную ему большую честь. В строгой иерархии общества, существовавшего в королевстве, слова значили не меньше, чем любые письменные заверения, и каждое слово, произнесенное дворянином, подкреплялось его честью и достоинством. Вассал воспринимал подобные слова своего сюзерена как проявление высокого доверия, и не оправдать его он не имел права.

— Внимание! Причал двенадцать! Посадка транспортного корабля А-Зет-четыре. Встречающей группе просьба подойти к стыковочному шлюзу номер восемь! — прерывая их разговор, раздался из динамиков громкий голос автоматического диспетчера.

Порт продолжал работать. Огромные причальные зоны каждые сутки принимали и отправляли корабли тристанских эскадр, стыкующиеся или улетающие по регулярным маршрутам патрулирования или в отдельные экспедиции. Десятки тысяч тонн грузов, снаряжения и оборудования, тысячи людей и киборгов ежедневно проходили погрузочные зоны, загружались или, наоборот, выгружались из раскрытых люков корабельных трюмов, похожих на беспросветные зевы пещер.

Воздушные причалы, титанические структуры из стали и армированных конструкций, удерживали статуи полуобнаженных колоссов, вырезанных из цельного гранита. Километры сталепласта и керамики стен портовых сооружений, скрытых в пещерах, пропадали вдаль в окружающем полумраке, слабо освещенном прожекторами и контурными огнями. А еще дальше, за открытыми шлюзами, отделяющими скрытую под скалами воздушного острова

гавань, в пустоте Открытого Пространства мелькали сигнальные огни орбитальных лихтеров и челноков. Там же, практически на границе портовой территории, висела платформа дрейфующего причала, где в эти минуты корабли экспедиции готовились к старту. В поглощающем все абсолютном мраке небес каждый огонек казался ярким и хорошо заметным, сверкая как сигнальный маяк.

Лишенные солнца и звезд небеса оставались сплошной тьмой, в которой тонули искусственные огни. Конструкция дрейфующего причала, смонтированная специально для подготовки экспедиции, выглядела гроздью ярких огней, сверкающих, как улицы столицы в праздничный день. Вокруг центральной оси и между колец сервисных модулей и баз ремонтных дронов тянулись длинные складные причалы, возле которых дожидались сигнала к отправке корабли исследовательской эскадры.

— Господин барон, — неожиданно добавил адъютант, включившись в разговор и обратив на себя внимание. Как и все ему подобные, неизменно сопровождающий барона киборг когда-то был человеком, но более не имел ни собственной воли, ни сознания. Подобных ему лишали даже лиц, на их месте оставалась только стальная пластина с единственным тонким разрезом визора, ярко сияющим зеленым огоньком в стандартном режиме. Остальную часть головы покрывали торчавшие детали многочисленных имплантатов, превращающие человека в универсального киборга, ценного помощника для дворянина, заменяющего сразу десяток живых сотрудников. За самые страшные преступления, вроде дезертирства или педофилии, живых людей превращали в киборгов, не давая умереть, но и не позволяя больше жить. За стальной маской, закрывающей лицо, пряталась история живого человека, бывшего когда-то подданным бароната, но теперь лишенного права даже на смерть.

В остальном же адъютанты выглядели так же и носили ту же форму, что и остальные члены свиты. Только вместо серебряной вязи на левом рукаве, у них знаком отличия служила единственная золотая полоса — от края рукава до локтя. Повернув голову, чтобы уловить визором взгляд барона, адъютант механическим голосом сообщил:

— Поступило сообщение, что в порт прибыл наследник титула и в настоящее время направляется к вам.

— Удивительно, он все-таки успел, — барон усмехнулся и глянул на сира Де Андрила. — В этом он действительно похож на меня. Если на что-то решился — сложно остановить.

— Господин барон, он похож на вас гораздо больше, чем вы можете себе представить. Я возьму на себя смелость заметить, что порой господин барон чересчур строг к сыну. Его заслуги выше всяких похвал, немногим в такие годы удалось заслужить уважение и в войсках, и при дворе.

— Только ему об этом не говорите, — Тристанский барон снова опустил взгляд к планшету, пикнувшему о входящем сообщении. Долгий путь в неизведанное требовал тщательного планирования и расчетов, в которых нет места случайным решениям. Словно единый механизм, команда экспедиции должна моментально реагировать на приказы своего руководителя, выполняя их быстро и без каких-либо промедлений из-за нехватки ресурсов или снаряжения. Барон, проверяя бегущие столбики цифр и не отрываясь от них, добавил: — Эдвард действительно заслуживает большего уважения, чем ему дано дома, но я не хочу, чтобы он сам считал свои заслуги предметом гордости. Стремление совершенствоваться должно произрастать из желания превзойти собственные достижения, а не из жажды пустой

похвалы. Он мой наследник и, возможно, ему предстоит закончить то, что начинается сегодня. Нельзя позволять эмоциям руководить его действиями. Хотя иногда я жалею, что его мать не дожила до этого дня...

Эдвард Тристанский, молодой наследник титула барона Тристана, единственный сын нынешнего феодала, в сопровождении двух адъютантов и нескольких ближайших советников вышел из подошедшего к станции состава монорельса. Пассажирский вагон был прицеплен в хвосте после нескольких грузовых платформ с контейнерами. Эдвард не успел ступить на платформу, как заработали автоматические системы и дроны, начавшие разгрузку состава. Сын поспешил к отцу, глухо звякая тяжелыми подошвами высоких армейских сапог, на ходу приводя в порядок полевую форму бароната, мятую и покрытую пылью с Поверхности. Керамит плит причала отдавался тихим эхом при каждом быстром шаге.

Многие отмечали сходство наследника со своим отцом, но если старый барон Тристанский предпочитал сохранять задумчивое выражение лица, молодой Эдвард чаще улыбался. Только хорошо знакомые с ним люди знали, что улыбка наследника почти всегда была дежурной. Герой Такийской провинции сильно изменился после событий, сделавших его известным в королевстве. Менее эмоциональный, всегда собранный и серьезный, он гораздо сильнее стал напоминать отца, что отмечали многие, кто хорошо знал барона, считая подобное поведение наследственным.

— Господин барон, — Эдвард встал на колени перед отцом как перед сюзереном, приветствуя по принятым в королевстве правилам, — прошу простить за столь внезапное появление, но как только до меня дошли известия о вашем отбытии, и мой долгом проводить вас. И я искренне рад, что успел...

— Прилететь с другого конца королевства, несмотря на обязанности офицера Королевской армии? — закончил за него фразу барон Тристанский недовольным тоном. Эдвард тут же поднял голову, в его голубых глазах мелькнуло удивление прежде, чем он успел вернуть контроль над собственными эмоциями. Однако феодал вместо продолжения гневной тирады внезапно одобрительно кивнул. — Я уже отправил прошение королю о твоём освобождении от долга службы в рядах Королевской армии. Ты вернешься домой и примешь титул барона на время моего отсутствия. Вместе с ним получишь все соответствующие привилегии, права и обязательства, а сам титул... Это зависит от того, как распорядятся Небеса.

— Отец, но... — Эдвард выпрямился, пытаясь выискать в глазах родителя хоть каплю сочувствия. — Господин барон, возможно, вам не стоит рисковать собственной жизнью, отправляясь в столь опасную экспедицию. Либо же взять с собой больше сил, обеспечив возможность возвращения. Рейнсвальд переживает сейчас далеко не самые лучшие времена, и ваше длительное отсутствие может сказаться на положении дел в...

— Именно поэтому я возвращаю тебя из Королевской армии, — жестко оборвал его барон. — Феоду нужен хозяин. И ты примешь титул, когда меня не станет. Рано или поздно это должно случиться, и я хочу быть уверен в твоей готовности к этому дню. Тристанскому баронату нужен феодал, на которого смогут положиться люди. Им не нужен трус, боящийся ответственности!

— Отец, я не отказываюсь от ответственности, лишь прошу вас позаботиться о себе. Тристанский баронат слишком многим вам обязан, чтобы просто так забыть о вашем существовании, — поспешил ответить Эдвард, снова склонив голову перед волей отца. — Кроме того, прошу не забывать вас о моих чувствах. Я беспокоюсь за вас, и это никто не

может изменить.

— Эмоции и чувства сейчас не имеют никакого значения, — барон отрицательно покачал головой и положил руку наследнику на плечо. — Считай это моей волей, как тристанского феодала. И ты должен ей подчиняться, как мой наследник. Как рейнсвальдские дворяне, мы обязаны думать не о себе, но обо всех тех, кто принес нам клятву верности. И ты не имеешь права оставить эти клятвы без внимания, как и я не имею права оставлять феода без феодала.

— Как прикажете, отец...

— Хорошо. Сохрани феода... — барон последний раз похлопал сына по плечу, прежде чем развернулся к ожидавшим его офицерам флота. — Мы отправляемся! Поднять оставшиеся челноки! Встречаемся на корабле!

Барон Тристанский даже не обернулся, поднимаясь по ступенькам трапа, чтобы в последний раз посмотреть на сына. Люк закрылся за его спиной, отделяя эту часть жизни наследника от будущего, навсегда изменившегося в этот миг.

Челноки, пятидесятиметровые легкие воздушные суда, ревя двигателями, один за другим взлетали с посадочных площадок причала, быстро уменьшаясь в размерах, пока не превращались в маленькие яркие точки, несущиеся к дрейфовавшим высоко в небе кораблям.

Эдвард остался стоять на причале, наблюдая, как самый последний уносит его отца в бескрайнюю пустоту черного неба. Он даже не знал, куда отправляется его отец.

— Господин, не стоит волноваться по этому поводу. Барон возвращался и не из таких походов. — Тихим голосом произнес Де Андрил, подойдя к Эдварду-младшему и тоже глядя на удаляющиеся челноки. — Я уверен, что происходящее не более чем очередная проверка того, как вы сможете принять управление феодом.

— Я не волнуюсь о возможных проверках или даже испытаниях, мой верный друг, — Эдвард отрицательно покачал головой, сложив руки за спиной и глубоко вздохнув, настраиваясь и приводя мысли в порядок. — Просто несколько неожиданно... Отец уже не в первый раз отправляется в дальние экспедиции, но никогда прежде не назначал меня преемником. Такое чувство, будто он уверен, что не вернется...

Тренировочный зал остался таким, каким его запомнил Эдвард: низкий каменный потолок с арками опорных балок и слабым гулом работающих ламп дневного освещения. Все свободное пространство было поделено линиями генерации сдерживающего поля на отдельные секции с сетками отметок для фехтовальщиков. Здесь отработывали навыки и приемы ближнего боя, оттачивали мастерство обращения с холодным оружием. У дальней стены выстроились отключенные пока тренировочные дроиды с тонкими гуманоидными фигурами и зажатыми в руках мечами кинетического поля. Подобное оружие считалось неэффективным в реальных боевых условиях, поскольку генерация излишне жесткого поля, способного взаимодействовать с крупными объектами, требовала огромных затрат энергии. Однако для тренировок, когда удар подобным оружием мог лишь вывести из строя, но не убить или нанести серьезные увечья, кинетическое оружие подходило как нельзя лучше, сочетая элегантность силовой шпаги с грубой эффективностью дубины дикаря.

В такое время людей в зале практически не было, только над одной секцией горел яркий свет, выхватывая гибкую, не по годам мускулистую фигуру мальчишки в обтягивающем комбинезоне. Двигаясь быстро и точно, словно механизм, он отработывал движения при ударе меча, повторяя один и тот же выпад раз за разом. По коже стекали

капли пота, а волосы намокли и липли ко лбу и вискам.

— Хватит, — раздался голос, и юный наследник бароната остановился, опустив тренировочный меч к полу. У стены стоял его наставник, старый отставной солдат с густыми бакенбардами. Выплюнув остаток сигареты в сторону стоявшей в углу урны, он взмахнул рукой, демонстрируя выпад. — Ты слишком сосредотачиваешься на ударе, думаешь, куда он направлен, и стараешься контролировать оружие. В этом твоя ошибка. Ты должен думать не о своем мече, а о противнике, о его мече. Если перестанешь следить за ним хоть на мгновение — проиграешь. Ты можешь не заметить выпад и получить удар.

— Но... — мальчик подал голос, опустив взгляд на оружие в своих руках. — Если не следить за оружием, то можно ошибиться при движении. Это разве не так же страшно? Такой ошибкой противник и воспользуется...

— Дай сюда, — наставник протянул руку, указывая на тренировочное оружие. Эдвард, смутившись, протянул ему свой клинок. Взяв тот за рукоять, старый солдат взмахнул им несколько раз, а потом сделал резкий выпад в сторону мальчишки. Движения были настолько точными и быстрыми, что оставляли за собой только размытую полосу, а остриё клинка через мгновение смотрело в лицо Эдварду. Он дернулся и зажмурился, ожидая удара, но не сдвинулся с места, отлично зная, что если попытается увернуться, то будет наказан. Однако меч остановился в миллиметре от его лица, и, дождавшись, когда мальчик откроет глаза, наставник легко стукнул его по лбу отключенным оружием. — О чем ты сейчас подумал?

— Об ударе, — честно признался Эдвард, вздохнув и еле заметно переводя дух.

— За чем ты следил?

— За... мечом...

— Понимаешь суть? — наставник поднял оружие, активировав жесткое кинетическое поле. Меч едва слышно загудел, генерируя излучение, и при следующем взмахе оставил за собой едва заметный искрящийся след. — Ты должен следить за движениями противника и реагировать на них сразу же, не задумываясь. Если ты при этом будешь думать еще и о собственных движениях, ты будешь проигрывать по времени. Это значит лишь смерть...

— Я понимаю, — Эдвард снова кивнул, глядя, как ловко наставник обращается с тренировочным мечом весом в несколько килограмм.

— Запомни, малец, то, что я тебе сейчас скажу. Если сможешь смириться с этим, то станешь солдатом. Если же не примешь, то лучше отложи оружие в сторону и возвращайся в библиотеку, ибо на поле боя ты найдешь только позор и отчаяние! — Мастер назидательно ткнул в его сторону вытянутым клинком, и Эдвард, тогда еще семилетний мальчишка, судорожно сглотнул и кивнул, не желая признаваться в собственной трусости. Вероятно, он поступил правильно, поскольку наставник довольно улыбнулся. — Хорошо. Смерть придет за всеми. Она уже ждет каждого, и перевозчик на последней реке уже приготовил для тебя место в своей лодке. Каждый раз, когда ты правой рукой вынимаешь меч из ножен, левой сжимаешь ладонь Смерти. Ты не должен бояться того, что однажды она потянет тебя за собой. Для нее ничто не важно. Титулы, звания и гербы останутся пустым звуком. Богатства и таланты будут только грузом. Однажды подняв оружие, ты станешь слугой Смерти и заслужишь право потребовать отсрочки. Пока ты помогаешь ей, она будет ждать. Вопрос лишь в том, насколько хватит её терпения. А Смерть, как известно, леди нетерпеливая...

Он снова протянул ему меч, слишком тяжелый для мальчика такого возраста, никогда не державшего в руках боевое оружие. Схватившись за рукоять двумя руками, маленький

Эдвард напряженно кивнул и все же нашел в себе силы улыбнуться. Слуга Смерти. Вполне подходящий титул, чтобы его добиваться.

— Улыбаешься? Тогда все с начала! — Воскликнул наставник и хлопнул в ладони. — Боевая стойка! Меч перед собой! Фронтом к противнику! Спину прямо! Двумя руками за рукоять! Да, вот так! Прямой выпад! Пошел!

Эдвард открыл глаза. Он снова был в тренировочном зале, только на борту корабля, дрейфовавшего на окраинах территорий Рейнсвальда. Тристанский барон стоял посреди зала под взглядами четырех колоссов, плечами удерживающих свод, а навстречу ему шел тренировочный дроид. Гуманоидная машина, вооруженная двумя мечами равной длины, приближалась, равномерно ступая по пружинившему материалу поля, опустив оба клинка к полу. Их активированное кинетическое поле едва слышно потрескивало, словно оружие не терпелось вступить в поединок. Никакого наставника, никакого мальчишки. Все это осталось в далеком прошлом. Теперь он сам барон Тристанский, и обучать его уже некому, теперь учиться мог лишь на собственном опыте.

Сделав несколько проверочных взмахов и выпадов, барон тоже вошел в центр площадки, отмеченный тонким серебряным кольцом. Датчики тут же активировались, считывая параметры тела прежде, чем запустить программу тренировки.

Эдвард несколько раз вздохнул, сосредотачиваясь и успокаиваясь. Прикрыв глаза, он вспоминал самые первые уроки, когда его вывели на тренировочную площадку под присмотром старого и опытного фехтовальщика, выбранного отцом. Первые базовые правила обращения с мечом, первые принципы ближнего боя, гораздо более честного и жестокого, чем любое огнестрельное оружие.

Как говорил его наставник: “Любое оружие, способное убивать на расстоянии дальше вытянутой руки, остается оружием трусов, созданным, чтобы превратить мир в огненные руины. Лишь тот, кто убивает клинком, убивает с честью”.

Дроид, подойдя на расстояние удара, тут же активизировался и поднял мечи. Его первый прямой выпад Эдвард легко заблокировал и сразу ударил в ответ. Противник отступил на шаг и подставил под оружие барона второй клинок. Соприкоснувшиеся кинетические поля снова ярко вспыхнули, рассыпаясь сотнями искр.

Компьютерный мозг внимательно отслеживал каждое движение оппонента подстраиваясь под его тактику и постепенно увеличивая сложность. Феодал в ответ повторял все движения с самых простых азов, как на обучении, отрабатывая базовые удары и приемы защиты, наблюдая за тем, как дроид реагирует.

Программа вскоре перестала успевать за отточенными движениями человека, и хотя дроид каждый раз уверенно блокировал удары, в его защите то и дело появлялись прорехи, которыми Эдвард мог воспользоваться. Он уже имел возможность несколько раз закончить поединок, выведя противника из строя быстрым ударом, но намеренно так не делал. Он методично повторял движения упражнений одно за другим, вспоминая, как прежде в таких случаях наставник хмурился после неудачной попытки или, наоборот, хвалил за правильный удар.

— Запомни главное. Холодное оружие сближает врагов. Здесь нет кнопок и рычагов. Есть только ты и твой противник. Его меч и твой меч. Не пытайся уследить за его движениями, глаза обманывают. Контролируй бой собственным сердцем и душой. Меч не оружие, он продолжение твоей руки. Ты не должен думать об ударах так же, как не задумываешься, когда дышишь! — говорил он в те моменты, сложив руки на груди.

Наблюдая за тем, как маленький Эдвард пытался отбиваться от более сильного и быстрого дроида, раз за разом сбивавшего его на пол тренировочного зала, он повторял: — Не пытайся контролировать движения своего меча. Чувствуй!

Эдвард продолжал рубить и колоть снова и снова под разными углами, постепенно заставляя дроида уходить в глухую оборону, не давая даже возможности для атаки, пока система не объявила окончание поединка. Противник в ту же секунду опустился на колени и отключился. Барон закончил тренировку, не получив ни единого касания кинетическим мечом противника, но на таблицу результативности он уже давно не смотрел. Оценка в девяносто процентов эффективности редко когда изменялась больше, чем на одну или две единицы в ту или другую сторону.

Тристанский барон, тяжело вздохнув и наконец-то переведя дух, отложил оружие в сторону и немного размял плечи, прислушиваясь к собственным ощущениям. Тренировки являлись такой же необходимой составляющей жизни дворянина, как дипломатия, политика и военная стратегия. Таланты и доблесть ценны, когда всем движет ясный и цепкий ум, умение принимать ответственные решения и предугадывать результаты.

Его научили этому в раннем детстве, когда заставляли до изнеможения тренироваться в манеже с самыми разными видами оружия и постигать сложности мироздания, природы и человеческого общества в залах замковой библиотеки. И, даже став преемником отца, приняв титул барона и соответствующие привилегии, тратя куда больше времени на управление феодалом, оказавшимся у него в руках, он обязан поддерживать свое тело в форме. Ведь именно его прямой обязанностью было вести войска феодала за собой в самые жестокие и кровавые сражения, когда дипломатия оказывалась бессильна.

Тренировочные залы находились на центральных палубах корабля, разделенные на отдельные уровни для отработок приемов с огнестрельным или холодным оружием, рукопашного боя и командного взаимодействия. В обычное время члены экипажа, согласно установленному графику, тренировались там, готовясь к сражениям. Однако имелись секции, где тренироваться можно было регулярно и в одиночку. И одна из таких была постоянно зарезервирована бароном, пока он находился на борту.

Покинув тренировочную площадку и быстро приняв ионизированный душ, Эдвард вызвал двух дронов, чтобы помогли ему переодеться. Мундир тристанской армии стал настолько привычной частью его повседневной жизни, что он уже не видел в нем ничего необычного, а ведь в первое время казалось удивительным носить на себе знаки различия, прежде принадлежавшие самому феодалу, а не его наследнику. Последним он надевал длиннополый жюстокор с высоким воротом, и дрон тихо пищал, расправляя подол и помогая застегнуть все кнопки на груди. Со щелчком застегнув последние, барон поправил эполеты и принял из манипуляторов дрона оружейный пояс. Как только он застегнул серебряную бляху с гербом бароната, шпага, кортик и пистолет, висевшие на широком кожаном ремне, добавили уже знакомого ощущения тяжести и спокойствия.

Молодой феодал задержался только, чтобы привычным движением вытащить шпагу из стальных ножен. Он каждый раз смотрел на него как в первый, не уставая любоваться совершенством родового оружия Тристанских баронов, переходившего от отца к сыну. Адамантиевый клинок сверкнул в свете ламп, и отблески заиграли на его гранях с мифриловой отделкой и тонкой гравировкой в виде переплетенных терновых лоз. Закрытый эфес с золотым напылением, стилизованный под грифона, раскинувшего в стороны широкие крылья, закрывал кисть руки, и в глазах этого геральдического животного сверкали два

крошечных светокамня. Активировав силовое поле, Эдвард проследил, как по лезвию пробегают едва заметные искорки энергии, после чего снова его отключил и убрал в ножны с тихим щелчком сработавшего магнитного крепления.

Пока хватит тренировок и воспоминаний. Дела больше не терпели отлагательств.

В непроглядной тьме Открытого Неба мелькнула слабая искра, вспыхнувшая и тут же исчезнувшая, словно галлюцинация. Наверняка это был один из истребителей конвойной группы, оказавшийся поблизости. Такое периодически случалось — командиры крыльев иногда отправляли одиночные машины на разведку, проверяя возникающие на экранах радаров аномалии. Редкость, но все же не из ряда вон выходящее событие.

Эдвард смотрел сквозь стекло вдаль, в бесконечность мрака, скрывающего за собой мир, в котором он жил. Где-то там дрейфовал в открытом воздушном пространстве Рейнсвальд, метрополия королевства с таким же названием. Его дом. Где-то там был человек, который его ждал. Где-то там, в этом мире без конца и края, состоящем из развалин древних городов и титанических крепостей, закрытых защитными куполами, пепельных пустошей и безумных мутаций, жил самый дорогой ему человек.

От открытого пространства темной бездны барона отделяло только толстое бронированное стекло в металлической раме, украшенной витыми змеями и стеблями растений, выполненными из отбеленного мифрила. Относительно тонкая грань, казавшаяся столь незначительной и слабой, но в действительности даже излишне прочная и надежная. Эдвард Тристанский приложил руку к поверхности стекла, наблюдая за тем, как быстро холодный материал запотеваает вокруг ладони. Несмотря на несколько слоев температурной изоляции, барон все равно мог почувствовать легкую прохладу, заметную только при касании открытой кожей. Даже тонких перчаток хватало, чтобы подавить это ощущение. Эдвард отдернул руку, несколько раз сжал пальцы и снова надел перчатку.

Адмиральские покои на корабле специально предназначались для приема важных персон, украшенные и обустроенные ничуть не хуже жилых залов в Тристанском замке — с высокими арочными потолками с лепниной и барельефами и стенами, украшенными вышитыми гобеленами. Мягкая мебель была выполнена из дорогих тканей со вставками из полированной кости, освещалось все это великолепие большими люстрами на сотни ламп с подвесками из горного хрусталя. Все здесь указывало на статус хозяина, его важность и значение для королевства. Однако Эдвард Тристанский воспринимал подобное окружение как данность. Нечто, принадлежавшее ему по праву рождения, хоть он сам никогда и не видел повода гордиться собственным статусом. Эта лишь одна из тех вещей, право на владение которыми важно не столько получить, сколько суметь удержать до самого последнего дня.

— Господин барон, — в комнату, приоткрыв дверь, вошел один из стражников, — с мостика прибыл сир Де Андрил. Просит личной встречи. Информация, по его словам, не должна проходить по общим каналам связи.

— Хорошо, впустите его, — кивнул Эдвард, вздохнув и подтянувшись. Несмотря на уже долгий срок правления в качестве феодала, немало прошедших войн и событий, где закалились характер и воля, он все равно несколько побаивался сурового взгляда своего вассала. Эдвард видел в нем не только подданного, но и близкого друга и наставника, порой заменявшего отца строгим взглядом и советом в сложные моменты.

— Господин барон, вы позволите? — стражник отступил в сторону, и в дверь вошел,

поклонившись, тристанский дворянин. Сир Де Андрил практически не изменился с того дня, когда прежний барон отправился в свою последнюю экспедицию, только седины на висках прибавилось. Стражник закрыл дверь, и Де Андрил прокашлялся, подбирая подходящие слова. — По закрытым каналам поступило несколько сообщений. Я счел необходимым доложить вам лично. Достоверность информации нуждается в проверке, но уверяю, источники достойны внимания.

— Что-то непредвиденное? — Эдвард тяжело вздохнул. — Хорошо, докладывайте. Начните с того, что касается наших ближайших планов.

— Только одно сообщение, — ответил Де Андрил, активировав на своем коммуникаторе голограммный экран, на котором мигали иконки непрочитанных документов. — Представители Эльсейра сообщают, что не смогут ответить на ваше приглашение по внутренним причинам, но заверяют и вас, и все королевство в своем намерении поддерживать добрососедские отношения и придерживаться заключенных ранее соглашений.

— Чего и следовало от них ожидать, — кивнул головой барон. — Больше всего в этом мире они боятся оказаться втянутыми в конфликты, не касающихся их непосредственно. А события на Рейнсвальде их волнуют исключительно в плане экономических рисков. Естественно, у них нет желания связывать себя обязательствами перед одним конкретным участником этих событий. Новость неприятная, но не настолько, чтобы создавать из этого проблему. Можно было просто переслать все по каналу связи. Что-то еще?

— Да. И эти сведения точно не стоит оставлять в корабельной базе данных, — кивнул Де Андрил, набрав в грудь побольше воздуха. — Разведанные с Остакирского острова. Наши люди в администрации колонии сообщают, что Гористары в несколько раз увеличили объемы выработок титана и плутония. Кроме того, имеется информация, что в одном из закрытых куполов Остакир-пять в настоящее время ведутся работы по установке сборочных линий. Все это указывает на то, что готовится запуск конвейера по созданию боевых машин. Это можно считать рядовым событием, если бы...

— Если бы что? — барон заинтересованно посмотрел на своего подчиненного.

Гористары, этот дворянский род, испортивший жизнь еще его отцу, уже успел сделать все, чтобы и его существование не казалось слишком легким.

Внутренние противоречия и столкновения между различными феодами не были чем-то новым или необычным для королевства. Там, где пересекались интересы дворянских родов, вспыхивали порой скоротечные локальные конфликты, в которых гибли солдаты, отправленные на убой ради частных интересов. Корона закрывала на это глаза, пока ситуация не начинала выходить из-под контроля. Однако Тристан и Гористаров связывала долгая тлеющая ненависть, уже не раз порождавшая конфликты у отдаленных границ. Если Гористары снова что-то затевали, Эдвард должен был нервничать одним из первых.

— В город прибыло два конвоя из гористарского института перспективных разработок. Вряд ли туда стали бы посылать такое количество специалистов высокого уровня, если бы речь шла о стандартном производстве. Тем более на отдаленных территориях, откуда проблематичны массовые поставки в метрополию. Командование из штаба разведки предполагает, что Гористары начинают собственное производство запрещенного оружия вдали от глаз королевских спецслужб.

— Мы можем быть уверены, что наши агенты не перевербованы гористарской контрразведкой? — Эдвард нахмурился, представляя возможные последствия таких

событий. Гористарское графство могло оказаться первым феодалом, возобновившим производство оружия, запрещенного королевскими указами не только к использованию, но и хранению. Конечно, можно сделать так, что эта информация попадет в руки королевских спецслужб, но тогда возникнут вопросы, откуда подобные сведения стали известны тристанцам. Внутренняя политика во многих вопросах была даже опаснее и сложнее внешней, ибо сильно урезала возможности использования силового фактора.

— Никак нет. Агенты, заброшенные в Гористарское графство, часто действуют в условиях автономности и нерегулярно выходят на связь. Контрразведка соперника работает на удивление эффективно, заставляя прибегать к сложным способам маскировки, серьезно ограничивая наши возможности и способы проверки и подтверждения информации. Я непременно отправлю запрос в штаб разведки для уточнения информации, поступающей от данной агентурной сети.

— Только осторожно, — кивнул Эдвард. — Старый граф вполне может нас дезинформировать, чтобы отвлечь внимание от чего-нибудь действительно важного. Но даже, если он действительно не подозревает, что мы смогли внедрить агентов так глубоко в его структуры, информацию следует проверить, неточностей допускать нельзя. Если гористарцы действительно начинают производство подобного вооружения, то мы от них отстаем.

— Однако вы собираетесь оставить договоренность о встрече в силе?

— Разумеется, — барон кивнул. — При запущенном производстве само вооружение начнет поступать в войска гораздо позже. А оно, возможно, потребуется в ближайшее время. Есть что-нибудь еще, требующее немедленного рассмотрения?

— Да, господин барон. Это тоже информация с высоким уровнем секретности. Группа особого назначения «Виенвольф» получила первые доказательства того, что партизанские силы, поддерживающие претензии вашего дяди, действительно получают поддержку со стороны гористарского графства, — сир Де Андрил вздохнул. — В пустошах в секторе Циклон-Три-Одиннадцать штурмовая группа уничтожила конвой партизан. Среди прочих грузов обнаружено относительно новое снаряжение с маркировками Гористарского графства. Теперь группа занимается подготовкой перехвата бунтовщиков в момент передачи вооружения. Это уже будет достаточно веским доказательством, чтобы предъявить обвинение.

— Обвиним Гористаров во вмешательстве в наши внутренние дела, — Эдвард пожал плечами. — И я практически уверен, что старик граф уже подготовился к такому развитию событий. Передача будет происходить не в пустошах, на это можно даже не надеяться. Так глупо граф подставляться не станет, а отследить Гористаров на их территории слишком сложно. Передайте «Виенвольфу» новый приказ. Прекратить работу над гористарским следом и заняться поиском основной базы партизан. Мы на этом направлении не достигли практически никаких результатов, несмотря на все усилия...

— Вы считаете, что она существует?

— Если мой дядя жив, то должен прятаться там. Как любящий племянник, я очень хочу засвидетельствовать ему свое почтение, — Эдвард оскалился. — У меня накопилось слишком много вопросов к нему.

Глава 2. Мертвый мир

"История — это собрание путевых дневников тех, кто путешествовал по одной и той же стране и испытывал одни и те же невзгоды; их удачи и неудачи одинаково поучительны."

Г. Болингброк

Открытое Небо, словно пустой и беспросветный мрак, где нет ничего, кроме разреженной смеси гелия и водорода. Тысячи и тысячи километров полной пустоты, в которой медленно дрейфуют острова и тянутся поля астероидов. Ни Солнца, ни звезд — только аномалии в густых пылевых туманностях создают рассеянное слабое свечение. Бесконечный мрак, укрывающий плотным саваном безграничную пепельную пустошь Поверхности.

Люди не знали границ Поверхности. Автоматические разведчики, не нуждавшиеся в дозаправке, уходили в пустоту, их сигналы прерывались, так и не найдя каких-либо пределов.

Существовала теория, согласно которой Поверхность не имела границ вовсе. Ее приверженцы считали, что реальность постепенно переходила в сингулярность и мир терял привычное человеку понимание каких-либо рамок. Противники же предполагали, что Поверхность представляет собой гигантский воздушный остров, точно так же висящий в необъятном пространстве, не имеющем границ. Споры, философские и научные, продолжали греметь за стенами Королевской Академии, но само восприятие мира это никак не меняло. Для капитанов воздушных кораблей Поверхность все так же оставалась главным ориентиром во время полетов, а для штурманов — основой для расчета курсов.

Среди пепельных равнин высились развалины древних городов, и тянулись высокие горные хребты из камня и металла. Сильные ветра гнали облака острой пыли с такой скоростью, что способны были содрать с человека кожу. Среди развалин висели отравленные туманы, наполненные испарениями серных вулканов и ядовитыми газами, а небо на десятки километров покрывали густые и мрачные низкие облака, из которых шли кислотные дожди. Энергетические бури хлестали гигантскими разрядами и сотрясали тьму раскатами грома. Это был разрушенный мир, давно обреченный исчезнуть, но упорно продолжавший цепляться за жизнь на краю мироздания.

Высоко над Поверхностью, среди изменчивых магнитных полей и течений, дрейфовали острова — огромные глыбы, в древности поднятые в воздух невероятно мощной неизвестной силой. Между ними в холодном и мрачном Открытом Пространстве залегали обширные астероидные поля. Миллиарды бесформенных глыб с острыми гранями, покрытые рытвинами и сколами, парили в бескрайнем небе, подхваченные гравитационными аномалиями. Там же открывались пространственные мешки и черные дыры, роились уродливые и смертельно опасные мутанты, сходили с ума магнитные течения.

Богатые металлическими и аномальными рудами астероидные поля нередко создавали серьезные помехи, нарушая работу корабельных локаторов и сканеров. Магнитное и радиационное излучения создавали зоны, где датчики слепли, и целые области оставались белыми пятнами неисследованных участков — только камни и гравитационные потоки.

Астероидные поля и туманности на одном из участков Открытого Пространства в секторе Тигир-Ноль-Три пересекались, создавая природную ловушку для кораблей. Пылевые облака и рои мелких обломков, спящие аномалии и искривления пространства порождали хаос, время от времени поглощающий отдельные корабли и целые конвои. Однако среди аномальных полей существовало несколько расчищенных прыжковых точек, официально «ничьих», но хорошо известных всевозможным нечистым на руку личностям. Отследить, откуда и куда потом направлялся такой корабль, было фактически невозможно из-за серьезных ошибок сканирования пространства, вызванных многочисленными аномалиями. Поэтому этот сектор и был столь важен. Через такие точки выстраивали свои маршруты контрабандисты и пираты, замечая следы и уходя от преследования. Один из вечных очагов нестабильности находился поблизости от границ королевства и колонии Тристанского бароната.

Усиленный патруль из трех корветов, ударного крейсера и легкой авиаматки, с выведенными на максимальную мощность щитами, медленно продвигался в астероидном поле, отслеживая подозрительный сигнал. Неизвестное судно с определенными промежутками включало высокочастотный радар, словно вело разведку территории. Локаторы, адаптированные под местные условия, быстро зафиксировали этот корабль, опознав в тем рейнсвальдский тяжелый фрегат.

— Капитан, мы его нашли, — приподняв голову в закрытом шлеме нейроинтерфейса, сообщил один из операторов. Поключенные к его пульта локаторы обнаружили возмущение в сканируемом секторе. Все указывало на крупный движущийся объект размером с небольшой воздушный корабль, испускавшем целый спектр сканирующих частот и радиосигналов. — Сто двадцать тысяч километров от нас, курс Альфа два-три-восемь. Нас пока не обнаружили, но его локаторы в штатном режиме. Если продолжим активное сканирование, контакт неизбежен.

— Принято, — командующий эскадрой кивнул и посмотрел на голографические экраны капитанского пульта. Там уже мигала иконка обнаруженного вторженца. Появление рейнсвальдского корабля без охраны на этом участке было сродни самоубийству. Для единичных рейдов он считался слишком опасным, даже патрульная эскадра, наткнувшись на засаду, могла понести серьезные потери. — Продолжайте движение в прежнем режиме. Медленно идем на сближение. Активировать носовые орудия и приготовиться к стрельбе. Цельтесь в двигатели.

— Так точно, господин, — доложили ответственные за управление вооружением операторы, принявшись за отправку новых приказов орудийным расчетам с уточнением координат цели. — Идет наведение...

— Как только орудия будут наведены, дайте предупредительный выстрел по курсу цели, после открывайте канал видеосвязи, — спокойным тоном приказал капитан, не удосужившись даже подняться со своего кресла. Он только выпрямился и поправил эполеты. Опытный вояка, половину сознательной жизни проведший на кораблях воздушного флота, такие дежурства воспринимал как рутину. До тех пор, пока кораблям ничего не угрожало, офицер не собирался расплываться на лишние эмоции.

— Продолжаем идти на сближение, — доложил рулевой, сидевший в кресле-капсуле на небольшом возвышении за его спиной. Находясь в глубокой синхронизации с кораблем через разъемы нейроинтерфейса по всему телу, он управлял навигационной системой, двигая руками в тяжелых сталепластовых перчатках, от которых тянулись толстые пучки сетевых

кабелей. Приподнимая их и передвигая из стороны в сторону, он корректировал корабельный курс в трехмерной координатной сетке, проецируемой прямо на сетчатку глаз. — Расстояние сто десять тысяч километров. Плотность астероидного поля на этом участке меньше, расход энергии лобовых щитов снижен.

— Ослабить мощность щитов до восьмидесяти процентов, — приказал капитан, шумно вздохнув и подперев одной рукой подбородок. — Этого достаточно, чтобы сжигать астероиды, а в бою запас энергии не помешает.

— Он нас заметил, — снова сообщил оператор, отвечавший за локаторы. — Корабль-цель сменил курс движения. Идут по вектору Гамма шесть-три-восемь. Продолжая двигаться таким путем, они покинут сектор стрельбы через четырнадцать минут. Сохраняем прежний курс.

Капитан задумался, прикидывая, как мог мыслить командир обнаруженного фрегата. Маневр, что он предпринял, оставался единственно верным в такой ситуации. Стремясь пройти выше и одновременно сближаясь, он заставлял поворачивать башни главного калибра следом за ним, минимизируя угол упреждения и оставляя себе больше места для маневра. Только наивный или неопытный воздушный пилот считает, что лучший вариант для побега — отойти как можно дальше от противника. Трехмерное поле боя вносило коррективы в геометрию воздушного сражения. Тристанский офицер явно не был новичком в этом деле, и выбранный нарушителем курс мог означать, что они спугнули добычу. В любом другом случае капитан уже приказал бы открыть огонь, но перед ними был рейнсвальский корабль, потому и действовать следовало осторожнее.

— Предупредительный выстрел по курсу, — приказал капитан, решив, что пока будет достаточно продемонстрировать свою решительность. — Из орудий вторичного калибра по правому борту. И продолжайте посылать запросы на их капитанский мостик.

— Принято, выполняем.

Иногда операторы производили впечатление киборгов, подключенных к корабельным системам. Капитан снова замолчал, внимательно глядя на показатель устойчивости видеосигнала. Связисты ударного крейсера пытались настроить прямой канал с неизвестным судном, используя все доступные частоты, игнорировать запросы могли только пираты или разведчики другого феода. И те, и другие часто встречались в этом секторе — поразительно, но места, где сама реальность медленно сходила с ума, редко пустовали.

К привычным опасностям Открытого Пространства на этом участке добавлялись пиратские базы, поджидающие караваны торговцев, избегавших официальных путей, и стоянки контрабандистов с тайными складами и заправками. Тут часто появлялись банды мутантов, культисты, ренегаты и сборища дезертиров. Дикие астероидные поля и метеоритные потоки служили домом для всех тех, кто не хотел жить по законам немногочисленных очагов цивилизации этого мира.

Поэтому тристанцы дежурили на всех относительно известных маршрутах, перехватывая и проверяя все корабли, оказавшиеся в подконтрольных зонах. Исключений не делали ни для кого. Мощный разряд лазерного орудия с турбонакачкой прошел всего лишь в тридцати километрах от носа фрегата, заставив его моментально сбросить скорость. Один на один такой корабль еще мог что-то противопоставить ударному крейсеру, пусть и уступая в вооружении и броне, но против целой эскадры шансов не было.

— Канал видеосвязи установлен, — меньше чем через минуту после выстрела сообщил оператор. — Куда прикажете выводить изображение?

— На мой пульт, — тристанец выпрямился и несколько раз быстро вздохнул, придавая себе как можно более значительный вид. Строгая и красивая военная форма бароната всегда резко контрастировала с кустарными изделиями пиратских мастеров, чаще всего пользовавшихся вторичными материалами для изготовления снаряжения. — Посмотрим, кто к нам пожаловал.

Проектор быстро выстроил голограммную картинку человека, ответившего на сигнал на противоположном конце линии. Первой мыслью, мелькнувшей в голове капитана при взгляде на собеседника, стала — перед ним настоящий пират, практически такой, как его изображают в детских книжках. Высокий мужчина в широкой треуголке с пышным плюмажем перьев, мощный, широкоплечий, с густой и широкой бородой, аккуратно выстриженной на щеках, с обветренным лицом и когда-то сломанным носом, он даже на голограмме выглядел внушительно и устрашающе.

— Говорит временно исполняющий обязанности капитана «Одинтея» капитан Северед Альквирский, — произнес мужчина густым басом, вцепившись взглядом в своего собеседника. — Мы находимся под протекторатом Камского герцогства королевства Рейнсвальд и имеем все соответствующие уровни доступа. Кто открыл по нам огонь?

— Капитан крейсера «Фаерс», Антей Норнс, гранд-капитан Тристанского Военного Флота королевства Рейнсвальд, — таким же тоном ответил командир патруля. — Находимся на дежурстве в этом секторе, и вас нет в наших списках кораблей. Объясните ситуацию или мы вынуждены будем открыть огонь на поражение по нарушителям границ Тристанского бароната.

— Вы сказали Тристанского бароната? — Северед искренне удивился, но потом взмахнул рукой. — Проклятые ветры, я не рассчитывал, что это будет так быстро. Прошу меня извинить, капитан, за то, что потревожили вас, но, видимо, Небесам было угодно, чтобы мы пересеклись. Мне известно, что Тристанский баронат считается союзником герцогства, и не думаю, что могут возникнуть какие-то недоразумения.

— Если вы представите соответствующие коды допуска камского флота, то недоразумений не будет. Отключайте двигатели и ложитесь в дрейф. Вас, капитан, ожидаю в ближайшее время на борту моего флагмана с объяснениями причин вашего присутствия в этом секторе, — ответил тристанец. За пять тысяч часов, проведенных в астероидных полях, это было первое значимое событие, разогнавшее скуку пустого Неба. И Антей Норнс не хотел быстро возвращаться к однообразию патрульного полета. Пока шел обмен сообщениями, он приказал одному из связистов: — Свяжитесь с центральной станцией и продублируйте корабельные коды «Одинтея». Пусть сделают запрос в камское консульство. Необходимо подтверждение, что они здесь по приказу герцога. Орудиям продолжать держать их на прицеле.

Коды идентификации поступили практически сразу же, и причин сомневаться в их подлинности тристанский капитан не видел. Подобные комбинации знаков, цифр и символов практически невозможно подделать, а из-за постоянных обновлений как одной из привычных мер безопасности даже украденные коды быстро теряли свою ценность. Сразу после этого на «Фаерс» поступил запрос о приеме на борт челнока, отправляющегося с фрегата. Операторы одновременно с этим включили сканирующие лазеры, просвечивая небольшое суденышко с несколькими пассажирами на борту, но ничего опасного там не обнаружили. Капитан крейсера приказал открыть для стыковки грузовой ангар, а позже проводить гостя к нему в каюту для личной беседы. На посадочной площадке капитана

Северед и сопровождавших его нескольких солдат камской тяжелой пехоты встретил караул корабельной абордажной команды крейсера.

Рост и разворот плеч реального Севереда Альквирского впечатлили капитана Норнса ещё сильнее. Глядя на заслонившего проём двери двухметрового мужчину в алом с белой вышивкой длиннополом камзоле и тяжелых корабельных сапогах на толстой подошве, тристанский капитан застыл в нерешительности и ненадолго позабыл о правилах гостеприимства, ожидая, когда гость заговорит первым.

— Прошу меня простить за вторжение и выразить признательность за то, что согласились принять, — капитан Северед изящным для такого великана движением снял треуголку и взмахнул ей, отвесив быстрый поклон. — Меня не перестают удивлять рейнсвальдские правила дружеского общения. Они выглядят так, словно боевой пистолет раскрасили в праздничные цвета и укутали в бархат. Вы позволите пройти или мне так и стоять в дверях?

— Да, пожалуйста, прошу вас, — капитан крейсера, смутившись, отошел в сторону и приглашающим жестом указал на мягкие диваны в центре каюты, расставленные вокруг небольшого столика. — Мы отправили запрос на центральную станцию, чтобы подтвердить ваше пребывание здесь и внести ваш корабль в списки. Если все подтвердится, в дальнейшем наши спутники на вас не будут реагировать...

— О, да! Герцог мне об этом рассказывал! — Северед уселся на диван, раскинув полы камзола и закинув ногу на ногу. — Сеть быстрого реагирования, развернутая по всему участку и фиксирующая появление любого корабля почти мгновенно! Мне сказали, что этот опыт весьма положительно восприняли даже при дворе и хотят повторить в масштабах всего королевства.

— Вас это удивляет? — Антей сел напротив. — Эти астероидные поля натуральное змеиное гнездо, а поблизости наши колонии с шахтами по добыче стратегически важных металлов. Мы потеряли немало отличных парней и хороших кораблей, пытаясь вытравить местные пиратские базы. Эта война здесь идет уже не одно столетие, и только сейчас мы наконец-то в состоянии эффективно отвечать на угрозу и давить всю эту мерзость. Чем больше мы отправляли сюда сил, тем жестче становилось сопротивление. В условиях астероидных полей и пылевых туманностей засаду организовать несложно. Но не от постоянно работающей сети зондов.

— Один из законов войны гласит, что нет лучше обороны, чем нападение, — ответил Северед, почесывая свою бороду. — Я бы дополнил, что хорошо спланированное и подготовленное нападение, потому что в противоположном случае оно обернется еще большими проблемами. Герцог Камский мне рассказывал, что этот участок опасен для одиночных кораблей, но я посчитал его наиболее подходящим для тестирования новой системы радара. Хотя мне почему-то кажется, что мы все еще находимся на нейтральных территориях, за пределами границ бароната.

— Что за тесты? — сразу насторожился капитан, на что Северед одарил его лучезарной улыбкой.

— Секретная информация. Простите, но в отсутствие герцога и без его согласия я не имею права разглашать подобную информацию.

— Не имею права на вас давить, — капитан пожал плечами. — В конце концов, это даже не мое дело, пока ваши тесты не нарушают суверенитет бароната. И да, мы действительно на нейтральной территории. Официально она феоду не принадлежит, но это

вовсе не значит...

— Можете не продолжать, я понял вашу мысль. Королевство учится на своих ошибках, — Северед снял треуголку с головы и, внимательно посмотрев на перья, принялся их расправлять, чтобы не слежались. — Ладно, пока мы ждем, может, хоть расскажете про эту систему раннего оповещения. В общих чертах я ее представляю, но, возможно, какие-то детали мне неизвестны. А вот в том, что сообщение от центра будет идти долго, я практически уверен. Им ведь еще надо связаться с моим непосредственным руководством, только они могут подтвердить, что я не крал этот корабль...

— У нас и в мыслях не было, — Антей даже развел руками, словно пытался убедить собеседника в искренности своих намерений. — Всего лишь приглашение капитана союзного флота, не более того. Хотя я действительно удивлен тому, что одиночный корабль, приписанный к камскому порту, оказался так далеко от родной гавани. Обычно ваши сослуживцы пользуются совсем другими маршрутами, куда более безопасными...

— Мне искренне импонирует ваше желание казаться вежливым даже при общении с незнакомцами, — Северед усмехнулся. — Однако давайте будем честны друг с другом. Я отлично понимаю, что у вас есть причины мне не доверять, и не виню за это. Напротив, полностью с вами согласен и на вашем месте поступил бы точно так же. Скажу больше, высаживаясь у вас на борту, я ожидал пистолета, прижатого к затылку, но правила гостеприимства, вероятно, обязывают... Так что, пока мы ждем, может, расскажете эту наверняка занимательную историю?

Рассказывать особенно было нечего, тристанский капитан знал только то, что касалось непосредственного исполнения приказов. Тактика постоянно патрулирования тяжело вооруженными эскадрами не оправдала себя. Карательные экспедиции без конца зачищали места обитания пиратов и контрабандистов. А через несколько лет там снова появлялись суда без опознавательных кодов и портов приписки. Ни одна из сторон не желала сдаваться, несмотря на колоссальные потери. На жестокость пиратов регулярные армии отвечали террором, а те, в свою очередь, еще большей кровью, заманивая и уничтожая целые карательные эскадры. И нередко среди астероидов находили выгоревшие дотла остовы кораблей, превращенные в решето многочисленными попаданиями.

— И тристанский барон предложил новое решение? — Северед удивился, вытянув ноги и снова положив их одну на другую. — Весьма своеобразный ход...

— А почему вы вообще этим интересуетесь? — тристанский капитан внимательно посмотрел на своего собеседника. — Эта история не так уж нова...

— Мне интересно все, что касается Рейнсвальда, — Северед пожал плечами. — Я родом не из королевства, но собираюсь тут задержаться. Камский герцог, видите ли, весьма щедрый работодатель. Интерес к месту, в котором я проведу следующую часть своей жизни, вполне оправдан.

— Действительно, — Антей кивнул, соглашаясь с таким вариантом. Наемники в Рейнсвальде были не такой уж редкостью, и внешний вид Севереда этому определению вполне соответствовал. — У нас такое принято называть службой по контракту.

— Учту на будущее. Так я был прав касательно вашего барона или все же где-то ошибся? Многие посчитали бы излишними такие затраты лишь для того, чтобы контролировать пустой кусок Открытого Неба.

— Этот кусок имеет весьма немаловажное значение, — тристанец покрутил рукой в воздухе. — Если говорить о самой идее этой системы, то воплощать ее начали еще при

прежнем бароне. Предполагалось, что она сможет заблаговременно предупредить о вторжении на территорию колоний, но... Новый барон изменил тактику.

— И вместо обороны пошел в наступление?

Капитан тристанского крейсера сразу не ответил, потому что в этот момент к ним вошел его адъютант и, поклонившись, передал инфопланшет. Отпустив его, Антей активировал экран и быстро пробежался глазами по тексту, только один раз взглянув на сидевшего со спокойным видом Севереда.

— Превосходно... Я прикажу подать чай, — отложив планшет в сторону, Антей поднялся. — Спиртного не предлагаю, мы оба при исполнении.

— Лучший чай — это чай с коньяком, но без чая, — ответил Северед. — Благодарю за предложение, но откажусь. Как я понимаю, ответ из центра поступил?

— Вы проницательны, капитан — Антей остался стоять на ногах и облокотился о спинку дивана. — Однако это не самое важное. Гораздо важнее, что в нашем секторе появился еще один корабль, и до тех пор, пока он здесь находится, я не имею права ни отпускать вас, ни сообщать что-либо о его местоположении и причинах нахождения здесь. До следующих указаний можете считать себя пленником. Естественно, сажать вас под замок я не буду, но все же надеюсь на ваше благоразумие...

— Очень интересно, — протянул Северед, откинувшись на спинку дивана и сложив руки на груди. — Что ж... раз уж я задержусь на неопределенный срок, то... Тогда выпьем чаю!

В пространстве, используя естественную маскировку астероидного поля, медленно дрейфовал дрон-разведчик, один из целой сети, развернутой по всему участку. Диск диаметром около двух метров, с откидными планками гироскопов для ориентации в пространстве и длинными усиками сканирующих антенн, был настолько нацеливан электроникой, что легко фильтровал любые помехи и аномалии, сохраняя чистый сигнал практически в любых условиях. Область его сканирования составляла почти одну сотую парсека в радиусе, где он легко обнаруживал появление любого нового корабля.

Пребывавший в состоянии ожидания, спутник вновь активировался, зафиксировав искусственное искажение пространства. Чувствительные антенны почувствовали изменения гравитационных полей и смещение квантовых струн. Компьютер тут же подключил локаторы дальнего действия, установив точные координаты искажения. Расшифровка данных подтвердила, что в точке перехода из прыжкового режима вышел корабль.

Разведчик определил его идентификационный код и отправил сообщение о появлении тяжелого крейсера тристанского флота на ближайшую станцию контроля. А на мостик обнаруженного корабля — проверочный запрос о причине появления и времени пребывания. Территории за пределами границ королевства считались потенциально опасными, и одиночный рейд являлся нарушением правил безопасности полетов в реальном пространстве.

На мостике «Расцвета Калиссии» получили сигнал и подключенные к сети киборги, автоматически подобрав подходящий ответный код, выслали опознавательный сигнал в ответ. Подключать живой персонал в штатной ситуации не было надобности, однако отчет все равно был отправлен на пульт капитанской надстройки корабельного мостика, где тут же высветился на голографическом экране.

— Господин барон, мы перехватили автоматический запрос от системы подтверждения.

Какие будут указания? — обратился капитан крейсера к Эдварду, в этот момент находящемуся на мостике. Барон стоял чуть в стороне от капитанского кресла, сложив руки за спиной, и наблюдал за картой маршрута и продвижением крейсера. Обзорные мониторы, расположенные на стенах и потолке мостика, давали полное изображение пространства вокруг корабля, дополняя данные внешних камер цифровыми параметрами контрольного интерфейса. Барон, задумавшись о своем, смотрел на финальную точку маршрута, но, услышав голос капитана, повернулся к нему. Тот вытянулся по стойке смирно и приложил руку к сердцу. — Нас нет в общих планах полетов, а согласно принятым протоколам...

— Отправьте мой личный код и запрос на связь со станцией охранения, — ответил барон, снова отвернувшись к изображениям на обзорных мониторах сверхвысокого разрешения, создававших иллюзию настоящих прозрачных окон вокруг. Выработанная годами привычка позволяла не обращать внимание на расплывчатые переходы цветов и оттенков в режиме теплового фильтра и среди холодных тонов синего и черного цветов различать теплые красные и желтые точки пространственных аномалий или же следы других кораблей. Карта никогда не оставалась статичной из-за движения воздушных масс, уносивших или, наоборот, приносивших тепло. Изображение менялось и переливалось, создавая неповторимое ощущение бесконечного потока цветов. Зрелище порой завораживало, независимо от того, сколько часов человек провел на капитанском мостике.

— Будет исполнено. Передаем запрос...

Эдвард отвернулся от обзорного экрана и посмотрел вниз на ряды операторов, подключенных через нейроинтерфейс к центральным корабельным системам. Однотипные шлемы с тонкими полосками визоров обезличивали людей, и только голографические экраны позволяли хоть как-то различать операторские места. Единственными звуками, что эти люди издавали при работе, были лишь тихое шипение настроек систем и сигналы при нажатии кнопок.

Барон вернулся к голографическому столу с трехмерной моделью участка Открытого Пространства, где они находились. На проектор была выведена вся известная информация о секторе, и на самом краю значилась отметка станции, ответственной за его охрану. В действительности она находилась гораздо дальше, координируя действия эскадр и служа форпостом бароната в диких землях, и указана была исключительно как точка отсчета координатной сетки.

Воздушная автономная станция «Корвей» была одной из многих, раскинутых над подконтрольными территориями Пустошей. Полноценная цитадель, дрейфующая в Открытом Пространстве на высоте пятисот миллионов километров над Поверхностью. Классическая форма шестиконечной звезды с ромбами бастионов в каждой вершине и ступеньками поднимавшиеся уровни жилых блоков, орудийных батарей и ангаров придавали ей схожесть с наземными форпостами феода. Ощетинившаяся орудиями и башнями комплексной защиты автономная станция являлась опорной базой флота в секторе, обеспечивая ремонтными и логистическими мощностями приписанные к ней эскадры. Только в центральном «нулевом» уровне «Корвея» располагались закрытые ангара, где ждали своего часа эскадренные эсминцы, крейсера и фрегаты.

В одной из башен связи, расположенной на верхних уровнях центрального донжона крепости, приняли сигнал спутника. Вычислительные фреймы мерно загудели, обрабатывая данные и выводя на вспыхнувшие голографические дисплеи полученную информацию. В тесном помещении пункта связи, выдвинувшись вперед из своей капсулы, активировался

киборг, получивший запрос о дальнейших указаниях. От человеческого тела в нем не осталось и половины: ниже пояса он полностью переходил в переплетение проводов и трубок, закрепленных в стене, остальное состояло из живой плоти на металлическом каркасе. Из его покрытой разъемами спины к системам цитадели тянулись информационные кабели, вместо лица стояли многоканальные визоры, к органическому мозгу были подведены трубки с питательными веществами.

Киборг приподнял голову, глядя на засветившиеся экраны. Несколько секунд он считывал бегущие столбики цифр и символов, после чего сам застучал металлическими пальцами по клавиатуре, покрытой активными рунами — данные оказались достаточно важны, чтобы передать их командованию напрямую.

Головной штаб станции находился в центральных уровнях донжона. Шестиугольное помещение с высокими стенами и потолком, анфиладами фреймов и операторских пультов никогда не пустовало. Подключенные шлемами нейроинтерфейса к системам станции работали, не поднимая головы, люди и киборги. Высокие опорные колонны в углах помещения и потолок украшала сплошная вязь барельефов с изображениями из древних мифов и легенд. Скульптурные изображения ангелов и драконов, вплетенные в общий фон резных украшений из лиан и цветов, соединяли все детали в цельную структуру, словно в древнем замке с тысячелетней историей. Мрачном и давящем, но надежном и неприступном.

— Господин фронт-адмирал, поступило сообщение из центра связи, — штабной офицер передал командующему станции инфопланшет с данными. Командир в звании фронт-адмирала воздушного флота, высокий мужчина с короткой черной бородой и с имплантом вместо левого глаза, принял у него планшет и потер подбородок. Офицер остался стоять рядом, сложив руки за спиной, и добавил: — Обнаружен корабль Тристанского флота. Они передают личный идентификационный код барона и запрашивают разрешение на прямой канал видеосвязи.

— Данные подтверждены?

— Так точно. Код верный. Все идентификационные коды корабля совпадают, следов взлома не обнаружено, — кивнул офицер, все еще стоя навытяжку, не шелохнувшись. Фронт-адмирал смерил его тяжелым взглядом. Не каждый день на вверенном участке появляется сюзерен собственной персоной.

— Хорошо, загружай, — он кивнул головой и развернулся к голографическому проектору, куда перевели полученный сигнал. Аппарату потребовалось время, чтобы настроиться и дешифровать канал, и только через несколько секунд там появилось изображение барона. Офицер тут же выпрямился и приложил руку к сердцу. — Господин барон, прошу прощения, но я не извещен о вашем визите.

— И не должны были, — кивнул Эдвард, коротко ответив на приветствие. — Господин фронт-адмирал, мы пробудем в вашем секторе лишь до нового прыжка. Надеюсь, наше появление не будет зафиксировано в записях наблюдения и бортовом журнале.

— Как пожелает господин барон, — снова кивнул фронт-адмирал. — Считайте, что этого разговора вообще не было. Наши антенны периодически ловят помехи неизвестного происхождения, и уже несколько раз автоматические спутники ошибались, принимая возмущение магнитных аномалий за неопознанные корабли.

— Да, такое иногда случается, наши технологии все же не совершенны, — кивнул Эдвард, соглашаясь с предложенным вариантом. — Господин фронт-адмирал, мне

необходимо, чтобы в ближайшее время ваши эскадры вышли на патрулирование сектора и фиксировали появление там любых гражданских и военных судов, не вступая в контакт. Это приказ...

— Господин барон, прошу меня простить за возражение, но мои корабли едва ли не ежедневно перехватывают в секторе пиратов и работорговцев, пытающихся замести следы. Я не могу оставить его без контроля. Эскадры имеют строгий приказ останавливать и досматривать каждое неопознанное судно, попадающее в зону нашего контроля. Отступить от этих правил — все равно что открыть ворота, вы должны это понимать. Господин барон, на этом приказ скреплен вашей подписью...

— Касательно пиратов и работорговцев ваши приказы остаются в силе, капитан, но у меня есть сведения, что через этот сектор могут пройти и корабли моих гостей, чье присутствие здесь афишировать не стоит. Если же ваши люди сочтут возможным нарушить мой приказ, я буду расценивать это как некомпетентность командующего, господин фронт-адмирал, — с нажимом произнес Эдвард. — Мои гости должны пребывать в полной уверенности, что радушный хозяин не отслеживает их перемещения. И я рассчитываю на ваше благоразумие и преданность.

— Да, господин барон. Будет сделано все, что в моих силах, — тут же вытянулся фронт-адмирал, снова приложив руку к сердцу. — Ваши гости будут в максимальной безопасности и ничего не заподозрят.

— Хорошо... — в этот момент Эдвард остановился, поскольку к его собеседнику подошел один из офицеров связи.

— Господин фронт-адмирал, только что поступили новые сведения от автоматических спутников. Обнаружен корабль неизвестного происхождения. Данные поверхностного сканирования указывают на грузовое судно, принадлежащее работорговцам. Ударная группа выслана на перехват, — доложил связист, поклонившись. — По оценкам киборгов угроза низкого уровня, но судно сопровождают четыре полных звена перехватчиков.

— Господин барон, — повернувшись к своему сюзерену, фронт-адмирал опять поклонился и снова приложил руку к сердцу. — Я вынужден настоятельно просить вас покинуть сектор прежде, чем начнется военная операция. Мы не можем подвергать опасности вашу жизнь. К тому же ваши операторы уже должны были рассчитать курс для прыжка.

— Кучка работорговцев вряд ли может представлять угрозу тяжелому крейсеру, — невозмутимо пожал плечами Эдвард, давая понять, что предосторожности излишни. — Однако я последую вашему совету и задерживаться здесь не стану. У нас трехминутная готовность к прыжку.

Прыжковые двигатели работали, как генераторы пространственного поля, выхватывая кусок реальности с кораблем в центре и перенося его в измерение с совершенно другой системой координат и исчисления времени. Именно это и называлось прыжком, поскольку со стороны смотрелось как резкое ускорение, настолько быстрое, что человеческий глаз едва успевал заметить исчезающую искру, в которую превратился корабль.

Навигационная система крейсера тристанского барона рассчитывала параметры нового прыжка. Перезагруженные фреймы продолжали работать, а операторы адаптировали полученную информацию и контролировали процесс загрузки данных в главный компьютер.

Маршрут выглядел как система переходов между стабильными точками пространства, где кораблю не грозила аннигиляция из-за резонанса квантовых колебаний. Сложные

формулы и расчеты были результатом множества проб и ошибок прошлого, когда ученые и исследователи едва ли не вслепую и опытным путем проверяли свои теории, приближаясь к пониманию параллельных измерений и их связей с реальным пространством. Эдвард Тристанский изучал общую теорию этого вопроса, но бесконечные ряды цифр и формул, которые он в детстве старательно зубрил, так и не сделали его ученым. Политика и мастерство мечника ему оказались гораздо ближе, а для того, чтобы пользоваться технологиями, не обязательно досконально знать их. Так что он просто наблюдал за подключенными к вычислительным фреймам операторами, готовившими корабль к новому прыжковому переходу.

Как только между станцией и кораблем закончился обмен последними данными о текущей ситуации в секторе, барон собрался отключаться, но к командующему станции снова подошел связист с взволнованным выражением лица, передав планшет с новыми данными. Тот быстро пробежался по тексту и зажал кнопку повторного вызова, не дав разорвать канал.

— Господин барон, прошу прощения, но мы только что получили срочную информацию с другого спутника наблюдения в нашем секторе, и она касается вас лично. Прошу прощения за задержку, но не доложить я не имею права.

— Что произошло? — Эдвард удивился, чуть приподняв правую бровь и внимательно глядя на фронт-адмирала. Его корабль должен был задержаться здесь только на время, необходимое для расчета нового маневра, никто и ничто не могло ему помешать.

— Шесть минут назад спутники получили новые данные. На нашем участке появился еще один корабль, передающий сигнал на общем и на частном тристанском гостевом канале. Это гражданский тяжелый транспорт «Кэссадил», принадлежащий торговому флоту Корпорации «ТехКо», и на борту находится глава совета директоров. Согласно полученной информации, у них повреждены двигатели и часть внешней обшивки. Данные еще уточняются, но есть информация, что кроме нас сигнал перехватил корабль работорговцев, обнаруженный полчаса назад, и направился к его источнику. Они окажутся там быстрее высланной на перехват боевой эскадры. Господин барон, «Кэссадил» использовал частный гостевой код. Он может быть получен только от вас лично... Я не знаю, можно ли назвать это совпадением, что передача кода началась именно сейчас...

— Проклятье, я так и знал, что все пойдет не по плану. Фронт-адмирал, когда ваши корабли выйдут к указанной точке? — Эдвард покачал головой и отвернулся, чтобы приказать своему адъютанту, стоявшему вне зоны видимости камеры видеопроектора, связаться с сетью данных станции и скачать координаты пассажирской яхты. — Возможно, нам придется задержаться...

— Расчетное время выхода флагмана на расстояние выстрела три часа, — ответил фронт-адмирал, сверившись с данными операторов на командном пульте. — Однако, если работорговцы сохранят прежнюю скорость, они будут в этой же точке на полтора часа раньше. Даже с учетом погрешности расчетов время выхода вряд ли изменится более чем на одну-две минуты. Из-за пространственной нестабильности на этом участке корабли не могут совершить микропрыжок, а до ближайшей подходящей точки необходимо еще добраться на двигателях реального пространства...

— Мы там будем в течение часа, — тут же сказал Эдвард и снова отвернулся отдать новые указания касательно изменения курса. Повернувшись к видеопроектору и встретившись взглядом с фронт-адмиралом, он добавил: — Немедленно форсируем

двигатели и выйдем к точке, откуда возможен микропрыжок, в течение десяти минут. После чего отправимся на помощь «Кэссадилу».

— Господин барон, если позволите, я не считаю обязательным ваше участие в операции. Это слишком рискованно. Эскадра все равно не позволит работорговцам причинить серьезный ущерб второму кораблю, — решительно заявил фронт-адмирал, вытянувшись еще сильнее. — Мои люди не дадут им уйти и обеспечат безопасность вашего гостя...

— Господин фронт-адмирал, я думаю, вы не совсем понимаете ситуацию, — отрицательно покачал головой тристанский барон. — Есть вопросы, которые касаются только меня и главы корпорации. Позвольте мне самому решать, как поступать.

— Разумеется, господин барон, — поняв, что и так превысил полномочия, офицер поспешно согласился. — Как вам будет угодно. Я немедленно информирую командование ударной эскадры об участии вашего крейсера в боевой операции.

В башне связи «Корвея» киборг, подключенный к основным каналам, получил новые указания и снова обратился к загруженным в его блоки памяти алгоритмам. В отличие от полностью искусственного интеллекта, киборги частично могли мыслить самостоятельно и принимать нестандартные решения, поэтому действовали более эффективно и использовались чаще.

Киборг набирал соответствующий приказ отправленной на перехват корабельной группе. Согласно законам королевства, работорговля являлась особо тяжким преступлением, а уличенные в ней карались смертной казнью. А поскольку сектор считался подконтрольной баронату территорией, на него также распространялись все принятые нормы права. Только теперь нужно было внести поправки в привычные алгоритмы действий, обратившись к дополнительным блокам информации. Новые приказы отправлялись адресатам спустя считанные секунды после слов фронт-адмирала:

«Патрулю Омега-шесть. Сообщение автономной охранной станции «Корвей». Приказ о перехвате подтвержден. В зоне операции будет находиться поврежденный гражданский корабль и тяжелый крейсер «Расцвета Калиссии». Приоритет операции изменен. Поддержка крейсера в боевой операции имеет высший приоритет. Защита гражданского судна — второстепенный. Уничтожение работорговцев — низший приоритет. Приоритетность задач соблюдается строго в соответствии с пунктами приказа об охране внешних границ. Подтвердите получение».

И пока новые приказы шли получателям, Эдвард уже нетерпеливо выстукивал пальцами простенькую мелодию по перилам капитанской надстройки, наблюдая за размазанными цветовыми пятнами обзорных экранов. В моменты прыжка внешние камеры отключали, иначе они сходили с ума, передавая совершенно невероятную мешанину ярких оттенков и образов, которые человеческий глаз не способен нормально воспринимать. В этот раз барон приказал уходить в прыжок, игнорируя стандартные протоколы подготовки, чтобы сэкономить время. Киборги, ответственные за расчет приоритетов системных команд, опустили большинство фаз подготовки корабля, в том числе и блокирование внешних камер наблюдения, поэтому на экранах царила цветовая феерия, выглядевшая как фантазия наркомана. Мельтешение красок и цветов отвлекало внимание и рябило в глазах, однако Эдварда слишком занимали мысли о новом происшествии.

Глава корпорации «ТехКо» славилась эксцентричностью, но сохранять с ней дружеские отношения было необходимо. Почти треть исследовательских проектов бароната, часть из

которых касалась запрещенных в королевстве технологий, проходила через лаборатории «ТехКо», и ежегодно сотни аспирантов и ученых феода отправлялись на работу и стажировку в закрытые города и станции корпорации. Подобные тесные связи сложились еще со времен его отца, и Эдвард прекрасно понимал их значение. Однако, как любые личные связи, они не подчинялись только логике и порой доставляли молодому барону неудобства, нарушая привычный порядок вещей.

— Внимание! Экипажу пятиминутная готовность к выходу из прыжкового режима! — доложила система оповещения громким басом главного навигатора. Эдвард вздрогнул от неожиданности, вырванный из своих мыслей, но тут же успокоился. По привычке он сразу же проверил, легко ли шпага выходит из ножен и заряжен ли пистолет в кобуре.

В мире, где не существует источников света, любое исчисление времени является относительным. В королевстве привыкли к десятичной системе, одной из самых древних и простых из известных человечеству. Количество пальцев на руках оставалось мерилем всех вычислений для цивилизации, сумевшей пробить пространственные барьеры и построить оружие, единственным выстрелом превращающее в пыль целые острова. Пять минут — целых пятьсот секунд, малое и при этом же невероятно большое количество времени. За такое время можно не только проверить собственное вооружение, но и активировать сборные модули, приводя в боевую готовность штурмовые машины.

Только в этой операции он лично участвовать не собирался. В этот раз барон хотел остаться лишь наблюдателем, позволив солдатам сделать привычную для них работу. Эдвард, ожидая выхода в реальное пространство, вытащил из ножен родовой клинок Тристана и внимательно посмотрел на идеально заточенное лезвие. Даже без активированного силового поля мономолекулярная заточка позволяла клинку с легкостью рубить броню и человеческие тела. Идеальное оружие. Совершенство, созданное человеческими руками.

— Клянусь своей душой и телом, клянусь памятью предков и собственным наследием, что верно буду служить королевству и баронату. Обнажать оружие во имя чести и справедливости, защищать слабых, карать зло и сохранять сияющий свет. Не опущу руки, не оставлю надежды и не признаю поражения до самых последних дней жизни, и даже смерть не освободит меня от этой клятвы. Призываю в свидетели Небо, закрепив клятву собственной кровью, — повторял Эдвард старые слова, крепко сжимая обнаженный клинок. Острое лезвие глубоко погрузилось в плоть, и крупные темно-красные капли скатились до локтя, оставляя на ткани мундира длинные влажные полоски. Клятвы значили слишком много и определяли всю дальнейшую жизнь человека. Не было судьбы страшнее, чем у тех, кто, не сдержав слова, лишился чести, запятнал свое имя и стал хуже бессловесного животного.

Тристанский барон лишь усмехнулся, вспоминая слова клятвы. Как мало общего они имели на самом деле с тем, через что приходилось проходить дворянам в непрерывной борьбе как на границах королевства, так и во внутренних распрях. Как только дело доходило до политики, честь и верность становились громкими словами, нужными лишь, чтобы впечатлить простолюдинов. Эдвард помнил и слова своего отца, вручившего ему родовой клинок Дома Тристан, они прозвучали сразу после того, как клятва была произнесена.

— Это оружие не должно лежать на каминной полке. Оставаться в ножнах для подобного клинка — оскорбление. Он должен петь на поле сражения. Взяв его в руки, ты принимаешь это условие. Исполненным оно будет считаться лишь тогда, когда клинок

покраснеет от пролитой крови.

Этим словам Эдвард оставался верен и по сей день, немало врагов нашли свою смерть от этого оружия, но теперь оно снова было идеально чистым, без единого темного пятна или царапины. Возможно, ему снова предстояло напиться крови.

Шпага, как один из символов Тристана, передавалась из поколения в поколение еще в те времена, когда королевства в нынешнем его виде еще не существовало. Этот металл помнил все сражения, в которых прославился род Эдварда, и был пропитан кровью монстров, мутантов и ксеносов, в изобилии водящихся в Известном Пространстве. Именно с этим оружием в руках молодой барон воевал, будучи офицером Королевской армии, а позже и защищая стены родового замка. Впервые взяв его в руки в шестнадцать лет, отправляясь в отряд рекрутов Королевской армии, Эдвард с тех пор практически не расставался с ним. В тот день отец, уже отошедший от ратных дел, передал ему шпагу, заставив поклясться на клинке в верности идеалам его предшественников.

— Внимание! Выход из прыжкового режима! — прерывая его воспоминания, объявила система оповещения, и в тот же миг весь мир на мгновение вздрогнул.

Ученые называют это эффектом Кобая-Герде, по имени двух теоретиков, обосновавших факт временного распада материи при пересечении пространственного барьера. Без защитных полей, созданных на основе этого исследования, любой корабль мог превратиться в пыль в момент прохождения червоточины. Однако полностью нейтрализовать эффект так и не получилось, поэтому даже с выведенными на стопроцентную мощность щитами в момент выхода из прыжка весь мир на мгновение словно покрывала рябь. На доли микросекунды реального времени все связи между первичными элементами материи прерывались, а потом все возвращалось в норму.

Тяжелый крейсер вышел в реальное пространство, сразу же активировав внешние локаторы. Включенные высокоточные датчики быстро обнаружили на расстоянии восьмидесяти тысяч километров поврежденное судно, висевшее под странным углом, но без пробоин в корпусе и следов пожара. Секундой позже локаторы засекали с противоположной стороны судно работорговцев на расстоянии девяносто восьми тысяч километров. Появившийся в реальном пространстве тяжелый крейсер оказался фактически между этими двумя кораблями.

И пока сканеры считывали характеристики обнаруженных кораблей, экипаж крейсера уже начал готовиться к бою. Подобные корабли строились с учетом вероятности операций без прикрытия, и потому могли вести бой на любых дистанциях с одинаково высокой эффективностью. Пятикилометровый бронированный корпус, украшенный многоуровневыми надстройками и лестничными колоннадами открытых арок, статуями карающих ангелов, святых и ажурных украшений с узкими и длинными окнами витражей на внешнем корпусе выглядел как настоящий дворец неоготического стиля, почему-то превращенный в корабль, но впечатление было обманчивым. Под тонкими арками и узорчатыми витражами тянулись длинные ряды бортовых батарей, а над ними поднимались угловатые башни орудий главного калибра в верхней и нижней полусферах, в кормовой части стояли высокие надстройки и широкие крылья обтекателей, а в носовой секции сверкал натертой до блеска внешней броней многотонный таран, украшенный трехсотметровой статуей карающего ангела с мечом в руках, словно бушприт древнего парусного судна — вся сила и мощь тристанского флота, выраженные в одном корабле.

— Установите прямую связь, — приказал Эдвард, со щелчком загнав шпагу обратно в

ножны. — Мне нужно видеть капитана гражданского судна. И желательно иметь хоть какую-то связь с этим работником.

Операторы снова засуетились, отсеивая и настраивая квантовые частоты в поисках каналов связи каждого из кораблей. Почти сразу же был обнаружен сигнал с поврежденного судна, все еще передающего в циклическом режиме просьбы о помощи. Создание прямого видеоканала после этого не заняло много времени. И уже через минуту голографический проектор вывел изображение капитана корабля, недоверчиво всматривающегося в картинку на своем проекторе. Увидев барона, он вздохнул с облегчением и подтянулся.

— Господин барон Эдвард Тристанский, рад приветствовать вас. Мы боялись, что ваши подчиненные не смогли перехватить сигнал, — было хорошо заметно, что капитан корабля обрадовался, когда увидел молодого барона. Эдвард про себя отметил, что для капитана корабля, имеющего серьезные проблемы с основными двигателями, реактором и приближающимися пиратами, капитан выглядит чересчур спокойно.

В отличие от ярких, расшитых серебром и золотом мундиров бароната, серая форма солдат корпорации с единственным знаком отличия в виде тонкой разноцветной полоски на левой стороне груди казалась блеклой и безликой. Безупречная выправка, гладко выбритое лицо с острыми скулами и тяжелым цепким взглядом выдавало человека опытного, привыкшего к дисциплине и строгой армейской иерархии. Он даже говорил короткими и резаными фразами, словно сэкономил слова.

— Мы засекали ваш сигнал о помощи и прибыли так быстро, как только смогли. Доложите ситуацию, — тоже переходя на военный тон, потребовал Эдвард.

— Повреждение реактора в результате неполадок в системе охлаждения, — ответил капитан, коротко кивнув. — Во избежание неуправляемой реакции были вынуждены в аварийном порядке сбросить большую часть плазмы. Так что теперь в состоянии поддерживать лишь системы жизнеобеспечения. Горизонтальное движение невозможно, движение по вертикали исключительно за счет силы гравитации Поверхности. Дефлекторные щиты неактивны.

— Пассажиры?

— Пассажиры в безопасности и переведены во внутренние секции судна, — сразу же ответил капитан. — Мы установили связь со вторым кораблем, но от них поступил только приказ отключить все оборонительные системы и капитулировать.

— Это оставьте нам и приготовьтесь к обороне корабля, — Эдвард командовал, убежденный, что его собеседник не посмеет спорить. — Патрульная эскадра бароната на подходе, но, скорее всего, вам придется вступить в бой. Мы постараемся помочь в силу своих скромных возможностей. Конец связи.

Глава 3. Работорговцы

Рабство— это сорная трава, что растет на любой почве.

Эдмунд Бёрк

Судно работорговцев, идущее встречным крейсеру курсом, не было настоящим боевым кораблем. Давно устаревший тяжелый грузовоз выбрался в Открытое Пространство в сопровождении всего лишь пяти звеньев легких перехватчиков. Подобное охранение могло спасти разве что от атаки такого же пиратского звена налетчиков и никакой угрозы для тяжелого крейсера не представляло. Операторы и киборги капитанского мостика продолжали анализировать поступающие данные, создавая точную картину происходящего. Система радиоэлектронной борьбы дала сигнал о готовности, но капитан не спешил отдавать приказ. Противник просто не стоил подобных усилий.

Кустарно модернизированный где-то на вольных верфях грузовоз впечатлял лишь размерами: основная секция бронированного корпуса в четыре километра длиной и дополнительная секция с ангарами в нижней полусфере почти в километр, закрытые наваренными сверху листами металла небольшие башенки наблюдения и три высокие надстройки, оснащенные системами противовоздушной обороны. Все это вкупе с тихоходностью и неповоротливостью грузового судна придавало гибриду гротескный вид.

Его двигатели работали на холостом ходу, но раскаленные дюзы не успели остыть в холодной тьме. На экранах инфракрасных визоров эта часть корабля пылала ярче всего. Тристанские комендоры уже наводили орудия крейсера на самые теплые участки корпуса работорговца, ожидая команды, чтобы первыми залпами лишить противника возможности двигаться.

Огромные грузовые трюмы корабля были набиты людьми, нелюдьми и дикими тварями, захваченными на Поверхности. Не обремененные любовью к ближнему, торговцы живым товаром перевозили пленников как скот, в полутемных, душных и смрадных металлических клетках. Напуганные, измученные перелетом дикари, давно растерявшие остатки цивилизованности, деградировавшие до первобытного уровня в постоянной борьбе за выживание, сбивались в маленькие группки себе подобных, пытаясь хоть как-то поддержать друг друга, разделить свой страх. В их памяти хорошо сохранились образы кораблей, в огне и свете сошедших с черного неба и открывших огонь газовыми снарядами.

Парализующий газ проникал сквозь примитивные противогазы и внутрь палаток. Одного или двух вдохов хватало, чтобы лишиться возможности двигаться. А следом спускались сами работорговцы, бесцеремонно отбирая тех, кого можно отправить на продажу, и убивая всех остальных. Ценились молодые девушки, подростки и взрослые мужчины. Их грузили в челноки, а потом закидывали в трюмы корабля к тем, кого поймали раньше.

Для людей, не знавших, что такое огнестрельное оружие, воздушные корабли и боевые экзоскелеты, происходящее казалось гневом небесным. Многие пленники действительно считали, что попали к кровожадным демонам из легенд. Во многом налетчики, беспринципные и жестокие, готовые на любые преступления ради наживы, немногим отличались от мифических злодеев.

В общей толпе набитых в трюм пленников, где невозможно было нормально вдохнуть из-за вони и спертого воздуха, томились остатки одного из дикарских племен, уничтоженных работорговцами прямо на месте их последней стоянки. Несколько десятков человек старались держаться вместе, словно это могло придать им сил. Взрослые пытались успокоить плачущих детей и хотя бы внешне сохранить присутствие духа, но получалось плохо. Они и сами были на грани после всего пережитого, а новый шум и грохот, доносящийся извне, казался предзнаменованием конца света.

— Это демоны Последнего Мира! Слушайте же! — хрипло завывала пожилая женщина в обносках, по ошибке заброшенная со всеми остальными в трюм. Постаревшая раньше времени, скрюченная, но единственная, у кого в глазах не было страха. Старая карга с жуткими, полными фанатичной веры глазами давно утратила это чувство, посвятив жизнь примитивным верованиям племени. Ее жуткая проповедь прерывалась только приступами кашля, больше похожего на карканье. Хотя, возможно, это был всего лишь смех.

— Демоны Последнего Мира пришли за нами, чтобы забрать в Бездну! — хрипло пророчила ведунья, тыча пальцем куда-то в потолок. — С самого начала мира они жаждали лишь крови и разрушений! Мы еще позавидуем тем, кто умер сразу! Они кормятся нашими душами!

— Заткнись, старая карга! Хватит всех пугать! — оборвал ее кто-то. У слишком многих в трюме нервы и так были на пределе, и не хватало совсем немного, чтобы вся масса людей превратилась в неуправляемую толпу. Ведунья только снова зашлась кашлем.

— Мы все дети этого мира! Все созданы в вечной тьме, обреченные расплачиваться за ошибки богов. Мы должны молить о прощении за то, что никогда не совершали! Тогда боги услышат нас! Иначе демоны сожрут наши души, как и было предсказано!

На капитанском мостике работорговца в эти минуты было оживленно как никогда. Команда, обнаружив поврежденный пассажирский корабль с минимальным защитным вооружением, уже готовилась делить легкую добычу. И когда на мостике всюю шли споры, как делить трофеи, перед ними в реальное пространство внезапно вышел тяжеловооруженный крейсер, способный превратить их в пыль одним залпом, и смешал все планы.

— Мать Земная, а ведь день так хорошо начинался, — медленно протянул капитан Оммирск по прозвищу Мертвая Рука. Жуя стимулирующую жевательную резинку, он с ненавистью разглядывал трехмерную модель крейсера, занимавшую половину обзорных экранов мостика. Ряды орудий бортовых батарей и жерла тяжелых башенных орудий главного калибра, способных пробить его корабль от носа до кормы, наводили на самые тягостные размышления.

— И что будем делать?! — его старший помощник нервно вертел в руках палаш с отключенным силовым полем. Черная кожа комбинезона, поверх которого был надет открытый экзоскелет с креплениями для модульного оружия, противно скрипела при каждом движении. Он даже не пытался скрыть свою растерянность, нервно глядя на лица сослуживцев, словно ища там подсказку. — Я уже поговорил с нашими техниками. Если прямо сейчас дадим резкий разворот, то успеем уйти в прыжок прежде, чем они выпустят абордажные челноки...

— Идиот! — рявкнул на него Оммирск. — Это тебе не патрульные с Касселя-Три. Это, Мать Земная, аристократы с Рейнсвальда. Я не знаю, какого демона они здесь забыли, но

это именно они! Ты же видел расшифровку. Они сначала стреляют, а потом выдвигают ультиматум. Чудо, что они не открыли огонь сразу, как только появились. А если врубим форсаж, они не челноки выпустят, а корму нам снесут первым же залпом. Отправимся гулять по внешнему корпусу без всякой защиты. Хоть это ты можешь понять?! Дала же Матерь Земная старпома!

— Ну так предложи что-нибудь, раз ты такой умник, — набычился старший помощник, но его прервал голос вахтенного офицера.

— Капитан! Мы получили сигнал вызова на общем канале! Кажется, он идет с крейсера на всех частотах! Что делать?

— Во имя всех Небес! Принимать, конечно же! — взвыл Оммирск, поражаясь не только неадекватности своих подчиненных, но и самому факту видеосвязи. Насколько он наслышан о рейнсвальдцах, они не тратят время на переговоры. Капитан уже сто раз проклял себя за то, что пожадничал и рискнул атаковать поврежденный корабль, а не сразу ушел в новый прыжок, как только система перезагрузилась. Сеанс видеосвязи давал возможность потянуть время, чтобы попытаться найти лазейку для побега, мысль о том, чтобы принять бой, он отмел сразу.

Полученное сообщение тут же приняли, установив прямой канал видеосвязи с крейсером, и на капитанском голограммном проекторе появилось изображение человека в мундире, в котором безошибочно угадывались черты рейнсвальдского дворянина. Он смотрел на своего собеседника с таким презрением, что, окажись на его месте кто-либо другой, капитан, не раздумывая, пообещал бы пристрелить наглеца. Однако в этой ситуации силы были слишком неравны, чтобы демонстрировать собственный нор. Капитан работорговцев невольно одернул комбинезон и расправил плечи, глядя на голограмму.

— Назовите свое имя, — произнес дворянин.

— Капитан Оммирск Хольур...

— Этого достаточно, — холодно оборвал собеседник. — Капитан Оммирск, вы должны немедленно отключить двигатели и все системы вооружения, снять дефлекторные щиты и лечь в дрейф для досмотра. Надеюсь, вы понимаете, что не следует препятствовать стыковке абордажных челноков и высадке на борт вашего корабля группы эмиссаров Тристанского бароната.

— Почему мы должны принимать ваши условия? — смог все-таки выдать из моментально пересохшего горла капитан, одновременно метнув на своего старшего помощника взгляд человека, отчаянно нуждающегося в помощи. Тот только развел руками в ответ, предусмотрительно оставшись стоять вне видимости камеры. Оммирск не имел ни малейшего представления, что говорить еще, он вообще не умел вести переговоры и все же пытался тянуть время, лихорадочно обдумывая варианты побега. Иллюзий работорговец не питал — Рейсвальдцы, насколько он знал, всегда отличались жестким традиционализмом и строгим следованием букве закона. Торговля людьми в королевстве считалась одним из самых тяжких преступлений, карающихся смертной казнью, а умирать капитану не хотелось совершенно.

— У нас есть основания полагать, что ваш корабль является судном работорговцев. Если при проверке наши подозрения не подтвердятся, вы сможете продолжить свое путешествие.

— А если я откажусь? — прямо спросил Оммирск, все еще пытаясь выторговать для себя хоть что-то, хотя уже понял, что пустая бравада ни к чему не приведет. В эти минуты ему хотелось только сбежать и оказаться как можно дальше от всех заносчивых

рейнсвальдцев и их кораблей.

— Мы в любом случае поднимемся на борт вашего корабля, — равнодушно пожал плечами рейнсвальдец. — У меня совершенно нет желания вести долгие переговоры, поэтому я жду ответа здесь и сейчас. Отключайте двигатели и снимайте щиты. Отказавшись, вы подтвердите подозрения и признаете себя виновным в тяжком преступлении. И, соответственно, к вам будут применены все возможные меры принужд...

Если рейнсвальдец и хотел еще что-то добавить, Оммирск ему не дал, отключив канал связи. Действия опережали мысли, но работорговец испугался и не видел смысла продолжать переговоры. Чувствуя, как по виску скатывается капелька пота, он резко дернулся сначала в одну сторону, потом в другую, а потом замер, вцепившись пальцами в панель своего пульта.

— Форсаж всех двигателей! На полную мощность, крысы тоннельные! Убираемся отсюда прежде, чем они смогут по нам пристреляться! — завопил капитан, срывая голос. — Во имя всех матерей! Быстрее!

Надежда всегда умирает последней. Даже когда крысу загоняют в угол, она отчаянно кусает палку, которой ее давят, пытаясь защититься. Если есть хоть малейший шанс на спасение, человек обязательно им воспользуется, как бы ни складывались обстоятельства.

Резкий разворот и пространственный скачок прежде, чем противник успеет выстрелить. Уход из-под прицелов и те выигранные доли секунды, которые потребуются наводчикам для корректировки стрельбы. Оммирск предпочитал не рисковать и не ввязываться в бой даже с равным ему противником, не говоря уже о том, который превосходил его по силам. Потому он и стал работорговцем, вполне успешно прожигая жизнь, избивая заведомо более слабых противников и не сталкиваясь с теми, кто мог представлять хоть какую-то угрозу для него и его интересов. И при встрече с тем, кто явно сильнее, капитан знал только один путь — поспешное бегство.

Старые изношенные двигатели, которым сразу, без последовательного разогрева, дали самый полный ход, взревели так, что по корпусу корабля прошла вибрация. Одно из сопел двигательного блока, не выдержавшее перепада давления, с громким треском сорвалось с креплений и отлетело, охваченное плазменным огнем. Корабль встряхнуло снова, но в этот раз еще сильнее. Пламя вспыхнуло внутри двигательного отсека, и начавшуюся критическую реакцию успели остановить только сработавшие противовзрывные заслонки, прервавшие распространение пожара по другим помещениям и палубам.

— Что это было?! — взвизгнул Оммирск. — По нам попали?!

— Один из двигателей не выдержал и полетел. Мы потеряли двенадцать процентов крейсерской скорости! — доложил один из операторов. — Сработали системы пожаротушения, взрыва не будет, так что продолжаем наращивать давление! Все системы работают на предельной мощности!

Корабль резко развернулся, уходя вниз и вправо с линии прицеливания главных орудий крейсера, выжимая из двигателей запредельную мощность. От чудовищной нагрузки корпус заскрежетал всеми сочленениями, маневренные двигатели выдавали почти сто семьдесят процентов мощности, готовые взорваться от перегруза в любой момент. Грузовик, изначально не имеющий высокого запаса прочности, как у боевых судов, да еще и утяжеленный дополнительными надстройками, оказался не готов к таким фигурам пилотажа. Еще до завершения маневра на мониторах командного пульта начали появляться сообщения о внутренних повреждениях и разрушениях. Каркасные опоры гнулись и

ломались, переборки не выдерживали резкого перепада давления и рвались, словно бумага, нарушая изоляцию и герметизацию помещений. Десятки пленников погибли под обвалившимися потолочными балками или были раздавлены сорвавшимися с креплений контейнерами.

— Всю возможную энергию на кормовые дефлекторные щиты! Нам нужно отразить хотя бы пару попаданий! — приказал старший помощник. — Они сейчас будут стрелять!

Корабль снова сильно тряхнуло. Освещение на капитанском мостике мигнуло, и в тот же миг всюду полетели искры перегоревших предохранителей. Автоматика корабля практически сразу же перешла на вторичные цепи питания, восстанавливая освещение и сохраняя в рабочем состоянии хотя бы основные системы жизнеобеспечения.

— Они уже стреляют... — едва ли не в отчаянии прошептал капитан, а потом снова заорал на своих подчиненных. — Больше мощности! Разгоняйте прыжковый двигатель! Нужно сваливать отсюда прямо сейчас!

— Новые цели! На радаре! — в панике вскрикнул офицер, наблюдающий за сканерами. — Прямо по курсу! Пять целей! Это корабли!

— Прыжок! — капитан работоторговцев уже надеялся на спасение, когда тристанский крейсер открыл огонь. Стреляли поочередно из орудий бортовых батарей, прицельно отправляя снаряд за снарядом в корму грузовоза в попытке уничтожить двигатели, но первые выстрелы из-за резкого маневра прошли мимо. Только одно попадание уничтожило несколько внешних отсеков, оставив в борту дыру на три палубы, но не нанеся серьезных повреждений. Оставляя за собой шлейф горячего дыма, водяного пара и выгоравшего воздуха, корабль продолжал идти курсом, по которому комендоры уже корректировали наводку орудий.

Ничего не произошло. Ничего из того, что должно было случиться после активации прыжкового двигателя. Корабль остался в реальном пространстве под грохот артиллерийского обстрела и пронзительный вой аварийной системы оповещения.

— Они блокируют нас! — взвыл кто-то из офицеров, стукнув кулаками по панели управления. — Глушат прыжковые локаторы! Пока они активны...

— Есть попытка взлома! Они ломают наши системы защиты! Я попытаюсь что-нибудь сделать, но вирусных атак слишком много, программа не справляется, — едва ли не в отчаянии продолжая стучать по клавишам своего пульта и пытаясь что-то еще сделать, сообщил специалист безопасности. — Локаторы подавлены, а теперь они пытаются отключить нашу систему контроля прыжковых двигателей! Они сейчас изолируют меня от остальных систем! Матерь Земная!

— Мы не сможем сбежать, — капитан корабля беспомощно опустил на свое кресло и уже не слушал панические крики своих подчиненных. — Не успели...

— Батарей правого борта сосредоточить огонь на двигателях противника, — приказал капитан крейсера, наблюдая за событиями на обзорных мониторах капитанского мостика. Сложив руки на груди, он уже привычно бегал взглядом от строчки к строчке, быстро схватывая всю необходимую информацию и так же быстро отдавая необходимые указания. Ситуация больше напоминала учебные стрельбы, чем реальный бой, но позволить себе расслабиться он не мог, воздушные бои не прощали даже секундной потери бдительности. — Стрелять через две позиции, прицел выверять, новые промахи мне не нужны. Приготовить орудия пятого и шестого рядов, они могут пригодиться. И перехватчики

на всякий случай, если разбойники решатся контратаковать. Снесите к демонам все, что приближается к кораблю.

— Связь с нашей эскадрой уже установили? — поинтересовался Эдвард, сосредоточившись на трехмерной голограмме сектора, внимательно разглядывая иконку поврежденного гражданского корабля. — Будет неприятно, если на глазах нашего гостя лучшие корабли бароната упустят этот тихоход.

— Уже все сделано, господин барон. Охранная эскадра активировала систему глушения подпространственных локаторов, они никуда не денутся. Операторы радиоэлектронного подавления доложили, что контролируют большинство систем работорговца. Так что теперь этот корабль всего лишь подвижная мишень, — кивнул капитан и, сложив руки за спиной, поинтересовался по всей форме: — Господин барон, противник все еще пытается сбежать, каковы будут дальнейшие приказания? На двигатели подается повышенная мощность. Уничтожить?

— Нет. Лишите его возможности двигаться и защищаться. После возьмем на бордаж. Просто взорвать будет слишком просто, — Эдвард отвернулся от голограммной карты и посмотрел на капитана, задумавшись о чем-то своем. — Думаю, с нашей стороны будет хорошим жестом обеспечить спасение пленных на борту. Их чистотой и мутациями озаботимся позже.

— Слушаюсь, господин барон, — капитан отвернулся, чтобы дать новые приказы подчиненным, а Эдвард склонился над пультом вызова дрона, выбирая, какой кофе заказать. Крепкий бодрящий напиток оказывал на него благотворное воздействие, успокаивая мысли и не давая принимать слишком поспешных решений. И пока дрон направлялся к нему с чашкой кофе, новые приказы дошли до кораблей эскадры.

Активировав двигатели и выйдя из дрейфа, три эсминца охранной эскадры атаковали одновременно, выпустив впереди себя стайки кластерных торпед. Им навстречу вылетели подразделения перехватчиков, единственная защита грузового транспорта работорговцев. Поврежденный корабль, по которому тяжелый крейсер вел огонь, добывая двигатели, еще пытался завершить маневр и выйти из зоны глушения. Отправленные в практически самоубийственную атаку звенья перехватчиков были последней надеждой экипажа.

Защитники работорговца вполне могли сбить торпедные залпы. Однако на первом же заходе их перехватчики столкнулись с высланными тристанскими истребителями. Устаревшие, хуже вооруженные и не имеющие столь опытных и тренированных пилотов, перехватчики пиратов не могли им противостоять. И тристанцы уничтожали их без всякой жалости.

И пока кипел воздушный бой, искрящийся вспышками взрывов и яркими выстрелами лазерных излучателей, кластерные торпеды неслись дальше к цели. Распад боеголовок произошел за пять тысяч метров до работорговца. Каждая из них выпускала сотни поражающих элементов, бивших о броню грузового корабля. Один такой заряд не мог причинить серьезного вреда защищенному корпусу, но многочисленные обломки свободно пролетали выставленные дефлекторы, вызвав череду мелких взрывов по всему корпусу.

— Зафиксированы повреждения корабля-цели. Идет оценка результатов. Щиты активны на семьдесят два процента. Вооружение активно на двенадцать процентов. Системы наблюдения потеряли половину мощности. Получено подтверждение с флагмана эскадры, — докладывали операторы после распада боеголовок, склонившись над пультами управления и считывая новые данные. Вычислительные фреймы загудели громче, получая все новые

данные, преобразуя и анализируя их, прежде чем вывести итоговый результат. Один из операторов, приподняв голову в закрытом шлеме, добавил: — Господин барон, поступил запрос от командующего эскадры. Цур-адмирал сообщает, что перехватчики противника разбиты и отброшены, и просит подтверждения на повторный залп для полного уничтожения цели.

— Отказать, — ответил Эдвард, взял с подноса чашку кофе и, сделав глоток, сразу же скривился. Армейский суррогат разительно отличался от привычного благородного напитка, что подавали дома. Однако кофеина в нем было более чем достаточно, так что отставлять чашку в сторону барон не стал. — Отправьте ему приказ о подготовке абордажных групп. Крейсер обеспечит огневое прикрытие и уничтожит оставшееся вооружение противника, пока челноки будут сближаться с целью. Заодно передайте ему мою просьбу по возможности сохранить пленников корабля живыми. Мертвыми они не произведут должного впечатления.

Молодой барон, продолжая пить кофе мелкими глотками, взглянул на изображение поврежденного корабля с отметками попаданий. После того, как новый меткий выстрел из орудия главного калибра крейсера уничтожил правый стабилизатор корабля, тот сильно накренился, а его секции все сильнее чадили дымом разгорающегося пожара. Опасности корабль уже не представлял, но его содержимое могло еще принести пользу баронату.

Эдвард даже позволил себе улыбнуться, раздумывая, какую выгоду можно извлечь из сложившейся ситуации. Каким же неожиданным и удачным стало появление корабля работоторговцев в момент, когда прибыли столь важные гости. Один из главных зрителей, от которого барон ожидал весомой поддержки, получит яркие впечатления, когда основное представление даже не началось. Где-то на окраине сознания промелькнула мысль, что небеса порой подкидывают сюрпризы именно в те моменты, когда, казалось, просчитано все до мелочей.

— Господин барон, эсминцы пошли на второй заход. Залп в течение одиннадцати секунд, — в это время спокойным голосом доложил оператор, пока на трехмерной карте точки эсминцев начали сближение с отметкой цели. Неподвижный и лишенный возможности к сопротивлению, транспорт все равно открыл заградительный огонь из уцелевших орудий. Маломощные лазерные излучатели и рельсовые автопушки пытались что-то противопоставить боевым кораблям бароната, но выпущенные заряды лишь бессильно лизали дефлекторные щиты, расплываясь в разноцветных вспышках взрывов.

Открыв огонь, уцелевшие орудия только выдали свое местоположение на корпусе, и именно по ним пришлось первые залпы бортовых батарей эсминцев, шедших прямым курсом на сближение. Эти корабли не предназначались для длительных артиллерийских дуэлей, их огневая мощь не была столь разрушительной, как у крейсеров и линкоров. Однако и этого оказалось достаточно, чтобы окончательно уничтожить защиту грузового судна. После эсминцы принялись обрабатывать прицельным огнем уже сам корпус, методично разрушая уцелевшие внешние палубы и добивая то, что уцелело после детонации торпед.

Закончив огневую обработку, эсминцы отступили на дальнюю орбиту, освобождая место двум идущим следом фрегатам. Орудия кораблей остались наготове, держа внешний разрушенный корпус под прицелом, когда начался отстрел абордажных капсул. Набитые солдатами челноки на форсированных двигателях подлетали к пробойнам в искореженной горячей обшивке бортов. Тормозя перед посадкой, челноки закреплялись на корпусе корабля и открывали десантные люки. Первыми на борт поверженного судна ступали

абордажники — самые отчаянные и неуправляемые солдаты регулярных войск, имеющие одновременно самые высокие показатели боевых навыков и смертности, чьи имена заранее записывались в таблицы потерь. Однако в этот раз их противника вряд ли можно было назвать серьезным.

Потягивая кофе, Эдвард наблюдал за тем, как на экранах капитанского пульта всплывали сообщения о продвижении штурмовых групп. Данные от сержантов отделений поступали в режиме реального времени на фрегаты, чтобы капитаны кораблей могли вовремя отправлять подкрепление. И эти сведения сразу же пересылались на крейсер барона в виде коротких сообщений о ходе операции.

Как оказалось, какое-то сопротивление на борту грузовоза высадившиеся абордажники все же встретили. Уцелевшие работорговцы, закрепившиеся во внутренних корабельных помещениях, сдаваться не торопились и встретили солдат бароната огнем. От штурмовых команд поступали доклады о применении легкого стрелкового оружия, не способного пробить индивидуальные дефлекторные щиты солдат, и пару раз наступающих встречали боевые роботы примитивных модификаций. Их штурмовики уничтожали бронебойными ракетами.

— Господин барон, солдаты истребляют всех членов экипажа, как и было приказано, — сообщил один из операторов. — Попытки сдачи в плен игнорируются. Поступили сообщения, что обнаружены отсеки с пленниками. Взяты под охрану, но есть запросы на разрешение ведения огня на поражение для подавления попыток бунтов. Также есть запрос на разрешение арестовать главных корабельных офицеров. Обычно их публично судят...

— Даю разрешение, только пусть не переусердствуют, — кивнул Эдвард. — При возможности начинайте эвакуацию пленных на челноки. Когда все закончится, установите заряд на реактор. Такое дело вполне можно закончить красочным фейерверком.

— Господин барон, получен входящий видеосигнал с гражданского корабля, — доложил оператор. — Использование личного гостевого кода Тристанской фамилии. Куда прикажете вывести сигнал?

— На личный капитанский пульт, — велел Эдвард, отставив чашку в сторону, сразу подтянувшись и поправив мундир. Личный гостевой код мог быть только у одного человека. Кивнув капитану и передав ему контроль над пультом связи, барон отступил к голопроектору, где уже появилось лицо собеседника. Именно ее он хотел и боялся увидеть, не зная, какой реакции на происходящее от нее ожидать, но, как только появилось ее лицо, барон успокоился. — Госпожа Кейнивал. Рад приветствовать вас. Хвала Небесам, вы невредимы, я опасался за вашу жизнь.

С экрана на него смотрела миловидная молодая девушка с большими зелеными глазами и аккуратным курносым носиком. Она сняла прозрачную шелковую накидку, скрывающую волосы и нижнюю половину лица, убрала за ухо тяжелый локон цвета шоколада и кокетливо улыбнулась.

— Господин Тристан, — девушка коротко кивнула, приветствуя дворянина. — Я необычайно рада, что именно Вы откликнулись на наш сигнал о помощи. И что именно Вы спасаете меня и моих людей от этих ужасных работорговцев.

— Спасают не я, а мои люди. Мой клинок не будет пачкаться о подобный мусор, — честно признался Эдвард, приложив руку к сердцу и поклонившись. — Однако, отдаю должное вашей выдержке, вы не теряете присутствия духа. Неужели увиденное пришлось вам по нраву?

— Благодарю вас, господин барон. Я бы предпочла более спокойное путешествие и более тихое место встречи, признаю, это все несколько нервирует, — ответила глава корпорации «ТехКо» так, как будто рассуждала о поездке по оживленной улице в неудобном салоне автомобиля.

— О нашей встрече и о делах я предпочел бы говорить с вами лично, госпожа, — Эдвард усмехнулся. — Если пожелаете, я прикажу выслать транспорт, чтобы доставить вас на борт крейсера. Это военный корабль, но для вас уже подготовлены самые удобные и просторные помещения.

— Будьте столь любезны, барон, — девушка еще раз намеренно медленно взмахнула длинными ресницами, сверкающими золотой пылью, и улыбнулась. — Я согласилась на это путешествие, потому что желала вновь увидеть вас лично. И не хочу откладывать нашу встречу. С удовольствием приму приглашение подняться на борт.

— Сейчас же прикажу подготовить транспорт. А пока прошу меня простить, меня ждет сражение. — Эдвард тоже вежливо улыбнулся и движением руки отключил связь. Тяжело вздохнув, барон потер переносицу и добавил вслух, обращаясь к уже отключенному голопроектору: — Так уж и быть, пойду у тебя на поводу. Придется подыграть, чтобы узнать, ради чего ты готова рискнуть собственной жизнью.

Глава 4. Игры с огнем

*Дипломатия состоит в том, чтобы гладить собаку, пока намордник не будет готов.
Фридрих Ницше.*

Пленники, запертые в трюмах работорговца, не могли понять, что происходило на корабле. Для них воздушный бой был всего лишь чередой резких и пугающих звуков, глухим рокотом и усиленным металлическими стенами гулом.

В узких коридорах завывала сирена, приглушенная многочисленными корабельными переборками. Вибрацией и отдаленным шумом доносилось эхо разрывов, а через вентиляцию доходил вместе с запахом гари рев пожаров в отсеках, которые не успели заблокировать. Пол и стены дрожали, корабль периодически сотрясался так, словно был готов развалиться в любую секунду. Напуганные пленники кричали, в панике жались друг к другу, не зная, как спрятаться за чужими спинами, и бросали взгляды на потолок, где от тряски как безумные раскачивались лампы. Матери крепко прижимали к себе детей, мужчины пытались удержать от паники женщин. В толпе напуганных людей кто-то кричал, кто-то плакал, кто-то громко молился, но любые слова поглощал грохот очередного взрыва. Словно боги били молотами по наковальне, заново выковывая мир, и несчастным казалось, будто герои их легенд оживают, неся с собой ужас и разрушения.

Один из фонарей под потолком после очередного толчка все же сорвался с креплений и рухнул вниз, на головы пленникам. Криков стало больше. Мгновение спустя, когда корабль совершил резкий маневр, несколько старых грузовых контейнеров, забытых в трюме, свалились на головы тех, кто оказался слишком близко. Пленники в панике давили друг друга, пытаясь найти безопасное место, а по полу трюма снова текла кровь.

— Демоны пришли за нами! Они пришли, как в самые первые дни этого мира! — продолжала верещать старуха-предсказательница, назидательно поднимая вверх кривой морщинистый палец, не обращая внимания на то, что ее никто не слышит. — Когда боги оставили наш мир, демоны погрузили его в вечную ночь и пришли пожрать души тех, кто остался под черным небом! И сейчас они снова явились за душами живых! Боги покинули нас всех! Прокляли мир! Они не защищают нас! Мы не нужны богам, но демоны жаждут наших душ! В мертвом мире нет места живым!

После очередного взрыва потолок в отсеке не выдержал. Проржавевшие опорные балки просели, и часть тяжелых сталепластовых плит рухнула в толпу. Тяжелыми обломками, падавшими с жутким грохотом, засыпало продолжавшую проповедовать до последней секунды старуху. Она не успела и вскрикнуть, только кровавые брызги разлетелись в стороны.

Одна из упавших плит вынесла массивную дверь вместе с куском стены, открыв проход в корабельные коридоры. Оттуда доносилась сухая трескотня автоматических винтовок и рывканье штурмовых дробовиков. Мимо пролома пробежал матрос, но тут же получил в спину попадание из рельсовой винтовки. Ускоренный заряд разорвал верхнюю часть тела, разнеся мелкие ошметки по всему коридору. Перед глазами испуганных пленников в коридоре появилась закованная в металл фигура, занимавшая почти все свободное пространство от стен до потолка, и, громко топая хромированными подошвами по плитам

пола, подошла к пролому. "Взгляд" едва заметное светившихся визоров шлема остановился на дикарях, и те в ужасе отпрянули. Солдат абордажной группы Тристанского бароната был для них просто бездушным металлическим монстром.

Абордаж шел полным ходом. Боевые отряды бароната проникли на борт через пробоины или вскрытые стыковочные шлюзы и теперь быстро продвигались. Охрана судна не могла дать отпор хорошо вооруженным абордажникам в облегченной боевой броне, имевшим усиленные лобовые щиты и улучшенные датчики восприятия. Разбившись на небольшие группы, тристанцы зачищали палубу за палубой, уровень за уровнем, подавляя сопротивление и уничтожая всех на борту. Огонь рельсовых винтовок и скорострельных лазерных излучателей рвал противников на куски, а тех, кому не повезло умереть сразу, добивали прицельными выстрелами. Дефлекторные щиты легко поглощали выстрелы легких автоматов и репульсорных винтовок тех, кто пытался сопротивляться, и абордажники шли по коридорам, даже не задерживаясь, расстреливая всех на своем пути.

Исключение делали только для отсеков с пленниками. Выполняя приказ обойтись без лишних жертв, солдаты бароната, спустившись на отмеченные аналитиками уровни, первым делом брали под контроль все входы и выходы, не позволяя пленным разбежаться. Закованные в броню фигуры становились непреодолимым препятствием на пути дикарей, замирающих в ужасе при виде оживших небесных монстров из самых страшных мифов.

Частоты связи во время операции забивало множество сообщений, и операторы на корабле быстро их разбирали, отправляя нужным адресатам и настраивая каналы переговоров, не допуская лишнего шума.

— Реактор под контролем. Здесь два инженера попытались его пустить в разнос вместе с нами. Получили по заряду в голову. Ждем дальнейших указаний.

— Обеспечить безопасность реакторного отсека и дождаться окончания штурма. Исключить возможность контратаки.

— Трюм полностью захвачен. Несколько отсеков повреждено в ходе обстрела, количество погибших пленников уточняется.

— А у нас тут ЧП! Пленники взбунтовались и пытаются покинуть отсек. Стреляем над головой, но это не сильно помогает. Ждем указаний.

— Стрелять на поражение. Снимете нескольких, остальные побегут обратно.

— Приближаемся к капитанскому мостику. Сопротивление усилилось, но особых неприятностей не доставляет. Используем плазму для подавления огневых точек. Что делать с офицерами?

— Захватить и допросить.

— Господин сержант! Тут сдаются! Мы зажали несколько человек на жилой палубе, они бросают оружие. Ждем приказа.

— Есть новый приказ с флагмана. Командный состав по возможности брать живым. Остальных — в расход, лишние пленные нам не нужны.

Сержанты командовали своими отделениями, пользуясь общей частотой связи и настройками операторов, в реальном времени направляя каждое сообщение нужному адресату. Уверенные в своем превосходстве, отлично знавшие поставленные цели и конкретные задачи, абордажники без особого труда справлялись с немногочисленной охраной и занимали важные секции корабля. Боевые доспехи, общим весом почти в тонну композитной брони, облегченные антигравы, топтали подошвами по металлическому полу, а индивидуальные дефлекторные щиты чуть заметно мерцали и гудели, продолжая

поглощать попадания из оружия работорговцев.

— Господин сержант! Над нами кто-то есть! Датчик сердцебиения засек троих в вентиляционной шахте! — сообщил один из рядовых, посмотрев на потолок. Сержант поднял взгляд и жестом приказал одному из бойцов пальнуть вверх. Короткая очередь утяжеленных снарядов разодрала пластиковую отделку потолка и разнесла все, что там находилось. Вниз посыпались оплавленные обломки обшивки, куски перекрытий, свесились обрывки кабелей. Из развороченной шахты, забрызгав все кровью, свалилось искалеченное тело, попавшее под пули. Вместе с ним упали еще двое в инженерных комбинезонах и кожаных куртках. Первый неудачно приземлился на ногу, оставшись валяться на полу и стонать от боли, а второй успел распрямиться, тут же открыв огонь из автомата. Пули сгорали в дефлекторном щите, вспыхивая яркими белыми точками.

— Дайф, будь любезен, — коротко попросил сержант, увидев новых противников и опустив свою винтовку.

— Стойте! Не надо! Я сдаюсь! — успел заверещать тот, что лежал на полу, когда солдат уже поднял свое оружие.

Рывкнул плазменный разрядник, накрыв обоих ревушим голубым пламенем. Крики прервались моментально, но тела еще несколько секунд корчились в огне, пока не превратились в обугленные скелеты, вплавленные в стену. Сержант моргнул светофильтрами в момент вспышки и кивнул, довольный результатом.

Главной целью всех штурмовых групп служил капитанский мостик. Там окопались старшие офицеры корабля, отлично понимавшие, что пощады им не будет, и потому готовые драться до последнего. Вооружившись кто чем успел, они забаррикадировались за закрытым шлюзом и приготовились стрелять по всему, что появится в створе.

Их сопротивление снесли за несколько секунд, подрывом направленных зарядов разбив бронированные створки и сметя баррикаду залпами плазменных разрядников. Длинные языки ревущего пламени выжгли всех, кто пытался там укрыться, а остальных заставили в ужасе разбежаться по мостику.

Абордажники вошли следом, добывая остатки сопротивления прицельным огнем. Уцелевшие офицеры и операторы в панике бросали оружие и молили о пощаде, но на их просьбы огнемечки отвечали новыми залпами своего жуткого оружия. Пламя с ревом пожирало аппаратуру и живые тела, вспыхнувшая обшивка плавилась и с треском сползала со стен под предсмертные вопли экипажа. Расплавленный металл растекался небольшими яркими лужицами, блестящими в свете голубых плазменных огней.

— Мостик захвачен. Корабль под нашим полным контролем, — сообщил руководящий штурмом офицер, наблюдая, как немногочисленных взятых в плен выживших работорговцев обыскивают, разоружают и ставят на колени в коридоре у мостика.

— Превосходно, — кивнул капитан флага эскадры. Он до самого последнего момента опасался неприятных сюрпризов. Однако операция прошла словно по учебнику, в точном соответствии с планом. — Эвакуируйте всех и устанавливайте термические заряды. Мы закончили.

Эдвард находился в ангаре крейсера, когда корабль работорговцев взорвался. Внешние створки уже распахнулись к этому моменту, и от пустоты Открытого Пространства посадочные площадки отделяло только поднятое силовое поле.

Барон, стоя у ограничительной полосы одной из площадок, ждал прибытия транспорта с

леди Кейнивал на борту, когда мрак разорвало мощной вспышкой. На захваченном судне практически одновременно произошло три взрыва. Заложенные саперами заряды вызвали детонацию реактора, развалившую корпус пополам, и почти сразу же следом взорвалась кормовая часть, когда ревущее пламя охватило запасы топлива. Последними рванули плазменные батареи в носовой части. Тристанский барон хищно улыбнулся, глядя, как пылающие обломки разлетаются по сторонам от того места, где еще мгновение назад дрейфовал корабль. Фейерверк действительно получился красочным и впечатляющим.

Эдвард практически сразу же забыл о работоторговцах, поскольку впереди показался тристанский транспорт, заходивший на посадку. Машина по крутой дуге приблизилась к раскрытому люку ангара и, сбросив скорость, вошла под прикрытие силового поля. Активировав посадочные двигатели, гася инерцию, челнок выдвинул амортизационные опоры и опустился на посадочную линию в нескольких шагах от барона. Эдвард даже не отступил в сторону, когда при посадке раскаленные дюзы прошли совсем рядом от его головы, обдав струей горячего воздуха. Сложив руки за спиной, феодал спокойно ждал, пока с тихим шипением откроется шлюз десантного люка.

Первыми из пассажирского отсека вышли гвардейцы из личного отряда Эдварда в тяжелых штурмовых доспехах с реактивными винтовками в руках. Их горевшие синими и красными огоньками визоры шлемов мигали, подстраиваясь под новое освещение. Стуча стальными подошвами по металлу трапа, гвардейцы маршировали как единый организм, не сбиваясь ни на миллиметр.

За ними следом спустились роботы — личные телохранители главы «ТехКо». Массивные и совершенные машины-убийцы с единственным нерушимым протоколом безопасности одного человека. Угловатые корпуса с мощными ногами, широкими плечевыми суставами и едва заметной головой с тремя рядами визоров со стороны казались просто тяжелыми и немного неповоротливыми дроидами гуманоидной формы, но под броней они несли модульное вооружение, которое при необходимости моментально приводилось в действие.

И только после охраны показалась сама леди Кейнивал. Высокая и стройная девушка в легких шелковых одеяниях, прозрачных настолько, чтобы взбудоражить фантазию, и закрытых достаточно, чтобы не показать недозволенное. Невесомая ткань струилась по тонкому гибкому телу, и казалось, что каждое движение оставляет за собой искрящийся шлейф. Легкий макияж оттенял высокие скулы и подчеркивал красоту больших миндалевидных глаз. Черные ресницы были покрыты золотой пылью и придавали взгляду глубину и мягкость. Длинные темные волосы украшала тонкая серебряная диадема с крохотным солнечным камнем.

Недооценивать леди Кейнивал не стоило, и многие, кто допустил подобную ошибку, уже отправились на преждевременную встречу с Небесами. За броской ширмой молодости и внешней красоты скрывался холодный зрелый ум изворотливого корпоранта, цепко держащего одну из крупнейших частных организаций сектора в своих руках. Она бесценно занимала пост генерального директора корпорации «ТехКо» уже третье столетие, избавляясь от конкурентов с изяществом и грацией, сравнимыми разве что с ее жестокостью и беспринципностью. Те, кто имел смелость или глупость поставить под сомнение ее решения, платили за это самую высокую цену.

— Госпожа Кейнивал, позвольте приветствовать вас на борту крейсера тристанского флота. — Эдвард, держа левую руку за спиной, правую раскрытой ладонью приложил к

сердцу и поклонился. Строгая парадная форма бароната из тяжелых тканей, застегнутая на все молнии и пуговицы, резко контрастировала с легкими одеяниями гостыи. — Добро пожаловать на территорию Тристанского бароната. И позвольте выразить надежду, что наша встреча будет весьма плодотворной.

— Господин Тристан, я рада видеть вас. Позвольте поблагодарить за помощь и гостеприимство, — девушка, следуя обычаю своей родины, приложила руку к середине груди и склонила голову. А потом внимательно посмотрела на дворянина необычными для ее народа зелеными глазами и улыбнулась. — Барон, вы позволите гостье маленький каприз? Можно избавиться на время от охраны, мне надоели эти истуканы? Мы же в безопасности на вашем корабле?

— Разумеется, — Эдвард улыбнулся уголками губ. — Чувствуйте себя как дома под защитой войск Тристанского бароната. Позвольте проводить вас, леди Кейнивал, в вашу каюту, там вы сможете отдохнуть от перелета.

— Да, пожалуйста. Я надеюсь, вы составите мне компанию, барон, — она прошла мимо так близко, что коснулась пышным рукавом платья эполет дворянина, роботы-охранники, повинаясь её жесту, остались на месте. Эдвард обернулся и последовал за ней к выходу из ангара.

Тристанские судостроительные заводы, используя промышленные мощности собственных верфей и союзных герцогств, ежегодно спускали со стапелей сотни военных и гражданских кораблей. Самые лучшие модели шли на вооружение тристанской армии, остальные продавались другим феодам, странам и даже частным корпорациям вроде «ТехКо».

Так что в расположении помещений и секций на корабле подобного класса леди Кейнивал разбиралась не хуже Эдварда, провожающий ей не требовался. Однако необходимо было соблюсти протокол, поэтому они направились к жилым палубам крейсера в сопровождении тристанских гвардейцев.

Молчаливые, спокойные и практически бездушные солдаты шли по обе стороны от феодала и его гостыи, чеканя шаг по красным ковровым дорожкам, словно настоящие роботы. Они прошли многочисленные операции по имплантации и психологические корректировки. В них не осталось почти ничего человеческого, кроме монолитной преданности господину и абсолютного бесстрашия, ограниченного лишь записанными в память доктринами.

— Госпожа, вы прибыли раньше срока, указанного в приглашении, — заметил Эдвард, шагая слева от гостыи, сложив руки за спиной. — Мои люди едва успели подготовить все для официальной встречи. Честно говоря, я в некотором замешательстве.

— Ну, я не считаю, что стоит относиться к такого рода вещам, как приглашение, с точностью, словно речь идет об официальных документах, — леди пожала плечами и улыбнулась. — Эдвард, когда мы одни, давай забудем об условностях и протоколе. Мне иногда кажется, что ты намеренно меня избегаешь. Словно между нами ничего и не было...

— Госпожа, вы ошибаетесь, — Эдвард отвернулся, глядя прямо перед собой. — Если бы я намеренно избегал вас, мы не встретились бы ни при каких обстоятельствах. С тех пор, как мы виделись последний раз, многое изменилось. Я уже не тот мальчишка, каким был раньше, и знаю много больше о тех вещах, о которых прежде не подозревал. Мне больше не нужны учителя, даже столь прекрасные и мудрые, как вы.

— Твой отец был бы рад услышать такие слова, хотя меня все равно удивляет, как

подобный человек смог воспитать столь порядочного сына, — она подхватила его под руку, прижимаясь ближе, чем позволял этикет. — Возможно, он хотел для тебя большего, чем получил сам?

— Значит, он весьма своеобразно понимал этот вопрос. — Барон не оттолкнул ее и не сбавил шаг, просто сделал вид, что ничего не заметил. — Госпожа, в свое время вы мне очень помогли, и, слово дворянина, я никогда не забуду об оказанной услуге. И все же, это не означает, что я превращусь в вашу очередную комнатную собачку. Поклонников, мечтающих оказаться у ваших ног, не счесть и в королевстве, и за его пределами.

— Мой отец всегда говорил, что сладок не тот плод, который легко сорвать, а тот, что висит на самой высокой ветке и достается птице самого высокого полета, — беззаботно добавила леди Кейнивал, прижавшись к барону еще сильнее, и, немного помолчав, добавила: — Он вообще любил поговорить. До тех пор, пока я с ним не покончила.

— Прошу вас, госпожа, — Эдвард остановился около шлюзовых дверей, ведущих в адмиральскую каюту, пропуская даму вперед. Гвардейцы заняли места по обе стороны входа. Барон, поправив высокий ворот мундира, застегнутый практически до самого подбородка, зашел следом, створки за его спиной закрылись с тихим шипением, отрезая от коридора и от охраны. — Смею предположить, что вас устроят эти покои, пока мы не прибудем к месту встречи.

— Барон, но это же ваша каюта, — глава корпорации «ТехКо» изобразила удивление на лице и оглянулась по сторонам. — Разумеется, она вполне подходит, но мне известно, как к подобным вещам относятся в Рейнсвальде...

— Мы сейчас не в Рейнсвальде, Лейна, — заметил Эдвард, расстегивая верхние кнопки мундира. — Мы на расстоянии двенадцати парсеков от береговой линии ближайших колоний королевства, и принятые там законы действуют здесь ровно до тех пор, пока мы хотим их соблюдать. Признаться, я не совсем понимаю причину...

— Ты не устаешь меня удивлять, — перебила его девушка и кокетливо улыбнулась, усаживаясь на мягкий диван. — И я вижу, что ты усвоил прошлые уроки.

— Более чем, — кивнул Эдвард, активировав на столике панель управления сервисным дроном. — Прежде чем я тебя оставлю, не согласишься ли ты выпить со мной и ответить на несколько вопросов?

Через раскрывшийся люк в потолке в каюту влетел небольшой сервисный дрон, извещающий о своем появлении ритмичным коротким писком. Жужжа антигравитационным двигателем, металлический диск ловко подлетел к невысокому столику и, развернув манипуляторы, поставил на него серебряный поднос с бутылкой вина и хрустальными бокалами, горку с фруктовыми закусками, тарелки и приборы, после чего удалился обратно тем же путем. Как единственный мужчина в помещении, Эдвард раскупорил бутылку и разлил рубиновый напиток по бокалам, протянув один из них собеседнице.

Лейна, к тому времени сбросив с ног мягкие туфли, удобно устроилась на белоснежном диване, облокотившись на большие бархатные подушки. Она приняла бокал, как бы невзначай коснувшись пальцами руки Эдварда, но пить не стала, вода пальцем по хрустальному ободку, продолжая следить за своим визави. Барон чуть заметно улыбнулся, но остался безучастен, спокойно выдержав гляделки. Глава корпорации вздохнула и пожала плечами, согласившись, что продолжать эту наивную игру больше не стоит.

— И что же ты хочешь узнать?

— Что за представление ты устроила? — Эдвард заговорил, когда их взгляды снова

сошлись. — Сигнал бедствия. Сообщения о многочисленных повреждениях корабля. Когда мы подошли, я приказал просканировать его. Он был в идеальном состоянии, и я ни за что не поверю, что твой экипаж могла напугать какая-то кучка работорговцев. Одних роботов твоей личной охраны хватило бы, чтобы опустошить эту шаланду. Зачем было поднимать шум на половину сектора?

— А у меня была другая возможность встретиться с тобой раньше оговоренного времени? — она улыбнулась. — Ты должен был прибыть раньше своих гостей, чтобы все подготовить. И не мог не откликнуться на код, который передал мне. Как видишь, я угадала.

— Можно иначе сообщать о своих желаниях...

— И тогда ты бы нашел сотню причин оттянуть встречу до самого последнего момента, разве нет? — Лейна откинулась на спинку дивана, продолжая сверлить его взглядом. — Кроме того, мне хотелось посмотреть на тристанские корабли в деле. С этим не сравнится ни одна видеозапись. А работорговцы всего лишь случайность, правда. О них я даже не подозревала, пока их судно не появилось в зоне действия локаторов, но, согласись, так удачно, — она опустила глаза, пряча хитрую улыбку в бокале с вином.

Человеку неискушенному леди Кейнивал могла показаться наивной дурочкой с кукольным личиком, а ее действия — капризами избалованного ребенка. Но в прелестной головке работал неутомимый мозг, просчитывающий комбинации на несколько шагов вперед, а невероятная интуиция и наблюдательность помогали ему предсказывать поведение как друзей, так и врагов, и оборачивать на пользу корпорации даже организованные против «ТехКо» заговоры и альянсы. Молодой тристанский барон успел узнать ее достаточно хорошо и, повзрослев, стал воспринимать как пепельную кобру, изготовившуюся к броску, прекрасную и смертельно опасную. И потому ему нравились моменты, когда они оставались наедине, словно рядом со смертью. Ему нравилось дразнить ее. Он знал, что Лейна не будет пытаться убить его лично, но он также знал, что достаточно лишь щелчка изящных пальцев, чтобы резко усложнить его положение.

— Твои действия необычны, Эдвард. Собирать своих внешних союзников и компаньонов на окраине сектора только для того, чтобы заключить несколько новых соглашений и устроить показательное выступление тристанских войск... — Лейна вздохнула и все-таки пригубила вино. — Больше похоже на пустое бряцанье оружием, чем на зрелое решение серьезного мужчины.

— Ты так думаешь? — тристанский барон приподнял одну бровь и, взяв бокал, отступил к стилизованной карте Рейнсвальда в богатой золотой раме, занимавшей всю стену. На ней в реальных границах феодалов были нарисованы геральдические животные дворянских родов, сцепившиеся друг с другом в нескончаемой схватке. Символ самой природы королевства. — Возможно, в мире, где люди честны и ложь не имеет смысла, подобные действия и стали бы глупостью, однако вокруг нас не утопия. Вокруг нас мертвый мир, где выживание ставится превыше всего.

— И что из этого следует? — Лейна сделала глоток вина и наклонила голову набок, разглядывая украшения парадного мундира барона.

— Тебе ли, как главе корпорации «ТехКо», ведущей дела с королевским двором, не знать? — Эдвард перехватил ее взгляд. — Король умирает.

— Никто не вечен, — Лейна беззаботно пожала плечами. — Иинан Третий действительно хороший король, честный и принципиальный, с ним приятно иметь дело. Когда он покинет престол, я заключу контракт с его преемником. Не вижу причин для

волнений.

— А стоило бы. Иинан Третий стабилизировал ситуацию в королевстве, но он же дал феодалам слишком много воли, что породило в них самоуверенность. На место нового короля в настоящий момент претендуют три человека, за каждым стоят реальные силы и деньги, и ни один из них не отступится. И только глупец может надеяться, что выборы нового короля пройдут как положено. События скоро обрушатся на королевство подобно урагану...

— И ты решил поучаствовать? — Лейна перевернулась на живот, подперев рукой подбородок и глядя на Эдварда поверх бокала. — Поддаться всеобщей истерии?

— Считаешь это неправильным? Феодалы предрекают гражданскую войну после смерти короля. Куда более жестокую и кровопролитную, чем все вместе взятые конфликты до этого. Тлеющие угли дадут начало большому пожару, и тот, кто не будет готов, может его не пережить.

— Готовиться к тому, что другие будут решать свои судьбы, далеко не то же самое, что готовиться решать собственную судьбу... — протянула Лейна, отставляя бокал. — Эдвард, твой отец был уверен, что ты достоин большего, чем быть просто одним из дворян королевства. Не для этого он оставил тебе феодал.

— Интересно даже, каким образом ты лучше меня знаешь, что думал мой отец?

— Я была достаточно близка с ним, — глава корпорации «ТехКо» перевернулась на спину и потянулась, демонстрируя идеальные изгибы своего тела. Даже такой холодный человек, как барон Тристанский, не мог не отметить ее красоты. Легкая ткань практически не скрывала генетически усовершенствованное тело, лишенное изъянов. Такими изображают небесных ангелов на фресках культовых храмов. — Эдвард, ты уже выбрал, кого хочешь поддержать?

— Нет. Говоря объективно, я бы предпочел видеть на престоле Иинана Третьего. Ни один из претендентов не способен его заменить. — Барон сделал еще один глоток из бокала и, наклонив голову, внимательно посмотрел на флиртующую с ним девушку, намеренно задержав взгляд на соблазнительных формах несколько дольше, чем следует порядочному человеку, и только после этого посмотрел ей в глаза. — Ты прибыла раньше, чтобы лично поговорить со мной об этом? Достаточно было отправить видеосообщение.

— И ты бы сказал правду? — проворковала Лейна и уселась на колени. — Я не настолько наивна. Если хочешь добиться от человека правдивых слов, нужно видеть его глаза. Разве нет?

— Возможно, — Эдвард кивнул. — И все-таки ответь на мой вопрос.

— Зачем? — искренне поинтересовалась Лейна, но в этот момент, прерывая их, раздался корабельный сигнал о переходе в прыжковый режим. Они оба замолчали и подняли взгляды вверх, замерев на мгновение. Это было сродни рефлексу, хотя жилые секторы на кораблях всегда лучше защищены и укреплены и, находясь там, можно практически не обращать внимания на пространственные прыжки.

— Действительно, зачем? — повторил Эдвард, усмехнувшись. — Например, чтобы не давать мне повода выкинуть тебя за борт.

— И ты способен так поступить? — она притворно ужаснулась, сделав «большие» глаза.

— Нет, естественно. Живая ты принесешь гораздо больше пользы. Однако такой вариант развития событий тоже вероятен.

— Значит, я не отвечу на твой вопрос, — спокойно завершила тему Лейна. — Лучше

расскажи мне о том, что ты сам собираешься делать? Кроме тех глупостей, вроде заключения новых договоров и союзов. Что тебе действительно нужно?

— Всему свое время. Ты и так об этом скоро узнаешь, — Эдвард опустился на диван рядом с Лейной. Девушка тут же положила ноги ему на колени, на лодыжке сверкнул серебряный браслет с крупным камнем в медальоне. Барон удивленно выгнул одну бровь, но ответом ему была только игривая улыбка, поэтому он сделал еще один глоток и покачал головой. — Можешь считать это бряцаньем мечами. Я не уверен в некоторых моих союзниках, а в свете предстоящих событий от сомнений надо избавляться. Я решил напомнить своим так называемым партнерам, что лучше сохранить прежние договоренности.

— Я надеюсь, там будет что-то интересное? — маленькая аккуратная ступня погладила его бедро. — Сколько из своих новых разработок ты собираешься представить? Например, «Викинги»...

— «Викинги» будут вишенкой на торте, — кивнул барон, пока позволяя Лейне творить все, что ей заблагорассудится. Глава корпорации «ТехКо» отлично умела манипулировать людьми, и в разговоре с ней нужно было контролировать каждое слово, чтобы не сказать лишнего. Раскрывать все свои секреты барон не торопился. — Предполагалось, что будут учебные стрельбы, но скорее всего получится устроить целое представление. На территорию моих колоний забрело кочевое племя дикарей. Поэтому стрелять будем по живым мишеням. Думаю, гости такой подход оценят.

— Жду не дождусь...

Корабль в ближайшие часы должен был выйти в реальное пространство на окраине колониальных территорий Тристанского бароната. Кроме нескольких автоматических аванпостов, дрейфовавших над дикими пустошами, ничто здесь не указывало на присутствие живых людей. Развалины древнего города, имена строителей которого давно стерлись из памяти, простирались до самого горизонта, словно напоминание, что человеческая жизнь скоротечна и Вселенной нет дела до мнимых свидетельств ее величия.

Широкие трассы, некогда разрезавшие многоуровневые кварталы, были завалены обломками и рухнувшими секциями высотных зданий, а над ними возвышались чудом устоявшие под напором времени пролеты подвесных дорог. Треснувшие, просевшие, выцветшие, выветренные развалины слепо смотрели на мир темными провалами окон. От некоторых когда-то красивых высотных зданий остались только каркасные металлические опоры, которые гудели и выли от порывов пронзительного ветра пустошей, гнавшего мусор вперемешку с серым песком. Остатки когда-то огромного мегаполиса возвышались над пепельной пустыней, постепенно наступавшей на город, как на памятник погибшей цивилизации. Одной из многих, нашедших свой конец в этом мире после очередного Катаклизма.

Недалеко от этого места тристанские колониальные команды начали разработку урановых рудников, и вся прилегающая территория номинально перешла под протекторат бароната. Последние три года охотничьи команды размещенных тут гарнизонов занимались сокращением популяции мутантов вокруг шахт и рабочего поселка. Поднятые в небо автоматические зонды отслеживали передвижения крупных стай и рост гнездовий, и в случае обнаружения опасности на контрольный пост немедленно приходило соответствующее оповещение.

Так и был обнаружен конвой кочевого племени дикарей. С того самого момента, как

первые тяжело нагруженные и укрепленные машины пересекли границу колоний бароната, их постоянно отслеживали высланные воздушные дроны. Дикари о подобном даже не подозревали, продолжая спокойно двигаться по своему маршруту.

Многотонные грузовики на восьми и даже десяти парах колес, тяжелые гусеничные тягачи и автоплатформы несколькими колоннами медленно двигались через густую городскую застройку, время от времени останавливаясь для расчистки завалов. И только один из дежуривших на посту снайперов обратил внимание, как высоко в черном небе мелькнула искра. Она пропала так быстро, что человек даже не понял, действительно он что-то увидел или это обман зрения.

Глава 5. Дома

«Наивысшее счастье для женщины — это дарить свою любовь кому-то, а не быть любимой»

Барбара Картленд

Только что зажженный огонь свечи заморгал и почти потух, потревоженный налетевшим порывом сквозняка, и девушка, с тревогой задержав дыхание, остановилась, прикрыв ладонью все еще тлевший фитиль. Одинокий язычок пламени снова разгорелся, и свеча заметно чадила тонкой струйкой черного, пахнущего ладаном дыма.

Принцесса с облегчением вздохнула и осторожно поставила свечу в основании алтаря Небес, настолько покрытого толстым слоем воска, что не различить было и самих бронзовых подсвечников. На потемневшем от времени камне хорошо прослеживались только тисненные золотом руны молитвы благодарности, складывающиеся в слова с устаревшим звучанием. Древние, как сам Рейнсвальд, с многочисленными узорами и украшениями, руны постамента, если верить легендам, были выбиты по приказу первого короля в наследие потомкам. Монахи, следившие за часовней, регулярно протирали эти вырезанные в камне символы, оставляя единственным чистым местом на постаменте.

Сверху на принцессу взирали статуи ангелов, распростертыми крыльями державшие каменные облака с тонкой резьбой, изображавшие Небо. Каждый из них стоял на горах человеческих черепов, и ниспадавший подол свободных одеяний укрывал такие же мраморные статуи вставших на колени воинов в доспехах, склонившихся в молитве с оружием в руках.

Выточенные из белого мрамора облака служили основанием для стоящего выше ряда фигур, двух мужских и двух женских, изображенных талантливым скульптором двумя парами в тяжелых доспехах или длиннополых одеяниях созидателей. Еще выше скульптура переходила в потемневшую от времени фреску, изображавшую Отца, создателя и высшего существо всего мира. Именно к нему ежедневно обращались миллиарды верующих с молитвами о защите и покровительстве. И сегодня девушка снова пришла просить его о помощи.

Расправив складки длинного кружевного платья, принцесса Карийского бароната опустилась на колени на каменных ступенях перед алтарем, сложив руки перед собой в молитвенном жесте и потупив взгляд перед белокаменным ликом старца с мужественными чертами и небольшой бородой. Стройная девушка, стройная и точеная, словно фарфоровая фигурка, с длинными белоснежными волосами и ухоженными руками, даже в сосредоточенном молчании казалось ангелом, сошедшим с картин древних художников. Каждый отмечал ее необычайную красоту, тонкие черты лица, только подчеркивавшие широкие голубые глаза. Ее кожа была белее снега и мягче нежнейшего бархата, и не было никого во всем королевстве, кто мог бы найти изъян у прекрасной и доброй принцессы Карийского дома.

— Отец, заступник и вседержитель, смиренно прошу тебя за душу суженного моего, имени Эдварда, рода Тристана. Прошу оградить его от опасностей и защитить от искушений, укрыть светом небесным и обратить свой взгляд на него благосклонный. Прошу охранить его от пламени Бездны, от чудищ, ждущих в темном мире. Прошу дать сил идти выбранным

путем, поддержать в минуты слабости и удержать в мгновения торжества. Сейчас, как никогда в другое время, прошу помощи ему и поддержки, столь далеко от светлых огней Рейнсвальда, во мраке Открытого Пространства. Не обойди его стороной и не обдели своим словом благодатным... — она замолчала на мгновение, вспоминая слова, которые произносила каждый раз, когда молилась, и губы ее тронула улыбка. — Отец, передай ему мои слова ожидания и надежды. Донеси до него мое желание увидеть его вновь. Пусть эта мысль преодолет пространство и коснется его души. Ни о чем другом не смею больше тебя просить...

Принцесса склонила голову еще ниже, шепча слова молитвы, и шаль соскользнула с плеч, оголяя тонкую бледную шею. Девушка не стала ее поправлять, не отрываясь от молитвы о защите и покровительстве для любимого человека, близких и родных, в эти минуты находившихся так далеко от дома. Под арочными сводами часовни ее голос отдавался тихим эхом, столь слабым, что отзвуки отдельных слов смешивались друг с другом, дополняя монотонные песнопения электронных херувимов, встроенных в украшения стен и колонн. В такое время внутри никого больше не оставалось, кроме статуй ангелов и святых, не считая кибернетического служки в темном балахоне, уже давно лишённого собственного сознания. А единственным источником света в темном зале были свечи перед резными иконами и в люстрах под потолком, чей свет дрожал от порывов сквозняка, пока отблески плясали на потемневших от времени фресках.

Часовня, где молилась принцесса, считалась едва ли не одним из самых старых помещений Карийского замка, теперь занимавшего все склоны Кассарского хребта. Если верить записям местной библиотеки, именно с ее основания началась колонизация окружающих земель. В память о тех временах само здание сохранили и целиком перенесли на верхние уровни в целостности и сохранности во время строительства нового замка. И именно под ее своды приходила молиться принцесса Карийского Дома после каждой вечерней службы. Она любила тишину, царившую под каменными сводами после того, как зал покидали прихожане и священники. В такие минуты девушка чувствовала, что становилась чуть ближе к Небесам, а голос ее доходил, хоть самую каплю, но все же чуть яснее, чем в любое другое время.

Над головой каменный свод сходилась арками, стоявшими на тонких и высоких колоннах, по всей длине украшенными резными барельефами последней битвы между воинством Неба и порождениями Бездны. Расписанная голубым и красным золотом, резьба блестела в неровном огне свечей, и дергающиеся тени словно в любой момент могли ожить и сойтись в настоящей схватке, описанной на страницах истории о Войне Небес. Длинные ряды колонн тянулись через весь зал до самых дверей, а под ними стояли широкие скамьи с подставками для колен, занимавшие почти все свободное пространство, но в эти минуты там не сидело ни одного человека, только где-то лежали оставленные молитвенники с множеством закладок.

В последний раз осенив себя священным знаком Неба, девушка поднялась с колен и губами коснулась резной ступни одного из ангелов, прежде чем отступила от алтаря.

— Снова молишься, дитя? — голос прозвучал даже слишком неожиданно, заставив принцессу вздрогнуть. Слишком погруженная в собственные мысли, она не обратила внимания, что в часовню во время молитвы вошел еще один человек. Священник Культа Неба в белоснежных длинных одеяниях и с красной повязкой на глазах стоял за ее спиной всего лишь в паре шагов. Как и все служители, он был ослеплен при посвящении в сан и

теперь прятал пустые глазницы за темно-алым бархатом. Сильно состарившийся, сгорбившийся и уже не способный расправить плечи под весом собственных одежд, он с трудом переставлял ноги, все время опираясь на тяжелый золотой посох. На груди висел тяжелый медальон символа Неба — четырехкрылая дева в длинном платье и с мечом в руках. Хотя почти вся верхняя половина старческого, покрытого морщинами лица была закрыта повязкой, священник все равно повернулся точно к девушке, словно глядя глаза в глаза.

— Да, святой наставник, — принцесса Карийского дома склонилась в изящном реверансе, и священник кивнул головой, принимая приветствие. — Прошу меня простить, но Вас я прежде не замечала здесь в такое время.

— Прислужники говорили, что принцесса каждый раз приходит после службы, чтобы помолиться у алтаря. Я посчитал, что будет хорошо похвалить тебя, дитя, за смирение и усердие перед ликом Неба. Однако позволь спросить, что же так тебя беспокоит, раз снова и снова возвращаешься с одними и теми же словами молитвы на устах? Обычно люди не приходят к Небу с мелочами.

— Я молюсь за тех, кто мне дорог, святой наставник, — девушка улыбнулась, немного стесняясь говорить откровенно со священником, но и отказываться отвечать она не смела. — За тех, кто сейчас в этом действительно нуждается.

— Ты волнуешься за своего суженого? Он снова покинул тебя? — прямо спросил священник, чуть склонив голову набок, словно наблюдая за реакцией принцессы. Священники Неба стояли вне строгой иерархии Рейнсвальда, отвечая только перед Конклавом и самим Небом за свои поступки, и всех считали равными, как богатейших дворян королевства, так и беднейших из нищих в промышленных подземных кварталах. Всегда говоря откровенно, они легко могли открыть темнейшие из секретов, читая души словно раскрытые книги. Это одновременно и пугало, и заставляло говорить с ними откровенно, как на исповеди.

— Вы это сразу поняли, святой наставник? — девушка, покраснев, опустила взгляд, внимательно разглядывая сеточку мелких трещин на старых каменных плитах. — О ком еще я могу молиться, когда он снова покинул Рейнсвальд? Обещал вскоре вернуться, но каждый день ожидания словно пытка.

— Это испытание, дарованное как тебе, так и твоему суженому, дитя, — священник положил руку ей на плечо. Она была холодна и тяжела, как у мертвеца, но девушка только смиренно склонила голову, внимательно его слушая. — Ваши чувства должны пережить все испытания, что дарованы Небом для создания крепких уз истинной любви. И тяжесть расставания, и трудности дворянского долга. Если они останутся столь же крепкими, как и прежде, значит, Небеса действительно благословили ваш союз. Это лучшее, что могут пожелать молодые люди в вашем возрасте. Истинный союз душ, а не краткая эмоция телесного мира.

— Я и мечтать не смела о подобном, пока впервые не встретила его, — честно призналась девушка, снова подняв глаза и посмотрев на священника. Существовали легенды, что на самом деле они могли видеть, пусть и не своими глазами. Если верить рассказам, ходившим в народе, то посвящение в сан позволяло им пользоваться совсем другими возможностями истинного зрения, чтобы видеть окружающий мир. А глаза им выжигали не потому, что испытывали их волю, а потому, что в них больше не оставалось нужды.

Изабелла Карийская знала, какая судьба ее прежде ждала. Как и всем принцессам

благородных домов Рейнсвальда, ей с рождения был уготован брак с человеком, наиболее подходящим для нужд феода. О человеческих чувствах и симпатиях в такие моменты речи и не шло, все решали договоренности между феодалами, правителями собственных Домов, и каждый брак в первую очередь являлся династическим, во благо феода. Принцессы связаны обязательствами своего рождения не меньше, чем и принцы, а прав на собственную жизнь имели еще меньше.

Только встреча с Эдвардом Тристанским подарила надежду на то, что и этот момент ее жизни может стать счастливым. На королевском балу в честь официального признания его титула получилась одна из немногих дворянских пар, искренне любивших друг друга, уже долгое время служившая темой обсуждения каналов официальных новостей и журналов всего королевства. А Изабелла представить не могла до этого момента, что с ней рядом может оказаться герой королевства, с первого же дня правления вынужденный защищать свое право с оружием в руках.

— Запомни это чувство, дитя. Запомни и прими его, вскоре оно станет твоим постоянным спутником, — предупредил священник. — Такова судьба всех женщин дворянской крови. Вам суждено дожидаться мужей из дальних походов, где они проливают кровь во имя королевства. Возвращаясь домой, они надеются встретить теплый очаг и любящую семью, где можно забыть об ужасах извечной Тьмы. Сталкиваясь с ней снова и снова, даже твой суженый может потерять человечность, и только ты способна спасти от подобного, сохраняя тепло и свет его души.

— Конечно, святой наставник, я понимаю, — кивнула Изабелла. — Только от этого не становится легче.

— Если Небеса посылают нам испытания, то встречать их нужно достойно. Отец, проверяя нас, уверен, что мы сможем выдержать, — сказал священник, осенив девушку знаком Неба. — Оставайся верной в своих помыслах, дитя, и не сворачивай с избранного пути. А теперь иди, мое благословение останется с тобой.

— Спасибо, святой наставник, — девушка снова поклонилась и, придерживая складки платья, медленно направилась к выходу, чуть слышно постукивая каблуками по каменному полу. Священник остался на месте, опираясь на посох и повернувшись в ее сторону, будто смотрел в спину.

Часовня в современные дни являлась лишь малой частью общего кафедрального собора Неба, составляющего немаловажную часть всего Карийского замка. Спускавшаяся от самых дверей лестница ныне выходила в центральный зал, огромный настолько, что в качестве монументов у опорных колонн стояли тяжелые боевые шагоходы, древние и с сохранившимися следами попаданий снарядов противника, заведенные на постаменты еще на своем ходу и оставшиеся там как напоминание о былых победах. Высокий арочный потолок, завершавшийся многорядной крышей, держался на тонких каменных арках, и оттуда свисали на металлических цепях большие люстры, отлитые из трофейного оружия. Яркий свет множества электрических свечей освещал все пространство зала, оставляя только резкие черные тени на стенах.

Собор построили после победы над вторгшимися армиями короля Ассвея, принесшей славу и достоинство роду Карийских баронов, и все здесь напоминало об этом. Вдоль колонн свисали древние знамена и штандарты полков, участвовавших в тех сражениях, а вместо ангелов в рельефных изображениях настенных картин были встроены настоящие боевые доспехи тех времен, ассвейские и карийские, сложенные в навеки застывшие картины.

Именно поэтому Изабелла и не любила главный собор. Слишком помпезный и триумфальный, он давил всей своей массой и масштабами, напоминая о жестокости и бесчеловечности этого мира, но оставляя в тени светлые чувства, что могли жить в людях.

Принцесса прошла мимо бесконечных рядов скамей, мимо статуй воинов и древних боевых машин, к распахнутым дверям, где стояла вооруженная стража карийской гвардии. Когда принцесса проходила мимо, солдаты одновременно вытянулись и отдали честь. Девушка так же по привычке ответила им улыбкой, хорошо зная, что они никак не отреагируют. Под тяжелыми боевыми доспехами осталось слишком мало человеческого, однако даже лишённые эмоций, гвардейцы по-своему откликнулись на душевное тепло, что в Изабелле чувствовал каждый, кто ее знал.

Сразу за дверьми собора раскинулся парк под защитным куполом, где росли настоящие деревья и растения, и горгульи на фасаде безразлично взирали на зеленые газоны в границах каменных дорожек. Идеально правильный, геометрически точно выверенный, завершал соборный комплекс, пряча в зелени тяжелый каркас, украшенный статуями и резными изображениями цветов и стеблей. Тонкие колонны поднимались среди ветвей деревьев, поддерживая верхний уровень дорожек, проложенных высоко над землей, и уходили дальше, к опорному каркасу купола.

На другом конце парка ее ждали фрейлины. Десять молодых девушек, практически все — младшие дочери вассалов и рыцарей карийского барона, принятые ко двору в свиту принцессы. Расположившись на каменных скамейках и ступеньках небольшой беседки, весело болтая о своем, женском, они дожидались госпожу у входа в галерею, ведущую в жилое крыло замка. Увидев принцессу, девушки поднялись и приветствовали ее низким поклоном. Несмотря на то, что она сама не любила все эти условности придворного этикета, следовать им все же необходимо. Для дворянина это точно такая же часть жизни, как необходимость дышать.

Карийский замок, несмотря на то, что считался далеко не самым крупным из дворянских цитаделей Рейнсвальда, был огромен. Его сектора занимали десятки тысяч гектаров, а стены отдельных уровней поднимались на высоту нескольких километров. Комплексы цитадели закрывали большую часть хребта, а центральные башни поднимались выше горных пиков. Изабелла родилась в нем и жила до совершеннолетия, но не успела обойти и десятой доли территории, хорошо помня только те лестницы и переходы жилой части, которыми пользовалась каждый день. Основные же сектора, начиная от огромных блоков систем жизнеобеспечения и заканчивая военными казармами, были ей не знакомы и не интересны. Там принцесса появлялась всего лишь несколько раз, вместе со своим отцом принимая смотры войск. И воспоминания о подобном не доставляли особого удовольствия.

Теперь девушка возвращалась в свои покои, к стенам, которые действительно считала родными. За все девятнадцать лет своей жизни Изабелла покидала Карийский замок всего лишь несколько раз, не считая трехлетнее обучение в школе благородных девиц в столице. Как молодые дворяне в обязательном порядке проходили службу в Королевской армии, так и принцессы благородных домов обучались при дворе поведению и манерам, принятым в Рейнсвальде. Единственные ее подруги из других дворянских фамилий, которых она до сих пор иногда видела на балах и званых вечерах, появились именно там. Когда-то таким же случайным образом, на очередном балу при королевском дворе, она познакомилась и с Эдвардом.

Ей до сих пор иногда казалось, что произошло все будто во сне. Впервые

представленная в королевском дворце семнадцатилетняя принцесса, только закончившая обучение, казавшаяся сама себе жутко неловкой и неуверенной, она вступила под золотые своды Зала Предков, столь великолепного, что у нее не хватало слов все описать. Множество знатных гостей в роскошных нарядах кружились в танце или же, оставив центр зала свободным для вальсирующих пар, столпились у колонн, обсуждая свои дела и причину, по которой король собрал их всех. Смущаясь, как и свои фрейлины, Изабелла была представлена взору Иинана Третьего, тогда полного сил и казавшегося ей ожившей миниатюрой со страниц историй о легендарных героях.

Больше всего она боялась, что ее никто не пригласит на танец. Для молодой девушки остаться без приглашения на первом же балу большой позор, и в следующий раз об этом уже будут помнить, так что шансов найти кавалера будет еще меньше. Стоя рядом с матерью и вполуха слушая болтовню ее свиты, Изабелла рассматривала гостей, как молодые принцы в военной форме и старые феодалы во фраках разговаривают, пьют вино и смеются.

Ее страхам не суждено было сбыться, и уже через несколько минут она получила несколько приглашений на следующий танец, не зная, кому отказать, а с кем выйти на объявленный вальс. Спасли ее только подруги из школы, тоже оказавшиеся тут. Веселой стайкой забрав ее у возможных ухажеров, они быстро рассказали ей о главной причине сегодняшнего бала. Феодалная война внутри Тристанского бароната закончилась, и король, приурочив бал к празднованию дня Святой Элины, таким образом поздравлял молодого барона, защитившего свою честь и титул.

Молодой дворянин в мундире родовых цветов своего феода в тот день являлся объектом всеобщего внимания. С идеальной выправкой, красивым лицом и даже излишне твердой походкой, что свойственна флотским морякам, привыкшим ходить в магнитных сапогах при пониженной гравитации, он разговаривал с кем-то из приглашенных ко двору корпорантов, когда Изабелла впервые его увидела. Все девушки в тот день мечтали получить от него приглашение на танец, но барона словно подобное и не интересовало вовсе.

Изабелла улыбнулась, вспоминая моменты их первой встречи, и ту зависть подруг, что стояла в их глазах, когда молодой барон сам первым к ней подошел, впервые с начала бала искренне улыбнувшись не только одними губами, но и потеплев взглядом, и пригласил на объявленный танец.

В гостевых залах личных покоев дворянской семьи, куда она вернулась вместе со своей свитой, одним из первых, с кем принцесса столкнулась, стал ее отец, направляющийся к своим покоям в сопровождении двух генералов. В знаках различия карийских войск принцесса уже научилась разбираться и заметила флотские нашивки на мундирах.

— Изабелла? — барон Рокфор Карийский остановился, отвлекая ее от воспоминаний. — Хорошо, что мы так встретились. Как раз хотел с тобой поговорить! Господа, прошу оставить нас на несколько минут... — он кивнул своим генералам, а потом посмотрел за спину своей дочери. — И вас, уважаемые леди, я прошу о том же. Дайте старику поговорить со своей дочерью наедине.

Карийский феодал теперь оставался далек от образа идеального дворянина королевства. Давно отошедший от военных дел, Рокфор Карийский потерял прежнюю форму, быстро набрав внушительных размеров живот, отпустив широкую бороду и оставив в прошлом всю прежнюю физическую форму. Он пытался жить в свое удовольствие, от чего постоянно отвлекали дела государственные. И все же старый барон производил впечатление добродушного и счастливого дедушки, вечно улыбавшийся и всегда выглядевший довольным,

пусть и большую часть времени все еще появлялся на людях в мундире карийской армии без знаков различия.

Взяв дочь под руку, отец провел ее в соседний зал, где девушка села на ближайший диван. Свернув веер и сложив руки на коленях, Изабелла внимательно смотрела на своего отца, ожидая продолжения, пока он собирался с мыслями. Барон даже прикрыл двери, словно речь могла зайти о чем-то, не предназначенном для других ушей.

— Есть новости от Эдварда, — Рокфор подкрутил кончик усов пальцами и усмехнулся, не сдержавшись, как только увидел, как расцвела Изабелла, услышав эти слова. — Я думаю, будешь рада узнать, что у него все в полном порядке. Его люди поддерживают связь с моими представителями и буквально несколько часов назад передали информацию, что барон прибыл к точке назначения. Точно не сообщают, когда вернется, у него там что-то секретное, поэтому и не может тебе написать сам.

— Уже хорошо то, что с ним все в порядке, — улыбнулась Изабелла. — Батюшка, это вы мне хотели рассказать?

— Нет, конечно. Последний раз, когда мы разговаривали с Эдвардом, он жаловался, что у него слишком много дел и не хватает времени на тебя, — Рокфор покачал головой. — Я могу многое понять, но это не освобождает его от порицания. Изабелла, мне казалось, что он должен учиться выкраивать кусочек времени и для тебя. Оставлять свою суженную без внимания — почти что преступление.

— Не хочу быть ему помехой, — призналась Изабелла, опустив взгляд. — Дела феода не менее важны, и забывать о них нельзя...

— С подобным спорить сложно, но у меня есть и хорошие новости, — отец положил руки девушке на плечи, внимательно посмотрев ей в глаза. — Я сомневаюсь, что при возвращении у Эдварда будет время посетить Карийский замок, но в ближайшее время состоится королевский турнир, посвященный годовщине царствования Иинана Третьего. Это событие тристанский барон не сможет пропустить. И я собираюсь взять тебя туда.

Изабелла от удивления даже рот приоткрыла, но быстро опомнилась и прикрылась раскрытым веером, скрывая эмоции. Рыцарские турниры считались одним из самых красочных и ярких зрелищ Рейнсвальда, и каждое подобное событие оказывалось настоящим праздником для всей светской жизни королевства. Молодые дворяне со всех земель собирались под знаменами турнира, дабы продемонстрировать свою рыцарскую доблесть и мастерство, а порой даже и свести старые счеты под законными основаниями.

Яркие знамена, громогласные трубы, оповещающие о начале нового поединка, сверкающие доспехи участников и пышные наряды придворных дам, на трибунах поддерживающих своих избранников — все это часть рейнсвальдского турнира. А вместе с этим — адреналин и возбуждение от схватки, восторги победителя и разочарование проигравших. Телевещание с арен турнира охватывало многомиллиардные аудитории не только в королевстве, но и во многих других анклавах Цитадели, а победители обретали славу по всему сектору.

Королевские рыцарские турниры Рейнсвальда настолько известны и популярны, что туда прибывали не только местные феодалы, но и талантливые воины многих других государств, решившие испытать удачу и показать свою силу. Корона чаще всего не отказывала никому, кто хотел участвовать. Принцесса Карийского дома появлялась на турнирах лишь дважды, и каждый раз запоминался ярким праздничным карнавалом. Ведь не только участники турнира приезжали в этот день, но вокруг арен разрастались огромные

ярмарки, прибывали театральные труппы и купеческие караваны, павильоны ломились от экзотических товаров, и это был один из немногих дней, когда в землях королевства можно легко увидеть ксеносов самых разных видов.

— Конечно, я с удовольствием, — Изабелла даже встала со своего места. — Батюшка, я с огромной радостью отправлюсь на турнир. Только скажите, когда.

— Буквально через несколько дней. Я также постараюсь известить Эдварда, что ты там будешь. Уверен, он очень обрадуется таким вестям. А теперь иди, не смею больше задерживать, — барон Карийский погладил дочку по голове и отослал ее.

Глядя на то, как принцесса радостно обсуждает со своими фрейлинами предстоящий турнир, барон не смог сдержать улыбки и поторопился отвернуться, пока никто не заметил. После гибели старшего наследника Изабелла осталась главной надеждой карийского феодала. Он никому не говорил о подобном, но внутренне оставался убежден, что никогда бы не отдал ее замуж против воли. И практически никто, кроме нескольких его доверенных лиц, не знал, что их встреча с молодым бароном Тристанским не была такой уж случайностью, как им самим казалось. Однако этот секрет он собирался унести с собой в могилу.

— Так что у нас по ситуации на Скаркитском направлении? — вернулся Рокфор к прерванной теме, снова подозвав своих офицеров. Обсуждать подобные вопросы при своих семейных он не любил, уверенный, что политика и войны не должны касаться тех, кто за них не отвечает. Поэтому вернулся к проблемам, только когда Изабелла покинула зал. Даже если в самом Рейнсвальде царил относительный мир, феодалам времени для отдыха не было.

— Господин барон, за последние двести пятьдесят часов практически ничего не изменилось, — доложил адмирал флота, сам прибывший в замок всего лишь четыре часа назад. — Войска Сальхитского герцогства продолжают удерживать свои позиции вдоль всего Намерийского склона, и противник пока не в состоянии их прорвать даже после всех попыток. Придерживаясь заключенного союзного соглашения, мы перебросили на это направление двенадцать ударных эскадр и поддерживаем сухопутные силы огнем с низкой орбиты. Потери минимальные. От зенитного огня получили небольшие повреждения два корвета и несколько кораблей сопровождения более крупных единиц. Нескольких машин не досчитались в бомбардировочных эскадрильях. Это даже ниже первоначальных прогнозов.

— Это пока что, — резонно заметил Рокфор, тяжело вздохнув. — Последний раз, когда мы недооценили этих тварей, то потеряли двенадцатую сводную дивизию в полном составе. Несмотря на свой звериный вид, они вполне смышлены и очень быстро адаптируются к новым способам боя. Гораздо быстрее, чем наши войска. Сколько сил мы можем перебросить на это направление в ближайшее время?

— Десять пехотных и три сводные дивизии тяжелой техники, — отчитался второй офицер, генерал особых бронетанковых сил. — Две пехотные дивизии состоят из чипированных клонов. В боях против подобного противника они уже проявили себя с самой лучшей стороны. В настоящее время идет переброска воздушным путем на это направление роботизированной пехотной дивизии при поддержке легкой бронетехники, которую наскребли на этом направлении едва ли не по одной машине. Слишком все быстро произошло.

— Думаю, на первое время этого будет достаточно, — кивнул Рокфор. — Прикажете подготовить на всякий случай в гарнизоне Тельзирии две пехотные дивизии к переброске на

Намерийский склон. Лишними они там точно не будут. Если все пойдет именно так, как мы рассчитываем, то не придется даже прибегать к поддержке Королевского флота. Кстати, командование ближайших королевских крепостей предупреждено о произошедшем?

— Так точно. Сразу же после первого подтвержденного огневого контакта, — кивнул адмирал. — Королевские войска приведены в полную боевую готовность, как и наши силы. Мы все еще не предусматриваем их поддержку при текущем положении дел, однако есть предположение использовать эти силы для зачистки территории и окончательного уничтожения сил противника уже после того, как стая будет разбита.

Рокфор остановился и задумался. Ратлинги, как их привыкли называть на Рейнсвальде, считались опасными противниками не столько из-за своих возможностей, сколько из-за необычайной приспособляемости, что делало даже использование боевых газов против них неэффективным. Человекоподобные мутанты, прямая ветвь развития подземных крыс, до сих пор слишком похожие на них даже внешне, обычно жили в развалинах и руинах древних городов, незаметные для чужого взора. В пещерах и древних катакомбах расплодившиеся ульи ратлингов могли насчитывать миллиарды особей. И когда эта всеядная орда уничтожала источники воды и пищи всюду, куда могла дотянуться, то снималась с места и отправлялась дальше в поисках новых мест обитания. Пожирая все на своем пути, стая продолжала расти, требуя все больше пищи, и ратлинги кочевали дальше, пока не превращались в неостановимую голодную орду. Либо же пока стая не натыкалась на тех, кто мог сдержать подобное наступление.

Даже разбитая орда, растворившись среди развалин пустошей, в скором времени могла восстановиться, благо ратлинги невероятно быстро плодились. Истребление остатков разбитой стаи чаще всего превращалось в отдельную операцию, порой куда более сложную и с большими потерями, чем прямые столкновения.

— Хорошо. Передайте королевскому командованию соответствующие запросы о поддержке на второй фазе операции, — согласился Карийский барон. — Эти колонии на Поверхности нам необходимы, поэтому превращать их границы в крысиный рассадник недопустимо. Используем все возможные силы. К сожалению, за операцией лично я проследить не могу, меня ждут дела здесь. Поэтому мне только и остается, что надеяться на вас, господа.

— Можете быть уверены, господин барон, мы вас не подведем, — поклонился адмирал. — Ратлинги далеко не самая большая проблема из всех возможных. Мы будем держать вас в курсе дел касательно происходящего. Теперь прошу простить, но мы еще должны посетить штаб центрального командования для уточнения тактических вопросов. Или же мы смеем рассчитывать и на ваше присутствие?

— К сожалению, нет, я уже опаздываю на другую встречу, поэтому также прошу меня простить, — Рокфор тоже приложил руку к сердцу и поклонился, прощаясь. Офицеры свернули в другой коридор, а он направился дальше на другой этаж, к своему личному кабинету.

Коридоры жилых секций украшались лучше и красочнее, чем технические части замка, а личные покои дворянской семьи выделялись даже на этом фоне. Рокфор не жалел денег на обустройство, и до сих пор во многих помещениях проходили строительные работы. Художники и скульпторы расписывали каждый квадратный сантиметр потолка и стен, не оставляя ни точки пустого пространства.

Коридоры, ведущие к личному кабинету барона, украшали огромные панорамные

картины прежних сражений и самых известных свершений феодалов Карийского рода. Между ними в стенных нишах стояли древние модели боевых доспехов с устаревшим вооружением как символы тех эпох, свисали трофейные боевые знамена и штандарты. Звуки шагов тонули в ковровых дорожках, проложенных по мраморному полу, и мягкий свет ажурных ламп не давал темноте подступиться слишком близко.

Были здесь и эпизоды, посвященные достижениям самого Рокфора Карийского, но вспоминать о них он не любил. Правда сильно отличалась от изображенного на этих картинах. Художники любят приукрашивать одни моменты, считая их центральными, и оставлять на заднем фоне все, что не считали достойным быть запечатленным в истории. Рокфора эти изображения раздражали, и спокойно он себя чувствовал только в кабинете, занятый делами, не ждущими отлагательств.

Там его уже ждали. Посыльный из отдела внешней разведки. Как всегда, это был киборгизированный адъютант, в котором человеческого не осталось и половины. Командующий разведкой лучше многих знал, на что способны люди, а потому никогда не доверял им так, как автономным роботам и киборгам. Преданные, лишённые страха, инстинкта самосохранения и жадности, они в его глазах оставались идеальными работниками. Поэтому и всю самую важную информацию он передавал только с ними. Адъютант смиренно ждал у двери, даже не дыша. Его грудная клетка не двигалась, поскольку легкие уже давно заменяли воздушные фильтры. Увидев барона, киборг низко поклонился и открыл рот. Из встроенного динамика донесся записанный голос.

— Господин барон, прошу меня простить, не смог прибыть сам по причине занятости, о которых смею сообщить вам только при личной встрече. Адъютант передаст вам информацию, какую вы просили, после чего вернется обратно в штаб...

— Как всегда, знает больше меня самого, — усмехнулся Рокфор, но принял из рук киборга инфопланшет. Разблокировав экран прикосновением пальца, он погрузился в чтение. Внешняя разведка не подвела, предоставив именно те сведения, какие он и запрашивал. Карийская разведка известна далеко за пределами королевства, и о ней ходили слухи, что могут узнать даже секрет, похороненный в толще бетона и сброшенный в сердце черной дыры, однако реальное положение дел знало всего лишь несколько приближенных к Рокфору человек. Его разведчики действительно были практически везде, и эта сеть создавалась столетиями. В том числе, его люди имелись и в составе экспедиции, которую барон Тристанский отправил куда-то за пределы границ королевства.

Эдвард что-то устраивал за спиной остальных дворян королевства. Официально он собирал лишь своих внешних союзников для подтверждения существующих торговых договоров и укрепления уже налаженных связей, но Рокфор не был настолько глуп, чтобы верить официальной версии. Времена в королевстве были не те, когда можно доверять хоть кому-либо, кроме самого себя. Карийский барон лучше многих знал особенности закулисной жизни Рейнсвальда, за свою жизнь разгадывая загадки и гораздо сложнее подобных. Где именно тристанский барон устраивал встречу, не указывалось. Тристанская контрразведка тоже умела работать, и закулисная борьба спецслужб не останавливалась ни на секунду даже между союзными феодами.

Многие понимали, что спокойные дни мира в королевстве подходят к концу. Со смертью Иинана Третьего, на выздоровление которого уже и не надеялись, очень многое может измениться. Тристанский барон, как предполагал Рокфор, собирался проверить своих союзников и торговых партнеров, их верность заключенным советам и, вероятно, напомнить

им, на чьей стороне стоит оставаться. Кариец был уверен, что это вполне в духе молодого барона. Смущало только количество приглашенных гостей. Их слишком много.

Рокфор отложил планшет в сторону и задумался. Пальцы отбивали несложный ритм по закрытой зеленым сукном столешнице, пока барон размышлял над происходящим. Эдвард вряд ли будет доволен, узнав, что за ним шпионят, но возможность провала занимала мысли Рокфора гораздо меньше, чем полученная информация. Выходило, что тристанец готовился к войне, так и не заявив об официальной поддержке одного из претендентов на престол. Выступить в одиночку против всего Рейнсвальда слишком глупо, а кариец все еще рассчитывал склонить его в свой лагерь, к сторонникам графа Фларского.

И, с другой стороны, оставался турнир, проведения которого Рокфор никак не ожидал. Он не рассчитывал, что в таком состоянии король решится показаться перед всеми на публике. Иинан Третий должен присутствовать на королевском турнире как верховный судья, это одна из тех традиций, от которых отказываться нельзя, слишком много она значила. Зачем это нужно самому королю, он тоже понять не мог. При дворе говорили многое об этом решении, от возможного и неожиданного выздоровления до того, что самого Иинана там на деле не будет, а покажется только голограмма под управлением оператора. Верить слухам Рокфор не торопился. Иинан Третий никогда ничего не делал так просто, так что и у королевского турнира должны быть причины, о которых карийский барон пока не догадывался. Что и пугало больше всего.

Глава 6. Что скрывает тьма

«Незнание — не довод. Невежество — не аргумент».

Бенедикт Спиноза.

Город мертв. Конвой вышел на окраины поднимавшихся среди пустошей развалин, и дозорные задирали головы, пытаясь рассмотреть расплывающиеся высоко в небе контуры высотных зданий. Только мощности приборов ночного видения не хватало на такие расстояния. Непривычным к подобному кочевникам казалось, словно мир здесь сходил в сплошные массивы развалин. И некоторые из охранников поспешно осеняли себя священными символами своих примитивных верований, моля о защите и помощи. В обычаях кочевников заброшенные города, еще местами поднимавшиеся среди пепельных пустошей и скальных хребтов, считались местами проклятыми и опасными. Истории о неупокоенных душах и древних монстрах, оставшихся со времен войн в небесах, как живые всплывали перед глазами дозорных на фоне полуразрушенных зданий и груд ржавого железа на дорогах.

В голове каравана медленно двигались бульдозеры, опустившие ковши, расчищая дорогу для тяжелонагруженных транспортов. Гудя двигателями и ломая толстыми траками камни и мелкие обломки, они сбрасывали с пути грузовых машин остатки древней техники, сгнившей до бесформенных остовов и засыпанной мелким песком и серым пеплом. Металлические ковши, стертые до блеска, отбрасывали в сторону всю мешанину обломков бетона и камня, перекрученной арматуры и листов не гниющего пластика. Восьмиосные грузовые машины длинным строем осторожно тащились следом по проложенному пути через городские кварталы, переваливаясь через пепельные барханы и объезжая развалины старых небоскребов.

Эти тяжелые транспорты высотой доходили до пятнадцати метров, а диаметр колес у некоторых занимал почти треть всей высоты, и в корпусах могло быть два или даже три этажа. Настоящие подвижные городки, собранные в один караван, где жили и работали несколько тысяч человек. Давно обжитые и облепленные всевозможными пристройками, тентами и трубами печей, они могли двигаться только на небольшой скорости, чтобы не развалиться прямо на ходу.

Со всех сторон над караваном возвышались уцелевшие остовы высотных зданий, с каждым новым кварталом все выше и масштабнее. Когда-то в древности здесь рос богатый и густонаселенный город, где бил пульс цивилизации из миллиардов людей, каждый со своими надеждами, желаниями и тревогами. Теперь от горожан не осталось даже пыли. Многие тысячелетия единственными хозяевами старых кварталов оставались ветер и мутанты, дикие и уродливые существа, сумевшие приспособиться к этому жестокому миру.

В свете прожекторов грузовиков мелькали длинные побеги белого лишайника, росшие на бетонных стенах и спускавшиеся с окон. Рядом с ними тянулись ветви странных растений с широкими мясистыми листьями, практически прозрачные и заметные только из-за толстых белых прожилок. Растения, способные выжить без света, медленно захватывали пустой город, и тонкие корни сотни лет разрушали то, с чем не смогло совладать время.

Ближе к центру города над головами дозорных стали постепенно подниматься из мрака сохранившиеся секции подвесных улиц и тротуаров, тянувшихся между высотных зданий. Развалины небоскребов здесь поднимались так высоко, что вершины пропадали далеко в

темноте неба. Город, погруженный в беспросветный мрак, смыкался со всех сторон, и огни грузовиков казались кочевникам единственной яркой песчинкой, которой и одного дуновения достаточно, чтобы погаснуть.

К темноте можно привыкнуть. Чувствовать себя спокойным во мраке не получится никогда, слишком много опасностей скрывается за границей, за которой кончается свет. Аяк, будучи разведчиком каравана, знала это как никто другой. Большую часть своей жизни девушка провела на открытых площадках транспортов, высматривая угрозы со стороны пустошей, и чаще многих отправлялась вперед конвоя с небольшим разведывательным отрядом. И она видела немало уродливых и смертельно опасных тварей, какие способна извергнуть темнота. Только насечки на ее прикладе указывали, что любые чудища смертны. Пусть этого и не хватало, чтобы оставаться расслабленным, видя впереди мертвые развалины заброшенного города, смазывавшиеся на границе мощности ночных визоров.

Уложив снайперскую винтовку на сгиб локтя, Аяк опустила прибор ночного видения, вглядываясь в проплывавшие мимо развалины. Причин для беспокойства пока не предвиделось, пусть на душе и было нехорошо. Начальство молчало о возможных угрозах, а опасные мутанты до сих пор не появлялись. Лишь пару раз выскочили какие-то мелкие твари, но не было нужды даже снимать оружие с предохранителя. Бортовые автоматические турели отлично справлялись с такими мишенями. А ее дальнобойная винтовка с магнитными ускорителями, добытая однажды среди прочего хлама на месте падения древнего воздушного корабля, обладала такой пробивной силой, что могла свалить с одного выстрела даже небольшого драконида. И тратить такие возможности на мелких тварей Аяк желанием не горела.

Древние развалины вполне привычны для молодой разведчицы. Пустоши по большей части и представляли собой следы древних цивилизаций, от которых ничего не осталось, кроме бесконечных нагромождений камня и бетона. Среди пепельных барханов поднимались как отдельные каменные изваяния, так и целые заброшенные города. Весь мир давно стал кладбищем, где нашли свою могилу напоминания о других, величественных и могущественных, странах и народах. От их славного прошлого уцелели только запыленные камни, где копошились мутанты и полудикие искатели, выгребавшие то немного, что еще оставалось ценного. И пусть они и считались местами проклятыми, но без них караван, во многом выживавший как раз за счет перепродажи древних артефактов и находок, давно бы встал на месте, оставшись без запчастей, и вымер.

Они все время находились в постоянном движении, кочуя от одного анклава к другому. Никто уже и не помнил, откуда когда-то вышли эти машины, а цель, куда направлялись, давно забылась. Его пассажиры, механики и водители уже многие поколения назад превратились в кочевников, путешествовавших в поисках лучшей доли. Целое племя на колесах, двигавшееся от одного места к другому, иногда где-то останавливаясь, а порой не прекращая движение целыми месяцами.

Люди привыкли к движению и ритмичному гулу двигателей под ногами, и многим даже нравилась такая непостоянная жизнь. Торговлей с другими анклавами они добывали все необходимое, многое находили в развалинах, и никто не мог сказать, что племени действительно чего-то не хватало. Такая кочевая жизнь подходила тем, кто легок на подъем, и таким людям для удобств требовалась самая малость. Для остальных же она была единственной известной с рождения, а оседлые поселения казались слишком скучными. Что могут делать люди, которые каждый день за окнами видят одно и то же...

Тяжелые транспорты, составлявшие основу каравана, медленно продолжали двигаться по расчищенной дороге, забравшись слишком глубоко в городские развалины. Весь караван вытянулся в тонкую ниточку, и машины едва могли протиснуться на трассе между древними развалинами, следуя друг за другом. Нависавшие со всех сторон стены с черными провалами окон, выхватываемые светом фонарей из темноты, производили гнетущее впечатление, словно конвой въезжал в лабиринт, полный опасностей и ловушек. Автомобильные прожектора на крышах грузовиков освещали окружающие развалины и обломки древних конструкций из металла и керамики, и с каждым пройденным километром их становилось все больше и больше. Даже бульдозеры вынуждены были сбавить скорость, не успевая отваливать все препятствия, набравшиеся слишком быстро, в стороны.

Дыхание девушки с шумом вырывалось из фильтров шлема, пока транспорт, перейдя на пониженные обороты, совсем медленно ехал мимо чего-то, больше всего напоминающего огромный многоуровневый торговый центр. Аяк видела подобные на сувенирных открытках из какого-то города в Небесах, но там он был целый и сияющим миллионами огней. Здесь же осталась только бледная его копия.

Носить маску встроенного в шлем противогаза десяти часов подряд тяжело, но до конца смены ее снять не получится. В воздухе вокруг слишком много загрязняющих веществ и поднятой колесами машин пыли, успевшей слежаться тут за сотни лет. Даже датчики радиации нервно пощелкивали, предупреждая о повышенном фоне. Показатели все еще не настолько, чтобы прятаться за толстую броню. Однако эти щелчки заставляли держаться настороже, внимательно вслушиваясь в их ритм. За долгое время смен весь изолирующий костюм с броней уже успел стать такой же привычной частью повседневной одежды, как противогаз и баллон сжатого воздуха за спиной.

Сколько себя помнила, Аяк была солдатом. Человеком, защищавшим караван и его жителей от угроз окружающего мира. Рожденная в таком же транспорте, в тесноте небольших комнат и общих коридоров, на спальном месте над ящиками с припасами и снаряжением, она провела здесь всю жизнь. Видела она и крупные города, и поселки, и величественные воздушные корабли, сами по себе похожие на поднятые в воздух крепости, но не считала жизнь там лучше. Свободной Аяк себя чувствовала только в этом вечном движении, не привязанная ни к чему, кроме близких людей и этих тяжелых машин. И думала, что предложи ей любой выбор, она откажется.

Под тяжелой защитой не разглядеть характерной женской фигуры, тонких плеч и почти что юношеского лица, слишком молодого для опытного солдата. Тонкие черты погрубели раньше времени под жесткими ветрами пустошей, веселый задор в глазах успел потухнуть, но все равно угадывалась девичья наивность и желание познать мир. Аяк могла насчитать только двадцать полных лет своей жизни, проведенных от первого до последнего момента в этом конвое, со ставшим уже родным звуком моторов. Выросшая под слабым освещением ламп пассажирских отсеков, девушка имела очень бледный, почти что белый цвет кожи с проступающими жилками вен, как и большинство живущих в этом мире, и большие глаза почти прозрачного, едва различимого голубого цвета. Волосы только приходилось коротко стричь, чтобы влезали под шлем, но Аяк все равно отпустила несколько коротких косичек у левого виска, куда вплетала выменянные стеклянные бусинки и редкие металлические монетки.

Высоко в небе снова что-то сверкнуло на долю секунды, но для глаз, привычных к вечной темноте, даже такой бледный отблеск казался ярким светом. Однако когда девушка

подняла взгляд вверх, там уже ничего не осталось. В подсознании цеплялась мысль, что просто так в небе ничего не появляется, но бояться одинокого лучика света так далеко не стоит. Это вполне мог оказаться случайный воздушный корабль, которому и дела до конвоя нет. Мир далеко не так пуст, как могло показаться с первого взгляда. В нем хватает места и для величественных городов, и для почти что превратившихся обратно в животных дикарей.

Аяк тяжело вздохнула и прислонилась к стене, устав стоять на одном месте. Нельзя даже глаза закрыть, чтобы передохнуть. На посту нужно оставаться настороже. Тех, кто слишком пренебрежительно относится к дежурствам, мутанты даже несколько раз утаскивали прямо с машин. Больше их никто не видел.

— Аяк, как у вас? — в радиии раздался знакомый голос сержанта. — Все тихо?

— Так точно. Даже слишком тихо. И в прицеле ничего не видно. На датчиках тоже все спокойно?

— Пару раз мелькнуло что-то мелкое и живое, но компьютер даже за угрозу не определил. Все максимально спокойно, потому решил и постовых опросить. Не нравится мне это. Если здесь даже мутантов нет, то есть что-то еще. Будь внимательнее, мало ли что может появиться.

— Приняла. Сержант, может, стоит остановиться и выслать вперед разведчиков? Пусть проверят, — предложила Аяк.

— Отставить лишнюю инициативу. Тебя сейчас сменят, зайдешь ко мне. Нужно твое мнение, — получила девушка короткий ответ, ничего не объяснивший, но после канал связи моментально отключили.

Аяк нервно втянула воздух полной грудью, заставив зашипеть резко нагруженные старые фильтры противогАЗа. Если сержанту нужны советы, значит, ситуация усложнилась. Причина такого беспокойства понятна, это же чувство тревожило и душу самой девушки, цепляя почти незаметным ощущением неправильности происходящего, никак не давая возможности почувствовать, будто все в пределах нормы. Развалины вокруг слишком пустые. Обычно шум грузовиков и тяжелых тягачей, оглашавших развалины ревом двигателей, подхваченным эхом, привлекал окружающую живность. Кого-то из любопытства, кого-то из голода. На совсем мелких зверьков даже внимания не обращали, позволяя им бегать вокруг огромных колес пассажирских транспортов. А тут тишина. Сразу всплывала на ум старая поговорка разведчиков, что действительно опасно там, где ничего не происходит. Сержант и напомнил.

На смену девушке пришел знакомый боец из другого отряда, примерно в таком же снаряжении, но в руках вместо снайперской винтовки держал ручной пулемет. Аяк, поздоровавшись с ним, оставила ему пост и, повесив винтовку за спину, зашла внутрь.

Тяжелые пассажирские транспорты всегда были главной частью конвоя. В комнатах, на которые были разделены грузовые отсеки, жили целыми семьями, в каждой машине могло проживать больше сотни человек, превратив их в настоящие общежития. Какими они и являлись по большому счету, переделанные из, как считалось, многоцелевых грузовых платформ.

Внутри тянулся узкий коридор, где едва могли разойтись два человека, застеленный старым и вытоптаным пластиковым покрытием. Стены украшали закупленные в одном из городов синтетические ковры, практически вечные и не выцветавшие. Из-за них, а также из-за развешенного для сушки прямо поперек коридора белья все вокруг приобретало теплую и домашнюю атмосферу. К этому добавлялся детский смех из-за приоткрытых дверей,

ароматы с кухни, шум разговоров и вечный звук работавшего двигателя где-то под полом. На верхнем уровне его вибрации ощущались не так сильно, чем внизу, но ощущение постоянного движения никуда не пропадало.

А людей здесь всегда хватало. В основном дети и старики, все остальные в это время суток заняты на рабочих сменах в машинных отсеках, мастерских или гидропонных фермах. Многих из живущих в этой транспорте Аяк знала лично и всегда здоровалась, проходя мимо. Спустившись по металлической лестнице на первый этаж, где находились солдатские казармы и тренировочный зал, девушка свернула в первую же дверь слева.

— Можно? — отодвинув створку, она заглянула внутрь. Небольшое помещение превратили в штаб совещаний для офицерского состава охраны конвоя. В центре комнаты голопроектор выводил полученные карты участка, переданные проводником в виде трехмерных моделей, а вокруг собрались командиры. Старые и опытные вояки, прошедшие через все, что только смогла выставить против человека Пустошь. Даже те, кто не был на смене, пришли на совещание в полном снаряжении и вооруженные. Их называли офицерами больше по привычке, в конвое не имелось строгих воинских званий. Только командиры отделений, по общему согласию именуемые сержантами. Они же составляли большую часть офицеров.

— Заходи, — сержант Горнс, ее непосредственный командир, увидев девушку, махнул рукой, подзывая к проектору. Среди собравшихся Аяк увидела и новое лицо, все еще не внушавшее ей должного доверия. Проводник, нанятый полторы недели назад. Пятнадцать дней он уже вел караван дорогой, названной им самой безопасной в секторе. Дикие пустоши, где разумные люди не появлялись уже многие сотни лет, вряд ли вообще можно назвать безопасными, но машины еще ни разу не встретили ни одной серьезной угрозы. После такого человеку уже можно довериться, но Аяк никак не могла заставить себя воспринимать чужака как своего.

«Чужаками» в караване называли всех, кто там находился временно. Начиная с пассажиров, заплативших за место при переезде от одного города до другого, и заканчивая проводниками, нанятыми для пересечения опасных или не отмеченных на карте участков.

Проводник не похож на жителей каравана. Он слишком высок и строен, со светлой и холеной кожей, тонкими пальцами и чистыми ногтями. Одетый на порядок лучше любого из местных, этот человек выделялся из окружающего фона как голубь, затесавшийся в стаю воронья. Пока все остальные ходили в военном снаряжении, он носил легкую верхнюю одежду из тонкой выделанной кожи с белым воротником.

Когда Аяк вошла, проводник как раз, наклонившись над голограммной картой, указывал дальнейший маршрут через город, проводя яркую красную полосу по древней магистрали. Он всегда улыбался, даже когда говорил с незнакомцами. Почему-то эта дежурная, ничего не значащая улыбка большего всего Аяк и раздражала. Девушка всегда считала, что этот человек со своими слишком правильными манерами либо постоянно врет, либо что-то не договаривает, пусть даже и указывает правильный путь, по которому весь караван сможет безопасно пройти.

— Если свернуть вот на этом участке направо, то можно обойти очаг радиационного заражения в паре кварталов отсюда. Там уровень излучения настолько высок, что не спасет даже броня ваших машин. Путь, естественно, увеличим, но зато избежим облучения, пройдем тихо и спокойно, как по бульвару, — бубнил он, указывая ориентиры на дороге. — После этого поворота надо держаться трассы и двигаться дальше. Там есть хороший

ориентир. Пару столетий назад на вершине небоскреба группа разведчиков установила автоматический световой маяк. Работает до сих пор. На него и следует держать курс...

— Так чего меня звали, сержант? — тихо поинтересовалась Аяк, подходя к нему. — Тут же, вроде, все объяснили.

— Не нравится мне это, — честно признался сержант таким же тихим голосом. — Я тоже на своем веку много повидал. Мы могли бы легко обойти всю густую застройку, но он упорно тянет нас туда. Петля в лишние три с половиной тысячи километров никак не оправдана. Ты у нас один из самых опытных бойцов, так что твое слово может оказаться не лишним. Что думаешь? Верить?

— Мне не нравятся эти развалины, вот что я думаю. Конвою нужен простор и расстояние для стрельбы, а здесь мы даже ничего сделать толком не сможем, если рейдеры из развалин повылезают. И проводник мне тоже не нравится...

— Другая проблема в том, что каждый раз он оказывался прав, — вздохнул сержант, почесав щетину на подбородке. Как и многие другие в конвое, сержант был гибридом. Кровосмешение двух похожих рас, в результате которого появлялся ребенок, несущий признаки двух скрещенных видов, порой не похожий ни на одного из родителей. У сержанта вместо шевелюры на голове росли жесткие складки ороговевшей кожи, а во рту — два ряда небольших треугольных зубов. Даже цвет его кожи отличался от человеческого. Внимательно глядя на проводника, сержант чуть заметно скалился, выдавая нервное напряжение. — Может, я действительно зря ему не доверяю, но у меня селезенка ноет, будто что-то не так.

— Капитан ему доверяет, так что и нам остается, — Аяк пожала плечами. — Сержант, я бы все равно на всякий случай отправила отряд разведки к сектору с радиацией, как он говорит. Пусть они проведут замеры, есть она там или нет. Чисто для проверки. Если ее там нет, значит, он действительно что-то замышляет.

— Так что? Все понятно? — проводник, закончив объяснения, выпрямился. — Участок, конечно, не самый спокойный, но, как только проедем развалины, можно считать, что самое опасное позади. Подготовьте ваших людей, что столкнуться им придется не только с опасностями окружающей среды, но и с местными дикарями...

— Дикари? Откуда тут дикари? Тут даже мутантов ни одного не видели до сих пор, — вырвалось у Аяк, услышавшей о новом противнике. — Что они-то здесь забыли?

— Вот потому тут и нет зверья особого, что есть несколько сильных племен, — развел руками проводник. — Живут в развалинах и большую часть времени заняты грызней между собой. Только если они обнаружат наш конвой, то могут все же попытаться удачу в налете. Примитивные, лучше пороховой винтовки ничего не знают, так что их единственная опасность в численности.

— Об этом можно было и раньше предупредить, — буркнул один из офицеров, сложив руки на груди. — Пусть даже считаете эти места не самыми опасными, но упомянуть возможных противников все же необходимо.

— Хорошо, прошу извинить, что не подумал об этом сразу, — проводник снова развел руками. — Однако ситуации это не меняет. Вашим людям стоит оставаться настороже. И желательно сначала открывать огонь, а потом уже задавать вопросы. Я настоятельно не советовал бы долго задерживаться на одном месте. Слишком рискованно.

— Надолго мы останавливаться и не будем, — в разговор вмешался командир группы Аяк. — Конвой через двадцать минут встанет на технический перерыв. Это займет часа два,

не больше. Техникам необходимо проверить состояние машин после долгого перехода по пустоши. Как я понимаю, второй такой возможности у нас в этом городе уже не будет.

— Я бы не советовал... — начал проводник, но его резко оборвали.

— Ты можешь только советовать, — напомнил, ткнув пальцем в его сторону, сержант Горнс. Ветеран разведки, он всегда с подозрением относился к проводникам из чужаков, кем бы они ни были. Оперевшись плечом об стену, он даже не стал выпрямляться. — А решения здесь принимают офицеры. И техническая остановка необходима. Тем более, если там нас поджидают враги. Если нас атакуют сейчас, нам не составит труда снова тронуться.

— Ну хорошо, — проводник развел руками. — Если что, я вас предупреждал. На этом предлагаю закончить. Мне нужно вернуться к Капитану и договориться по поводу следующего участка маршрута.

— На этом совещание можно считать законченным, — согласно кивнул сержант. — Друзья, подготовьте людей к остановке. Далеко от машин не отходить. Как только техники закончат с проверкой, двигаемся дальше.

Решение одобрили все, и офицеры разошлись по своим машинам и отрядам. Аяк сержант придержал, дождавшись, пока они не останутся одни.

— Слушай внимательно. Я возьму свою группу, пока будет остановка, и проверю тот участок с радиацией. Есть он там или нет. Пока меня не будет, руководить группой оставлю Ласло... — оглянувшись, что дверь закрыта, сообщил он девушке. — Не хочу, чтобы об этом кто-то еще слышал. Если не успеем вернуться до конца остановки, поднимаешь тревогу. Понятно?

— Так точно, — девушка кивнула. — Сержант, может, лучше вы все-таки здесь останетесь? Там наверняка опасно. Я могу выполнить такой приказ. Тем более этот сектор не так уж и далеко. Мы только отметим рост излучения и сразу назад...

— Нет. Поскольку это мои сомнения, я и должен проверить. Останешься здесь и понаблюдаешь за проводником. Помни, что мы просто перестраховываемся, поэтому без энтузиазма. Просто присматривай и на глаза не попадайся.

— Так точно, поняла, — девушка кивнула, не став больше спорить.

Конвой тем временем уже остановился. Без особых причин никогда не устраивали остановки, сигнала тревоги не звучало, но гражданские все равно заволновались, когда машины остановились посреди разрушенного города. Оказавшись среди древних развалин, люди подсознательно начинали нервничать и хотели услышать объяснения. Узнав, что машины остановились посреди пустошей только для технической проверки, они успокоились. Кто-то даже направился за защитой для дыхания, чтобы воспользоваться паузой и выйти из машины размяться под открытым небом. Для такого на крышах оборудованы специальные площадки под низкими тентами. Там обычно стояло зачехленное станковое вооружение на стрелковых позициях для солдат, чтобы в случае внезапного нападения не тратить время на его установку. А в спокойное время можно мирно посидеть и полюбоваться окрестностями в свете прожекторов.

Аяк тоже вышла наверх, поднявшись по железной лестнице с облупившейся краской. Под натянутым тентом, выцветшим и настолько грязным, что уже и не разобрать настоящий цвет, крыша транспорта укреплена стальными брустверами и баррикадами из мешков с песком. Грубо, но достаточно надежно, чтобы сдержат пулю.

Внизу вокруг машин спешно расставляли оцепление ударные отряды в тяжелой панцирной броне. Две сотни человек, элитные силы каравана с самым дорогим и

совершенным вооружением. Рядом с ними даже Аяк чувствовала себе спокойнее.

Прислонив винтовку к стенке поблизости, девушка оперлась о перила, наблюдая, как проводник вышел из машины и направился к головному грузовику, штаб-квартире Капитана каравана. Он шел так, словно ничего не боялся, в полный рост и размахивая руками, а чуть позади него держались два солдата, записанные в личные телохранители. Аяк знала их лично, и с этой стороны ничего не опасалась.

— Таск! — позвала она знакомого мальчишку из кампании, гурьбой выбравшейся на открытую площадку и пытавшуюся теперь запустить в небо какое-то подобие планера. Зачем им это нужно, она даже не хотела интересоваться. Таск, названный по имени, тут же обернулся и уставился своими большими красноватыми глазами, блестящими даже под забралом детской защитной маски. Дети еще не успели загореть из-за жестких излучений, что нередко можно зафиксировать в Пустошах, и еще были белые, словно иней в морозильнике. Во всяком случае, были бы такими, если бы не были настолько чумазыми. Таск еще и коротко, почти налысо стриг свои жесткие белые волосы, чтобы не мешались в частых драках с ровесниками.

— Аяк! Да?! Чего?! — Таск подскочил к ней как ошпаренный. Мальчишки девушку любили. У молодого снайпера иногда можно выпросить гильзы от патронов или же интересные, пусть и бесполезные находки с пустошей после дальних вылазок. Аяк, не знавшей детства и возившейся с оружием сколько себя помнила, такое баловство казалось веселым.

— Присмотри за винтовкой, пока меня не будет, — велела девушка, прежде чем перепрыгнуть через бруствер. — Ничего только не трогай...

Девушка так и не заметила висевший высоко в небе разведывательный дрон. Небольшой крылатый беспилотник, снизившись, кружил над конвоем на высоте пяти километров. Расположенные в нижней части корпуса камеры медленно поворачивались, снимая изображения растянувшегося по городским улицам каравана, сканируя их во всех доступных режимах. Данные отсылались в штаб колонии, где их обработкой занимались подключенные к компьютерным системам киборги.

Беспилотником управлял киборг из центра разведки, подключенный к системам слежения. Он же выбирал высоту и угол наклона, чтобы получить наиболее информативную картинку. Квантовая система дистанционного управления позволяла мгновенно передавать практически любые объемы данных. Так что, наблюдая за продвижением машин, киборг сделал выводы о предполагаемом маршруте в течение первых минут, после чего отправил весь блок данных в центр связи.

В темных и холодных помещениях вычислительных дата-центров мерно гудели мощные фреймы, обрабатывая данные, поступавшие со всех приграничных постов, патрулей и дежурных эскадр. Проверкой и первичным получением информации занимались киборги, от человеческого тела которых практически ничего не осталось, закрытые в капсулах с биогелем и подключенные к центральной сети. У них не сохранилось даже лиц, вместо них стояли сплошные маски с подключенными к внутренним экранам глазами нервами, внешне выглядевшие как матовые полосы металла. Лишенные рук и ног, но оплетенные проводами и трубками жизнеобеспечения, они изредка подергивались от случайно проходивших через биогель разрядов.

Одному из них пришли данные об обнаруженном на территории, считавшейся

подконтрольной Тристанскому баронату, конвое дикарей. Эти сведения дублировались с первыми полученными указаниями и разработкой операции под кодовым названием «Карнавал». Киборг, получавший информацию напрямую, качнул головой и, подобрав наилучший вариант решения, заархивировал все данные и переслал их в аналитический центр при военном штабе колонии.

— Господин полковник, получены новые данные по обнаруженному конвою дикарей на нашей территории, — доложил оператор, на пульт которого поступила информация. На экран выводились фотографии, сделанные в режиме теплового зрения, с отдельно подсвеченными участками, где находились грузовые машины дикарей. — Уточнены количество и размер техники противника. Есть первые точные данные о личном составе и вооружении. Аналитический центр в ближайшее время вышлет информацию касательно оптимальных планов атаки. У нас есть информация касательно предполагаемого маршрута конвоя. Если они будут и дальше следовать указанным курсом, то через шестьдесят два часа выйдут к внешнему периметру добывающей шахты А-сто-шесть-Дельта.

— Этого допустить мы не можем, — покачал головой полковник, подойдя к оператору и заглянув в экран. — Значит, они действительно движутся на нас. Предполагаю, что о факте существования нашей колонии сами не подозревают. Что ж, тем хуже для них. Стандартные процедуры требуют отправить к ним переговорщиков и развернуть без боевых действий...

Полковник Эйсхор, командующий всеми вооруженными силами колонии «Иссейн-три» на Поверхности, получил назначение три года назад, но уже успел вникнуть во все особенности работы. В колонии в диких землях назначали самых опытных и надежных офицеров, поскольку именно там чаще всего звучали сигналы боевых тревог. Кочевники, мутанты, налетчики и наемные отряды других феодалов постоянно тревожили границы, нападая на группы разведчиков и исследовательские экспедиции, атакуя укрепления вокруг добывающих шахт и рабочих городков. В колониях на Поверхности всегда самый высокий счет боевых потерь, и от командиров там требуется больше всего внимания и умения находить выход даже из самых безнадежных ситуаций.

Штаб командования вооруженными силами колонии находился в столице «Иссейн-три», центральном городе с населением в восемнадцать с половиной миллионов человек, Иссейн-Прайм. Большая часть его закрытых куполов, тесно жавшихся друг к другу, представляла собой заводские кварталы, занятые переработкой руды, поступающей из шахт, и отправкой уже готовых материалов в метрополию. Только самый большой из них, центральный купол, являлся жилым. Над его многослойными защитными плитами поднимались высокие башни комплексной защиты и универсальных модулей. На матовых стенах с небольшими толстыми окнами и широкими эркерами ярко пылали контурные огни и голубые плазменные факелы подсветки, выделявшие в темноте многочисленные скульптурные украшения и барельефы.

На самом верху одной из центральных башен и находился военный штаб. За толстыми бронированными окнами с панорамным видом и под автономным дефлекторным полем располагались помещения с тактическими залами, секции операторов и аналитиков, центры управления отдельными операциями и командный сектор для общего руководства. А за центральным голографическим столом всегда находилось несколько дежурных офицеров, вокруг которого амфитеатром в несколько рядов тянулись места операторов.

Эйсхор вернулся к столу, куда вывели голограмму подконтрольного участка Поверхности. Теперь там яркими красными точками обозначались позиции каравана

дикарей. В отдалении такими же отметками, но только голубого цвета, выделялись стягивавшиеся к месту действия тристанские войска. Их было даже слишком много для уничтожения столь малой угрозы, но целью операции «Карнавал» являлся не разгром дикарей, а демонстрация военной мощи бароната. Поправив застегнутый на все пуговицы воротник офицерского мундира, полковник покачал головой.

— Приказы у нас предельно ясные. Не мешаем продвижению каравана. Вышлите только пару разведывательных групп. Пусть сопровождают дикарей. Любые отколовшиеся группы уничтожать. Не хочу потом их отлавливать. Свяжите меня с «Корвеем», им следует доложить о текущей ситуации...

Глава 7. Оставляя позади

*Должно быть выявлено, что в логике нет чисел. Нет привилегированных чисел.
Людвиг Витгенштейн*

Тристанский крейсер снова вышел из пространственного прыжка уже совсем на другом участке реального пространства и уже в теневом секторе. Так навигаторы называли участки Открытого Пространства, где из-за действующих аномалий невозможно использование стандартной квантовой связи. Из всех известных способов передачи информации здесь могли действовать разве что отдельные коротковолновые частоты, но дальность их действия все равно сильно сокращалась.

На капитанском мостике после выхода из прыжка было оживленнее, чем обычно после возвращения в реальное пространство. Поднятая по тревоге смена спешно перенастраивала корабельные антенны и датчики, переводя в рабочие режимы в условиях теневого сектора. А капитан корабля уже раздал необходимые приказания, переложив контроль их выполнения на помощников, и приказал вывести на обзорные экраны мостика панорамную картину окружения.

Большую часть появившегося изображения занимала «Черная Звезда», одна из самых известных аномалий сектора. Гравитационная ловушка, состоявшая из сверхплотной материи, настолько сильная, что притягивала даже радиосигналы и световые лучи. Отличие ее от подобных черных дыр состояло в том, что «звезда» в обычном своем состоянии слабо светилась, чего не могло быть при любых других условиях. Бледный ореол вокруг аномалии являлся самым ярким объектом сектора, и на него, как на маяк, ориентировались все корабли. Почему свет не затрагивала чудовищная гравитация, никто объяснить не мог, но именно из-за этого аномалия и была столь известна, пользуясь дурной славой среди моряков воздушного флота.

Крейсер медленно продвигался в метеоритном поле, подняв дефлекторные щиты и сканируя пространство в поисках сигналов автоматических маяков, установленных здесь несколько лет назад. Тогда тристанская исследовательская экспедиция нашла реликтовый артефакт древней цивилизации в непосредственной близости от «Черной Звезды», в зоне, считавшейся слишком опасной для корабельной навигации. Открытие оказалось настолько значимым не только для бароната, но и для всей рейнсвальдской цивилизации в целом, что информация о нем оказалась засекречена специальным постановлением Эдварда, и только теперь принято решение заявить о нем публично. Освоенные к этому моменту точки перехода и расчищенные пути подхода делали путешествие сюда теперь практически безопасным, но на пути следования крейсера попадались, кроме каменных астероидов дрейфующие обломки кораблей, как неизвестных моделей древности, так и тристанских разведчиков, прокладывавших маршруты ценой собственных жизней.

Боевая станция, построенная на нескольких крошечных островах, настоящая воздушная цитадель, более древняя, чем сам Рейнсвальд. По сравнению с ней приграничные крепости бароната казались жалкими пародиями, слишком маленькими и слабыми. Ее монолитные стены и башни из чудовищно толстых композитных плит еще хранили на себе следы кипевших здесь когда-то сражений, а на ближних орбитах дрейфовали искалеченные и изломанные остовы штурмовавших ее кораблей. Чем закончился тот бой, кто стал

победителем в той войне и почему гарнизон покинул устоявшие под массированными бомбардировками стены, больше не вернувшись, — осталось во мраке далеких времен. Разведчики не смогли обнаружить никаких действующих защитных систем внешних периметров крепости, ни архивов, ни записей о происходившем там.

Корпус тяжелого крейсера казался совсем крошечным, когда корабль подлетал к древним ангарам, частично расчищенным и вновь подготовленным для приема кораблей. Археологические и исследовательские команды работали на обнаруженной станции уже несколько лет, немало изучив и сделав множество удивительных открытий. Кое-что оставалось непонятым, что-то слишком затратным и неактуальным, но что-то было понято, изучено и использовано, толкнув на десятилетия вперед многие перспективные разработки. Крейсер практически на одних только маневровых двигателях и силе притяжения подходил к частично раздвинутым створкам ворот внутренних ангаров.

— Сообщите барону, что мы прибываем, — обернувшись, приказал капитан одному из адъютантов. Киборг приложил руку к груди и кивнул, прежде чем покинуть мостик. Перелет закончился, а в дальнейшие планы офицеры не были посвящены.

Эдвард, когда корабль вышел из прыжка, находился в своей каюте вместе с Лейной Кейнивал. Барон открыл глаза в тот миг, когда они проходили пространственный барьер. Обостренные чувства отреагировали в момент перехода, заставив проснуться буквально через час после того, как он впервые прикрыл глаза. Он еще пару минут лежал с мирно посапывавшей на плече Лейной, вспоминая, что ему снилось.

Сновидений, если такие у него вообще и случались, он не мог запомнить, в памяти после сна сохранялись только воспоминания о прошлом. Одно из последствий имплантирования контактов для нейроинтерфейса, затрагивающее отвечающие за такие зоны мозга. В памяти снова всплывали картины событий в Такийской провинции. Засевшие глубоко в голове моменты тех дней возвращались снова и снова ночными кошмарами. Яркие образы, врезавшиеся в сознание и остававшиеся перед глазами даже еще некоторое время после пробуждения, никак не желали оставаться в прошлом. Эдвард хотел бы их забыть, но никак не мог, сколько бы ни старался.

Он снова видел первые дни событий в Такии, случившиеся после Разлома. Эвакуация столицы провинции после того, как ситуация окончательно вышла из-под контроля. Королевские войска, поднятые по тревоге, вошли под охваченные огнем городские купола с тяжелой техникой, когда местные силы обороны перестали существовать. Они пытались хотя бы отвлечь противника на себя и дать гражданским чуть больше времени. А в результате такая операция вылилась в масштабную бойню, проредившую личный состав полков через одного. Тяжелая техника оказалась бесполезной в условиях тесной городской застройки и перекрытых завалами улиц. Отсутствие единой линии фронта и опасность появления противника даже в уже зачищенных кварталах заставляло отряды действовать автономно, порой в условиях изоляции от остальных сил. А орда вторжения продолжала лезть вперед, не считаясь с потерями, сметая взвод за взводом.

Командование в те дни еще не осознавало всей серьезности ситуации, а центральный штаб Такии оказался уничтожен в первые часы после открытия Разлома. Связи между полками не осталось, координации с флотом тоже. Многие решения офицерам приходилось принимать самостоятельно, на свой страх и риск. И немало хороших парней погибло, банально не успев разобраться в ситуации.

Перед глазами Эдварда снова встала картина горевшего города с заваленными трупами улицами. Группа под его командованием вела бой в полуразрушенном торговом центре, заставив изменить маршрут движения крупной стаи противника. Кем являлись те существа, тогда еще никто не знал, и их вид пробуждал в душе первобытные страхи, на генетическом уровне сохранившихся с тех времен, когда человек боялся тьмы и придумывал демонов, какие там могут обитать.

До сих пор исследователи ломали головы, с чем тогда столкнулись элитные силы королевской армии. Эдварду по большому счету наплевать, кого он убивал. Достаточно факта, что у них шла кровь. Уродливые и искореженные, словно со снятой кожей, они были больше и крупнее любого человека, превосходя и в силе, и в скорости. Вместо лиц вытянутые пасти с длинными кривыми зубами и сияющие безумием и ненавистью красные глаза, вместо рук длинные когти, торчавшие из вечно кровоточащей плоти, вместо оружие — сила и неуязвимость берсерков, врубавшихся в ряды врагов и сминая собственным весом. Они умирали, но все равно продолжали бежать, даже не реагируя на раны, способные свалить с ног любого другого. Лишь разорванные на части и расстрелянные в клочья, эти твари переставали двигаться.

В те дни Эдвард потерял многих. И подчиненных, и товарищей, сражавшихся под его началом. Из того боя он едва смог вывести пятую часть своих людей, и только для того, чтобы обнаружить, как колонну беженцев, которую столь отчаянно защищали, разорвала на части другая стая, прорвавшаяся по параллельному шоссе.

Второй бой они приняли уже среди гор трупов гражданских, расстреливая во врагов последние энергоячейки. Пришлось снова отступать, оставив позади себя заслон смертников-добровольцев. Эдварду снова пришлось выбирать тех, кому придется умереть. Отчаяние в голосах подчиненных, панические крики на общих частотах, безумные вопли чудовищных врагов и то ощущение бессмысленности сопротивления, ледяными путами стягивающее его душу, почти сломило тогда его душу. И голоса... Бестелесные и пугающие, звучавшие в его голове словно тихий шепот, наговаривая пугающие слова на незнакомом языке, не позволяя забыть хотя бы на мгновение. Ему оставалось совсем немного, чтобы, отчаявшись, просто бросить оружие и опустится на колени, ожидая, когда его все же разорвут на части, избавив от всех страданий.

Тристанский барон с трудом отвязался от прошлых воспоминаний, напомнив себе, что находится на борту крейсера, направляясь на важную встречу со своими союзниками, а те дни давно прошли. От решений, принятых там, будет зависеть будущее всего бароната.

Осторожно выскользнув из кровати, чтобы не разбудить Лейну, он вызвал дрона, собираясь одеваться, когда на коммуникатор пришло новое сообщения с пометкой высокого приоритета. Уже догадываясь, что там, барон активировал экран. Капитан сообщал о приближении к конечной точке проложенного маршрута и просил прийти на мостик для дальнейших распоряжений.

— Прилетели? — Эдвард услышал голос за спиной мгновением позже того, как заметил разницу в дыхании Лейны. Девушка также чутко спала, проснувшись, как только не почувствовала его рядом. Глава корпорации «ТехКо» села в кровати, расправляя растрепавшиеся волосы и ничуть не смущаясь вида своего обнаженного тела. Она идеальна и прекрасно об этом знала, чем и пользовалась. — Даже быстрее, чем я предполагала. На наших картах здесь ничего нет, но...

— Нет, в открытом Пространстве мы болтаться не будем, — отрицательно покачал

Эдвард головой. Дрон уже прибыл вместе со свежим комплектом нижнего белья и формы, развернув манипуляторы и с тихим писком подлетая ближе. — Здесь есть нечто, способное удивить даже искушенного человека вроде тебя.

— Снова сюрпризы? — Лейна поднялась, надев на плечи практически прозрачную накидку. — Мне нравится такой подход. Так что ты собираешься делать дальше?

— Дальше будет представление. Помнишь, как тогда, когда мне пришлось отстаивать право на титул барона? — Эдвард, застегивая пуговицы мундира, даже усмехнулся от тех воспоминаний.

Родной дядя Эдварда, Сатон Тристан, отказался признавать молодого наследника, выдвинув собственные претензии на титул барона. Ему даже удалось заручиться поддержкой части вассалов благородного дома и союзниками в других феодах. Разгоревшаяся внутренняя война тогда едва не погубила Тристанский баронат, но большая часть вассалов и прежних союзников старшего Эдварда осталась на стороне молодого наследника. В том числе и Лейна Кейнивал во главе своей корпорации. Она одной из первых прибыла ко двору младшего Эдварда Тристанского, предложив всю необходимую помощь.

В первые дни внутренней войны, когда еще не было ясно, где друг, а где враг, молодой барон был рад любому союзнику, которому можно доверять. Прежний барон верил леди Кейнивал, и Эдвард тоже решил принять ее слова, но не учел всех моментов. Лейна хотела не просто помочь молодому наследнику, она рассчитывала взять его под свою опеку, что у нее фактически получилось. И именно ее содействие помогло Эдварду реализовать план, переломивший ход событий.

Сатон Тристан пользовался доверием и уважением среди генералитета и вассалов Тристанского барона. Его влияние могло заставить отвернуться от объявленного наследника еще большее количество людей, а корона не торопилась вмешиваться во внутренние дела бароната. Действуя быстро и уверенно, Эдвард смог заставить бунтовщиков пожалеть об уже принятом решении, нанеся несколько чувствительных ударов по восставшим, уничтожая предателей, а некоторых даже вернув под знамена Тристанского замка. В условиях, когда многие колебались, на чью сторону встать, а в колониях и городах бароната уже вспыхивали бои и кипели сражения между лоялистами и бунтовщиками, Эдвард объявил о проведении общего сбора всех своих вассалов для подтверждения клятв верности. Это выглядело слишком вызывающе, чтобы Сатон не отреагировал на подобное.

Ударные части восставших вышли из прыжка на подходе к Тристанскому замку, где должен был состояться сбор. Однако стоило только силам Иоахима выйти из подпространства, как их атаковали выведенные в полном порядке силы Тристанской гвардии, «последний довод феодала» и лояльные эскадры флота. Битва, которая должна была стать последней для молодого феодала, превратилась в его триумф. Окруженные и отрезанные от маршрутов отхода регулярные силы восставших из числа тристанских солдат сложили оружие, признав права молодого барона, а наемники из других феодалов были безжалостно перебиты до последнего человека. Он рискнул всем, стянув все верные боееспособные части к одной точке, оголив остальные направления. И угадал, предсказав действия своего родственника, желавшего как можно быстрее покончить с «неопытным мальчишкой».

В тот же день специальные группы агентов «ТехКо» ударили по наиболее важным лицам из числа поддерживавших Сатона, внося панику и смятение в их ряды. Эдвард не хотел обескровливать собственный феодал в братоубийственной войне, и потому старался не

громить силы восставших. Уничтожение предателей среди офицеров и высшего командования могло заставить людей одуматься и принести клятву верности настоящему барону. Без Лейны, ее знаний и связей, в тот день успех первой победы Эдварда в борьбе за собственный титул не достиг бы и десятой части всех результатов.

Ее таланты, ее средства и хитрость в политических интригах помогли молодому барону за считанные дни добиться того, на что потратил бы месяца сражений и кровопролитных войн. Сатон поверил ей так же, как и сам молодой барон, но его она предала без малейшего сомнения, принеся Эдварду головы главарей восстания. После разгрома в битве у Тристанского замка и гибели большей части командиров, бунт развалился и потух, а вассалы один за другим спешили к Эдварду. Сам Сатон едва сумел спастись от ищеек молодого барона.

Эдвард Тристанский не забыл, чем обязан «ТехКо», хотя Лейна с тех пор никогда не просила вернуть долг.

— Значит, представление не только для союзников, но и для врагов? — девушка усмехнулась. — Барон Тристанский решил продемонстрировать всем, на что способны его армии?

— И что будет, если сделать неправильный выбор, — Эдвард жестом руки отогнал дрона, решив самостоятельно застегнуть декоративные наручи мундира с тонкой гравировкой на серебре. — Лейна, мне хорошо известно о том, что очень многие из моих союзников и торговых партнеров активно ведут дела с другими феодами Рейнсвальда. В том числе и с теми, что проводят враждебную моим интересам политику. Возможно, в самое ближайшее время придется делать определенный выбор, кто на чьей стороне.

— А Тристанский баронат сделает свой выбор, на чьей он стороне, если об этом спрошу я? — неожиданно прямо спросила Лейна, подойдя к Эдварду со спины и обняв его. Тихо воркуя, девушка опустила голову ему на плечо, шепча в самое ухо: — Что скажет сам барон, если ему придется выбирать между своими клятвами и долгом?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ничего, кроме того, что ты уже произнес, — шепнула Лейна. — Времена меняются, и мы все вскоре встанем перед выбором. Возможно, однажды тебе придется выбирать между тем, что тебе дорого и что важно. Какой выбор ты сделаешь, если ради меня придется оставить свои клятвы?

— Не задавай мне вопросы, ответы на которые тебе не понравятся, — Эдвард дернул плечами, вырываясь из ее объятий. — В первую очередь я остаюсь тристанским дворянином, и клятвы, данные королю, важнее собственной жизни, не говоря уже об остальном.

— Неужели? А если король всего лишь использует тебя? Что ты тогда скажешь? — Лейна, продолжая улыбаться, снова опустилась на кровать, открывая Эдварду собственное тело. Однако в этот момент он смотрел в ее глаза, с трудом сдерживая желание ударить девушку по лицу. Любой другой, произнесший вслух подобное, немедленно получил бы вызов на поединок чести, но леди Кейнивал была особой другого рода. Она знала, что Эдвард ни за что не поднимет на нее руку, и пользовалась этим, пытаясь вызвать эмоции, способные затмить холодную логику.

— Что ты знаешь такого, чего не знаю я? — сухим голосом поинтересовался барон, тщательно подбирая каждое слово, чтобы не озвучить лишнего.

— Много самых разных вещей, — улыбнулась Лейна и пожала плечами. — У меня опыта в подобных делах гораздо больше. И закулисы вашего королевства мне хорошо

известны. Попробуй сам взглянуть на эти вещи объективно, а не опираясь на свои клятвы. Неужели король всегда честен со своими подданными? Или же у него есть свои планы? Какую роль в них играешь ты?

— Я верю и храню верность тому королю, который носит сейчас корону, — Эдвард отвернулся и принял у дрона пояс с оружием. Застегнув его, барон поправил мундир и защелкнул последние кнопки на воротнике. — И не хочу даже думать о том, что может быть как-то иначе. Лейна, возможно, ты права, и однажды мне придется принимать решение, но личные симпатии роли играть не будут. У меня есть долг. Он важнее всего остального.

Барон отступил к дальней стене, полностью занятой картиной неизвестного художника, изобразившего дубовый лес под ярким розовым небом, с мифическими животными и охотниками-кентаврами среди толстых и морщинистых стволов с длинными и узловатыми ветвями. Движением руки барон вызвал скрытую голографическую панель управления. Кнопки с активными рунами высветились в полумраке притушенного освещения, и Эдвард быстро набрал нужную комбинацию. Картина зеленого леса вздрогнула и исчезла, выдав большой экран сверхвысокого разрешения. Помехи сменились изображением, передаваемым с внешних корабельных камер.

Лейна замерла, увидев, куда именно они прилетели. Древние крепостные стены на фоне светового ореола «Черной Звезды» со всех сторон нависали над кораблем. Исклеванные сколами и выбоинами от столкновений с метеоритами и обломками, плиты композитной брони не утратили прочности. Бастионы и галереи орудий были облеплены строительными лесами и рабочими платформами, где вспыхивали искры сварочных аппаратов и плавильных систем. Там медленно ползали строительные роботы, казавшиеся слишком большими и неуклюжими, с множеством опор и манипуляторов разной длины. На фоне монументальных крепостных укреплений инженерные корабли и фрегаты охранной эскадры оставались почти незаметными, лишь яркими искрами контурных огней выделяясь в окружающем мраке.

Крейсер к этому моменту уже подлетал к закрытым причалам крепости. Древние корабельные ангары давно были расчищены ремонтными командами и готовы к приему новых гостей, хотя толстые защитные створки все еще стояли замершими в полуоткрытом состоянии. У треугольных внешних причалов уже пристыковалось несколько тристанских боевых кораблей, доставивших в крепость солдат и технику для усиления местного гарнизона. А навстречу крейсеру сразу же вышли три фрегата, активировав основное вооружение. Здесь проходила зона повышенной секретности, и ни один непосвященный, даже попавший сюда случайно, не имел и шанса уйти живым.

— Так значит...

— Объяснения будут немного позже, — прервал ее Эдвард. — Лейна, думаю, не стоит все же публично афишировать нашу связь, поэтому прошу тебя не покидать корабль слишком быстро. А мне необходимо как можно скорее приступить к исполнению обязанностей гостеприимного хозяина.

Откланявшись, барон вышел из спальни, оставив Лейну одну. Девушка, растянувшись на кровати, положила локти под голову и еще некоторое время смотрела на закрывшиеся створки дверей.

— Сколько же ты еще не знаешь, но так рьяно кидаешься в бой... — глава корпорации «ТехКо» улыбнулась. — Нет, я не позволю тебе погибнуть, пока не закончишь начатое твоим отцом...

— Говорит пост диспетчерской объекта Альфа-Серебро. Докладываем. Видим вас на радаре. Отключайте ручное управление, мы готовы подключить систему автоматической стыковки. Место одиннадцать, причал шесть. Добро пожаловать на территорию объекта Альфа-Серебро.

Диспетчер нажал несколько кнопок на панели управления, подключив автопилот. После, отключив контакт нейрошлема и потянувшись, он перевел изображение с одной из камер ангара на центральный дисплей, наблюдая, как тяжелый крейсер заходит в закрытый ангар. На борту присутствовал сам тристанский барон, и вся смена чувствовала себя немного нервной, стараясь выложиться на полную. В самом начале рабочего дня они даже провели чистку оперативной памяти у киборгов, подключенных к автоматизированным системам. Один из них как раз принял на себя управление процессом стыковки.

— Диспетчерская объекта Альфа-Серебро. Говорит транспортный корабль Зет-три-Сигма. Приближаемся к вам по курсу Гамма-четыре-двенадцать. На борту живой груз. Просим подтверждение полученного сообщения и указание на стыковочное место. Повторяю запрос, диспетчерская объекта Альфа-Серебро. Мы поймали ваш сигнал... — не общей частоте зазвучал сигнал еще одного корабля, приближавшегося к станции, и диспетчер со вздохом снова подключил нейрошлем.

— Зет-три-Сигма, вижу вас на радаре, передавайте идентификационный сигнал, — начал он привычным тоном, переключив изображение монитора на данные локатора. Среди прочих точек кораблей, в эти минуты находившихся в ближнем пространстве вокруг воздушной крепости, сразу же показалась еще одна неопознанная. Зенитные орудия сразу навелись на новую цель, готовые открыть огонь. Передача кодов пошла почти сразу же после принятого сообщения, и по соседнему экрану побежали ровные столбики цифр, анализируемые и принимаемыми программа распознавания. — Подтверждаю совпадение. Можете заходить на посадку. Стыковочное место восемь, причал четыре. Добро пожаловать...

— Диспетчерская, подтвердите получение сообщения. На борту живой груз. Просьба подготовить встречающую конвойную группу.

— Говорит диспетчерская, подтверждаю получение. После стыковки к вам прибудет встречающая интендантская группа. До этого весь груз остается на борту. Дальше следуйте полученным указаниям.

— Диспетчерская, вас понял. Конец связи.

Заходивший на посадку тяжелый транспорт был в несколько раз меньше крейсера, подлетающего для стыковки к соседнему причалу. Большую его часть занимали отделяемые пассажирские отсеки, придавая знакомую угловатую форму корпусу. Медленно гася мощность двигателей, пилот завел корабль в ангар, где управление приняли автоматические системы. Контрольные панели вспыхнули однотонным зеленым цветом и больше не реагировали на действия экипажа.

Когда транспорт подлетел к причалу, крепления с тихим шипением выдвинулись вперед, подхватив его и подтянув к шлюзу, завершая стыковку. А с другой стороны их уже дожидалась группа интендантов, прибывшая с осмотром. Транспорт числился в списках прибытия, занесенный в строку чрезвычайных событий. Согласно полученным сведениям, на борту находились пленники, эвакуированные с перехваченного судна рабовладельцев, переведенные сюда для фильтрации.

— Документы в порядке, груз в норме, — доложил по итогу осмотра старший офицер

группы. — Хотя воняют они прилично...

С этими спорить сложно. После условий рабовладельческого корабля о гигиене говорить не приходилось, а у тристанцев не хватало времени снова приучивать пленников к базовым правилам. На транспорте не имелось даже места, чтобы всех разместить по принятым нормативам, и пленниками буквально забили все свободное пространство. В тесноте запах давно немытых тел становился только сильнее, скапливаясь в герметичных помещениях. Интенданты едва смогли пройти в трюмы, поразившись такому количеству пленников, но проверка все равно много времени не заняла. Снова выйдя на причал, они принялись обсуждать, что с ними делать.

— Штаб прислал приказания, согласно которым всех, подходящих под наши требования, следует использовать для ассимиляции с постоянным гарнизоном станции. Людей здесь в последнее время не хватает, да и чистая кровь не помешает, — сказал один из офицеров, сверяясь с указаниями на своем инфопланшете.

— Однако их следует профильтровать. Даже при беглом осмотре я заметил особей с мутациями и ксеносов. Касательно гибридов вопрос следует рассматривать отдельно. Выявить так просто их не всегда удастся.

— Значит, этим и займемся в первую очередь. Отправим всех в сортировочные боксы и дальше по стандартной процедуре. Людей без мутаций и дрейфа генома отправляем на переобучение, а всех остальных на утилизацию. Истребительные команды будут подготовлены в самое ближайшее время, — кивнул второй офицер, почесав подбородок. — Жаль, нет информации, откуда они. Можно было бы прикинуть процент отсева. А так приходится действовать вслепую. Генераторам массы придется подключить дополнительную загрузку.

— Хорошо, тогда заводим конвойную группу и начинаем разгрузку...

На причале, где до этого работали только несколько грузовых автопогрузчиков, на короткое время стало даже слишком оживленно. Появившаяся группа тристанских солдат устроила живой коридор до станции монорельса для пленников. Принятый в Рейнсвальде язык дикари не понимали, поэтому все общение с ними шло с помощью жестов и окриков. Солдаты выгоняли всех из трюмов, особо не церемонясь, порой просто выталкивая наружу, стоило только кому-то замешкаться.

Пленники были напуганы. Они до сих пор ничего не понимали и разницы между работоторговцами и тристанскими солдатами не видели. Только некоторые обратили внимание на то, что внешний вид окружавших их людей изменился. Легкая боевая броня тристанских войск состояла из сплошной панцирной защиты с закрытыми шлемами, где вместо глаз светились только пять красных и зеленых линз визоров, расположенных в щелях лицевой пластины. Одинаковая форма разительно отличалась от самоделок работоторговцев, и отношение к пленникам изменилось сильнее, чем казалось вначале. Их больше не мучали, а тем, кто падал, не удержавшись на ногах, помогали подняться, а не забивали ногами.

Для дикарей, живших в племенах на Поверхности, давно забывших о цивилизации и ее достижениях, солдаты в закрытых доспехах казались ожившими металлическими статуями из древних легенд, рассказываемых стариками. В их примитивном фольклоре сохранились истории о богах в стальных доспехах, путешествующих по небу в ярком свете на железных птицах. Прежде такие истории казались глупыми сказками и выдумками, но теперь их прообразы стояли перед дикарями во всем своем величии и могуществе. Металлические стены, свет прожекторов, звуки кораблей и работавших механизмов порта со всех сторон —

все казалось удивительным и пугающим после древних выветренных развалин в Пустошах.

— Первый состав полон, отправляйте! — скомандовал офицер конвойной группы, контролировавший, сколько дикарей уже зашло в остановившийся вагон монорельса. Забивать его до отказа смысла не было, еще несколько таких же ожидало своей очереди, поэтому офицер жестом руки остановил колонну. Его подчиненные вышли вперед, отсекая толпившихся на платформе от закрывавшихся дверей. В первых рядах истерично кричал ребенок, не успевший пройти вслед за своей матерью. Кто-то из пленников тоже попытался было прорваться вперед, протягивая кому-то руку, но один из солдат ударил его прикладом под ребра и отпихнул назад, сбив с ног. Офицер ругнулся про себя и приказал: — Второй состав подходит! Приготовиться к погрузке!

Над станцией тянулась галерея, шедшая к другой ветке монорельса от других причалов. Тристанские инженерные команды провели в порту масштабные восстановительные работы, полностью приведя в порядок все системы вплоть до установки зеленых насаждений и торговых автоматов в зонах для пассажиров. После всех работ портовая зона практически не отличалась от любого тристанского порта. Даже на стенах висели штандарты королевства и дворянского рода, а у каждого прохода дежурили боевое дроиды.

Когда колонна пленников снова пришла в движение, наверху проходил со своими сопровождающими сам барон, решивший самостоятельно по пути оценить результаты проведенных работ. Он задержался, увидев на платформе дикарей, подгоняемых солдатами.

— Это те самые, которых мы сегодня отбили? — поинтересовался Эдвард, подойдя к перилам. — Много их. Получается, эти работорговцы хорошо прошлись по Поверхности, прежде чем попались.

— Предварительный подсчет указывает цифру в двенадцать с половиной тысяч пленников мужского и женского пола. Согласно первым допросам пленных, проведенных на борту, набраны они приблизительно в двадцати восьми точках на Поверхности и островах трех ближайших секторов. — Ответил его адъютант, киборг в форме сопровождающего барона из личной свиты без особых знаков различия и с лицом, где вместо человеческих черт осталась только сплошная металлическая пластина с несколькими точками визоров и проекторов. Докладывая, он вытянулся и сложил руки за спиной

— Кстати, касательно пленных пиратов. Я удивлен, что их так много, — заметил Эдвард, все еще рассматривая толпу дикарей внизу. В ярком электрическом свете хорошо заметны были в общей толпе ксеносы и мутанты. Работорговцы-налетчики никогда не отличались особой разборчивостью, закидывая в трюмы всех подряд. На Рейнсвальде уже так себя не вели, поскольку сохранение чистоты крови считалось одним из важных направлений внутренней политики. Барон скривился.

— Господин, пленные необходимы для допроса в рамках охраны дальних границ феода, — уточнил сопровождавший его офицер. — В каждой операции мы стараемся захватить несколько офицеров противника для выяснения информации касательно баз и пиратских точек...

— Об этом я в курсе, — металлическим голосом ответил барон, отвернувшись от пленников. — Хотя, действительно, поднимать этот вопрос глупо. Так что будет с работорговцами, раз уж они есть?

— Господин, после получения всей необходимой информации с помощью синапстического сканера они будут утилизированы, — ответил офицер, после чего еще раз сверился со своим коммуникатором. — Господин барон, я прошу вас поспешить. Поступило

сообщение, что первые гости уже прибывают. Корабль Ластанской торговой группы только что вышел в реальное пространство у ближайшей прыжковой точки. Сообщается, что на борту находятся делегаты Высшего Совета.

— Уже? — Эдвард приподнял бровь, удивившись. — Даже несколько раньше, чем я рассчитывал. Действительно, стоит торопиться.

— Господин, только что поступила срочная информация, — сразу же доложил ещё и адъютант, получив новый сигнал, докладывая все тем же спокойным и медленным тоном. — Передача идет с пометкой приоритетной важности. Сообщение от командования внешней разведки. В настоящее время к вам направляется офицер связи с полным сообщением...

— Уже интересно. Где он? — поинтересовался Эдвард, сразу забыв о дикарях и работоторговцах. — Они не уточняли, касательно какого вопроса?

— Никак нет, господин барон. Никаких уточнений передано не было.

— Тогда идем дальше. Встретим его по пути.

Офицер нашел их на два уровня выше, догнав свиту барона в одном из коридоров. Являясь ответственным за личную передачу особо важных сведений, он был человеком лишь частично, что внешне выдавали кибернетические имплантаты, закрывавшие большую часть лица. Модифицированная личность не способна ко лжи и предательству, поэтому им и доверяли наиболее важную информацию.

— Господин барон, — механическим голосом, пропущенным через звуковые преобразователи на месте рта, приветствовал Эдварда офицер, приложив руку к груди и поклонившись. — Прошу прощения за срочность, но только что поступила информация касательно предстоящей операции.

Он передал информационный планшет барону в руки. Эдвард сразу его включил, внимательно глядясь в появившиеся на экране строчки со вставленными фотографиями и сканами подтверждающих документов.

Данные разведки о происходящем в Сельфарильском княжестве. Небольшое независимое государство, сохранявшее нейтралитет во внешней политике, с которым приходилось мириться крупным государствам. Сельфарил находился на пересечении нескольких торговых путей, имевших большую важность для всего сектора, и попытка его захвата обязательно вызвала бы возмущение остальных сторон, втянув в войну и их. Длинный конфликт на несколько фронтов никому не нужен, поэтому нейтралитет княжества поддерживали все.

Однако ситуация изменилась. Во всяком случае, Эдвард об этом подозревал. После недавних событий, связанных с нападениями пиратов на его торговые караваны, шедшие из Сельфарила, княжество все теснее вело дела с его соперниками из Гористарского рода. И, несмотря на то, что в княжество также было отправлено приглашение, тристанский барон не торопился верить княжеской чете. Кроме того, у него были и более веские доказательства игр за его спиной, но прямо он озвучивать их пока не собирался. Для этого требовалось еще немного времени.

Сообщения разведки подтверждали его сомнения. В Сельфарил перед отбытием князя на встречу с Эдвардом прибыла неофициальная миссия гористарских дипломатов. Встреча с ними прошла при закрытых дверях. И сразу после отбытия миссии князь приказал поднимать свой корабль в воздух. Последний элемент головоломки, над которой билась специальная рабочая группа отдела разведки, встал на свое место, и картинка сложилась.

Тристанский барон молча выключил планшет и вернул его офицеру.

— Я все понял. Передайте, чтобы продолжали держать в курсе. Командованию Объекта Альфа-Серебро продолжать готовиться к операции согласно принятому плану. Изменений не допускать.

— Вас понял, господин барон.

Эдвард кивнул и дальше зашагал к подготовленному залу собраний. Гости уже прибывали, и ему следовало встретить их лично, как и полагается радушному хозяину.

Глава 8. Всему своя цена

Нет такого дела, в котором не пригодился бы шпион.

Лао-Цзы

Дрон снизился, и его камеры автоматически увеличили разрешение, передавая с каждым кадром все более точную картинку. Зрачки визоров в нижней полусфере расширились и поворачивались вслед за целью, продолжая наблюдение за небольшой группой дикарей, отсоединившейся от каравана. Двигаясь на одних только антигравитационных двигателях, дрон бесшумно кружил над ними на высоте двух километров. Разведывательная группа, как определили аналитики в штабе, направлялась напрямиком к одному из передовых фортов бароната, хотя основной конвой отвернул в сторону по другому маршруту.

— Они словно знали, на что могут наткнуться. — Старший офицер вздохнул, сверившись с переданными показаниями дронов. Необходимость возиться с подобными проблемами его раздражала. В любой другой момент туда бы уже выслали звено бомбардировщиков и разобрались бы всего лишь за пару заходов. Однако приказ барона звучал вполне четко: дикари необходимы для полевых испытаний, а потому трогать их раньше времени запрещено. — Тогда зачем высылать группу разведки? Убедиться, что мы не реагируем?

— Господин, от командования новых указаний не поступало. Действуем согласно прежним приказам, — доложил один из операторов, приподняв голову. Отправленный запрос с комментариями не вызвал у вышестоящих офицеров никаких особенных реакций, оставив ему свободу в оперативных действиях. — До новых личных распоряжений барона никаких действий против дикарей не принимать.

— Святое Небо! Если не принимать никаких действий, то они подберутся к нашим минным полям, — вздохнул офицер. Задумавшись, он поправил воротник мундира. — Мы не имеем права подпускать дикарей к стенам. Тревогу поднимать тоже не можем. Тогда передайте мои приказания гарнизону. Перевести орудия на западной стороне форта в режим ответного огня. Снайперам не открывать огонь до моего личного приказа. Если дикари выйдут к форту, то придется уничтожить их как можно быстрее. Успеть передать сигнал тревоги своим товарищам они не должны. Приказ понятен?

— Так точно, господин фронт-майор. Новые указания уже отправлены на передовую, — доложил оператор связи.

— Великолепно. Ждем, когда барон даст разрешение на ведение огня, — вздохнул офицер, сложив руки за спиной и разминая плечи. — А то эта ситуация уже начинает выходить за рамки обычного дежурства.

Группа разведчиков, продолжавшая свой путь через городские развалины, оставалась уверенной, что никто не может их обнаружить. В любых других условиях такие мысли были бы вполне оправданы. Уже опытные следопыты, они практически сливались с местностью, буквально растворяясь в темноте, словно случайные тени. Очки ночного зрения, переделанные специально таким образом, чтобы не выдавать человека предательски сверкающими зелеными визорами, давали вполне приемлемую картинку, чтобы

ориентироваться в развалинах. Опытный взгляд человека, знавшего, что искать, мог заметить слабое движение среди развалин, выдававшее перемещения разведчиков, но не более того. Даже чуткие хорхи, небольшие хищные животные, приспособившиеся к жизни среди бетонных и каменных стен, не замечали людей, осторожно пробиравшихся среди камней. Простоявшие тысячелетиями, обдуваемые всеми ветрами развалины всегда оставляли множество незаметных для неопытного взгляда лазеек, где медленно, не отрываясь друг от друга, шли разведчики.

— Впереди тихо, — доложил боец в голове отряда по общему каналу связи. — Уровень радиации чуть повышен, но показатели находятся все еще в пределах нормы.

Сержант сверился со своим счетчиком, но и там заражение оставалось в зеленой зоне, только стрелка прибора немного подрагивала, не выходя за пределы безопасных значений. И чем дольше это тянулось, тем больше сомнений возникало у офицера конвоя. По словам проводника, здесь должен стоять такой уровень радиации, что не смогла бы защитить и броня машин. Ничего подобного здесь и близко не было.

— Продолжаем движение, — скомандовал сержант в ответ на поступившие доклады, решив убедиться во вранье проводника окончательно. — Там должно что-то быть. Иначе я вообще ничего не понимаю.

Магистраль, тянувшаяся через полуразрушенные кварталы, лучше всего подходила для маршрута крупной техники, вроде их тяжелых транспортов. На ней не было завалов или тяжелых обломков. Только чистое полотно дороги на шесть отдельных полос, словно специально расчищенное кем-то. Здесь крупногабаритные машины могли пройти без всяких проблем, потратив намного меньше времени и топлива. Сержант, глядя на магистраль, задумался, почему именно это направление такое чистое, когда весь остальной город превратился в сплошное нагромождение сгнившей техники и рухнувших зданий, давно перекрывших все дороги. Где-то в душе копошилось чувство, будто он чего-то не замечал, и никак его не отпускало.

— Стоять! — Внезапно скомандовал он, подняв руку. До этого момента разведчики держались в стороне от дороги, по понятным причинам опасаясь выходить на открытое место. Однако в этот миг офицер конвоя заметил мелочь, не бросившуюся сразу в глаза остальным, и вышел из тени, бегом бросившись к центру дороги. Там, на старом растрескавшемся дорожном полотне, остались относительно свежие следы траков гусеничной техники. В спектре ночного зрения они выглядели как едва заметное изменение цветов, но опытный глаз сержанта сразу же заметил даже такую крохотную разницу. Опустившись на одно колено, он провел пальцами по следу и не обнаружил пепла, как везде, перчатки зацепили только несколько пылинок. След совсем свежий. Здесь недавно проехала машина, по габаритам и весу сравнимая с легким бронетранспортером.

— Всем быть наготове! Здесь явно есть кто-то еще! — Включив радио, скомандовал сержант, после чего распрямылся и огляделся по сторонам. Однако кроме давно заброшенных стен, продолжавших разваливаться под влиянием времени, ничего не мог разглядеть.

— Сержант, может, тогда стоит развернуться? — поинтересовался один из разведчиков. — Мы же собирались просто проверить...

— И что скажем? Мы нашли один след, поэтому там опасно? — офицер конвоя только хмыкнул в ответ. — Я хочу знать, почему наш проводник пытается нас обмануть. До тех пор, пока у меня нечем будет ткнуть ему в лицо, я никуда не уйду. Вы можете возвращаться.

— Ну нет, без вас мы никуда не пойдём, сержант, — ответил один из его подчиненных, и остальные поддержали. — Если все вместе, так вместе...

Спорить бесполезно, но сержант все равно улыбнулся под маской противогаза. Рисковать своими людьми ему не хотелось, но сама их работа сопряжена с постоянным риском смерти. Среди разведчиков обычно самый высокий уровень потерь во всем конвое, но и набирали туда только самых стойких, сильных и смелых, готовых исполнить любой приказ. Заставить их что-то делать против воли необычайно сложно, а чтобы заработать их уважение любому офицеру требовалось постараться. Он стал их командиром уже слишком давно, чтобы все разведчики так просто от него отвернулись. И потому они остались, следуя за ним до конца. Без прикрытия дальнейший путь стал бы гораздо сложнее. А с полным отрядом появлялся шанс на возвращение.

Они снова пошли вперед, и уже через двенадцать километров вдоль магистрали среди развалин густой городской застройки появились и первые причины для беспокойства. В абсолютно беспросветном мраке неба стали заметны отблески, появлявшиеся над старыми крышами. Раньше их не замечали из-за слишком сильного рассеивания, но теперь этот слабый ореол становился четче и ярче с каждым шагом, а вместе с ним доносилось тихое эхо от громкого гула непонятного происхождения.

— Нужно подняться выше и проверить. Приближаться не стоит... — протянул сержант, указав пальцем на покосившееся здание небоскреба, все еще стоявшее на месте и окруженное развалинами. Последнее здание из целого квартала, оставшееся достаточно высоким, чтобы попытаться с него хоть что-то разглядеть. Крыша небоскреба являлась господствующей точкой на всей окружающей территории, но так высоко даже не требовалось подниматься. Примерно на уровне восьмидесятого этажа часть стен развалилась, обнажив опорный каркас, и теперь там открылась дыра, подходившая разведчикам как обзорная площадка. Бойцы группы, после долгого подъема вышедшие туда, с удивлением увидели впереди постройку, не имевшие никакого отношения ко всему остальному городу.

На расчищенной от развалин территории поднимались слегка наклонные стены крепости, появившейся явно позже всего остального города. Массивные шестиугольные башни стояли в углах цитадели, и от них тянулись бастионы с артиллерийскими батареями. По всему периметру крепостные стены освещали прожектора, выхватывавшие из темноты всю округу. Старую городскую застройку у границ крепости все еще расчищали строительные машины, срывавшие древние развалины до основания. Экскаваторы-шагоходы, работая мощными ковшами, крушили развалины, а за ними шли плавильные установки, выжигая оставшиеся обломки до состояния сплавившейся стеклянной массы, гладкой, словно стол. Даже до позиций разведчиков долетал тихий гул от непрерывно работающих механизмов, который прежде казался чем-то непонятным, но пугающим. Теперь причины его появления стали ясны.

— Великие духи Аурая, что это? — Протянул один разведчиков. — Из-за этого мы отвернули в сторону? Но почему нельзя было...

— Я не знаю, — сержант покачал головой и решил, что такие сведения необходимо как можно быстрее сообщить конвою. Проводник явно что-то скрывал, и офицер не мог не волноваться за своих соплеменников. Подключившись к общим частотам, он попытался настроиться на офицерский канал дальней связи. — Я не понимаю, почему так... Эй, что с радио? У кого-нибудь есть сигнал?

Сержант постукал по шлему, но связь все равно не появилась, на всех частотах всё так же шли сплошные помехи. Оглянувшись на подчиненных, он понял, что и у них творится то же самое. В одно мгновение рухнули все каналы, и встроенная гарнитура шлемов оказалась бесполезным придатком.

— Что за демон тут танцует? — прохрипел кто-то из разведчиков сквозь фильтры шлема. Слышно его было плохо, но интонацию разобрать было несложно.

— Внимание! Впереди!

Два воздушных судна, поднявшись в воздух со стороны крепости, направлялись прямо к их позиции. Один, приближаясь к небоскребу, отвернул в сторону, уходя куда-то вдаль, а второй транспорт направился прямо к ним, словно точно знал, где разведчики находятся.

— Отходим! Быстро! Они наверняка нас засекли! — Скомандовал сержант, понимая, что ситуация меняется даже слишком быстро. У него не осталось сомнений, что между внезапно пропавшим сигналом и приближением этих кораблей имелась общая связь. — Нужно выйти за пределы действия глушилки и сообщить нашим!

Когда разведчики уже покинули в спешке смотровую площадку, транспорт, гудя форсированными двигателями, уже подлетел прямо к террасе, развернувшись на полной скорости и очень быстро замерев на расстоянии меньше метра от старых бетонных плит. Из раскрытых люков стали выпрыгивать первые пехотинцы, разорвав темноту светом подствольных фонарей.

Колониальные войска бароната имели более легкое снаряжение по сравнению с боевыми частями действующей армии, но этого хватало, чтобы обеспечить подавляющее превосходство над дикарями. Герметизированные боевые доспехи с внутренним экзоскелетом и модульным вооружением были лучше и надежнее всего, что имелось в караване. И главное преимущество истребительных команд бароната — они точно знали, сколько здесь разведчиков, и где они находились.

— Охота открыта, господа! — Сообщил с усмешкой командир группы по общему каналу, так что этот сигнал случайно перехватили и приемники бойцов конвоя. — Не выпускать никого! За каждого дикаря обещают премиальные!

Вооруженные короткоствольными импульсными винтовками, тристанские солдаты поспешили по следу разведчиков, на ходу распределяя цели и приоритетность. Нагнать отступающих получилось только на три этажа ниже, открыв огонь в спины бойцам конвоя, мелькавшие на лестничных пролетах. Первые импульсные заряды, сверкая в воздухе яркими точками, осветили темные лестничные переходы, разбиваясь о стены и старые вытертые ступеньки. Несколько выстрелов пришлось в цель, и двое прикрывающих, шедших последними, свалились как подкошенные, не успев толком понять, что произошло. Остальным пришлось спешно перегруппировываться.

— Нам нельзя останавливаться! — Выдохнул сержант. — Они и так нас окружают! Отгоните их огнем и продолжаем движение! Только быстро!

Разведчики ответили преследователям залпами из своего оружия. Затрещали лазерные винтовки и автоматы с пороховыми патронами. Они рассчитывали легко перекрыть узкий проход, заставив преследователей остановиться, но не приняли во внимание личные дефлекторные щиты солдат. Выведенные на стандартную мощность, они держали огонь подобного мелкокалиберного орудия, расцветая вспышками в местах попадания. А тристанцы в ответ вели прицельный огонь, выкашивая разведчиков одного за другим. Двое пехотинцев с тяжелым вооружением даже прорвались вперед и залили стрелков пламенем

огнеметов.

— Отходим! Мы не удержим позиции! — скомандовал сержант уцелевшим подчиненным, слыша, как кричат его бойцы, заживо сгорающие в ревевшем оранжевом пламени. — Быстрее!

И тут по ним начали стрелять с противоположной стороны. Обернувшись, сержант увидел новых солдат бароната, появившихся из того прохода, куда надеялся отступить. Десант со второго транспортного корабля, высадившийся с другой стороны здания и теперь сомкнувший кольцо окружения. Разведчики оказались под перекрестным огнем, не имея шансов даже на то, чтобы сдаться. Кто-то попытался бросить оружие и поднять руки, но его свалил новый разряд из огнемета. Кто-то отчаянно отстреливался до последнего патрона, пока его не расстреляли. Кто-то пытался сбежать, но только наткнулся на солдат противника и погиб, не успев ничего сделать.

Сержант упал одним из последних, отчаянно пытаясь пробить дефлекторные щиты тристанских солдат огнем своей лазерной винтовки, поставив луч на режим максимальной мощности. В последний момент, с простреленной ногой, он все еще стрелял в огнеметчика, медленно подошедшего к нему. На закрытом шлеме тристанца не отражалось никаких эмоций, но лежавшему перед ним человеку казалось, будто он ухмыляется. Солдат нарочито медленно сменил израсходованную плазменную батарею на новую, оттягивая момент. И потом, убедившись, что сержант видит направленный на него ствол, огнеметчик нажал на спусковую кнопку, залив человека ревушим пламенем.

— Цели уничтожены, господин лейтенант. — Доложил командир группы в штаб. — Перехват сообщений подтверждает выполнение приоритетной задачи. Сообщений о нападении они не передали. Сбежавших нет.

Аяк потеряла проводника, когда тот зашел в машину Капитана. Проход туда без особого разрешения не позволялся даже офицерам конвоя. Выругавшись, она успокаивала себя только тем, что отлично знает, где находится этот человек. Оставалось ждать и следить, когда снова покажется оттуда. Усевшись на крыше одного из стоявших позади капитанского бронетранспортера грузовиков, Аяк откровенно скучала, не зная, чем еще себя можно занять, пока конвой стоял. Время тянулось медленно, но цифры на минутном делении ее часов все-таки сменяли одна другую.

Постепенно вместе с ожиданием пришло и беспокойство. Конвой простоял даже дольше положенного, но от сержанта все так же не поступало известий. Связь с ним пропала, хотя девушка уже несколько раз пыталась выйти на нужную частоту. И каждая попытка заканчивалась сплошными помехами без какого-либо намека на ответ. Хотя сознательно Аяк уверяла себя, что ничего не могло случиться, подсознание все сильнее вкручивало в голову тревожные мысли. Случилось нечто очень плохое, как назойливо ввинчивалась в мысли интуиция, а причин не доверять ей не было. Уже не раз подобная мнительность спасала девушку даже при самом плохом раскладе сил.

В небе снова что-то сверкнуло, и Аяк задрала голову, в этот раз уже пытаясь разглядеть, что именно там происходит. Слишком часто стали повторяться эти отблески, чтобы оставаться обычной случайностью. И именно в этот момент по конвою объявили готовность к отправлению. Техники закончили с проверками и профилактическими работами, и общий сигнал прошел по всем каналам, предупреждая о скором отбытии.

Отстающих никто не ждет — одно из самых старых правил конвоя. А ответа от

отправленной группы разведки до сих пор не поступило. Выругавшись, Аяк спрыгнула с борта машины и отошла к краю дороги, дожидаясь грузовика, к которому приписана. Транспорты двигались медленно, постепенно набирая скорость, и девушка, дожидаясь своей машины, судорожно размышляла, к кому лучше обратиться. Указания поднимать тревогу, если сержант не вернется до отправления конвоя, она помнила хорошо, но это не мешало ей нервничать все сильнее. Мысли смешивались и путались, одновременно и рождая в голове самые ужасные картины того, что могло произойти, и пытаясь успокоить, подыскивая оправдания для затянувшегося радиомолчания.

Однако ее внимание привлекла тень на самом краю зрения, мелькнувшая среди развалин. Рефлекторно опустив руку к кобуре пистолета, девушка обернулась в ту сторону, успев заметить человеческий силуэт, мелькнувший в свете фар тронувшегося с места грузовика. Решение пришло в голову сразу же, сознание даже не успело обдумать его до конца, и девушка, проклиная на чем мир стоит и собственную мнительность, и проводника, бросилась вслед за тенью. На ходу опустив на глаза прибор ночного видения, Аяк забежала в пролом старого здания, не обратив внимания на окрик охранника и только отметив, как тень скользнула в проход с противоположной стороны. Ругая себя, что оставила винтовку в транспорте, девушка вытащила пистолет из кобуры и сняла его с предохранителя. Погоня началась.

Почти сразу же Аяк поняла, что преследуемый ориентируется в развалинах гораздо хуже ее самой. Как любой разведчик, девушка очень много времени провела в пустошах, пробираясь через заброшенные города и остатки древних цивилизаций. С опытом приходило и ощущение «понимания» древних зданий — практически шестое чувство разведчика, позволявшее прочувствовать развалины, найти в них дорогу и не заблудиться среди всеобщего нагромождения обломков, завалов и изломанных стен. Вместе с этим исчезал и страх перед ними, оставляя только чувство ожидания. После долгих переходов по заброшенным старым городам Аяк научилась подсознательно определять, где спокойные места, а куда лучше вообще не соваться, таким образом чувствуя себя в развалинах почти уверенно.

В действительности, ничего мистического в этом не было, подобные мысли складывались из множества подмеченных деталей, от царапин на стенах до растущих среди обломков растений. По собственному опыту практически бессознательно девушка могла определить, что указывает на возможные опасности, а где проход может быть безопасен. Многие это и называли «пониманием».

Человек, покинувший конвой, им явно не владел и боялся этих мест даже больше, чем возможного преследования, но в итоге все равно бросался напролом, не обращая внимания на мелочи и торопясь как можно быстрее проскочить к своей цели. Аяк быстро поняла, что погони он тоже не заметил, а торопливость связана с желанием как можно быстрее покинуть развалины. Девушке стало даже интересно, кого именно, скрытого под защитным костюмом и тяжелой маской изолирующего противогаса, она преследует.

Нагнала Аяк свою цель в большом зале старого просевшего здания, заваленного обломками соседних высоток. Из-за развалившегося фундамента весь зал перекошило, пол накренился, а часть стен просела и рухнула. Остался только большой амфитеатр, практически весь засыпанный фрагментами купола потолка. Девушка, часто дыша и восстанавливая сбитое из-за быстрого бега по обломкам дыхание, сразу же укрылась за большим куском камня, как только человек остановился и включил фонарь. Яркий луч

электрического света разрезал темноту, выхватив по очереди несколько выходов из зала, и в его отблесках Аяк сумела лучше разглядеть, кого преследует. Его выдали тонкие и изящные перчатки на руках. Именно такие были у проводника, когда девушка увидела его в первый раз, и в ту же секунду ее охватила ненависть к этому человеку, все-таки выдавшему свое предательство.

— Какого беса ты тут забыл один и без охраны? — прошипела Аяк сквозь зубы, внимательно наблюдая за этим человеком и уже не понимая, что именно тут не так. Как мог проводник выбраться из машины так, чтобы его никто не заметил, да еще и проскользнуть мимо внешнего кольца охраны, девушка тоже никак не могла сообразить. Словно здесь было что-то еще, чего она сразу не заметила.

Будто в ответ на ее вопрос, проводник достал из сумки небольшую рацию и вызвал кого-то, тихо говоря на незнакомом языке. Больше Аяк терпеть не могла. Все выглядело так, словно зрела некая игра, в которую ее родной конвой оказался втянутым без всякого на то желания.

— А ну стоять! — девушка выскочила из укрытия, сразу же нацелив пистолет на стоявшего проводника. — Лишнее движение — стреляю! Руки держать так, чтобы я их видела! Поднимать медленно!

— Матьер Земная, ты еще кто такой? — прошипел тот в ответ, но под направленным дулом оружия шансов возмущаться было не так уж и много. Как от него и требовали, проводник поднял руки вверх, отпустив рацию. — Здесь же не должно никого быть...

— Снял маску! — потребовала Аяк, подходя к нему ближе. — Я хочу видеть твое лицо! Быстро!

— Здесь воздух вреден для дыхания. И ты хочешь, чтобы я...

— Снял маску! И показал лицо! — еще резче потребовала Аяк, не дав ему договорить и передернув затвор пистолета. Патрон отлетел в сторону, оружие и так взведено, только на нервы давила. Воздух в округе действительно заражен, но не настолько, чтобы задохнуться сразу. Несколько минут человек мог продержаться и без защиты дыхания. Настаивая на своем требовании, девушка сделала еще шаг вперед, целясь проводнику точно между глаз. — Сейчас же!

— Хорошо, — сдался тот и медленно, двумя руками, стянул с лица противогаз. Под ним действительно оказался проводник. Смерив Аяк тяжелым взглядом, он снова нацепил маску на лицо. — Так кто ты такая?

— Я из охраны каравана. Почему сбежал, не закончив работу?

— Проклятье. И чего тебя только занесло так далеко... — процедил проводник сквозь зубы, так что через фильтры противогаза прошло только невнятное бормотание. — Короче. Мне сейчас некогда с тобой возиться, поэтому будь добра свалить с дороги! Если хочешь выжить, то лучше поторопись оказаться как можно дальше отсюда, пока не началось самое веселье.

— Ты еще про что? — девушка моментально напряглась.

— Тебе подобные действительно еще тупее, чем я думал с самого начала. Мало того, что на слово верили человеку, которого видели впервые в жизни, так еще даже не доходит ничего, хотя прямо мордой макнули. — В голосе отчетливо слышались издевательские нотки. После первого удивления проводник пришел в себя и теперь сверлил Аяк презрительным взглядом через линзы шлема. — Подумай своей тупой головой и пойми уже, в каком водовороте событий оказалась. Ты даже не пешка. Ты просто мишень, на которую

патроны тратить жалко.

— Мы сейчас возвращаемся к конвою, и ты там ответишь по порядку, что вообще задумал! — Сухо процедила Аяк. — Там уже не мне будешь отвечать, а офицерам за свои действия. И молись, чтобы тебя не расстреляли.

— И кто меня отведет? Ты? — Он усмехнулся достаточно громко, чтобы девушка его услышала. — Такой дикарь, как ты, со мной не справится.

— Сам ты дикарь, — прошипела Аяк, и, опустив ствол чуть ниже, нажала на спусковой крючок. Она рассчитывала, что прострелит ему плечо, сбив спесь, но вместо этого между ними вспыхнул силовой барьер, в одно мгновение испаривший пулю. Она даже еще прийти в себя от удивления не успела, как проводник бросился на нее головой вперед, сбив с ног, и оба покатались по обломкам, обрабатывая друг друга кулаками. Аяк отчаянно не позволяла схватить себя за горло и в то же время старалась удержать пистолет, но проводник был сильнее. Гораздо сильнее, чем можно представить. Справиться с ним она не могла, отчаянно пытаясь хотя бы не дать вырвать оружие из рук, но он все равно крепко схватил девушку за кисть и несколько раз ударил по камням, заставляя разжать пальцы. Навалившись на девушку всем весом, проводник все-таки пересилил, разведя ее руки в стороны, а потом резко ударив лбом в лицо. Мир поплыл перед глазами разноцветными кругами, а во рту появился противный привкус крови.

— Дикарь... — сжимая в руке ее оружие, проводник выпрямился. — Стрелять надо было сразу, до того, как я успел включить дефлекторный щит.

— Что ты задумал? Тебе мало заплатили, что ли?

— Думаешь, дело в ваших жалких монетках? — он рассмеялся под маской противогаза. — Ладно, это даже забавно. У меня есть еще несколько минут, чтобы рассказать тебе о происходящем на самом деле. Только сними маску, я хочу видеть выражение твоего лица. Пусть ты не задохнешься сразу, но, как бы там ни было, запаса фильтра надолго тебе все равно не хватит.

Девушка стянула респиратор и подняла очки, сверля его презрительным взглядом. Без ночного визора она могла разглядеть только огоньки визоров его маски и точку прицельного модуля пистолета.

— А, так ты та самая. В снаряжении даже не разобрать, какого кто пола. Если бы не окончания... — протянул проводник. — Значит, заметила все же, как и опасался. Так и знал, что будут с тобой еще проблемы...

— Ты обещал...

— Да, я помню. Я думал пристрелить тебя, увидев лицо, но вот обещание, данное девушке, все-таки следует исполнить. При всем нашем положении необходимо учитывать и свои моральные принципы. — Он снова усмехнулся, зло и едко. Аяк почувствовала себя так, словно в лицо плюнули. — Все равно ты умрешь через несколько часов. Мне плевать, чем и сколько вы мне заплатили, ваши деньги все равно не имеют ценности. Вас завели сюда только для того, чтобы отреагировали соперники моего сюзерена. Они считают эти земли своими и всякого, кто пришел сюда без спроса, уничтожают. Уверен, войска уже отправлены, чтобы разобраться со всем караваном. А это значит, мне тут делать больше нечего...

— Зачем? — девушка судорожно пыталась придумать, что можно сделать. Если это правда, то нужно предупредить своих, остановить их. Нужно сделать хоть что-то, пока еще есть шанс на спасение.

— Зачем? Потому что мой сюзерен хочет посмотреть, на что именно способны его соперники. Вас уничтожат, а он позже посмотрит, каким именно образом. Все очень просто. Будет считаться, что это всего лишь еще одно из ряда вон выходящее событие, в котором, по большому счету, нет ничего особенного. А то, что произошло на самом деле, ни для кого не имеет значения. Как будто дикарей кто-то считает...

— Я не знаю твоего хозяина, но он одна из самых циничных тварей, которые только могут существовать, — прошипела Аяк. — Там же старики. Дети. Там куча ни в чем не повинных людей!

— Людей? — Еще один смешок. — Вовсе нет. Не людей. Дикарей. Вы ничем не отличаетесь от остальных мутантов Поверхности. Выродки этого мира, которые и способны только жить как животные, в собственной грязи, пока не сдохнут и не оставят после себя ничего, достойного памяти.

— Кто дал тебе право судить? — Аяк все собиралась, надеясь, что у нее получится. Аморфный и неслаженный план действий, возникший совершенно спонтанно, мог сорваться, но другой возможности уже не было. Проводник не врал, девушка чувствовала честность в его голосе. И от этого становилось еще страшнее.

— А оно нужно? Ты же не судишь мутантов...

Девушка оттолкнулась от обломка каменной плиты, попытавшись зацепить проводника вытянутой ногой. Носок ее металлического сапога зацепил что-то мягкое и податливое, и противник с руганью повалился. Он все же успел выстрелить, но из-за удара прицел ушел в сторону и пуля выбила каменную крошку в паре сантиметров от головы Аяк.

Забыв опустить обратно очки ночного видения, она навалилась на проводника, не давая ему даже прийти в себя. Второй выстрел прошел совсем рядом, зацепив скулу и ободрав кожу. Аяк вскрикнула, но все равно продолжила бить, стараясь попасть кулаком по светившимся визорам. Проводник в ответ ударил ее рукояткой пистолета в голову, едва не свалив на пол, а она ответила лбом в лицо, с чувством мрачного удовлетворения услышав хруст носовой перегородки и тихий вырвавшийся стон. Не теряя момент, Аяк схватила противника за голову двумя руками и с силой приложила о каменный обломок на полу. Проводник застонал еще громче.

— Убить тебя мало, — прошипела девушка, вырвав пистолет и приставив ему к подбородку. — Потом. Сначала расскажешь все, что знаешь...

Вместо ответа Аяк получила новый удар с левой руки, в этот раз попавший в висок. Мир крутанулся куда-то в сторону, и девушка, не ожидавшая, что у врага хватит сил на подобное, повалилась на пол. Проводник, с залитой кровью линзой противогаза, навалился сверху, сдавив ей шею двумя руками. Чувствуя, что кислород в легких заканчивается, девушка свободной рукой выдернула кортик из ножен на поясе и ударила, целясь под маску визора. Ориентироваться могла только на светившиеся линзы визора, но хватка ослабла в ту же секунду. Противник захрипел, а девушка почувствовала теплую кровь на пальцах.

— Стой... — все-таки смог он прохрипеть, из последних сил ухватившись за ее руку и уже без сил опускаясь на пол. — Стой... Не трожь... Я... Я расскажу...

— Что ты еще можешь рассказать? — Аяк чувствовала, как ей на маску противогаза капает кровь. Проводник цеплялся за жизнь из последних усилий, но она угасала с каждой секундой.

— Так не должно было произойти... они обещали забрать меня, когда все начнется... Транспортный корабль. Он приземлится недалеко отсюда. Может пройти тристанскую

воздушную оборону... Не... Не убивай... Я возьму с собой... Можно... Можно спастись... Только...

— Ублюдок, — прохрипела Аяк, провернув лезвие в ране. Проводник захрипел и медленно повалился на бок, сам соскользнув с кортика. Он еще жил, хрипел и плевался кровью при каждой новой попытке вздохнуть. Девушка, тяжело дыша, поднялась на ноги, смерив презрительным взглядом еще дергающееся тело. — Я не буду спасать свою жизнь ценой всех остальных.

Вытерев лезвие кортика об одежду проводника, Аяк убрала оружие в ножны и подобрала пистолет, прежде чем осмотрела тело. Приходилось торопиться. На шум и запах свежей крови обязательно должны явиться местные обитатели, наверняка настроенные крайне недружелюбно. В разгрузных карманах его защитного костюма девушка нашла какую-то мелочь и личные вещи, выкинув их, даже не задумавшись, и остановилась, только когда нащупала небольшой прибор на поясе прямо под ранцем. Маленький металлический корпус с медленно вращавшимся по периметру голубым кольцом. От прикосновения руки оно замедлилось, полностью остановившись через несколько мгновений. Его девушка сняла с пояса и нацепила себе под рюкзак, чувствуя, что еще может пригодиться. В одном из карманов нашлась еще фотография, но ее Аяк даже рассматривать не стала. Подобное пусть остается с мертвыми. Последней находкой стал коммуникатор с непонятными символами и рунами. Изучать карманы внимательнее времени не было, поэтому Аяк сунула последнюю находку в под сумку, оставив на потом.

Ей следовало торопиться. Нужно предупредить остальных. Возможно, еще оставалась надежда остановить грядущее и спасти людей. Отступить из сектора быстрее, чем нападут те, о ком говорил этот человек.

Глава 9. Капкан для охотника

"Мы живем, постоянно попадая в ловушки. Никто не может избежать западни. Главное понять, попался ты или нет. Если ты в ловушке и не осознал это, тебе — конец".

Чарльз Буковски.

Корабли продолжали прибывать, появляясь в реальном пространстве по одному или целыми группами. Военные и гражданские суда, с охранением из истребителей и перехватчиков, один за другим выныривали из прыжкового режима на разном удалении от точки выхода, отмеченной дрейфующими маяками, после медленно приближались к крепости по указанными диспетчерской маршрутам, оставаясь под прицелом крепостных батарей. Их появление отслеживали несколько небольших орбитальных станций, и далее гостей сопровождали дежурившие тристанские корабли до самых стыковочных зон, где управление на себя брали уже системы автопилотирования.

Как честный и радушный хозяин, Эдвард встречал гостей на причале, в полном парадном одеянии тристанских баронов, вплоть до тяжелого бархатного плаща, подбитого мехом геспейского барса, и драгоценная вышивка его одежд переливалась на свету, словно жидкое серебро. Князья и правители отдаленных анклавов, банкиры, крупные промышленники, представители международных корпораций и транспортных компаний — все, кому пришли приглашения и отозвавшиеся на него. Они прибыли сегодня, чтобы выразить свое желание участвовать в этой встрече во имя процветания каждой из сторон, и теперь удивленно оглядывались по сторонам, на древние стены таинственной цитадели, о которой никто никогда не слышал. И все новые штандарты и знамена под потолком ангаров присоединялись к тристанским флагам, слабо колебавшимся на поднятом ветру.

Кто-то не смог приехать по действительно важным причинам, вместо этого прислав своих представителей, кто-то отказался вовсе, разорвав заключенные соглашения, уже не считая их важными после смены главы Тристанского Дома. Кто-то прибыл со своими планами, а кто-то хотел узнать, что планирует сам барон. И все же все они оставались предельно вежливы и улыбки, спускаясь с кораблей и встречая ожидавшего их барона. Строгая форма военных мундиров с многочисленными регалиями или же пышные гражданские одеяния, чистокровные люди или ксеносы, старые союзники или недавние соперники — в этот день Эдвард улыбался в ответ каждому, приветствуя в уже считавшейся его реликтовой крепости, и приглашал пройти в сектора для гостей.

Там для них были подготовлены удобные комнаты со всем необходимым, с подходящими даже для самых изысканных вкусов интерьерами и обслуживанием. А на уровнях ниже ждали залы с сервированными столами. Именно там должно было состояться главное представление этого вечера, но пока гости просто развлекались и отдыхали после длительного перелета, ожидая прибытия тех, кто задержался или отставал от графика. Эдвард не мог к ним присоединиться, оставаясь в ангарах, и пока его заменяли несколько доверенных человек из ближайшего окружения. Под высокими сводами играла тихая музыка живого оркестра, настоящие свечи в хрустальных люстрах отбрасывали неровные блики света, игравшие в зеркалах и среди золотой лепнины. В центре, на расчищенной площадке, кружили танцующие пары, а сервисные дроны под потолком летали с полными подносами,

тихо попискивая на двоичном коде. Залы находились во внутренних помещениях крепости, пробить окна там возможности не имелось, и вместо них в неглубоких нишах стояли высокие зеркальные витражи, направленные друг на друга таким образом, чтобы бесконечно повторять в отражениях одну и ту же картину гостевого зала.

Новые приглашенные все подходили, встречая и приветствуя уже знакомых гостей. Жужжание разговоров едва пробивалось сквозь звуки музыки, повторявшейся многократным эхом. Будучи уважаемыми людьми, гости громко не разговаривали, тихо обсуждая столь нехарактерное для молодого барона поведение и пытаясь понять причины, заставившие его пригласить всех сюда в один день.

— Еще шампанского? — предложил представитель Онклеяского банка, жестом подозвав сервисного дрона с подносом. Похожий на яйцо в полтора метра в диаметре, тот сразу же подлетел и развернул верхнюю полусферу, выдвигая подносы с бокалами. — Тристанский барон явно постарался на славу, задабривая гостей. Многие предполагали, что это связано с растущим кризисом престолонаследия в королевстве. Барон рассчитывает на новые заказы, чтобы пополнить казну.

— Вам самим не кажется, что это слишком простая идея для того, чтобы устраивать подобное? — леди Кейнивал, приняв бокал, мило улыбнулась. Она уже успела сменить платье на менее откровенное, ярко-голубого цвета с белыми кружевами, длинным подолом и открытыми плечами. Всполохи голубого и зеленого цветов периодически проходили по ткани, перетекая друг в друга. — Если бы барон желал новых заказов, он мог обсудить их и через своих представителей, не отвлекая нас всех и себя в том числе от повседневных забот.

— Тогда в чем же причина? — стоявший с ними представитель Гассельской транспортной компании удивленно щелкнул челюстями. Род Куинриги, в настоящее время управлявший компанией, являлся представителями гибридной инсектоидной расы. Тысячелетия искусственной генной инженерии и адаптации к существующим условиям превратили их в гуманоидов, оставив только внешние черты, указывающие на истинное происхождение. Тонкие сегментированные конечности с длинными пальцами и головы с тремя парами глаз и жвалами вместо ртов. Даже голос у них скрипучий и сухой, словно трещание насекомых. Чтобы нормально их воспринимать, требовалась некоторая привычка.

— А вот это предлагаю уже спросить у самого барона, мой дорогой друг, — Лейна чуть склонила голову, посмотрев на своего собеседника. — А сейчас я прошу простить меня, но, вижу, прибыли гости из Сельфарилского княжества. У меня большое желание поздороваться с ними лично, пока еще не потеряла их из виду.

Глава корпорации «ТехКо» откланялась и, шурша складками платья, направилась к входным дверям через толпу гостей. Там как раз показалась княжеская чета с будущим наследником — князь, рослый и уже начинающий стареть мужчина с отпущенной бородой, в темно-зеленой форме своего княжества и белоснежном плаще на одном плече, а рядом его жена в пышном изумрудном платье с кружевными рукавами и неглубоким декольте. Молодой наследник, еще не достигший совершеннолетия, но уже получивший первое звание офицера в армии княжества, шел на шаг позади родителей, прибыв сюда без пары, но с большим любопытством оглядываясь по сторонам.

— Ваша Светлость, — Лейна подошла к ним одной из первых, искренне улыбаясь. — Рада приветствовать в этом месте. Могу признаться, что не ожидала вас увидеть здесь и сегодня. Тем встреча еще приятнее.

— Госпожа Кейнивал, — князь приложил руку к сердцу и поклонился в ответ. — Мы

тоже очень рады видеть вас здесь. И мы не смели отказываться от столь радушного предложения тристанского барона, не говоря уже о возможности увидеть такое древнее чудо, о существовании которого никто прежде и не подозревал. Подобные реликтовые находки достойны того, чтобы вернуть их в лоно цивилизации.

— Не могу с вами спорить, эта находка тристанских исследовательских экспедиций действительно стоит того, чтобы увидеть ее собственными глазами. — Лейна приподняла свой бокал в знак согласия. — Об этом ведь вам не рассказывали?

Князь моментально изменился в лице и, взяв свою жену за руку, попросил ее составить компанию наследнику, пока сам будет занят разговором. Княжна удивленно посмотрела на лучезарно улыбающуюся Лейну, но ничего не сказала и только кивнула. Как только она отошла, князь предложил главе корпорации отойти в сторону от дверей, к тени одной из колонн зала.

— Так вы считаете, что другие гости знали, куда приглашены? — Спросил князь, подозвав сервисного дрона и взяв бокал с вином, делая вид, будто ни о чем не подозревает. — Поскольку в ином случае ваш вопрос звучит весьма странно, госпожа.

— Алексард, вы не одни, кто прибыл сюда со своими планами, — Лейна все так же мило улыбнулась. — Многие приняли приглашение барона, рассчитывая на собственную прибыль, но, чем больше вы желаете сохранить тайну, тем старательнее ее пытаются раскрыть. Особенно, если речь идет о Гористарах.

— О Гористарах? Один из дворянских родов Рейнсвальда, если мне не изменяет память. Мне известно, что они являются соперниками нашего уважаемого хозяина на политической арене королевства. Однако почему вы сейчас о них вспоминаете? Вас что-то связывает? — Князь отпил вина и взял с подноса тарталетку. — Прошу меня простить, но пространственные перелеты порой очень сильно утомляют и вызывают аппетит.

— Аппетит для тела? Или для собственных интересов тоже? — с усмешкой поинтересовалась Лейна, пригубив из бокала. — Можно было представить, что кто-то взаимодействовал с соперниками барона и до этой встречи, согласившись выдать его планы взамен... скажем... — Девушка задумчиво постучала пальцем по подбородку. — Скажем, на весьма выгодные торговые условия от графства для своего ленного владения.

— Вы не считаете, что подобный разговор не стоит проводить в таком месте, как это? — Князь уже не улыбался. Он даже про бокал в руке забыл, сверля взглядом собеседницу. — Госпожа, мне не нравится обсуждать столь скользкие темы при большом количестве народа.

— Гораздо заманчивее участвовать в них в отдалении от чужих глаз? — возразила девушка. — Не беспокойтесь, здесь не хватает чужих ушей. Каждый из них больше заинтересован в собственных планах. Как, возможно, и я. Не вы одни ведете игру на два фронта, желая сохранить теплые отношения с каждой из сторон. Это весьма сложно...

— Значит, вы тоже ознакомлены с нашими планами?

— Весьма частично. Граф лишь сообщил мне, что будут там и другие его друзья, которые гораздо больше других желают помочь в разрешении уже давно тянувшегося конфликта. Видите ли, он меня не считает достаточно надежным союзником. Как, собственно, и я не тороплюсь доверять ему все свои секреты. — Лейна пожала плечами. — Князь, мы с вами всего лишь люди, которых интересует благополучие собственных земель. Не так ли? И графа интересует то же самое. И барону нужно лишь то же. Так в чем, собственно, состоит ваше волнение?

— В том, что я не вижу причин самому доверять вам, госпожа. — Князь выдавил из себя короткую улыбку. — Пусть даже вы и сами меня нашли. Однако все же дам хороший совет. Держитесь от барона подальше. Наши общие друзья считают, что этот человек перешел дозволенные границы. А теперь прошу меня простить, этот разговор успел меня утомить. Вряд ли вы можете сказать мне еще что-то новое.

— А ведь мне казалось, что мы с вами на одной стороне, князь Алексард...

— Я на своей стороне, госпожа, и не более того. И союзников у меня достаточно, чтобы не утруждаться поисками новых. Хорошего вам вечера. — Князь коротко поклонился, всем своим видом изображая усталость от общения, и поспешил удалиться. Лейна снова осталась без собеседника, внешне сохраняя все тот же легкий и беззаботный вид, но отношение князя ей не понравилось. Во время последней встречи граф Гористар тоже неоднократно упоминал, что ему известно о готовящихся событиях, и тоже напоминал, что оставаться рядом с бароном вскоре может стать невыгодно. А к словам этого старика Лейна привыкла прислушиваться.

— Барон Тристанский! Вы все-таки присоединились к нам! — Воскликнул кто-то, когда двери снова распахнулись и в зал с той же лучезарной улыбкой вошел Эдвард, убедившись, что все ожидаемые гости прибыли. Его приветствовал довольный гул голосов и даже поднятые бокалы со словами тостов в честь хозяина этого вечера.

— В первую очередь именно мне, как хозяину, следует поблагодарить всех присутствующих, что собрались здесь, любезно приняв приглашение прибыть в столь отдаленный уголок Известного Пространства. — Эдвард раскинул руки в стороны, будто желая обнять всех присутствующих. — И теперь, когда первые напитки уже опробованы, а гости собрались вместе, я предлагаю покончить с ожиданием и приступить к обещанному! Прошу всех представителей занять свои места за столом переговоров. Сопровождающих прошу дождаться своих сюзеренов здесь, в тишине и покое под защитой тристанских солдат.

Крепость имела немало роскошных залов вдали от внешних стен и оружейных батарей. Во внутренних секторах поднимались высокие потолки с витыми колоннами или же низкие помещения с толстыми бетонными стенами. Там, в темноте отдаленных уровней, находились огромные залы преобразователей энергии или же уже забытые оранжереи с рассыпавшимися в пыль от одного касания стволами мертвых деревьев.

До сих пор весь комплекс не был полностью исследован техноархеологами бароната, но некоторые помещения изучены достаточно, чтобы говорить об их предназначении. Тот зал, куда Эдвард позвал своих гостей, изначально являлся местом собрания старших офицеров крепости, где обсуждались самые важные вопросы. Круглый стол стоял в центре помещения с вновь установленным голограммным проектором, а в ныне пустых нишах стен прежде стояли статуи, если судить по уцелевшим постаментам. Теперь там висели штандарты Тристанского бароната.

— Господа. Для начала я прошу простить за предпринятые меры предосторожности, но прежде нам не доводилось проводить столь крупных собраний так далеко от границ королевства. — Взял первое слово сам барон, остановившись рядом с креслом во главе стола и приложив руку к сердцу. Прямо перед ним собрались представители крупнейших банковских организаций, промышленных корпораций, торговых кланов и отдельных анклавов. Люди, имевшие союзные и торговые договоры с его феодами. Те, на ком строились власть и влияние благородного дома Тристан.

Эдвард не любил ксеносов. Нелюдей, гуманоидные или негуманоидные формы, — он не

любил их всех одинаково. Рейнсвальд всегда придерживался идеи превосходства человечества как избранной расы, появившейся, чтобы править, а не пресмыкаться перед прочими. И все же, когда разговор заходил о вещах вполне материальных и важных, только безумцы и дураки цеплялись за строгие понятия чистоты крови.

Четырехрукие кварлы из Торгового Союза Менереи с толстой морщинистой кожей и мордами с короткими хоботками прибыли делегацией из четырех персон. Тривестийцы, с густой белой шерстью по всему телу и звериными мордами с длинными ушами, из «Якидубы», горнодобывающей корпорации, также явились целой делегацией. Покрытые перьями хуссарины, высокие и тонкие, словно вытянутые намеренно, мойницы, закованные в глухие внешние панцири, украшенные золотыми и серебряными узорами со вставленными драгоценными камнями, и многие другие. Все они — ксеносы, но представители торговых компаний и анклавов, контакты с которыми являлись пусть важной и неотъемлемой, но лишь вынужденной необходимостью.

— До сих пор прежде мы не имели чести лицезреть вас лично, многоуважаемый барон, — пробулькал толстяк из банковского концерна Весмоса, настолько заплывший жиром, что не мог самостоятельно ходить. Для этого у него имелась металлическая платформа с множеством похожих на паучьи лап, с тихим цоканьем передвигавшаяся по мраморному полу. — Прежде приходилось общаться лишь с вашими представителями.

Толстяк оглянулся, чувствуя себя неловко без своих наложниц, благоразумно оставленных на корабле. Привести с собой рабов на тристанскую землю означало, как минимум, сильно оскорбить хозяина. За такое можно поплатиться жизнью, даже несмотря на связывавшие их союзы.

— Что ж, теперь мы можем лично поздравить друг друга со встречей, — кивнул Эдвард, сложив руки за спиной и поклонившись. — Только в этот раз наш разговор должен выйти за пределы простого делового общения. Королевство нестабильно, и каждый феодал должен заботиться о своих землях. Уверенность в надежных союзниках может стать залогом выживания.

Тристанский барон не строил иллюзий. Ни один из приглашенных не являлся его настоящим другом. Союзником — вероятно, но не более того. Пока соглашения приносят прибыль, корпоранты и независимые правители будут их придерживаться, но стоит лишь замаячить вдали опасностям, как они оставят барона. Однако именно слова уважения и преданности эти люди хотели услышать при личной встрече, и потому довольно улыбались.

— Никто не спорит, королевство действительно хороший и надежный партнер, но вот в некоторых взглядах мы все же расходимся, — добавил глубоким и глухим голосом представитель одного из торговых союзов. — Как по мне, разумеется, именно эти вопросы и собирався обсудить уважаемый барон. Или же я в чем-то смею ошибаться?

— Нет, вы действительно правы, — кивнул Эдвард. Некоторые из его гостей уже расселись, другие же остались стоять. Сам он тоже не торопился присаживаться. — Вопросы, которые мы с вами будем обсуждать, являются незаконными на территории королевства. Однако бояться вам не стоит. Все системы приведены в состояние повышенной готовности. Ни одна пылинка не окажется незамеченной под взглядом моей охраны. Можете чувствовать себя в такой же безопасности, как и в собственном доме. Или даже в еще большей безопасности.

— Многие здесь рады услышать такие слова, но, как говорят на моей родине, от пустых слов стоит перейти к настоящему делу. Что же хочет молодой барон? Почему ради подобной

встречи мы все собраны в одном месте? Ради чего рискуем? — прямо спросил один из банкиров. Эти люди не любили терять время, которое всегда исчисляли в звонкой монете. В отличие от тристанских дворян, они не видели смысла в напыщенных речах и элегантных манерах, предпочитая ясность и точность речи. Частично из-за этого они Эдварду и не нравились.

— Подобное уже можно было бы представить, — кивнул барон, жестом руки активируя голограммный проектор. Освещение в зале моментально ослабло, оставив только сиять трехмерное изображение в центре. — Здесь сегодня собрались представители самых уважаемых торговых компаний, банков и корпораций. С каждым из вас Тристанский баронат сохранил тесные экономические связи, а многим благодарен и я лично за вашу помощь в событиях, произошедших после моего принятия титула барона.

При этих словах многие из присутствующих покровительственно поклонились, польщенные тем, что феодал не забывал оказанных услуг. Дружеской помощью подобное нельзя назвать. Каждую поставку баронат оплачивал даже по повышенным ценам, но хотя бы внешне стоило относиться к этому с выраженной благодарностью.

— Баронату требуется новое наступательное вооружение, — прямо сказал феодал, новым жестом руки переключив изображение на трехмерные модели будущих заказов. — Все из представленного здесь запрещено к производству на территории королевства, и мой феодал даже при наличии необходимых мощностей не может позволить себе подобного. Потому требуется ваша помощь.

На проекторе мелькали самые различные модели, от тяжелой бронетехники до пространственных ракет шахтного базирования. Тактическое и стратегическое вооружение столь разрушительной силы, что королевские указы ограничивали его производство и хранение для любых феодалов. Применение подобного оружия разрешалось только для самой королевской армии, являвшейся решающей силой на землях Рейнсвальда.

— Заказы рассчитаны на следующие три десятилетних цикла. Оплата будет производиться соответственно с поставками. Обеспечение доставки готовой продукции на территорию бароната я надеюсь возложить на торговые семьи Эймарха. — Эдвард поклонился двум бородатым старикам в темных свободных одеяниях. Представители торговых семей, проведя левой рукой по длинным белым бородам, низко поклонились, соглашаясь. Барон благодарно кивнул головой. — В первую очередь баронату необходимы поставки боеголовок системы «Черное Око», как корабельные, так и шахтного базирования.

— Данная технология не просто запрещена на территории королевства. Нарушителей ждет позорная казнь на виселице. — Напомнил один из банкиров, внимательно разглядывая голограммную модель боеголовки. Система «Черное Око» генерировала кратковременную черную дыру, втягивающую в себя все, что находилось в зоне поражения. Оружие тотального уничтожения, по разрушительной мощи превышавшее любые аналоги, и потому запрещенное для всех, кроме специальных подразделений Королевских войск.

— Именно. Поэтому эти системы мне и необходимы в первую очередь. В свете последних событий я не собираюсь растрачивать силы на подготовку войск, которые могут оказаться бесполезными, — кивнул Эдвард. — Оплата будет проходить через отделения банков, представителей которых мы здесь можем видеть. Проведение оплаты через рейнсвальские банки вызовет лишние подозрения при оперировании столь крупными суммами.

— Однако заказы, связанные с проектом «Викинг», оплачивались напрямую, —

улыбнулся самыми кончиками губ банкир. — Подобные танки и вовсе не имеют аналогов, но производить вы их не боитесь.

— Проект «Викинг» оказался выгодным для всех участвовавших там сторон. И король дал свое разрешение не только на их производство, но и включение в состав действующих войск. В ближайшее время первые партии аналогов «Викингов» выйдут на продажу на внешние рынки. Надеюсь, торговые кланы поддержат эти начинания... — Эдвард повернулся к представителям компаний, с которыми имел дело, налаживая внешние экономические связи бароната.

— Это отдельный разговор, — уклонился от прямого ответа один из гостей, склонив голову. — Его следует обсуждать лично. Уж простите мою дерзость.

— Вы совершенно правы. Стоит вернуться к обсуждению тех вопросов, ради которых я вас здесь сегодня и собрал. Как мне стало известно, отдельные из моих соперников в настоящее время занимаются модернизацией флота и усилением сухопутных подразделений. И банкирам Весмоса об этом тоже должно быть хорошо известно. — Эдвард поклонился представителям этого банковского клана, но в его голосе не было обвинительных ноток. Внутренние противостояния феодалов в королевстве не должны касаться внешней политики. Потому отдельные частные компании и корпорации старались нажиться, торгуя оружием и информацией на обе стороны конфликта, и не тристанскому барону их за это судить. Он лишь хотел дать понять всем своим союзникам, что знает больше, чем они считают. Однако банкир даже бровью не пошевелил в ответ на такое замечание, только вежливо улыбнулся. Эдвард приложил руку к сердцу в ответном жесте уважения.

Никто не обещал легких переговоров. Торговцев и банкиров мало интересовала моральная цена вопроса, но они готовы были цепляться за каждый лишний кредит. Тем более в такие моменты, когда представители кланов и корпораций сразу могли уяснить все моменты. Вызванные в зал дроны разносили прохладительные напитки и закуски, пока шло оживленное обсуждение. Тристанский барон собирался с одного раза разобраться с вопросом поставок запрещенного королевскими указами вооружения и боевых стимуляторов, но это являлось только одной из целей собрания.

Поставки должны растянуться на несколько лет, но уже в эти минуты шло обсуждение маршрутов, по которым они будут идти. Торговые станции, нейтральные анклавов и даже базы контрабандистов, связанных определенными соглашениями, могли стать перевалочными центрами. Теневая политика Рейнсвальда существовала как важная часть закулисной игры феодалов, находя лазейки в королевских законах и за границами их влияния. Тайные соглашения, наем каперов и пиратов против соперников, конфликты на Поверхности и постоянная борьба в тени королевского престола стягивали дворянство королевства сплошной паутиной лжи и обмана. Там нет прав на ошибку, любая неудача несет за собой позор и гибель.

Поэтому, наблюдая за приглашенными гостями, тристанский барон уже раздумывал, кому из них можно довериться, а на чьи слова полагаться не приходится. Большая часть из присутствующих имела дела и с другими феодалами королевства и даже с самим королем, и половина из них, не раздумывая, продаст барона за первую же подходящую сумму, если не иметь нужных рычагов давления.

Переговоры продолжались. Представителям каждой из сторон на биржи и в торговые дома на нейтральных станциях шли новые указания для заключения контрактов и договоров. За это время Эдвард успел понять, что собирать всех вместе для переговоров оказалось

ошибкой, поскольку уже не он один выступал связующим звеном. Чувствуя большие прибыли, представители крупных корпораций легко шли на соглашения и друг с другом. Промышленники из других анклавов всегда жадно смотрели на богатый внутренний рынок Рейнсвальда, куда им не было пути из-за жесткой протекционистской политики короля.

Неспокойное время требовало смелых решений. Тристанский барон уже начинал готовиться к тому, что могло последовать за ожидаемой смертью короля. Иинан Третий, сломленный болезнью, все меньше контролировал происходящее в Рейнсвальде. И чем быстрее слабела королевская власть, тем сильнее росли противоречия между дворянами. Каждый начинал тянуть одеяло на себя, и каждый хотел урвать кусок от слабеющей власти. Претенденты на престол уже объявили о своих претензиях, и складывавшиеся вокруг них партии готовились отстаивать свои интересы. Пока что только на политической арене, но старая поговорка гласила, что за столом переговоров слышен голос лишь того, кто может поддержать его силой. Эдвард готовился к беспокойному будущему и искал точку опоры в непостоянных ветрах рейнсвальдской политики.

— Однако каждый из нас знает те границы, которые не стоит пересекать. Или почти каждый. — Произнес он, когда речь зашла о партиях боевых отравляющих веществ. Соединения столь ядовитые и активные, что за секунды разлагали даже боевые доспехи, и не каждый решался связывать свое имя с подобным. — Господа, скажите, какой была бы ваша реакция, узнай вы, что среди присутствующих оказался тот, кто решил нашими жизнями обеспечить себе будущее? Ваше мнение, князь Алексард?

Эдвард отвернулся к одному из экранов, что стояли в зале отключенными, и сверился с часами своего коммуникатора.

— Я бы сказал в таком случае, что подобное поведение недопустимо. Здесь ведь собрались честные люди... — Князь развел руками, сохраняя ледяное спокойствие. — И мы рассчитываем на справедливое и равное отношение друг к другу. Вы это хотели услышать, барон?

— Действительно. Именно это я и желал услышать, князь. И думаю, все с вами согласятся, — Эдвард снова повернулся к присутствующим и улыбнулся. — Господа, Тристанский баронат тоже прибыл сюда не с пустыми руками. Мы готовы продемонстрировать вам ряд передовых разработок заводов феода, уже подготовленных для запуска в массовое производство и продажи. Просто рассказывать было бы не слишком интересно, поэтому, уважаемые господа, вы сможете увидеть эти машины в действии. Позвольте вам продемонстрировать...

Экраны в помещении включились одновременно, по первому же жесту барона. На каждый передавались изображения с камер беспилотников, находившихся над одним и тем же сектором. В спектре визоров камер легко проглядывались древние городские кварталы, по которым медленно двигались тяжелые грузовые машины. На их броне можно было даже разглядеть установленное вооружение и охрану.

— Представляю вашему взгляду кочевников, не так давно вторгшихся на территорию колоний бароната. Сегодня именно они выступят в качестве противника при демонстрации наших последних технологических достижений. Вы сможете увидеть своими глазами особенности применения новых средств и систем вооружения в полевых условиях. Если возникнут какие-то дополнительные вопросы, вы всегда сможете получить всю необходимую информацию от наших специалистов.

На экранах изображение сменилось, демонстрируя развернутые артиллерийские

позиции, готовые к атаке танковые отряды, высадившиеся десантные группы, уже занимавшие позиции среди развалин. Кочевники, продолжавшие двигаться по своему маршруту, даже не подозревали о нависшей над ними опасности.

Гости, только рассевшись удобнее, чтобы наблюдать за представлением, и взявшие новые полные бокалы, внезапно услышали сигнал тревоги. Изображения на экранах сменились, демонстрируя данные, передаваемые с внешних обзорных камер крепости. У точки перехода, подавляя сопротивление дежурных корветов тристанской эскадры, появлялись все новые и новые корабли. Эскадренные фрегаты и тяжелые крейсера в полных боевых порядках направлялись прямо к крепостным стенам, уже наводя орудия и готовясь к бою.

— Как это понимать?! — Вскочил один из гостей. — Господин барон! Вы обещали нам полную безопасность, а вместо этого пропустили эскадру налетчиков? Кто это такие вообще?!

— Смею предполагать, что мои соперники, не желающие, чтобы наши переговоры прошли успешно, — спокойно пожал плечами тристанский баронат. — И нет ничего удивительного в их появлении. Ведь среди нас есть и те, кто только рад этому. Однако не стоит волноваться. Мы изначально готовились к такому развитию событий. Сейчас вы увидите, на что способны оборонительные системы этой древней цитадели.

Глава 10. Решения

Нас манит высота, но не ступени к ней; обратя взор на вершину, мы предпочитаем идти равниной.

Иоганн Вольфганг Гёте

Королевский дворец Рейнсвальда считался одной из самых хорошо укрепленных и защищенных крепостей страны, но одновременно с этим и красивейшей из всех известных построек. Его высокие тонкие башни с множеством террас и арочными мостами поднимались над многоярусными крепостными стенами, которые, несмотря на свою высоту и огневую мощь, являлись больше декорацией на фоне всего окружения. Они никак не защищали от обстрела центральную часть замка, многоступенчатой трапецией поднимавшейся над всеми укреплениями. Колоннады, открытые площадки, широкие портики и балконы покрывала каменная резьба, тонкая и подсвеченная голубым пламенем плазменных факелов, в которой проглядывались статуи и горгульи. Каждый сантиметр внешних стен королевского дворца покрывали резные барельефы, как запечатлевшие истории, связанные с героическим прошлым королевства, так и изящные, но бессмысленные узоры.

Первоначально возвышавшиеся в центральной части замка башни универсальной защиты в более поздние и мирные эпохи были перестроены, превратившись в огромные фигуры геральдических животных, облицованные белым камнем. Теперь они выглядели как крылатые львы, передними лапами державшие эфес меча, опущенного острием к земле. Эти символы королевской власти поднимались на полтора километра над всей столицей.

А над ними еще выше тянулись к бескрайним черным небесам стены и башни центрального донжона, тянувшиеся друг над другом уровень за уровнем. На самой его вершине ярко сияла километровая статуя архангела из голубого золота, державшего меч над головой. Символ бесконечной гордости и стремления Рейнсвальда, желания покорять все новые высоты и пространства, рваться ввысь, к Небесам. Подняться к богам, взирающим на них оттуда, и стать им равными. Таков был геральдический девиз рейнсвальдской короны — «нет вершины, что нельзя покорить».

Центральная резиденция престола стояла на верхних уровнях Кенингхорма, крупнейшего города Рейнсвальда, пирамиды стали и керамика посреди пустошей острова. Его защитные купола шли ярус за ярусом, и на самой вершине стоял королевский замок, окруженный сильнейшими защитными полями, способными удерживать даже чистый и незараженный воздух в своих пределах.

За широкими и высокими внешними витражами залов королевского замка билось сердце рейнсвальдской политики. Сменявшие друг друга на протяжении многих тысячелетий короли оставили длинную и славную историю побед и достижений, но еще больше событий было скрыто в этих стенах, под мрачными сводами старых залов и яркими цветами королевских штандартов. Политические игры и интриги, тайны и заговоры, от которых порой зависела судьба не только королевства, но и всего сектора. Закулисная история королевства полна мрачных и темных моментов, о которых знали немногие, и еще меньше смели о них говорить.

Иинан Третий твердой рукой правил Рейнсвальдом уже больше двух столетий, сумев объединить под своей волей гордых дворян, поставив под власть короны даже самые отдаленные феодалы и бывшие колонии. Влияние королевства достигло невиданных прежде масштабов, распространившись на земли и анклав, о которых его предшественники не могли и помышлять. Однако теперь светлые дни его правления подходили к концу.

Болезнь, сразившую короля, не могли точно определить даже лучшие медики сектора. Все их усилия позволяли только оттянуть необратимый конец, и передовые исследовательские центры последнее время занимались лишь тем, что пытались найти лекарство. Говорили, что король подхватил ее после Маринского военного похода, когда повредил свой боевой доспех во время неожиданного нападения в кислотных болотах. Другие утверждали, что это гнев темных сил за разрушение храма Кровавого Бога и истребление последователей этого Небесам противного культа. Каким бы ни был правильный ответ, но король все так же медленно умирал, выгорая как затухающий уголек на остатках костра.

И в столь поздний ночной час по пустым коридорам королевского дворца спешил человек. Его богатые одеяния выдавали представителя своего дома при дворе, но привычного для такого наряда геральдического плаща на правом плече не имелось. Так что герб его сюзерена оставался неизвестным, и сам он часто останавливался и оглядывался, поправляя широкополую шляпу, тенью прикрывавшую лицо. Однако его окружали только королевские штандарты и статуи в стенных нишах, бархатный ковер скрывал эхо его шагов, и притушенное освещение прятало от любопытных взглядов.

При королевском дворе практически ничто не оставалось тайной, сплетни и пересказы являлись одним из любимых развлечений придворных. А этот человек сегодня хотел остаться в тени. Об этой его прогулке никто не должен узнать.

— В этот раз ты задержался, — тихий голос из-за колонны заставил путника остановиться. Человек обернулся и увидел два светившихся в темноте красных глаза. Рука рефлекторно скользнула к шпаге на поясе, но тот, кто скрывался от света, выступил вперед, примиряюще поднимая ладони. — Успокойся, это всего лишь я. Пришлось поволноваться, дожидаясь тебя здесь. Если честно, уже были мысли и не стоять тут больше. А то мало ли, что может произойти...

— Прежде я всегда выполнял свои обещания, — напомнил человек, опустив свою шляпу еще ниже на лицо и оглядываясь по сторонам. — И не помню, чтобы подводил тебя. Причин для волнений нет.

— Если не знать, о чем наши договоренности, — сухо ответил его собеседник, сложив руки за спиной. Он был в офицерской форме церемониальной охраны дворца, белого цвета с золотой отделкой и украшениями. Серебряная вязь на правом плече указывала на роль почетного стража, принятого в королевский гарнизон за особые заслуги его благородного дома перед престолом. Еще молодой, с красивым точеным лицом и короткой стрижкой белых волос, он смотрел на мир взглядом имплантированных искусственных глаз. Красный оттенок выдавал подключенное в эти минуты тепловое зрение. — За подобное меня не просто выкинут с позором. Снимут кожу и оставят болтаться на ветру за крепостной стеной. Поверь, это последнее, о чем я мечтаю в своей жизни.

— Успокойся. Если все идет по плану, то причин, по которым мы можем проиграть, до сих пор нет. Поэтому просто выполняй свою часть сделки, и все будет хорошо, — успокоил его человек, вытащив из внутреннего кармана небольшую металлическую капсулу. — Вот

здесь следующие пятьдесят доз. Все как и прежде, никаких изменений. Деньги на счет будут переводиться от разных лиц всю следующую неделю. Постарайся не подвести.

— Вы хоть представляете, как это рискованно? — процедил офицер, принимая капсулу, осторожно держа ее двумя пальцами. — Неужели нельзя провести это как-нибудь быстрее? Увеличить дозу, например?

— Если увеличить дозу хотя бы на несколько молекул, то в анализах зафиксируют их присутствие. Дозатор настроен, от тебя только остается нажимать кнопку, — еще раз напомнил человек, снова нервно оглядываясь. — Надо торопиться. Я уйду первым, через некоторое время и ты возвращайся к себе. Нельзя, чтобы нас видели вместе.

— Схема маршрутов патрулей у тебя осталась? — поинтересовался офицер, и его собеседник молча кивнул. — Тогда ладно. Я передам, когда и это закончится. Долго еще все это будет тянуться?

— Точно сложно сказать. Многое зависит от организма и его тренированности. По нашим расчетам все уже должно закончиться, но Иинан не только еще дышит, но даже выглядит слишком здоровым, — последние слова человек протянул с подозрением, внимательно посмотрев на офицера. Взгляд вышел таким, что собеседник даже отступил на шаг, нервно дернувшись.

— Свою часть сделки я тоже выполняю, не надо обо мне думать подобного, — сразу развел тот руками. — Не забывайте, королю помогают лучшие врачи королевства, а они не так просто свой хлеб едят.

— Никто и не смел усомниться в ваших возможностях, дорогой друг, — путник вежливо улыбнулся, продолжая сверлить его взглядом. — Однако мои повелители заинтересованы в как можно скорейшем исчезновении Иинана Третьего с политической арены Рейнсвальда. Это именно тот жест, который покажет, насколько преданно вы служите нашему государству.

— То есть того, что я уже сделал, еще недостаточно?!

— Я всего лишь передаю слова, но не отвечаю за скрытый в них смысл. Можете как согласиться с озвученным, так и не считать это чем-то важным. В действительности значение имеет только результат. А теперь прошу меня простить, но мне пора... — Человек прикоснулся пальцами к краю шляпы и чуть поклонился. — Возможно, мы еще встретимся на турнире. Расскажите, как продвигаются дела.

Офицер остался стоять в одиночестве. Он еще задумчиво покрутил капсулу между пальцев, прежде чем убрать ее в карман. Некоторое время подождав, о чем-то задумавшись и покачиваясь на каблуках, предатель, убедившись, что за ним никто не наблюдает, тоже направился к себе.

Ни одна система не может стать совершенной. В каждой есть недостатки и ошибки, которые только следует найти. И порой одной крошечной погрешности хватает, чтобы свести на нет весь результат. Подобное могло произойти даже в столице Рейнсвальда, в самом его сердце, бесперебойно работающем уже многие тысячи лет. Герлан Антесвертский, младший сын нынешнего герцога этого благородного дома, получил должность в королевской свите в память о заслугах деда и должен защищать честь фамилии. Однако сам он желал большего, нежели оставаться в тени королевского престола и старшего брата, наследовавшего титул. Стремление подняться выше, чем уже уготовано судьбой и положением, подтолкнуло его к предательству и пятну на собственном имени и всем своем роде, если его история станет известной.

Система охраны короля имела множество различных ступеней безопасности и охватывала все сферы его жизни, в том числе и кухню. Еще сильнее эти рамки ужесточились с момента начала болезни, поскольку идею отравления никто не отменял. Проводились проверки всех попадавших на королевский стол блюд, как готовых, так и входящих в их состав ингредиентов. Непосредственно перед подачей на стол еду пробовал и дегустатор. В его роли выступал киборг с усиленными вкусовыми рецепторами и аналитическими базами данных по всем известным продуктам. Он мог определить отравляющее вещество с точностью до девяноста девяти процентов. Единственная имевшаяся уязвимость оставалась в используемом программном обеспечении. Человек с необходимым уровнем доступа мог ввести в базы данных киборга исключаящие разрешения, чтобы тот не фиксировал их как опасность. Например, старший офицер личной интендантской службы Его Величества, постоянно находящийся в свите короля и отвечающий за все, что записано в королевском меню. Каким и являлся Герлан Антерсвертский.

Киборг, дегустировавший блюда к столу, не различал добавленного яда, а дрогнуть рукой со сжатой в пальцах капсулой над кубком короля Герлан мог практически в любой момент. Симптомы имели накопительный характер, болезнь появлялась только после систематического попадания в организм отравляющих веществ. От одной или даже трех доз никаких изменений бы не произошло, поэтому случайно отравить еще кого-то и вызвать ненужные подозрения Герлан не боялся. Он хорошо исполнял свою часть договора.

Иинан Третий стал выдающимся королем в истории Рейнсвальда, объединив прежних соперников в единое государство своей крепкой волей. Старые распри пусть были и не забыты, но отодвинуты на второй план. Постоянные феодальные войны, сотрясавшие королевство, ушли в прошлое, а внешние враги, потерпев ряд поражений, отступили от границ зализывать раны. Король правил жесткой рукой, карая виновных и награждая правых, и уже многие говорили, что при нем суждено начаться новой Золотой Эпохе. Однако из-за этого он нажил много врагов, как внутренних, так и внешних, но прежде ни один заговор не достигал успеха, а тех, кто пытался, нагоняла жестокая и беспощадная кара. А потом короля сразила болезнь. Лишь воля и упрямство этого человека не позволяли ей взять верх, хоть он уже и напоминал только бледную тень самого себя.

Золотой Зал дворца оставался местом, где сходились все нити власти в королевстве. Там стоял трон Рейнсвальда, отлитый в тот день, когда собравшиеся вместе бароны тогда еще только зарождавшегося королевства согласись выбрать из своего числа честнейшего и достойнейшего, чтобы править и хранить мир между ними. Высокий, отлитый из белого золота, с основанием и подлокотниками в виде сложенных человеческих черепов, стоявший на серебряном пьедестале, выложенный красным бархатом и со спинкой в виде вставшего на задние лапы крылатого льва. Над головой короля геральдическое животное держало щит с гербом королевства. Четыре стилизованные короны, обозначающие первоэданые стихии природы, и ангел в стальной броне с двуручным мечом.

Золотой Зал часто пустовал. Его стены и потолок, полностью отлитые из благородного желтого металла, украшали барельефы и статуи древних героев и животных из легенд. Больше трехсот метров высотой потолка и общей площадью в четыре квадратных километра, зал был выстроен без единой колонны. Своды удерживали арки в виде ангелов с распростертыми крыльями, скрестившими мечи над головами гостей. В те немногие минуты, когда в зале никого не оставалось, даже самый тихий звук моментально разлетался эхом от стен, еще долго перекатываясь под потолком. Потому те, кто заходил в Золотой Зал,

предпочитали разговаривать шепотом даже без возможных свидетелей.

В этот же час под арочными сводами и потолочными фресками с изображениями сражений из древних легенд, там стояло только два человека и несколько киборгов-адъютантов из сопровождавшей их свиты.

— Ваше Величество, позвольте выразить свою признательность, что согласились встретиться со мной, несмотря на свое состояние. — Единственный стоявший в зале человек приложил руку к груди и поклонился. Он выглядел как старик, с морщинистым лицом, белой бородой и впавшими глазами под густыми бровями.

Растолстевший и давно утративший форму, он был одет в роскошные алые одеяния, отороченные белым и черным мехом, с серебряными украшениями и регалиями. Внешне феодал напоминал доброго толстого дедушку, все время улыбаясь, если бы не его глаза. Внимательный и холодный взгляд цеплял и царапал как кристаллики льда. Граф Омфей Гористар, один из самых могущественных и опасных людей королевства, полноправный повелитель крупного, богатого и важного феода в центральных землях метрополии, раскинувшего свои колонии на огромные земли на Поверхности и других островах.

— Не стоит благодарить человека лишь за то, что он исполняет свое предназначение, — ответил его собеседник, тоже приложив руку к груди и с трудом поклонившись. Голос звучал глухо из-под кислородной маски, закрывавшей нижнюю часть лица. Иинан Третий не мог даже полностью распрямиться под весом собственного тела. Бледное лицо, высохшее и потемневшее, нисколько не напоминало того прежнего человека, когда-то принявшего корону под этим именем. Тяжелые белоснежные одеяния с регалиями из драгоценных металлов и крупных светочакамней тянули его к земле, и, даже сидя на троне, король едва мог разогнуть спину. Рядом с ним всегда дежурили два медицинских адъютанта, держа подключенные к катетерам капельницы и контролируя работу персонального модуля, поддерживавшего жизнь в иссушенном теле. Даже взгляд его был словно у уставшего и смирившегося человека, безучастно дожидавшегося решения своей судьбы. — Господин граф, во многом я согласился встретиться с вами лишь потому, что у меня тоже есть, что сказать. Надеюсь, вы выслушаете меня?

— Я не смею отказывать Вам, Ваше Величество. Мое внимание полностью принадлежит Вам, — склонил голову граф.

— Хорошо. Для начала своей королевской волей я прошу направить основные силы вашего феода на северные границы нашего феода, к маршрутам, связывающим Рейнсвальд с Таннурейской конфедерацией. Там нужны силы вашего флота и вашей армии. Не волнуйтесь, что останетесь в одиночестве. В ближайшее время к вам подойдут силы и других феонов.

— Ваше Величество, я не вижу причин, по которым мы можем начать войну с Конфедерацией. А иного смысла, зачем туда стягивать войска, нет.

— Мы и не будем воевать с Таннурейскими землями. Однако у королевской разведки есть сведения, что вскоре у нас появится причина, из-за которой Рейнсвальду придется вспомнить о своих союзных соглашениях. — Король тяжело вздохнул и откинулся на спинку кресла, справляясь с приступом боли, пронзившим грудь. — Возможно, Таннурейская конфедерация вскоре попросит нас о помощи. И я не хочу, чтобы к этому моменту мои вассалы успели сцепиться друг с другом. Поэтому, граф, вы отведете свои основные силы дальше от своих границ. И вашему примеру последуют остальные, отправив свои силы на поддержку наших безусловно храбрых, но не всемогущих союзников.

— Ваше Величество, позвольте узнать причину такой уверенности в этом? — Граф смиренно склонил голову, не смея спорить, но и все же не желая молчать.

— Аккерийцы, — тихо ответил король. — Не стоит недооценивать их. Они знают, в каком я состоянии. Знают и о том, как поведут себя феодалы. И главное, вести из Спирали далеки от радостных. Там поднимается новый лидер, и он объединяет кланы вокруг себя. Господин граф, вы знаете, к чему это может привести.

Омфлей Гористарский снова молча кивнул. Аккерийцы, жуткая ксенораса, обитали в аномалиях черных планетоидов, закручивающих астероидные поля и обломки островов в гигантскую кривую спираль среди искаженных гравитационных полей. Пираты, налетчики и грабители, промышлявшие людоедством. Опасные и жестокие противники, умные и хитрые, не имевшие ни сострадания, ни страха. Отдельные их налеты опасности не представляли, но сильный лидер может объединить вечно враждующие друг с другом кланы в единую армию, которая извергнется из Спирали, словно неостановимый поток, сметая все на своем пути, как уже случилось в далеком прошлом. Таннурейская конфедерация, аморфный союз полунезависимых государств, чаще других оказывалась на пути их разбойничьих флотов. Именно поэтому рейнсвальдские короли поддерживали союзные соглашения с этими людьми, гордыми и сильным воинами, живущими в тени Спирали. Они словно буфер закрывали северные границы королевства, не пропуская аккерийцев к богатым колониям и городам феодалов. Однако без сторонней помощи таннурейцы давно были бы истреблены.

— Если аккерийцы начнут новое вторжение...

— То Рейнсвальд должен поднять все свои силы, чтобы помочь союзникам, — закончил за него король. — Граф, вы всегда называли себя верным слугой короны, и сейчас вам следует подтвердить эти слова действием. Именно вам я поручаю почетную обязанность нанести первый удар по нашему общему врагу, как только он покажется из своих нор.

— Ваше Величество, я польщен Вашими словами, но все же... — барон замолчал, словно не знал, какие слова должны быть озвучены. Однако король все понял правильно и, склонив голову набок, улыбнулся под кислородной маской.

— Как я и подозревал... Что ж, граф...

Иинан трудом поднялся, опершись о руку моментально подошедшего киборга. Каждый шаг давался ему с трудом, и даже граф обеспокоенно посмотрел на сюзерена. Но Иинан все же самостоятельно выпрямил спину, с вызовом посмотрев на феодала.

— Давайте пройдемся, я не хочу обсуждать такие вопросы с трона. Для этого они... слишком личные. Да, скажем это именно так.

— Ваше Величество... — начал было Омфлей, но, встретившись взглядом с королем, опустил глаза. — Как Вам будет угодно...

— Тогда пройдемся. Несмотря на все уверения врачей, я должен больше ходить, пока еще совсем не разучился. Не хочу предстать перед Небесами беспомощным калекой, — усмехнулся Иинан, отогнав киборга взмахом ладони. Он шел совсем медленно, так что графу приходилось останавливаться, не забегая вперед. — Так вот, граф. Последние ваши приготовления наводят на пугающие мысли, и я не хочу, чтобы они подтверждались. В наше время подобные действия могут привести к череде событий, контролировать которые вы уже не сможете...

— О чем Вы, Ваше Величество? Все, что я делаю, направлено только на благо феода и всего королевства. Никто не посмеет нарушить королевские указы, — поспешил развеять все сомнения граф, но в ответ получил лишь еще один усталый взгляд короля.

— Друг мой, возможно, я слаб и немощен, но это не значит, что слеп и глуп к тому же. Королевская разведка не растеряла свои навыки и отлично представляет, как сейчас развивается ситуация на Рейнсвальде. Граф, вы хотите использовать моего сына... — вздохнул король, остановившись взглядом на одной из потолочных фресок. Легенда о Хронее из Райви, девушке, заставившей отступить ангела Смерти. Талантливый художник изобразил ее в простом рабочем комбинезоне, и темная фигура в балахоне тянула к гордо стоявшей девушке свою костлявую руку. — Не спорьте, я прекрасно осведомлен о вашей активной переписке с графом Розмийским. Или вы считаете, что отец не может знать о контактах своего сына?

— Позвольте сказать вопреки, Ваше Величество, но неужели кровь от крови короля, подобного Вам, не достоин принять бразды правления? — Изобразил удивление граф Гористарский. Он не рассчитывал, что король будет столь хорошо осведомлен, но все же принимал во внимание подобное развитие событий. Как и возможную реакцию Иинана. — Он же действительно Ваш сын от Вашего первого брака. Кто еще достоин принять Ваше дело?

— Граф, думается мне, что бессмысленно убеждать вас, что именно он и не сможет. Мой сын не тот человек, которому я осмелюсь передать престол и буду после уверен, что он справится с подобным. — Король остановился и приложил руку к груди, пытаясь справиться с болью. Медицинский киборг снова направился к ним, но опять был остановлен жестом руки. Выпрямившись, Иинан внимательно посмотрел на графа. — Несмотря на то, что отец должен поддерживать все начинания сына, я не могу признать, будто он станет достойным продолжателем моего дела. Небеса мне в свидетели, из него мог выйти хороший человек, но, видимо, я был слишком занят, не проследив за его воспитанием. Он хороший феодал и достойный дворянин, но слишком мягок и слаб характером, чтобы стать королем.

— Ваше Величество, граф Розмийский не таков. Мне ли Вам об этом рассказывать? Он правит своим феодом так, как достойно лучшим из лучших, и его подданные не знают бед и серьезных проблем...

— В мирное время, — уточнил король, прервав графа. — Для остального он... не годится. Пускай это слово будет лучше всего описывать его характер. Граф, я понимаю, почему вы хотите поддержать именно его претензии на престол во время предстоящих выборов нового короля. Возможно, только я, не считая самих Небес, могу осудить вас за подобное. Как и за то, что поддержать его претензии вы готовы и силой оружия. Я не хочу умирать, не зная, кому оставляю страну. После смерти сам король уже не в состоянии повлиять на свою страну, но он может еще многое успеть, прежде чем Небеса его призовут. Надеюсь, вы понимаете, о чем я?

— Никак не могу, Ваше Величество. Прошу простить меня за дерзость, но, возможно Ваше Величество допустило ошибку, — Омфлей Гористарский склонился снова и еще ниже. — Даже в самых страшных своих снах я не осмелюсь нарушить условия избрания нового короля ни делом, ни помыслом.

— Если вы смеете обманывать меня, то тогда побойтесь хотя бы Небес, с которыми все равно вам суждено встретиться! — Повысил голос король, но горло не выдержало такого напряжения. Иинан тут же зашелся приступом кашля, все же вынужденный опереться на медицинского киборга. Гористару пришлось молчать и ждать, пока король сможет собраться с силами, чтобы снова заговорить. — Граф! Я не хуже вас знаю, что каждый из трех претендентов сейчас готовится силой отстаивать свое будущее право на престол, однако

именно вы первым начали перевооружение и наращивание своей армии, вынудив и остальных втянуться в эту гонку. Пока еще этот процесс можно остановить, и, как король, именно этого я от вас и требую. Вы должны отказаться от поддержки претензий графа Розмийского на престол и остановить наращивание сил армии феода. Остальные оппоненты последуют вашему примеру, и тогда мы сможем вернуться к мирным выборам короля.

— Ваше Величество, позвольте быть честным? — Граф остановился, сложив руки за спиной. — Возможно, то, что я осмелюсь сказать сейчас, вам придется не по нраву, но более закрываться шпорами своей веры от действительности мы не имеем права.

— Тогда говорите, граф, — Иинан тоже остановился.

— Ваше Величество, происходящее сейчас есть лишь результат Ваших решений. Всего, что Вы создали и за что положили свою жизнь и здоровье. Всего того, ради чего жертвовали не только Вы, но и весь Рейнсвальд. Мы вместе создали стабильный мир, в котором каждый мог жить, не волнуясь за будущее. Каждый мог посвятить себя чему-то более высокому, но мы лишь продолжали сражаться, защищая этот мир. Ваше Величество, вспомните сами, сколько войн мы провели с того самого дня, как в последний раз рейнсвальдцы стреляли друг в друга? Я тоже не могу сосчитать их все. Мы защищаем то, чего достигли. Однако страшась потерять этот мир, только и делали, что готовились к новой войне. И Вы не хуже меня знаете, что должно случиться...

— Поэтому, граф, вы столь усердно настаивали на нашей встрече? Вы хотели именно об этом мне сообщить? — В голосе короля мелькнуло недовольство, но граф сделал вид, что ничего не услышал.

— Никак нет, Ваше Величество, — граф Гористарский отрицательно покачал головой. — Я пришел просить Вас о помощи, чтобы предотвратить эту войну. Сейчас Вы единственный, кто способен на подобное. Уверяю, многие дворяне меня поддержат. И Вы тоже...

— Так что же вы хотите, граф? — Иинан снова распрямился и медленно пошел вперед. Его собеседник следовал за ним, почтительно держась около левого плеча. — Омфлей, возможно, скажи мне подобное другой человек, я бы задумался, а есть ли другой путь, кроме силового давления. И ничего здравого мне не пришло бы на ум... Однако появляетесь вы и говорите, что у нас есть шанс избежать кровопролития. Вы, человек, который ответственен, по меньшей мере, за развязывание двух локальных конфликтов, грозивших перерасти в полноценную войну между феодами. Не говоря уже о других ваших прегрешениях, явных и скрытых. Вы хотите мира?

— Я действительно желаю мира, Ваше Величество. Не стану с Вами спорить и пытаться доказывать свою честность. Каждый феодал Рейнсвальда виноват во многом, но поймите и меня. Порой приходится выбирать между законом и благополучием своего феода. Я уверен, что Вы знаете о подобном гораздо лучше меня, имея перед глазами куда больше примеров. — Граф снова поклонился под тяжелым взглядом своего короля. — И все же, поймите меня. Я так же, как и Вы, желаю королевству процветания. На войне обогащаются наемники и полководцы. Я не тот и не другой. Я больше коммерсант, пусть даже и не чистый на руку. Мне нужен мир, чтобы и дальше идти своим путем. Тот мир, которого уже добился Рейнсвальд, меня вполне устраивает. Мне не нужно тяжелых потрясений и новых гражданских войн. Слишком много расходов они несут, а возможная выгода слишком мала, чтобы рисковать подобным образом.

— Допустим, вы уговорили меня. — Король слушал внимательно, не останавливая и не

прерывая, пока не поднял руку, посчитав, что услышал достаточно. — Граф Омфлей, так какие действия вы хотите совершить, дабы, как говорите, сохранить мир, уже сложившийся в Рейнсвальде? Пока я вижу, как вы всеми силами стараетесь его расшатать, сводя на нет мои усилия.

— Ваше Величество. Если мы действительно хотим избежать войны, то вариантов у нас не так уж и много, — вздохнул граф Гористарский. — Вы должны провести выборы нового короля прижизненно. Признать избранника законным королем и передать ему командование над силами Королевской армии. Только так мы сможем остановить вооруженный конфликт. Никто не посмеет поднимать оружие, если будет знать, что свое слово может сказать Стража Кенингхорма.

— Я думал об этом, — король отрицательно покачал головой. — Только это противоречит всем признанным традициям королевства. Избрать короля при жизни прежнего... Такого еще не случалось в нашей истории, и я не уверен, что подобный прецедент будет принят остальными дворянами.

— Вы считаете, будто претенденты на престол смогут принять какой-либо вариант, кроме того, что будет устраивать лично их? — Прямо спросил граф, остановившись. — Три претендента, уже заявившие свои права на престол, готовятся к тому, чтобы защитить свои претензии силой. Как вы думаете, что сможет остановить их, кроме Королевской армии? Вы дали им мир, и они поверили в собственные силы. Ни я, ни Розмия, ни Тристан, ни любой другой из крупных благородных домов не сложат оружие просто так.

— Однако королевский трон...

— Лишь цель. Королевский престол объединяет нас, но мы защищаем свои границы собственными силами. Когда крылатый лев складывает крылья, остальные звери уже не видят его тени... — Граф поступил опрометчиво, прервав короля, но все же смог донести свою мысль. Иинан замер на середине слова, теперь больше размышляя над услышанным. Омфлей Гористарский озвучивал мысли, копошившиеся в душе короля, слишком мрачные и пугающие, чтобы произнести их вслух самостоятельно.

Правитель Рейнсвальда понимал, что только сила способна усмирить расправивших плечи дворян, но именно этого он и хотел избежать. Королевству нужен мир, а не диктатура. Нужна свобода, чтобы расти дальше, но феодалы этого не понимали. Они верили лишь в силу своего клинка и преданность отданным клятвам. И разговаривать с ними можно было только тем же языком.

— И как я понимаю, вы хотите, чтобы я признал наследником своего сына?

— Я не смею даже просить Вас принимать столь важное решение, — граф снова поклонился. — Ваше Величество, только Вы можете принять лучший из всех имеющихся вариантов. Как преданному вассалу, мне остается только надеяться на Ваше благоразумие и признать сделанный Вами выбор.

— Граф, скажите, а какой была бы ваша реакция, узнай вы, что меня не устраивает ни один из уже объявленных претендентов на престол? — Король подозвал медицинского киборга и снова оперся на его подставленное плечо. Модуль за спиной зашипел, впрыскивая в кровь новую дозу стимуляторов и лекарств, справляясь с перенапряжением истощенного от небольшой прогулки организма. Тяжело дыша, король медленно направился назад к трону. Граф последовал за ним.

— Идеальных кандидатур не бывает никогда, — согласился Омфлей, глядя сюзерену в лицо. — Все люди разные, и двух одинаковых мы никогда не обнаружим. Однако почему Вы

столь категоричны, Ваше Величество?

— Потому что я вижу, как каждый из них хочет получить престол лишь исключительно в своих корыстных целях. Этого мало. Рейнсвальду нужен король, который будет жить ради него.

— Как Вы, Ваше Величество? — Сразу поинтересовался граф, но Иинан только тихо рассмеялся, едва успев справиться с новым приступом кашля.

— Мое правление оценят уже те, кто придет после нас. Возможно, они скажут, что я был плохим королем, раз допустил подобное.

— У нас еще есть шанс...

— Нарушить традиции, на которых строится вся история Рейнсвальда? — Иинан даже остановился. — Одним только этим уже можно вызвать новую гражданскую войну. Король не всевластен! Как и все остальные, я связан законами и обычаями, королевская корона несет в себе куда больше ответственности, чем привилегий! Я не имею права допускать подобного. Если на традиции наплюет сам король, что тогда сможет сдержать от подобного его подданных?

— Либо же оставить все как есть? — Переспросил граф. — И допустить гражданскую войну, побоявшись действовать?

— Вы смеете обвинять меня в трусости?! — Иинан был настолько возмущен, что не сдержался, слишком резко повысив голос и снова сорвав связки. Пока он кашлял, граф молчал. И только когда он снова смог распрямиться, Омфлей поклонился, обнажив седую голову.

— Прикажите меня казнить, Ваше Величество, если то, что я сказал, несправедливо. Я не стану оправдываться и сопротивляться, если только Вы скажете, будто есть другая возможность остановить все это.

— Вы знаете, что именно этого мне и хочется... — прошипел Иинан. — Вы смеете ставить под сомнение мои слова!

— Тогда что же Вас останавливает?

— То, что вы правы... — Иинан склонил голову. — Я готов был принять такое решение, но еще надеялся остановить все другим путем. После разговора с вами стало понятно, что ничто не поможет. На королевском турнире соберется весь цвет рейнсвальдского дворянства. Тогда и будет объявлено о моем решении. Я соглашусь провести выборы нового короля до того, как Небеса призовут мою душу к ответу, и прежде, чем мы будем втянуты в новую войну. Если против аккерийцев королевство поведет новый король, это может объединить феодалов лучше любой другой возможности.

Глава 11. Цена предательства

Предательство нельзя прощать хотя бы потому, что сами предатели никогда себе не простят собственного предательства, а значит, будут всегда опасны — и предадут ещё.

Марио Пьюзо. Крестный отец

— Цель в зоне поражения! Орудие к бою! — Резко звучали команды, усиленные динамиками под потолком. Операторы и комендоры к этому моменту уже находились на своих постах, ожидая приказаний и последний раз сверяя показания на экранах со шкалами расчетов. Компьютерные фреймы, похожие на монолитные черные блоки, мерно гудели, определяя точку поражения при выстреле на установленной мощности, не оставляя вражеским защитным системам окна для маневра. Киборг-наводчик, от которого осталось меньше половины собственного человеческого тела, дернулся, закрепленный на своем месте многочисленными проводами синаптической и церебральной связи, объединявшими его с системами орудия в единое целое. Его разум, соединенный с нейроматрицей системы наведения, вычислял траекторию движения корабля-цели, определяя угол наклона направляющего канала и разгонную мощность заряда. Киборгу напрямую в мозг загружались дублированные данные, и оставшаяся человеческая часть его сознания сверяла их с тем, что выводилось ему на сетчатку.

Комендоры докладывали о работе энергетических ячеек и магнитных катушек. Система закачки орудия гудела все громче, пока в казенной части собиралась критическая масса, сжатая сверхмощными сдерживающими полями. Древние механизмы, восстановленные, отремонтированные и снова запущенные в строй, работали на удивление хорошо, без сбоев и перегрузок, словно радуясь возможности снова вступить в дело. Тристанские техники внимательно наблюдали за происходящим, фиксируя все показатели и сравнивая с имеющимися сведениями. Если подобная система будет действовать без сбоев, это станет настоящим прорывом в военных технологиях, дав доступ к использованию энергий, прежде недоступных.

— Наведение завершено! Прицел скорректирован! К выстрелу готовы! — Доложил главный комендор по общей частоте со своего поста. — Запрашиваем приказ на активацию орудия!

— Приказ подтвержден! Огонь! — ответили с центрального штаба обороны крепости. Сигнал прошелся по всем постам.

— Огонь. — повторил комендор ровным голосом и нажал красную кнопку на пульте. В тот же момент из направляющего канала одновременно ударили два луча, в несколько раз превосходящие скорость света. Это был всего лишь передатчик, по которому мгновением позже прошел уже сам энергетический заряд, выпущенный орудием. Разогнанный магнитами в направляющем канале, он сверкнул как сверхновая, прежде чем достиг цели, буквально испарив все выставленные дефлекторные щиты, способные выдерживать серьезный обстрел.

Основной защитой крепости, найденной тристанскими исследователями, являлись не мощные стены или ряды батарей крупного и мелкого калибра. Главным и самым веским словом защитников оказались обнаруженные сверхтяжелые орудийные установки, для

использования которых применялись отдельные энергоемкие генераторы темной материи. Обычно такие системы применялись на сверхтяжелых кораблях, требующих огромного количества энергии для активации, но эти орудия требовали даже больше мощностей, чем любой супердредноут тристанского флота. Однако и их убойная мощность превосходила все известные на Рейнсвальде системы вооружения.

Единственный заряд ударил в тяжелый крейсер, шедший в строю атакующих кораблей. Вспышка при прямом попадании больше напоминала искусственное солнце, озарившее мрак открытого неба. Многометровое бронирование из десятков слоев металлов различной закалки превратилось в пар, десятки палуб оказались задеты взрывом, сотни отдельных секций и помещений превратились в ничто, а находившиеся в них люди не успели даже ничего понять. Разрушения подобных масштабов вызвали череду более мелких взрывов и дестабилизировали центральный реактор. Корабль просто разорвало на куски, когда плазменная реакция в одно мгновение вышла из-под контроля. Его обломки картечью разлетелись во все стороны, и некоторые особо крупные прошли сквозь дефлекторные щиты шедших на соседних позициях крейсеров, разбиваясь о них, словно метеориты.

— Прямое попадание! Уничтожение цели подтверждено! — Сообщили наводчики. — Смещаем прицел! Укажите новую цель!

Орудие, закрытое в отдельном форте со своими защитными батареями и системами противовоздушной обороны, медленно повернулось, наводясь на новую цель. Вся конструкция, установленная на единый подвижный модуль с антигравитационными плитами, медленно сдвигалась под мерный гул работающих механизмов. Полотнища тристанских флагов, установленные на вершинах острых крыш тонких башенок, трепетали на поднявшемся ветру, громко хлопая тяжелой и толстой тканью. Древние статуи горгулий и драконов в угловых нишах стен безмолвно взирали на окружающую темноту, подсвеченные отблесками контурных огней. Будто молчаливые стражи, они провели тысячелетия в забвении, и теперь с высоты своего опыта смотрели на копошившихся внизу людей.

Одновременно со сменой позиции шла накачка для нового выстрела. Выведенные практически к красным значениям шкалы нагрузки, генераторы выдавали максимум энергии, но даже этого не хватало, чтобы быстро зарядить орудие. Однако и его дальнбойность была настолько велика, что позволяла уничтожать противника, находясь вне зоны ответного огня.

Второй выстрел прозвучал примерно через тринадцать с половиной минут после наведения на цель. В этот раз прямое попадание пришлось в кормовую часть, моментально взорвав все корабельные двигатели. Взрыв оказался даже мощнее первого: крейсер буквально разорвало на мелкие обломки, а на его месте осталась только вспышка плазменного пламени, затухшая через несколько мгновений. За время перезарядки корабли противника успели подойти достаточно близко, чтобы размещенные спутники наблюдения начали передавать более точные координаты, и дальнбойные ракетные батареи смогли открыть огонь на упреждение. Запущенные снаряды корректировали свой полет, получая данные со спутников и практически не сбиваясь с курса.

В самой крепости уже поднялась боевая тревога, все постовые срочно занимали места согласно боевому дежурству, активируя системы вооружения и поднимая дефлекторные щиты на внешних рубежах. Звук сирены разносился по высоким и длинным коридорам, где торопились на свои посты люди и боевые дроиды.

Створки ангаров крепости раскрылись полностью, отодвигая многотонные защитные

плиты, и, отходя от швартовых мест, в Открытое Пространство выходили тристанские корабли, до этого не показывавшиеся гостям. Ударные крейсера и ракетные фрегаты, эсминцы и корветы с торпедными аппаратами — боевая мощь военно-воздушного флота Тристанского бароната. А из закрытых аэродромов, выходявших прямо в крепостные стены, взлетали эскадрильи бомбардировщиков и перехватчиков. Их было много, гораздо больше, чем могли представить нападающие, рассчитывавшие на внезапную атаку.

Капкан захлопнулся. Сверхтяжелые орудия крепости, о которых никто прежде и не подозревал, продолжали стрелять одно за другим, уничтожая крупнейшие корабли вражеской эскадры, еще пытавшейся подойти на линию обстрела. Прикрывая их, в небо взмыли сотни противовоздушных ракет, оставляя за собой быстро рассеивающийся инверсионный след. Им навстречу стартовали противоракеты, и примерно на середине расстояния между сходящимися эскадрами засверкали десятки вспышек перехваченных и взорванных зарядов. Командующий противника пытался хоть так скрыться от убийственного огня крепости, сменив курс всех кораблей и двигаясь на сближение, чтобы между ними встали появившиеся из ангаров тристанские силы. И только после этого скомандовать отступление.

Эдвард Тристанский улыбался, наблюдая за происходящим с голографических экранов, выведенных в зале собрания. Испугавшиеся в первые минуты гости теперь несколько успокоились, глядя на неподвижного и холодного как камень хозяина, словно и не удивленного появлением противника.

— Господа, — тристанский барон медленно поднялся со своего кресла и театральным жестом развел руки в стороны. — Позвольте вам представить полную мощь этой восстановленной и приведенной в боевое состояние уникальной воздушной крепости, наследия забытого нами прошлого, столь древнего, что даже в королевских архивах о нем не сохранилось упоминаний. Технологии, использованные в ее реликтовых механизмах, позволят всей нашей цивилизации шагнуть на десятилетия вперед, как только ученые досконально их исследуют. Теперь это наше... мое достояние! Дальнейшее их изучение позволит модернизировать наши технологии, обеспечив подавляющее превосходство над любым противником.

Эдвард Тристанский обвел взглядом притихших гостей, смотревших как на него, так и на экраны, где разворачивалось методичное уничтожение нападавшей эскадры.

Клещи сжимались, схватив добычу. Противнику бежать уже некуда. Тристанские корабли расстреливали его перекрестным огнем или же загоняли под выстрелы сверхтяжелых орудий крепости, не давая и шанса на спасение. Теперь лишь наивный не догадывался, что барон не только ждал, но и рассчитывал на это нападение. Некоторые из присутствующих мысленно поаплодировали феодалу, столь удачно разыгравшему невыгодную для себя карту, и теперь, когда первый испуг прошел, внимательно наблюдали и выжидали дальнейших действий.

Ход оказался совершенно неожиданным для большинства приглашенных, что нарушил все планы. И теперь следовало импровизировать, а заниматься подобным столь влиятельные люди не любят: слишком рискованными могут оказаться последствия.

Среди наблюдающих за разворачивавшимся сражением сидел и Алексард Сельфарилский, старавшийся контролировать каждое свое движение и дыхание, чтобы ничем не выдавать волнение. Только пальцы чуть крепче обычного сжали сигару, на дымившийся кончик которой дворянин уже не обращал ни малейшего внимания. Все его

внимание вновь сосредоточилось на Эдварде, его взгляде и жестах. Судорожные мысли сверкали в голове словно искры, пролетая и исчезая быстрее, чем успевали напугать. Больше всего князя в эти секунды волновало собственное положение. Гористарский граф обещал совсем другое, когда подписывалось соглашение. Все должно было произойти чисто и без лишнего шума, и угроза тристанского барона сегодня исчезла бы. Князь даже не подозревал о существовании подобных возможностей своего еще недавнего торгового партнера. И больше всего его пугала мысль, что барон мог знать, кто навел силы врагов на крепость. От таких размышлений пальцы сжались еще крепче, и князь едва не переломил сигару.

— Вы должны понимать, что после принятых мер предосторожности подобное могло произойти только одним образом, — Эдвард Тристанский говорил медленно и спокойно, сложив руки за спиной и переводя взгляд с одного гостя на другого. — Один из приглашенных в этот зал оказался предателем. Не смею его винить в произошедшем. Каждому из нас важнее всего его собственные интересы, каждый из нас защищает в первую очередь собственные вложения. Однако этот человек поступился моим доверием, придя судя как друг, отпив моего вина и опробовав еду с моего стола. Он улыбался в лицо каждому из вас, зная, что именно он будет виновен в вашей смерти. Сейчас вы все должны были умереть именно по его вине. Повторюсь, я не смею обвинять его в подобном, но он оскорбил мою честь, оскорбил мое доверие. Оскорбил каждого из вас...

По рядам приглашенных прошелся недовольный ропот. Барон говорил правду, и каждый из сидевших за столом бросил на ближайших соседей подозрительный взгляд, словно рассчитывал увидеть указанного предателя. Планы каждого сорвались в ту минуту, когда из пространственного прыжка появились рейдерские корабли, и это никому удовольствия не доставило. Жажда мести не появляется так легко, но и думать, что никто не хотел за это расквитаться, слишком наивно.

— Не так ли, князь Сельфарилский? — тихо, но четко и ясно произнес Эдвард, остановив свой взгляд на благородном госте, замершем и побледневшем до мертвенного оттенка кожи. Барон смотрел прямо на него, и на бледной коже замерли отблески горевших ламп освещения. На лице Эдварда медленно расплзлась улыбка, слишком похожая на оскал приготовившегося к броску хищника. — Так что же обещал вам граф Гористарский за мою смерть?

— Что? Вы, наверное, ошиблись! Я бы никогда не посмел... — Князя буквально вырвали с его места тристанские стражники, закованные в боевую броню. Церемониальные доспехи, раскрашенные в гербовые цвета дворянского рода и покрытые гравированной вязью с символами диких растений и цветов, переливались светом в отблесках ламп. Не произнося ни слова, воины Эдварда подтащили напуганного князя к барону, поставив на колени. Металлические пальцы, чуть слышно гудя сервоприводами, сжались на его плечах, едва не ломая кости, и князь вскрикнул от боли. — Барон! Какого демона вы творите?!

— Именно это я и хотел спросить у вас, уважаемый князь, — Эдвард медленно вытащил родовой клинок из ножен, и свет блеснул на остром лезвии. Острие клинка приблизилось к горлу его собеседника. — Вы решили продать меня гористарскому графу, уверенные, что это хороший ход. Однако подумайте, почему в пригласительном письме были указаны правильные координаты места встречи и отдельно упоминалась секретность и связанная с этим малочисленность охраны. Там присутствовало пояснение о необходимости подобного, дабы не привлекать внимание, но...

Эдвард теперь говорил тише, но князь Сельфарилский отлично слышал каждое

сказанное слово. Гримаса ненависти исказила его лицо, когда эмоции все же прорвались наружу. Его раскрыли, и теперь перед страхом смерти продолжать отрицать все сказанное дальше глупо и недостойно.

— Вы все знали с самого начала! Вы знали, что я собираюсь сделать! — Прохрипел князь, прожигая взглядом Эдварда и его жуткую улыбку хищника. В пляшущих огоньках в зрачках феодала Алексард не видел ни жалости, ни сострадания. Острие шпаги коснулось кожи на горле князя, выступила капля крови. Он сразу замолчал, неотрывно глядя на феодала.

— Это ваша последняя ошибка, уважаемый князь Алексард, — спокойно произнес Эдвард, отводя клинок для замаха. — Ответьте на мой вопрос и примите смерть с достоинством, как полагает благородному человеку.

— Что он мог обещать? Выгодную торговлю, деньги и защиту, — сухо ответил князь, смотря Эдварду в глаза. — Вы сами сказали, что мы защищаем свои интересы. Мое княжество слишком мало, чтобы вести самостоятельную политику в тени Рейнсвальда. Однако это не значит, что я обязан вас любить. Я презираю каждого из вас! Каждого напыщенного феодала, считающего, что он имеет право на все лишь потому, что родился таким! И когда появилась возможность разобраться хоть с одним из вас, пусть даже чужими руками, я не стал сомневаться!

— И ради этого согласились рискнуть даже собственной семьей? — Эдвард бросил взгляд на остальных гостей. Все внимательно наблюдали за ними. Кто-то был напуган, кто-то — удивлен, кого-то просто забавляло происходящее. Жалости или сострадания к проигравшему не испытывал никто. Всего лишь частные интересы, где нет места таким вещам. Барон снова повернулся к князю. — Непредусмотрительно.

Клинок взмахнул в воздухе, но вместо рубящего удара внезапно сменил направление, и острие, пробив зубы, вошло глубоко в горло человека. Эдвард продолжал давить, погружая оружие с отключенным силовым полем в человека по самую рукоять, разрезая пищевод и внутренности. Князь задергался от жуткой боли, но стражники держали его крепко, не давая вырваться.

— Теперь они тоже умрут. Медленно, — тихо, так чтобы только князь и разобрал эти слова, прошипел Эдвард, глядя в глаза умирающему. Клинок таким прямым ударом не повредил ни одного жизненно важного органа, и впереди ждала долгая и мучительная смерть.

«Поцелуй боли», как однажды назвал этот смертельный удар его учитель. Старик в тот день усмехнулся, держа в руках тренировочный меч. Страшный и жестокий прием, который используют, чтобы заставить врага страдать. Самое жуткое в нем то, что человек остается в сознании и успевает осознать свою смерть. В такие мгновения ломаются даже самые крепкие и твердые волей. И барон заметил, как расширились зрачки князя, прежде чем он резко выдернул шпагу из тела. Кровь брызнула в стороны, но Эдвард успел отступить, не запачкавшись. Князь дернулся и, когда стражники его отпустили, упал на пол, все еще судорожно перхая кровью, пытаясь вдохнуть хоть еще раз.

Раздались одинокие хлопки. Тристанец удивленно выгнул одну бровь, посмотрев на гостей. Лейна Кейнивал, удобно устроившись на своем месте в роскошном платье, улыбалась и тихо хлопала в ладоши, приветствуя спектакль.

— Господин барон, вы сумели произвести впечатление на всех присутствующих, — честно произнесла девушка, перехватив его взгляд. — Очень смело.

— Я лишь защищал свои интересы, — Эдвард включил силовое поле, сжигая оставшуюся на клинке кровь, прежде чем убрать его обратно в ножны. — Не больше и не меньше. Однако же к нашим делам отношение это все же имеет.

Последние слова были обращены ко всем присутствующим. Вернувшись на свое место, он подставил руку под голову, опершись на подлокотник кресла.

— Как вы должны понимать, я учитываю важность интереса каждого из вас и вовсе не желаю ставить собственные нужды выше остальных, однако прошу взаимного понимания. Не ставьте собственные интересы превыше моих. — Барон говорил спокойно и тихо, но в замолчавшем зале его слова звучали ясно и громко, легко подхватываясь тихим эхом под каменными сводами. — Каждый пришедший сюда заключает соглашение с Тристанским домом к вящему процветанию и обогащению всех сторон. Если хоть один из вас решит, что ему выгоднее продать доверие барона Тристанского и выдать его врагам, то пусть помнит, что каждый имеет право защищать себя. Защищать свои интересы, подданных и вложения. Я уничтожу любого, кто посмеет встать на моем пути. Уничтожу и того, кто будет считать, что способен встать между мной и... — Эдвард обвел взглядом всех присутствующих, — моими союзниками.

— Господин барон, можете оставаться уверены в нашей верности сказанным сегодня словам, — обратился к нему представитель Тесфарийской транспортной корпорации, сделавшей огромное состояние на перевозках грузов по ближайшим секторам. Приподняв сегментированную лапку, заканчивающуюся острыми коготками, он подрегулировал модулятор голоса, вживленный под беспокойно шевелящимися жвалами. Поправив частоту, инсектоид уже с более твердой интонацией добавил: — Я обращаюсь ко всем здесь присутствующим, впечатленный и напуганный произошедшим сегодня. Как честные торговцы, мы должны помнить, что в наши времена репутация на рынке значит все. Лишившись ее, мы лишимся заказов и клиентов, прибыли и выручки. Наша репутация — наше слово, наша подпись на договоре. Как представитель своей транспортной компании, я со всей уверенностью и с человеческим пониманием чести заявляю, что Тесфарийская транспортная корпорация будет придерживаться каждого слова заключенного сегодня соглашения, если такое состоится. Любой, кто поступит обратным образом, станет врагом и соперником не только уважаемого нами барона, но и самой корпорации, от имени которой я говорю.

Многие из присутствующих закивали, другие заулыбались, кто-то даже добавил, что сохранить заключенный договор — дело чести для каждого. Эдвард благодарил за подобные озвученные слова. А на экранах догорали остатки флота нападавших, к которым уже подходили десантные челноки тристанских кораблей, направленные на поиск доказательств о причастности к этому одного из соперников барона.

Челноки стыковались с разбитыми корпусами, подсоединяя переходные шлюзы, или напрямую к проломам в броне, или же с внешними гермозатворами, которые компьютерные системы корабля уже не контролировали. И внутрь, через взломанные двери, проходили команды штурмовиков. Их герметизированная броня была переведена на замкнутый цикл, датчики приглушены, чтобы не выдавать слишком много лишнего шума в условиях разбитого корабельного корпуса, а визоры переключались с одного канала зрения на другой, подбирая наиболее подходящую картинку.

Корпус уничтоженного в ходе артиллерийской дуэли корабля представлял собой жалкое

зрелище. Чаще всего комендоры орудий целились в реакторные отсеки или накопительные батареи, чтобы вызвать взрыв и цепную реакцию по всему корпусу, но сегодня они имели другой приказ. Флагман напавшей эскадры не должен был взорваться сразу. Его разбили прямыми попаданиями до такой степени, что практически целого места не оставили; только пробоины и рваные дыры от взрыва снарядов замедленного действия. Коридоры внешних секций превратились в нагромождение искореженного металла и сталепласта, многие были охвачены пламенем. Словно все стихии сошли с ума в этих замкнутых помещениях, пожирая тела погибшего экипажа.

Трупов здесь осталось даже больше, чем предполагалось. Аналитики раньше уже выдвинули идею, что на каждом корабле также находилось большое количество десантных групп для захвата крепости и ее зачистки. И все они оказались между молотом и наковальней, перебитые, не сумев даже ни разу выстрелить. Теперь груды тел были свалены буквально в каждом коридоре, искалеченные и обугленные. Кровь выкипала, оставляя только бурые разводы на металле, следом выгоравшем в бушующих языках плазменного пламени.

Штурмовики бароната держали оружие наготове, проходя коридоры в поисках возможных выживших. У них были специальные осколочные ружья, не имеющие нагревательных или накопительных элементов, а потому неспособные к внезапному взрыву прямо в руках при подобных высоких температурах.

— Группа «Альфа», осмотрите реактор. Согласно внешнему сканированию, там начинается критическая реакция. Постарайтесь ее притормозить и сообщите, сколько у нас есть времени. Группа «Бета», осмотрите капитанский мостик. Группа «Гамма», на вас жилые помещения. Точнее то, что от них осталось. Группа «Сигма», мостик координации огня. Все остальным занять периметр и развернуть контрольную точку. Готовимся сматываться отсюда в любую секунду.

В такие команды набирали самых отчаянных головорезов, готовых на все что угодно ради денег, и тех, у кого уже не было другого пути: приговоренных к смертной казни или киборгизации преступников. Таким дарили последнюю надежду на спасение, позволяя собственной кровью искупить преступление. Тем, кто выживал, действительно давали помилование, но до такого момента доживали лишь единицы. Эти солдаты не боялись вообще ничего — ни Неба, ни Бездны, не знали жалости и чести. В войсках они не ценились, и никто бы не стал горевать, погибни они все до единого. Только информация, которую должны забрать с расстрелянного корабля, имела значение. Если они не вернутся вовсе, то инцидент станет неудачным допущением, если же вернутся без нее, то их расстреляют за невыполнение приказа.

— Реактор в критическом состоянии! Стабилизировать нет возможности. Замедлители плазмы неспособны остановить реакцию. У нас максимум одиннадцать минут. Лучше закончить все за восемь. — На частоте, пробиваясь сквозь шум многочисленных помех, раздался голос командира группы «Альфа», добравшейся до реакторного отсека через проломы в корпусе и занявшей остатками электроники и систем управления. Неуправляемая реакция в поврежденных накопителях могла разорвать корабль на части в любой миг. Так называемые «замедлители», установленные прямо на генераторы, только оттягивали неизбежное. Смерть буквально дышала в спину высадившимся бойцам.

— Тогда не будем терять времени. — Командир группа «Бета» махнул рукой подчиненным, приказывая ускориться. Бойцы только бегло осматривали тела по пути,

пытаясь найти хоть в ком-то признаки жизни, но в этих обгорелых и искалеченных клочьях плоти вряд ли что-то могло сохраниться. — На мостике кто-то должен выжить!

Корабельные мостики обычно являлись одними из самых хорошо укрепленных помещений, расположенных глубоко во внутренних помещениях корабля. И если только по ним не приходились прямые попадания, даже при тяжелых повреждениях корпуса они могли сохраниться в относительной целостности. Имевшие автономные системы жизнеобеспечения и запасы воздуха и воды, помещения мостика могли на ограниченное время спасти жизни находившихся там офицеров. Поэтому штурмовая группа надеялась, что хоть в тех запертых помещениях кто-то смог пережить случившееся.

Время поджимало, все торопились, но внутренние разрушения и завалы обломков вставали одним препятствием за другим. Вооруженные плазменными резаками, раскалявшимися до сорока тысяч градусов за секунды, бойцы буквально прорубались сквозь нагромождения или же запертые по последнему сигналу аварийной тревоги двери, стараясь выгадать каждую секунду. Командир группы, внимательно следя за часами, каждые полторы минуты сверялся с командой «Альфа», уточняя, как обстоят дела с реактором. Те прикладывали все силы, чтобы стабилизировать ситуацию, но перед ними встала действительно непосильная задача.

Повреждения достигли таких критических масштабов, что оставалось лишь молиться Небу, дабы все это дело не взорвалось, испепелив корабль.

Один из бойцов «Альфы» уже погиб, когда произошел разрыв сети, и разряд в несколько миллиардов вольт прожег его насквозь. Искусственная молния буквально расплавил человека вместе с броней в мгновение ока.

— Есть, этот коридор ведет к мостику! — сообщил боец, пинком ноги вышибая вырезанную из пазов дверь и указывая на чистый проход с перегоревшими панелями освещения. На полу лежало еще несколько скрюченных тел матросов, задохнувшихся в угарном газе пожара. Респираторы не смогли их спасти. Заблокированные сошедшими с ума системами пожаротушения, они ломались в дверь до тех пор, пока не забились фильтры, после чего задохнулись. Солдаты штурмовой группы не обратили на тела ни малейшего внимания, широкими прыжками направившись к двери на противоположном краю. Несколько секунд потребовалось им для того, чтобы вырезать заблокированные замки и выбить ее. Шлюз самого мостика оказался поврежден, одна из просевших опорных балок корабельного каркаса просела и раздавила потолок. Разъехавшиеся в стороны плиты выдали створки внутренней стороны шлюза, не дав им закрыться.

На мостике, судя по разгрому, царившему в помещении, произошла внутренняя детонация. Ничем не сдерживаемая взрывная волна разворотила все и вся здесь, превратив экраны и контрольную аппаратуру в нагромождение оплавленных обломков и частей электроплат. Живых тут тоже не осталось, только обугленные тела, некоторые из которых еще продолжали дымиться. Огонь все еще танцевал среди обломков, пожирая все, что еще могло гореть, и температура внутри царила такая, что людей спасали только герметизированные защитные костюмы.

— Проклятье. Выживших нет. Проверьте банки данных! Что-то должно уцелеть в этому аду! Быстрее! — Приказал командир, оглядываясь по сторонам, и его подчиненные торопились исполнить сказанное. Никто не хотел задерживаться здесь ни на секунду дольше, чем требовалось.

Большинство компьютеров и операторских пультов были безвозвратно уничтожены

перепадами напряжения и вспышками статических помех. Не нашлось даже, к чему подключить дешифраторы, разъемы просто оплавилась, превратившись в бесполезную массу. Один из бойцов взбежал наверх, на капитанскую надстройку, и, откинув труп старшего офицера с простреленной головой, прежде командовавшего кораблем, попытался подключить дешифратор к его пульту.

— Есть контакт! Есть частичный доступ к некоторым из баз данных, к которым еще проходят сигналы. Очень много повреждений, большая часть серверов не отзывается, но кое-что еще сохранилось! — обрадовался он, когда экран дешифратора вспыхнул довольным зеленым светом и стал выводить потоковые данные. — Начинаю загрузку!

— Подключите связь с флагманом! — скомандовал командир группы, отвлекшись от изучения разрушенных операторских пультов. — Пусть принимают! Времени взламывать их у нас нет, отправляй все как есть. Пусть там дальше аналитики голову ломают! Сколько у нас есть времени?!

— Группа «Альфа» докладывает, что у нас есть еще минут пять или шесть. Они как-то сумели задержать плазменную реакцию. Подробности не уточняют!

— Мать Земная! В Бездну подробности! — рявкнул он в ответ. — Сколько времени будет идти передача?

— Если четкий сигнал с флагмана, — быстро ответил солдат, занятый своим дешифратором, и в его голосе проскользнули нотки нервозности. — Восемь с половиной минут необходимо для передачи всего блока данных. Мы не успеваем. Нужно подключить усилитель сигнала, у дешифратора просто мощностей не хватает для такого потока информации!

— Минуту! — Солдат, большую часть снаряжения которого составлял переносной усилитель сигнала, больше напоминавший портативную радиостанцию, отреагировал почти сразу же. Сняв прибор с креплений на спине, он установил его прямо на обугленный пол, активировав протоколы запуска.

— У нас нет минуты! — Ответил ему командир нервным тоном, понимая, что может случиться. Если они так ничего и не передадут с борта этого корабля, то командование не станет рисковать челноками и пытаться их забирать. Не было уверенности и в том, что их вообще станут забирать без важных находок, но надежда всегда умирает последней. Командование прежде оставалось верным своему слову, уже не раз вытаскивая группу или же ее остатки из самых безнадежных ситуаций. — Передавай первым сообщением, чтобы усилили сигнал, у нас большой объем информации, а времени очень мало. Пускай принимают и высылают за нами челнок. Ориентироваться придется по нашему сигналу, чем ближе окажется, тем лучше...

— Идет передача данных... — повторил боец, вцепившись двумя руками в дешифратор и подкручивая частоты, чтобы канал не прерывался помехами.

— Сигнал принят, — раздался ответ с флагмана охранной эскадры. — Идет загрузка передаваемых данных. Ожидайте завершения передачи.

— Выжившие на борту не обнаружены. Офицерский состав мертв. Капитанский мостик уничтожен, — доложил командир группы, пока солдат жестом показал, что с каналом связи все отлично. — Повторяю, выжившие не обнаружены!

— Вас понял. Пересылайте все обнаруженные данные. После завершения загрузки будет отправлен челнок. Советуем поторопиться, по нашим оценкам корабль нестабилен. — Голос оператора на другом конце канала оставался спокойным и равнодушным. Вживленные в

мозг связистов чипы обычно активировались в определенные стрессовые моменты, полностью отключая все эмоции, чтобы оператор продолжал эффективно работать. Известны случаи, когда люди оставались на местах, даже сгорая заживо в охваченных огнем помещениях. И последние, переданные ценой жизни операторов приказания могли изменить всю ситуацию на поле боя. Командир группы «Бета» решил, что у оператора, говорившего с ними, сработал такой чип. В какой-то мере это даже плохо. Человек более не испытывал сострадания и мыслил исключительно логически, так что меньше шансов, что он станет рисковать челноком, забирая штурмовую группу.

— Реакторный отсек снова горит, — по частному каналу доложил командир группы «Альфа». — Мы больше не можем его контролировать. Необходимо эвакуироваться как можно быстрее! Что у вас с передачей?

— Осталось буквально три минуты, нам нужно выиграть это время!

— У нас больше нет времени! Надо вызывать эвакуационный челнок, пока еще есть шанс! — группа «Альфа» могла оценить ситуацию более реалистично, и начинавшаяся там паника еще сильнее пугала командира группы «Бета». Их не будут забирать, пока они не получат всю имеющуюся информацию, а без живых пленных есть шанс, что их спасение вообще посчитают неэффективным.

— Нужно дождаться передачи всей информации, до этого челнока не будет!

Минуты тянулись медленно. Словно кто-то специально замедлил секундный счетчик. В таком состоянии казалось, что прошел целый час, прежде чем временная шкала перешла на следующее деление. Командиры групп волновались больше остальных, имея лучшее представление о происходящем, а их подчиненные старались сделать все, чтобы ускорить процесс. Развернутый усилитель сигнала работал бесперебойно, и командир группы все еще надеялся на успешный результат, постоянно сверяясь с часами.

— Все! Данные переданы! Сворачиваемся! — Обрадованно закричал солдат, бросая дешифратор. — Все данные на флагмане! Сваливаем!

— Сваливаем! Бросайте аппаратуру! Быстрее! — Торопить людей даже не требовалось. Все понимали и так, что происходит. Солдаты сразу же бросились к выходу, только сохраняя привычное построение. Подключив антигравитационные ускорители, они широкими прыжками помчались назад по коридору, перепрыгивая через тела и обломки.

— Челноки направляются к вам, координаты переданы отдельным файлом, выводите их на локатор, — спокойным голосом по внешней связи сообщил оператор флагмана. — Все группы будут эвакуированы одновременно. Просто продолжайте продвигаться к указанным координатам.

— Вас понял! — обрадовался командир группы, после чего переключился на общую частоту. — Слышали, парни! Всего пара минут, и будем дома!

В этот момент раздался взрыв. Охваченный огнем реактор окончательно вышел из стабильного состояния. Неуправляемая реакция моментально охватила поврежденные помещения. Кормовая часть ударного крейсера просто исчезла во вспышке взрыва. Последнее, что успели заметить находившиеся там люди — вспышка яркого белого света, выжигавшего глаза даже сквозь опущенные линзы фильтров. Никто не успел даже закричать, безумное пламя поглотило коридоры, испарив весь воздух внутри.

Весь корабль, и так дрейфовавший, криво зависнув в открытом Пространстве, снесло взрывом, только охваченная огнем носовая часть еще пару секунд вращалась в воздухе, улетая куда-то вдаль от крепости. Как только обезумевшее пламя дошло до накопителей

орудий главного калибра, раздался второй взрыв. Носовая часть разлетелась на мелкие обломки, яркими метеорами падавшими на Поверхность далеко внизу.

— Штурмовая группа? Вы меня слышите? — Последний сигнал был отправлен уже в тишину. Челноки только успели вылететь, не проделав и половину пути, так что теперь оставалось их развернуть обратно в ангар. Оператор отключился и повернулся к капитану корабля. — Господин, штурмовая группа не успела эвакуироваться. Точный статус не подтвержден, вероятность выживания нулевая. Они будут занесены в списки погибших. Переданные ими данные получены в полном объеме, в настоящее время переведены в отдел дешифровки.

— Отлично. Сообщите барону о результатах, — капитан, сложив руки за спиной, только кивнул. — Операцию считать законченной. Всем кораблям возвращаться в доки. Доложите группе зачистки о завершении. Пусть отправляют своих мусорщиков собрать все, что еще осталось ценным.

— Великолепное представление. — Леди Кейнивал, держа в руках бокал шампанского, подошла к барону и коснулась его плеча. Здесь, вдалеке от границ цивилизованных государств, где первобытная дикость пустошей ощущалась буквально на самой грани и достаточно было протянуть руку, чтобы почувствовать ее, прежние понятия этикета размывались. Многие вдали от своих дворов и резиденций вели себя гораздо фривольнее, чем дозволялось в высшем обществе. Эдвард предвидел и такую возможность, а потому кроме сервисных роботов его гостей обслуживали и живые девушки, одетые даже слишком откровенно. Немало присутствующих провожали их взглядами, отвлекаясь от разговоров, даже ксеносы порой задерживали внимание на подносчицах. Чувство настоящей красоты не чуждо и таким существам.

Барон, как только его плеча коснулись, отключил коммуникатор и снял с уха гарнитуру связи. И только после этого посмотрел на главу корпорации.

Когда основные соглашения подписали все стороны и переговоры уже смело можно было назвать удачными, хозяин крепости предложил всем вернуться в банкетный зал и отметить всеобщий успех, а также отдохнуть на некоторое время от сложных тем.

Подобное необходимо после увиденного. Адреналин от неожиданного нападения и картин настоящего боя должен выветриться из крови, прежде чем приступить ко второму этапу переговоров. И пусть пока гости пьют и с возбуждением пересказывают друг другу увиденное сегодня, строя свои теории и прикидывая возможности использовать происходящее себе на пользу.

Барон Тристанский медленно потягивал вино из бокала, глядя в большое открытое окно, заменявшее балкон в этом зале. С трех сторон открывалась панорама огромной орбитальной крепости, где-то ярко освещенная огнями жилых помещений и укреплений, а где-то темная и мрачная. Там все еще работали исследовательские команды, группы инженеров и реставраторов, приводя в порядок древние системы и восстанавливая освещение. Тристанский баронат отдавать эту крепость со всеми ее секретами никому больше не собирался. Теперь она должна стать символом могущества рода Тристана.

— Тебе понравилось? — Эдвард отвлекся и посмотрел на собеседницу. — Знаешь, из-за того, что противник запоздал, не удалось правильно рассчитать время. И теперь главное представление придется смотреть уже в записи. С одной стороны, так даже лучше. Можно в деталях рассмотреть каждый момент. Уверяю, скучно не будет...

— Ты не перестаешь удивлять. — Лейна встала рядом с ним, сложив руки на груди и тоже глядя вперед, в темную бесконечность Открытого Пространства. — Не ожидала, что ты так просто решишься убить независимого князя. Такие действия могут серьезно сказаться на твоём политическом положении. Не многие оценят...

— А, так ты про это... Не многие оценят предательство. Если бы я просто выдвинул обвинения и убил Алексарда, то тогда все бы обернулось против меня, но князь признался. Вина лежит не на мне, а на нем. Я же выгляжу как человек, защищавший свою честь и гостей. Меня не в чем винить, — барон пожал плечами. — К тому же это будет урок остальным. Когда задумаются, как лучше меня продать...

— Ты собираешься и их тоже вырезать под корень со всеми семьями?

— Что? — Эдвард даже удивился. — А! Значит, все выглядело даже слишком реалистично, да? Нет, я не собираюсь убивать его семью. Просто мне хотелось, чтобы перед смертью он так думал. Его наследник примет титул, принесет мне клятву верности и вернется к себе в сопровождении гарнизона тристанских солдат. Я не буду препятствовать его независимости, но действовать княжество будет в несколько ином курсе. Они давно набили мозоль Рейнсвальду. Алексард знал, что больше так продолжаться не может, и ему требовались союзники. Правда, сделал он не ту ставку... В конце концов, я же не настолько холодный убийца. Злоупотреблять смертью не стоит, слишком опасный это инструмент.

— Я действительно поверила. Говорил ты очень убедительно.

— Значит, у меня хорошо вышло, — холодно ответил барон, отпив из своего бокала и не отрывая взгляда от черного неба. — Однако следует вернуться к гостям. Они могут заскучать без своего радушного хозяина.

— Мне кажется, или ты действительно не в восторге от происходящего? — Лейна, облокотившись на перила перед окнами балкона, склонила голову, словно пыталась что-то разглядеть в глазах барона. — Какие вещи должны случиться, чтобы лишить тебя радости успеха? Ты же добился своего, твои враги получили пощечину, а союзники — лишний повод быть тебе верными.

— Речь не о тех и не о других, — Эдвард залпом опустошил бокал и поставил его на перила. — Есть вещи в этой жизни, к которым хочется вернуться. Далеко отсюда. И, к сожалению, когда я хочу остаться рядом с ними, мне приходится их покидать...

Глава 12. Участь слабых

Жестокость, как всякое зло, не нуждается в мотивации; ей нужен лишь повод.
Джордж Элиот

— Дрон шесть-два на позицию выведен. Камеры подключены, система сканирования работает, — механическим голосом доложил киборг-оператор с лицом, закрытым вставками подключения, имплантированными прямо в кожу. Встроенный в корабельные системы через отдельный пульт управления, он контролировал работу выпущенных дронов-разведчиков, сообщая командованию о выполнении отдельных поставленных задач. Прямо в эти минуты через его мозг проходили сообщения от множества таких миниатюрных аппаратов, запущенных диверсионным кораблем, дркйфовавшим возле границы тристанских колоний. Поднявший маскировочные экраны разведчик, приписанный к отдельному экспедиционному флоту графства, прятался в глубине астероидного поля, выставив вокруг контрольные маячки и выпустив эскадрильи дронов. Приходилось применять все возможные меры предосторожности, находясь так близко к колониальным границам другого феода. Здесь не действуют обычные законы королевства, и власть воли Иинана Третьего, запрещающая боевые действия между феодалами, слаба. Если их обнаружат тристанские корабли, то разведчику останется жить ровно столько времени, сколько потребуется тристанским комендорам на наводку орудий.

— Так, получается, мы уже фиксируем большую часть карты, — нервно вздохнул офицер, стоявший на мостике. Гористарская форма отличалась большим количеством алого цвета с белоснежной отделкой. Офицерские меховые воротники и оторочка рукавов обычно шились из натуральных материалов, отливая серебряными бликами в свете ярких ламп. Лицо говорившего с орлиным профилем и белоснежными волосами частично замещали искусственные имплантаты: тонкая и узорно украшенная серебром металлическая пластина закрывала левую сторону лица, и в пустой глазнице стояло сразу несколько подвижных визоров с крошечными линзами. Перестроившись, линзы сосредоточились на появившемся голограммном изображении будущего поля боя. Сложив руки на груди, офицер замолчал, внимательно вглядываясь в картинку. Конвой дикарей его интересовал мало, за исключением пропавшего сигнала отправленного туда агента. Куда больше его волновали стягивающиеся вокруг войска Тристанского бароната. Они словно вытащили из складов все, что имелось, бросив против дикарей передовые разработки. Боевые роботы и тяжелые танки, штурмовая пехота и эскадрильи сверхзвуковых бомбардировщиков — все было здесь.

— Дрон три-пять на позиции, — таким же ровным тоном доложил киборг. — Идет дополнение картинки новыми данными. Изображение передается в режиме реального времени.

Офицер кивнул. На карте тут же появлялись новые иконки вражеских единиц без точного определения их габаритов и огневой мощи. С имевшимися возможностями подобное определить слишком сложно, все записи будут отправлены для изучения специалистам, они смогут получить более точную информацию. Для него же самой важной задачей оставалось собрать как можно больше данных.

— Что скажешь? — он повернулся ко второму офицеру мостика, младшему по званию и

потому стоявшему в стороне. — Почему они вывели столько сил?

— Предполагаю, что нам просто не сообщили причину подобного, — сказал второй офицер, пожав плечами. — Разведывательная операция тоже не за один день была сформирована. Командование наверняка предполагало такой ход развития событий, потому и пошло на столь рискованный шаг. Я же готов предположить, что такие мощные силы в действительности нужны не для уничтожения дикарей. Больше всего напоминает демонстрацию возможностей.

— Или тренировку... — протянул командир, тяжело вздохнув. — У регулярных войск не всегда есть возможность испытать новые технологии в реальном бою. Может, тристанцы хотят воспользоваться этим моментом, чтобы обкатать новые разработки в полевых условиях?

— Тогда понятно, почему сюда забросили нас. То, что здесь будет применяться, должно быть ещё официально не введенной на вооружение техникой. А их возможности будут строго засекречены. Для нашего графа знать о таком крайне важно. — Второй офицер стал слева от своего командира, тоже внимательно глядя на карту. По жесту его руки появился второй голограммный экран, на который выводились изображения с камер сверхвысокого разрешения и в серых тонах фильтров визоров, дававших вполне четкую картинку.

Осадная артиллерия Тристана. Тяжелые автономные оружейные системы на массивных платформах с шестью подвижными опорами. Медленно, словно гигантские животные, неуклюже переваливаясь с одной опоры на другую, они выдвигались на позиции, уже задрав к небесам длинные разгонные стволы макропушек. Хорошо были различимы цилиндры разгонных индукторов, доведивших массу до критического состояния, сами по себе размером с крупный мех, и кабины операторов по обе стороны от казенной части орудия.

— Их одних будет достаточно, чтобы от дикарей даже пыли не оставить, — протянул офицер. — Только посмотрите на орудия. Калибр не меньше тысячи единиц. Ими можно крепостные стены пробивать, не то что какой-то металлолом жечь.

— Батарея из десяти машин, — кивнул командир, почесывая пальцами подбородок. — Стандартная численность осадного подразделения. А координаты, видимо, получают напрямую со спутников. Меня смущает только дальность их расположения. Между целью и этими машинами почти полторы тысячи километров. Это практически вдвое больше, чем считается оптимальным для ведения огня тяжелой артиллерии. Неужели они рассчитывают, что снаряд сохранит достаточно мощности?

— С учетом того, что у них есть корректировка огня, вполне возможно, — кивнул его подчиненный. — Господин, я должен еще раз убедиться, что сканирование территории и запись идет по всем позициям, прошу меня простить.

— Конечно, а я пока наблюдаю за происходящим. Если что-то изменится, сразу же сообщайте. Граф лично заинтересован в этой операции, ошибки здесь недопустимы.

— Координаты введены! — младший канонир, пристегнутый к своему месту перекрещенными ремнями безопасности, поднял вверх большой палец. Старый жест, изначальное значение которого уже давно потерялось во времени, и теперь использовавшийся, чтобы показать полную готовность. — Зона поражения рассчитана. Готовность сто процентов!

— Охладители готовы. Азотная смесь готова к впрыску. Температура в баках минус

шесть тысяч стандартных единиц. Готовность сто процентов! — раздался голос другого оператора, отвечавшего за стабильность орудия. — Гидравлические опоры в норме. Система компенсации отдачи в норме. Система разрядки в норме. Ожидаю дальнейших указаний...

— Масса достигла критического состояния. Давление в цилиндрах одиннадцать тысяч стандартных атмосфер. Поля магнитного сдерживания выведены на повышенную мощность. Все готово к стрельбе, — доложил старший канонир, повернувшись к главному офицеру орудия. Мостик ведения огня был совсем небольшим: практически все свободное пространство занимали кресла канониров и операторов, а то немногое, что еще оставалось, отобрала под себя аппаратура контроля и передачи данных. С открытым остеклением крыши, мостик находился с правой стороны главного орудия, с отличным видом на поднимавшийся к небу разгонный канал, различимый в темноте из-за раскалившихся катушек нагнетения и ячеек выброса излишков тепла.

— Всем приготовиться к выстрелу! — приказал офицер, опуская заслонки шлема и закрывая уши. Остальные поступили так же. Он уже вел обратный отсчет, быстро оглянувшись на своих подчиненных. — Три... Два... Один...

Орудийная платформа даже покачнулась на своих опорах в момент выстрела, и гидравлические системы компенсации зашипели, принимая перегрузку. От всего орудия разошлась ударная волна, поднимая тучи пыли и песка. Старые развалины, остававшиеся поблизости, осели и рассыпались с грохотом сотен тонн камня и бетона, рассыпавшихся по земле. И все это заглушал звук выстрела самого орудия.

Энергетический разряд прокатился по направляющему каналу с резким звуком, словно разрывая само небо. От такого гула не спасали никакие слои изоляции, так что все, находившиеся на расстоянии пары километров от орудия, согнулись от резкой боли в голове, даже если у них и была защита. Операторов и комендоров закрывала специально разработанная защита от звуковых ударов, но даже при соблюдении всех условий изредка случалось, что рвались ушные перепонки.

Операторы еще приходили в себя, когда сработали системы жизнеобеспечения, закачивая в организм дополнительные дозы лекарств и обезболивающих. Из-за увеличенных нагрузок они подключались напрямую к системам самой платформы и не были автономными, зато могли использовать большие мощности, выходя далеко за пределы, дозволенные человеку.

— Выстрел произведен, идет расчет зоны поражения, — доложил младший комендор, принимая на свой пульт новые данные о траектории снаряда.

Разогнанная масса, находившаяся на грани перехода в энергию, по высокой дуге прошла через небо, оставляя за собой моментально исчезающий яркий след выгоревшей материи. Постепенно мощность снаряда становилось меньше, энергия расходовалась с расстоянием, но потери все равно оставались незначительными по сравнению с тем, какие разрушения происходили в момент падения. Первый выстрел был еще неприцельным, только подтверждающим компьютерные расчеты, и потому мог оказаться не очень точным.

Доведенный до критического состояния снаряд врезался в еще стоявшие остатки высотного здания, взорвавшись прежде, чем упал в центр конвоя. На несколько мгновений в ночной тьме пустошей появилось настоящее солнце, разгоняя мрак и ослепляя каждого, кому не повезло смотреть в его сторону в момент взрыва.

А потом прошла ударная волна. Развалины городского квартала, по которым, растянувшись, медленно полз караван, рассыпались, не в силах выдержать подобного

испытания. Вместе с ударом на тяжелые бронетранспортеры посыпались камни и обломки, стучавшие по металлу и оставлявшие в нем большие вмятины. Легкие машины и вовсе переворачивало, с крыш тяжелых платформ срывало орудийные башенки и наставленные сверху ящики и мешки. Охрану, в этот момент находившуюся снаружи, просто сдуло, искалеченными обрывками размазав по каменным стенам городских развалин.

Еще не улеглись тучи пыли от первого взрыва, как небо пересек уже второй снаряд, а за ним летело еще несколько. Тристанские артиллеристы могли накрыть весь конвой таким обстрелом, перекрывая зоны поражения по нескольку раз, уничтожив там все живое. Однако такого приказа не поступило, поэтому стреляли со значительным разбросом, так что конвой задевало только краем, окончательно превращая его в кучу неорганизованных машин с напуганными пассажирами внутри. Обстрел длился считанные минуты, каждое из орудий батареи успело сделать не больше двух выстрелов, после чего в бой уже вступили танки.

Тяжелые боевые машины бароната были оборудованы мощными отвалами, что помогали теперь пробираться через разрушения, оставленные после артиллерийского обстрела. Парные гусеницы громко скрежетали по камням и бетонной крошке, перемалывая в труху обломки древних конструкций, пока подразделения занимали позиции для ведения огня и перехвата тех, кто попытается сбежать.

— Господин, цели рассеиваются. Предположительная эффективность огня на таком расстоянии около сорока пяти процентов, — спокойным голосом доложил оператор главного орудия во время перезарядки накопительной батареи главного танкового орудия. — Расход боеприпасов для увеличения эффективности должен быть увеличен приблизительно в два с половиной раза.

— Сохранять прежнюю плотность огня. Точечное прицеливание по отдельным группам противника, — ответил координатор огня. — У нас другие указания. Наша главная задача не давать им выйти за пределы указанного сектора. Остальным займется легкая бронетехника и пехота.

— Говорит командир танка, — ожила система внутренней связи, ответив треснувшим глухим голосом офицера. — Идем на сближение. Приготовить для ведения огня вторичные орудия. Основную мощность перевести на дефлекторные щиты. Прикрываем и поддерживаем огнем ударные подразделения.

— Вас понял, господин. Ввожу соответствующие корректировки в модуль определения целей. Готовы к ведению огня.

— Принял. Ожидайте дальнейших указаний.

Тяжелые «Хорнунги», взревев мощными движками, снова медленно двинулись вперед. Широкие гусеницы с шипастыми траками прокручивались в грудах обломков и среди развалин, разбрасывая перемолотую каменную крошку. Из-за своего размера и веса сверхтяжелые танки не особенно разбирали дорогу среди городских руин, двигаясь напрямую к указанной точке, сметая оказавшиеся на своем пути развалины зданий и уцелевшие стены. Высокие корпуса с усиленной лобовой броней легко проламывались сквозь основания древних небоскребов, пробивая себе проход.

— Продвигаемся успешно. «Норды» выдвигаются к уцелевшим магистралям. Ведут бой с силами противника. Потерь и поврежденных единиц пока нет. — Согласно поступавшим на локаторы данным, штурмовые танковые части уже продвинулись вперед, по пути

методично уничтожая отдельные отступавшие машины дикарей.

— Вынужден сменить курс. Эти кварталы могут рухнуть в любую минуту прямо нам на голову. Объедем по свободной трассе и вернемся на прежний маршрут, — доложил пилот танка по внутренней связи. — Сообщите остальным, чтобы случайно не обстреляли.

Танковое кольцо смыкалось, закрывая внутри себя участок городских развалин общей площадью больше шести сотен квадратных километров. По главным улицам, растянувшись длинной цепью, продвигались тяжелые танки, ведя огонь по любой цели, оказавшейся в зоне поражения, а за ними, во втором эшелоне, шли «Хорнунги», стреляя с коротких остановок по скоплениям кочевников.

Конвой распался на отдельные части буквально после первых выстрелов, понеся тяжелые потери. Как предположили офицеры контрольного штаба, это являлось одной из их оборонительных тактик, предполагавшей быстрый выход из зоны интенсивного обстрела. В какой-то степени она даже оказалась эффективной. Плотность перекрытий зон поражения от стрельбы дальнобойных орудий снизилась, приходилось накрывать все большую площадь, поскольку группы продолжали дробиться.

После этого тристанцы начали стягивать кольцо. Уже занявшим позиции группам пехоты поступило разрешение на ведение огня по всем целям, и мобильные отряды приступили к уничтожению отступающих. Началась банальная резня, в которой у дикарей не оставалось никаких шансов. Их примитивное вооружение и несовершенные визоры не могли ничего противопоставить снаряженной по последнему слову техники тристанской колониальной пехоте и выдвинутым на передний край подразделениям роботоризированных дивизий.

Отступавшие быстро оказывались под перекрестным обстрелом, а те, кто смог вырваться, натолкнулись на тристанские танки, стрелявшими сразу на поражение. Кому-то из дикарей повезло, и они еще могли спастись, бросив машины и попытавшись раствориться среди развалин. Малые группки дикарей пришлось бы отслеживать с помощью зондов, тратить время и ресурсы для тщательной слежки по всему окруженному квадрату и поиска возможных убежищ. Слишком затратно и сложно, чтобы баронат посчитал подобную операцию эффективной. Потому основной план строился на как можно более быстром уничтожении всех, кто оказался в ловушке.

Отслеживание отступавших кочевников в первую очередь шло по замеченным машинами, пытавшимся уйти из-под огня и либо покинуть поле боя, либо спрятаться среди развалин. Дроны, висевшие в небе, отслеживали каждую единицу, передавая ее координаты ближайшей группе колониальных войск, после чего следовало незамедлительное уничтожение. Теми, кто пытался уйти пешком, занималась высаженная с десантных челноков в указываемых точках пехота. А снайперские расчеты, размещенные на возвышенностях, действовали безошибочно, отстреливая убежавших словно подвижные мишени на полигоне.

Лишь отдельные группки выживших могли оказать хоть какое-то сопротивление, на некоторое время сдерживая продвижение карательных сил колониальных войск. Занявшие круговую оборону и с достаточной огневой мощностью, они могли продержаться некоторое время под ударами отдельных групп колониальной пехоты, практически не имевшей тяжелого вооружения.

Аяк смотрела на все собственными глазами, но не могла поверить увиденному. Не в первый раз оказавшись на поле боя, она не представляла, что разрушительные возможности современного оружия могут достигать таких масштабов. Под артиллерийским и танковым огнем конвой погибал, не в силах даже просто защитить себя. Многоосные грузовые платформы и бронетранспортеры рвались как бумага от попаданий рельсовых и лазерных зарядов. Не обязательно было даже попасть под прямой обстрел: взрывы артиллерийских снарядов сминали машины, оказавшиеся в зоне поражения, ударной волной, убивая всех внутри резкими перепадами давления.

Она не успела. Всего лишь пары минут не хватило, чтобы добраться до машины Капитана и предупредить о новой опасности, нависшей над всеми. И даже если бы успела, вряд ли это уже могло что-то изменить. Проводник пытался сбежать в последние минуты, когда ловушка практически захлопнулась. Девушка ощущала себя животным, приведенным на убой и не подозревавшим об этом. Только когда мясник уже достал тесак, обреченная скотина задергалась, но уже не могла ничего сделать. В этот момент Аяк как никогда понимала чувства запуганного зверька, оказавшегося на бойне, эти чувства обреченности и отчаяния, сменявшиеся бессмысленными попытками вырваться.

Наполовину засыпанный обломками, смятый и разорванный ударной волной, у разрушенной стены остался и транспорт, к которому девушка была прежде приписана. Его снесло в сторону от дороги попаданием плазменного снаряда, угодившим практически в середину пассажирского отсека. Обугленные и изломанные тела несчастных, в тот момент находившихся внутри, раскидало вокруг покореженного корпуса и среди камней. Лица обгорели до самых костей и теперь только скалились беззубыми ртами с растрескавшимися от жара зубами куда-то в небо. Аяк оставалась благодарна только за то, что не узнавала в этих угольках ничего знакомого. Девушка знала практически всех с этой машины, больно было даже просто думать о том, что они погибли.

На улицу медленно въехал танк, смяв стоявший короб полуразрушенного здания. Тяжелая боевая машина, гремя траками по камням, ввалилась на старую мостовую, проламывая трескающийся керамит дорожного покрытия собственным весом. Выбросив струю отработанных газов из выхлопных решеток, танк развернулся на дороге, по пути раздавив гусеницами остатки сожженного легкого броневедомоги. В глазах Аяк такая машина казалась в эти минуты огромной. Один из средних танков Тристанского бароната, предназначенный для массового производства, в такой комплектации снаряженный счетверенной лазерной пушкой. Рядом с ней из башни торчали стволы спаренного курсового пулемета и линзы визоров прибора наведения.

Под взглядом девушки, успевшей спрятаться за обломками, лазерное орудие закончило наведение и открыло огонь по невидимой для человека с такого расстояния цели. Четверенная установка била практически без перерыва в скорострельном режиме, выдавая настоящий шквал лазерных лучей. Резкий и рвущийся звук энергетических залпов сливался в непрерывный рев, гремевший среди развалин. Эхо моментально подхватывало любой звук, повторяясь снова и снова, пока уже не гремело так, что закладывало уши. Аяк, зажав голову руками, спряталась за обломки, в шаге от тела ребенка, выгоревшего практически до костей. И внезапно разобрала, что именно он сжимает в тонкой ручке. Ее снайперскую винтовку.

Она осторожно потянулась, схватив за оплавившиеся ремешки и подтянув оружие к себе. Винтовка была раскалена так, что пластиковая отделка едва ли не проминалась под пальцами, а держать ее голыми руками не представлялось возможным. Прицел скис и

оплавился, превратившись в бесполезную грудку горелого пластика и стекла, так что девушка его оторвала, вырвав из креплений. Запасной прицел у нее всегда хранился в рюкзаке, как раз из-за того, что оптика была и остается вещь довольно хрупкой, а в бою случается всякое. Зато сама винтовка хоть и примитивна в плане конструкции, но надежна и живуча. Даже за все время, пока это оружие оставалось в руках девушки, ни разу не произошло ни перекоса заряда, ни осечки. Аяк надеялась, что и теперь винтовка ее не подведет.

— Всем, всем... Мы еще держимся... Если кто-то есть на частоте! Внимание Противник может нас прослушивать! Всем! — общий канал конвоя внезапно проснулся, выплевывая в наушник остатки обрывающегося помехами сообщения. — Сигнал... прерывается... Пробивайтесь к местам встречи согласно плану «Омега». Не выходите на контакт без веской причины! Не сообщайте свои координаты!

— Проклятье! — Девушка, убедившись, что занятый своими целями танк не обращает на нее внимания, включила винтовку и облегченно вздохнула, убедившись, что та в порядке. Какие-то повреждения у нее все же были, но стрелять она еще могла. В такой ситуации это самое важное. Оплакивать павших можно будет потом, пока что важнее всего выжить и, по возможности, заставить врага пожалеть о том, что сам и начал. — Ладно, сейчас надо найти своих...

Остатки конвоя все еще пытались оказывать сопротивление, но их быстро уничтожали. Аяк старалась идти на звуки выстрелов, осторожно подбираясь к местам перестрелок, но первые два раза, когда уже подходила, успевала обнаружить только солдат противника, добивавших ее соплеменников. В полной броне, похожей на тяжелые доспехи, они действовали быстро и уверенно, контролируя поле боя, и не давали своему противнику ни единого шанса на спасение.

Аяк хорошо помнила, как воюют те же мутанты или гоблиноиды, даже если где-то умудряются достать нормальное вооружение. Единственный способ стрельбы, который они знали, состоял в том, чтобы отстреливать в сторону противника сотни патронов, накрывая шквальным огнем, при этом выкрикивая всевозможные ругательства и просто визжа от восторга, наблюдая собственную огневую мощь.

А те, кто противостоял в эти минуты уцелевшим защитникам конвоя, казались опытными и профессиональными солдатами. С их стороны шла стрельба короткими очередями, заставляя уцелевших бойцов вжиматься в укрытия, пока над головой со злобным свистом пролетали рельсовые заряды. Огонь не слишком частый, но крайне меткий. Любого, кто хоть на мгновение показывался из-за укрытия, практически сразу же сбивала пара прицельных попаданий.

Аяк смогла подобраться к полуразрушенному зданию, возле которого все еще шли бои. Там горело несколько подбитых машин из конвоя, пытавшихся пробиться на чистый участок автотрассы, и все вокруг усеивали тела невооруженных пассажиров и солдат охраны. Девушка подобралась со стороны разрушенного здания, в котором застрял засыпанный обломками бронетранспортер конвоя. Тяжелыми обломками машину, попавшую под рухнувшее здание, просто смяло и вдавило в землю. Из распахнутого бортового люка свисало тело в защитном костюме, простреленное насквозь в трех местах. Аяк, пробираясь мимо трупа, пригнулась под защитой обломков и, снова открыв частоту, попыталась найти переговоры тех, кто еще держал оборону в развалинах.

Одновременно с этим она установила винтовку и переключила прицел в режим поиска целей, пытаясь найти солдат противника. Заменяя зарядную батарею, она с облегчением

услышала звук сработавшего механизма. Оплавленный цветной диод не загорелся, но в прицеле появилась отметка заряда. Кем бы ни был человек, когда-то создавший это оружие, но девушка вознесла за него хвалу любому из богов, кто мог ее услышать в эти секунды.

В перекрестье практически сразу возникла массивная бронированная человеческая фигура, прикрытая штурмовым щитом. На его лицевой стороне был изображен чей-то горделивый герб с золотым грифоном на зеленом поле. Казавшиеся тяжелыми латные доспехи с угловатыми контурами и сочленениями были украшены золотыми полосками на гранях и слабо отсвечивали отблесками неровного света пожаров вокруг.

Силовое поле вокруг него чуть заметно поблескивало, принимая в себя попадания, каждый раз перехватывая заряды до того, как они бились о металл. Из бойницы щита торчал ствол винтовки, и позади еще можно было рассмотреть гребень шлема и задранную антенну общей связи.

Прострелить его защиту с первого выстрела девушка даже не надеялась, и потому прицелилась ниже, в ноги, в узкую щель, остававшуюся между мельмитолом мостовой и кромкой металла. Прозвучал выстрел, но пуля не дошла, перехваченная дефлекторным полем. Ругнувшись, девушка тут же упала на грудь, ближе к земле, а по месту, откуда стреляли, начали палить из всех стволов. Пришлось спешно покинуть позицию. Одного выстрела оказалось достаточно, чтобы ее местоположение сумели засечь.

Уже когда девушка снова ползла между обломков, закинув на спину винтовку, ее частоту кто-то все-таки сумел перехватить. В наушнике зашипели помехи, но сквозь них все же пробивались отдельные слова, складываясь в какое-то подобие предложений.

— Кто... на частоте? — Голос с таким качеством связи было не разобрать, но девушка понадеялась, что это кто-то из ее конвоя. Наречие, на котором они обычно разговаривали, имело много общего со стандартными языками, но при этом заметно отличалось, так что просто так подделать правильное произношение было далеко не просто.

— Это... стреляла... у бронетранспортера сейчас? — поинтересовался голос, и девушка сразу напряглась. — Нам нужна... помощь... срочно... долго не...

— Кто говорит? Это Аяк! — девушка решила спросить напрямую. Даже если их прослушивают, это ничего не даст противнику. — Кто говорит? Ответьте!

— Аяк? Ты жива? Это сержант Феррир! — словно специально для них канал стал на несколько мгновений чище, и речь зазвучала гораздо четче. — Аяк, мы собираемся отступить, если хочешь успеть, пробивайся сюда! Только быстро! Времени нет...

Девушка успела забраться внутрь просевшего полуразрушенного здания, осторожно продвигаясь дальше по опустившимся плитам и развалам, пока перестрелка шла совсем рядом. Защитников продолжали теснить, и она, понимая, что не успевает, подобралась к ближайшему оконному проему, устраивая винтовку среди обломков развалившейся стены. С такой точки открывался вид на поле боя, но она была гораздо ближе к позициям защитников.

Ее товарищей буквально вырезали. Тех, кто пережил первый обстрел и последующую погоню, и так оставалось немного, но под таким огнем количество выживших стремительно сокращалось. Аяк видела, как несколько невооруженных гражданских, в которых разглядела знакомую повариху с дочерьми, прятаясь за спинами выживших бойцов охраны, перепугавшись происходящего, бросились бежать назад, вглубь развалин. Стоило им только показаться из-за укрытия, как прямо в эту кучку людей, оставив тонкий инверсионный след, ударила запущенная ракета. Яркая вспышка взрыва, и разорванные в клочья тела раскидало

между обломков.

— У них реактивный гранатомет! — Заорал кто-то, но на звук обратили внимание не только товарищи кричавшего. Его позицию моментально накрыли перекрестным огнем, и туда следом прилетела еще одна ракета, испепелив и самого бойца, и его напарника.

— Мать Небесная! Ну помоги же нам! Я не хочу сейчас умирать! — Прошептала девушка, успев сделать всего лишь пару выстрелов, прежде чем снова пришлось менять позицию. Их прижали очень крепко, и шансов, что всем получится выбраться, почти не оставалось. Продолжавший гореть остов грузовика был тому прямым доказательством, и никто не знал, что с остальным конвоем — получилось ли у них отбиться, или же они в еще худшем положении.

В прицеле снова оказался один из солдат противника, закрытый щитом и медленно продвигавшийся вперед под вражеским огнем, но в этот раз он уже повернулся к ней боком, большая часть тела была открыта для снайпера. Не колебаясь ни секунды, девушка спустила курок. Пуля снова ударила в дефлекторный щит, ослабленный при перестрелке, и смогла его пробить. Броня выдержала попадание, но от удара человек все равно повалился, потеряв равновесие.

Попытка добить не увенчалась успехом: его тут же закрыли щитами товарищи, и Аяк пришлось стрелять по каждому, кто попадал в прицел, но без толку. Хорошая броня, штурмовые щиты и дефлекторные поля защищали солдат противника, пулевое оружие тут было бесполезно. Ее выстрелы вызывали только вспышки в защитных полях, либо же с визгом рикошетили от брони. И все же она разряжала в них весь имевшийся боезапас, надеясь хотя бы отвлечь их внимание и помочь остальным, пока не увидела появившегося гранатометчика. Под прикрытием бойца со штурмовым щитом, стрелок присел на одно колено и прицелился точно в ее сторону. Аяк среагировала как раз в тот момент, когда из ствола реактивного гранатомета вылетел фугасный заряд. Бросив винтовку, девушка отпрыгнула в сторону, рефлекторно собравшись. Взрыв все равно отбросил ее еще дальше, но кости вроде остались целы.

Тяжело хрипя и едва дыша отбитыми легкими, девушка приподнялась на локтях, чувствуя, как в фильтр шлема забивается запах горелой одежды. Края ее защитного комбинезона все еще тлели, зацепленные взрывом. Вслушиваясь в собственные ощущения, она с трудом встала на колени, пытаясь унять гул в голове. Перед глазами все затянуло кровавой пеленой, и только глубоко в голове стучала мысль, что именно в эти минуты кто-то идет ее добивать.

Она видела чьи-то размытые силуэты, показавшиеся впереди, и потянулась за пистолетом. В голове все гудело и ходило ходуном, так что даже кобуру она сразу раскрыть не смогла. Мысли двигались медленно, словно капля варенья, стекающая по стеклянному боку банки, и Аяк почему-то вполне равнодушно подумала, что теперь ее убьют, а она даже и выстрела в ответ сделать не сможет. Девушка все никак не могла сфокусировать зрение, но все же подняла оружие, целясь в быстро приближающиеся силуэты. Они не походили на тех, кто был виден в прицеле винтовки, но мысль дошла уже после того, как Аяк навела пистолет. Палец в последний миг замер на спусковой кнопке.

Раздались выстрелы, только стреляла не она. Одна из фигур в нескольких шагах от нее отлетела назад, другой вмиг снесло верхнюю часть тела, только брызнули кровавые ошметки. Другие фигуры вскинули оружие, стреляя в кого-то за спиной девушки. По каналу, подключенному в наушнике, что-то кричали, но она никак не могла вычленить отдельные

слова. Руку с пистолетом отбили в сторону, а саму Аяк схватили за плечи и куда-то потащили. Кажется, она даже на несколько мгновений потеряла сознание.

Во всяком случае, следующий момент, оставшийся у нее в памяти, запомнился тем, что в шею что-то вкололи, и девушка почувствовала боль от иглы. После чего мир сразу стал ярче и четче. К ней обращались. Она слышала чей-то смутно знакомый голос.

— Эй, ты меня вообще слышишь?! — голос доходил как через толстую подушку, едва пробиваясь, и был словно размыт эхом. Девушка в этот момент отстраненно подумала, что еще немного, и ее мозг бы полез через уши. С трудом кивнув головой, что тут же отдалось сильной болью, Аяк сосредоточила взгляд на своем спасителе.

Халтея, одна из бойцов ударной группы каравана, считавшихся самыми сильными и несносными из всех, рискнула собой, чтобы вытащить снайпера из-под огня. Она была из расы рептилий, похожа на человека, но с толстой чешуей вместо кожи и змеиным лицом. Всегда было странно наблюдать, как Халтея говорит на общем языке и кончики ее губ странно двигаются, пытаясь выговорить все необходимые звуки. Теперь она схватила Аяк за плечи и снова довольно грубо встряхнула: — Слушай! Мы должны валить отсюда прямо сейчас! Нас там рвут на куски! Если не можешь идти, мы тебя бросим!

— Но остальные...

— Там еще кто-то выжил, но помочь им уже не сможем. Слишком неравны силы... — Халтея отрицательно покачала головой. — Надо спасать тех, у кого есть еще хоть какой-то шанс.

— Эй! Они уже здесь! — выкрикнул один из солдат, высунувшись из-за своего укрытия и открыв огонь. Почти в то же мгновение его пробил насквозь рельсовый заряд. Верхняя половина тела, перевернувшись в воздухе, упала в паре метров от нижней части. Крик оборвался, едва успев начаться.

— Все! Валим! — Халтея тоже поднялась и махнула рукой остальным. Те, кто еще мог двигаться и не настолько испугался, чтобы парализованным от страха смиренно ждать смерти, собрались здесь, под ее руководством. Около десятка вооруженных бойцов и ни одного гражданского. Кто-то даже помог Аяк подняться и сунул в руки короткоствольный автомат кустарной сборки с мятым прикладом и прямым магазином. Девушка, понимая, что ее ждать не будут, сжала зубы, пытаясь сохранить тот же темп, что и у остальных. Введенное лекарство еще действовало, и она чувствовала себя все лучше с каждой секундой. Что именно за стимулятор ей вкололи, девушка не интересовалась, но это ее и не волновало.

Халтея выбрала единственное правильное решение — отступить через развалины ближайших зданий, откуда еще не вели огонь. Тяжелые просевшие стены из бетона и кирпича могли укрыть от снайперов противника, а в узких, засыпанных обломками коридорах негде было развернуться солдатам в тяжелой броне и со щитами. Легко вооруженным кочевникам гораздо легче пробираться среди этих развалин, оставляя за собой на прощание несколько растяжек.

Аяк полностью сосредоточилась на дыхании, стараясь держать ритм. Перед глазами мелькали пятна фонарей, выхватывавшие куски истрескавшихся стен и просевших потолков, готовых в любой момент рухнуть. Ног девушка практически не чувствовала, лишь с облегчением каждый раз ощущала, как подошва сапога касается пола. В неровном свете нашла фонаря мелькала спина шедшего впереди товарища с нашитыми прямо на защитный костюм элементами брони и закрепленным автоматом. Куда именно они направлялись, Аяк не хотела и думать, как не хотела и думать обо всем, что должно

происходить вокруг. О том, что могло произойти с остальным конвоем, живы ли те, кого она считала друзьями и товарищами, сколько машин смогло уйти из-под обстрела и где они могли перегруппироваться. Впереди оставалась спина товарища, и только за нее девушка и цеплялась взглядом.

Не потерять этот подвижный силуэт, так и норовивший выскочить из пятна света ее фонаря, а все остальное Аяк старалась выкинуть из головы.

Группа вышла на открытое место, оказавшись в похожем на колодец внутреннем дворе здания. Когда-то его сверху закрывал стеклянный купол с металлическим каркасом. Теперь же от него остались только ржавые обломки и груда острых как лезвия осколков внизу. Одной стороны колодца не было, вместо нее остался огромный пролом, созданный упавшими обломками другого небоскреба, смявшими стены и перекрытия как тонкую бумагу.

Бойцы продолжали идти по открытой галерее на уровне центральных этажей, растянувшись короткой цепочкой. По левой стороне оставались дверные проемы, заваленные обломками или же с пустыми комнатами, где из-под облесшей отделки вылезали старые бетонные стены. А с правой — открытое пространство, куда едва добивал свет фонарей, из такого же серого и гнилого бетона, с выпотрошенными пустыми помещениями. Широкая галерея, где они оказались, когда-то предназначалась для прогулок и отдыха, как подумала Аяк, оглядываясь по сторонам. В свете фонарей еще проскальзывали пластиковые скамейки, покрытые толстым слоем пыли и бетонной крошки, и мелькали горшки с пересушенной землей. Под ногами скрипела старая тротуарная плитка, ломавшаяся под толстыми подошвами сапог.

Выстрел прозвучал как гром среди ясного неба. Один из бойцов отлетел в сторону, сбитый с ног прямым попаданием, и ударился в стену, оставив там яркие кровавые росчерки, блеснувшие в свете фонаря. Никто даже не успел сразу понять, что произошло, но Халтея первой кинулась к ближайшему укрытию.

— Снайпер! — ее истошный крик заставил остальных опомниться, но слишком поздно. Прямо сквозь стену проломился один из солдат противника, выставив вперед штурмовой щит с перегруженным дефлектором. Обломки разлетелись в стороны, а оказавшийся на его пути охранник каравана от удара перелетел через перила и рухнул вниз. Тристанцы уже были здесь, твердые, как и прежде, в своем желании никого не выпускать живым из захлопнутой ловушки.

Сверкнул силовой клинок, и человек, бежавший перед Аяк, развалился пополам, разрубленный от правого плеча до левого бедра. По инерции тело качнулось вперед и рухнуло, продолжая заливать кровью все вокруг. Девушка, замерев, в ужасе смотрела на эту металлическую фигуру, нависшую над ней. С близкого расстояния были видны детали, какие нельзя разглядеть даже в оптический прицел. Небольшие сколы и вмятины на броне, крепления, разноцветные точки визоров за внешним забралом шлема и едва различимый гул работающего поля силового клинка. Будучи в штурмовой модели боевого костюма высотой почти в два с половиной метра, солдат колониальных войск Тристанского бароната возвышался над снайпером кочевников, буквально давя ее своей массой.

Придя в себя, Аяк вскинула автомат, разряжая магазин буквально в упор, но пули исчезали, превращаясь в яркие вспышки при контакте с дефлекторным полем. Девушка едва успела среагировать, когда тристанец замахнулся снова, и отпрыгнула в сторону, а там, где стояла секунду назад, прошло силовое лезвие клинка. Она умела драться в рукопашных

схватках и считалась даже далеко не самым последним бойцом в караване, но сражаться с закованным в полную боевую броню противником ей прежде не приходилось. Ее нож, единственное имевшееся при себе оружие ближнего боя, вряд ли смог даже поцарапать многослойный внешний сталепласт доспеха, поэтому приходилось только уворачиваться и надеяться, что противник однажды ошибется.

За спиной солдата бароната уже появились его товарищи, вооруженные стрелковым оружием, с ходу открывая огонь. Двоих кочевников, пытавшихся помочь Аяк и в этот момент оказавшихся на открытом месте, расстреляли сразу, превратив в кровавые лоскуты быстрее, чем те успели даже закричать. Девушка понимала, что шансов у нее не остается, и последней надеждой оставался немедленный побег. Затравленно оглянувшись на тристанцев, она вскочила на перила и прыгнула вниз, в темноту этого похожего на колодец двора. Неожиданный маневр смутил ее противников, дав ей достаточно времени на самоубийственный прыжок. Выпущенные вслед пули засвистели уже над головой.

В воздухе девушка перевернулась и отстрелила висевшую на поясе кошку с катушкой. Металлический крюк вцепился в гнилую бетонную стену, и трос, быстро закончившись, натянулся и рванул ее вперед. Аяк испугалась, что позвоночник не выдержит такого, но из-за рывка она влетела точно в такую же галерею двумя этажами ниже, едва не ударившись головой об обломки перил. Расстегнув ремень, она по инерции пролетела вперед и едва успела собраться перед ударом.

Прокатившись по каменному полу и ребрами собрав все валявшиеся там обломки, девушка уже успела решить, что в ее теле просто не осталось ни одной целой кости, все отбито и перемолото в труху. Сжавшись, она пыталась отдышаться, пока в голове все гудело и медленно кружилось вокруг своей оси. Сверху еще раздавались выстрелы, кто-то кричал, потом что-то взорвалось, после чего стало неожиданно тихо. А потом, спустя буквально несколько секунд, снова началась стрельба даже интенсивнее прежнего. Кто-то из ее товарищей еще был жив и пытался отбиваться. В абсолютной тишине каменных и бетонных развалин каждый звук моментально усиливался эхом в десятки раз, разносясь по этажам снова и снова.

— Всем! Внимание! Всем, кто есть в квадрате! Всем, кто есть в квадрате! Мы стоим в точке Б-три! Мы еще здесь! Бросайте все и бегите сюда! Если хотите жить, бегите сюда! У вас есть еще пять минут, после этого мы уезжаем! Быстрее! Спасайте собственные жизни и жизни своих товарищей! — срывающийся в истерику голос раздался в гарнитуре ее шлема как удар молотом по голове. Он звучал как смертный приговор, наполняя сознание страхом и паническим ужасом перед неизбежностью.

Все становилось понятнее. Конвой разгромлен, основные силы охраны уничтожены или рассеяны. И уцелевшие теперь рисковали собственными жизнями, пытаясь собрать выживших, кого еще можно, и спастись, бросив все остальное.

В этот момент Аяк как никогда прежде ярко поняла, что очень хочет жить. Не хочет умирать здесь, в этих развалинах, где нет ничего, кроме вечно голодных мутантов. И даже эти твари теперь разбежались, напуганные сражением. Ей ясно представилось, как ее тело, простреленное удачным выстрелом из рельсовой винтовки, так и будет дальше валяться среди камней, пока не истлеет и не превратится в скелет, обтянутый обрывками защитного костюма. Дыхание участилось, вместе с кислородом вгоняя в кровь все больше адреналина.

Противное липкое чувство паники вцепилось в душу, не позволяя нормально мыслить и думать. Последняя мысль, зацепившаяся за сознание, заставляла бежать. Бежать на зов

сигнала, еще дающего надежду. Последнюю паническую надежду выжить, несмотря ни на что.

Глава 13. На границах

*Среди ненавистных качеств врага не последнее место занимают его достоинства.
Ж. Ростан*

Намерийский хребет пылал в огне развернувшегося на его склонах сражении. Бои кипели на территории больше трехсот тысяч квадратных километров, и целый ряд приграничных крепостей оказался втянут в водоворот сражений и маневров. Гарнизонные силы рейнсвальдских феодалов, использовавших этот горный хребет как естественное укрепление на границах колоний, отражали постоянные атаки рассеянной ядерной бомбардировкой орды ратлингов, продолжавших, несмотря на все потери, фактически самоубийственное наступление. Орудия крепостей и выведенные на передовую бронетанковые части били прямой наводкой по заранее размеченным маршрутам подхода, намертво перекрыв ущелья и тоннели. Им вторил непрерывный рев и стрекот пехотного вооружения, когда пешие и мотострелковые части добивали уцелевших тварей прицельным огнем.

Двухметровые крысолюды, тощие, облезлые, с уродливыми мордами, покрытые оспинами и ожогами, сжимая в длинных кривых ручках с обломанными когтями примитивные грубые тесаки или же непонятно из чего собранные винтовки, атаковали волна за волной, практически не останавливаясь. На ходу пожирая трупы собственных сородичей, вереща и топча друг друга, они в исступлении кидались прямо на амбразуры и минные поля, заваливая телами каждый проход и успевая лезть вперед быстрее, чем их уничтожали. Именно в этом и была их основная угроза — безумная смелость и безразличие перед лицом смерти вместе с огромной численностью, позволявшей переживать даже самые ужасные потери. Орда, насчитывавшая миллионы особей, за считанные часы сметала целые города, превращая густонаселенные территории в безжизненную пустыню и оставляя после себя лишь груды токсичных отходов и обглоданные добела скелеты. Однако рейнсвальдские феодалы имели твердое намерение не пропускать их дальше, остановив здесь любой ценой.

— Снижаемся до высоты тридцати тысяч. Подготовить орудия нижней полусферы для ведения прицельного огня одиночными залпами. — Приказал капитан флагмана ударной группы Карийского бароната, сверившись со строкой приказов на планшете. — Передавать всем канонирам указанные координаты позиций противника в режиме реального времени. Связь с наземными войсками сохраняется четкая?

— Так точно, господин капитан, сигнал ясный. Мы постоянно принимаем сообщения от штаба наземных войск, — доложил один из операторов, приподняв голову, закрытую шлемом нейроинтерфейса. То, что они находятся в боевом режиме уже больше трех суток, не прерываясь даже на еду и сон и держась на одних только стимуляторах, выдавала только растущая щетина. — Поступают координаты. Прикажете пересылать сразу комендорам?

— Так точно. При выходе на высоту тридцати тысяч открывать огонь по целям без приказа, по усмотрению наводчиков, — приказал капитан, посмотрев на один из обзорных экранов, где в эти минуты выводилось изображение с камер нижней полусферы. Вид горных склонов, усеянных пятнами пожарищ и освещенных прожекторами оборонительных рубежей, производил весьма тягостное впечатление. И лучше всего выделялись быстро

вспыхивавшими взрывами склоны горы Иссари с номером триста пятьдесят восемь, где в эти минуты шли самые отчаянные бои. Там крысолюды наступали активнее всего, укрываясь за тушами каких-то жутких чудовищ, способных выдержать даже попадание из танкового орудия. Оказавшиеся на острие удара силы Третьего карийского экспедиционного корпуса не могли остановить наступающую орду и начали медленно отходить со своих позиций, чтобы не допустить окружения. Им необходима была поддержка, для которой спешно и перебросили ударные эскадры с центрального направления.

Корабли открыли огонь, и основные орудия, установленные в башнях нижней полусферы, медленно вращались, точно наводимые на толпы крысолюдов или же их чудовищных мутантов, специально выращенных и откормленных местными погонщиками. Наведение происходило с земли, с помощью лазерных указателей или передачи координат по каналам связи, и вниз летели рельсовые или плазменные снаряды крупных калибров, сметавших все живое в зоне поражения. Остальные орудия меньших мощностей обрабатывали шквальным огнем те позиции, где гораздо выше вероятность зацепить своих или в зоны поражения могли попасть долговременные укрепления. Вниз стартовали эскадрильи бомбардировщиков и штурмовиков, на бреющем полете заходившие на стаи ратлингов. Небольшие группы этих тварей атаковали слишком быстро и, прорвав передовые рубежи обороны, успели вырваться вперед, оказавшись вне защиты орудий своей воздушной обороны, а потому превратились в легкие мишени.

Их продвижение остановилось, когда обрушившийся с небес огонь перемолол наступавшие волны крысолюдов. Примитивные механизмы и боевые мутанты буквально испарились под орбитальной бомбардировкой, а ничейная земля перед позициями превратилась в inferнальный пейзаж воронок и плавящегося в стекло песка, охваченный плазменным огнем.

Корабли зависли над склонами горы, и от их обстрела, казалось, весь горный склон трясся и готов был расколоться, от выгоравшего воздуха в зоне поражения тысячи тварей умирали из-за резкого перепада давления, истекая кровью. Даже их исступленный фанатизм не мог выдержать подобного, когда казалось, будто все силы природы поднялись и обратились против тебя. Вопя в первородном ужасе, крысолюды бросали все и бежали назад, на ряды наступавших следом тварей, еще не успевших пережить подобное потрясение. Отступающие ломались через их ряды, смешиваясь и пытаясь протолкнуться, из-за чего вспыхивали драки. Ратлинги, тут же забывая о врагах, сцеплялись друг с другом, с криками и визгами раздирая податливую плоть зубами и когтями.

— Капитан, поступило подтверждение с поверхности. Большие силы противника уничтожены, наступление остановлено. Наземное командование отправляет запрос на перенос огня дальше на позиции ратлингов для закрепления успеха. Есть сообщения о довольно серьезной противовоздушной обороне на тех участках, так что возможны потери в личном составе и единицах техники. — Оператор докладывал все тем же спокойным голосом, хотя система жизнеобеспечения все равно увеличила его дозу успокоительного, не позволяя волноваться. — В настоящее время сканеры дальнего действия фиксируют большое количество живой силы противника, готовящиеся для повторной атаки. Наш успех на этом направлении временный...

— Всей эскадре! Поворот и сохранение прежнего строя. Приготовить орудия нижней полусферы для площадной бомбардировки. Целей не даю, выжечь все! — Скомандовал капитан после секундного раздумья. — Бомбардировщикам и штурмовикам переделать

приказать вернуться обратно в ангары. Ими рисковать сейчас не стоит. Посмотрим, на что вообще эти твари способны.

Ратлинги во многом были паразитическими существами, и каждое новое столкновение с ними ставило в тупик даже самых талантливых ученых и генералов королевства, пытавшихся понять, как в подобном обществе может соседствовать и первородная дикость, и высокие технологии, собираемые буквально на коленке. Наиболее популярным было объяснение, что у этих существ есть некое подобие генетической памяти, что передается из поколения в поколение. И именно это позволяло ратлингам фактически на ощупь собирать тяжелые орудия, скорострельные установки и жутких мехов, громадных, бессмысленных, но смертоносных. Уточнять только стоило, что технологии крысолюдов нередко оказывались для них опаснее, чем для противников, склонные взрываться без видимых причин или же разваливаться прямо на поле боя. Однако шквал зенитного огня, пусть зачастую и бесполезного, не способного сбить находившиеся столь высоко корабли, заставлял даже опытных пилотов авиации держаться подальше.

— На поверхности в наступление переходит Пятый моторизованный корпус штурмовой пехоты при поддержке Двадцать второй бронетанковой дивизии и двух сводных групп механизированной поддержки, — доложил другой оператор, получив новые данные с земли. — Наземный штаб докладывает, что ксеносы начинают локальное контрнаступление на левом фланге. Наша задача остается прежней.

— Открывать огонь, как только выйдем на расстояние выстрела, — приказал капитан корабля, вызвав на командный пульт данные об эскадре под своим командованием. Небольшая, но очень мощная ударная группа в составе трех крейсеров и восьми фрегатов при сопровождении почти десятка эсминцев могла устроить натуральный филиал ада на земле ураганным огнем из всех орудий, особенно, если имела полное господство в воздухе. При всех своих необычайных способностях, ратлинги так и не смогли поднять в небо даже самые примитивные летательные аппараты. — Однако целитесь внимательнее, где-то могут оказаться и наши силы.

Повторный обстрел снова обрушился на орду крысолюдов, но в этот раз не было ни наведения, ни отдельно указанных целей. Карийский флот прошелся по всей территории, выжигая все на пути и оставляя после себя только раскатанную в спекшееся стекло пустошь. Тысячи и тысячи ратлингов, собиравшиеся среди скал для новой атаки, были уничтожены, не успев даже ничего сделать. Комендоры успели разглядеть в орудийных прицелах массы примитивной техники и мехов, по которым ползали крысолюды, готовя их к выступлению. Словно в первой волне планировалось просто обозначить позиции противника, а потом уже снести все бронированными силами.

Нехарактерное для этих существ поведение. Здесь прослеживалась тактика, а подобное мышление противоречило самой их природе. Голодные стаи продолжали лезть вперед, пока либо не перемалывали противника, либо не уничтожались. Ничего другого от ратлингов не ожидалось. Капитану стало не по себе, хотя откуда у него появились такие мысли, он не смог бы сказать все равно. Успех был полный, корабли смели всю наступавшую орду, и все, что теперь ратлинги могли — это в панике бежать, сломленные техническим превосходством человека.

— Запросите наземный штаб и подтвердите уничтожение противника на этом рубеже, — приказал капитан, пока локаторы все еще выискивали скопления целей. Одиночные выжившие встречались, каким-то чудом не погибнув под ковровой

бомбардировкой, но никакой опасности не представляли. Более того, они считались слишком незначительными, чтобы открывать по ним огонь. Это дело пехотных групп, что подойдет позже.

За холмистой грядой, скрывавшей глубокую расселину от действия корабельных сканеров, ратлинги возбужденно верещали и подвывали, глядя на уже практически готовую установку для запуска ракеты с украденной боеголовкой особой мощности. Даже для их примитивного мышления было понятно, насколько ужасающую мощь она хранит, но ее использование до них дошло далеко не сразу. В итоге получился примитивный, но невероятно мощный носитель, собранный прямо на месте в некоем подобии шахтной установки из украденных балок, рельсов и кусков металла, спаянных и склепанных буквально вручную. Здоровые мутанты, вылепленные мясниками из сородичей и перекаченные наркотиками, вручную загружали активные урановые стержни и секции с твердым топливом под руководством вождя и его ближайших помощников. Здоровая и уродливая тварь была раза в два больше любого другого крысолюда, но добравшаяся до своего положения не столько физической силой, растерзав всех претендентов на своем пути, сколько необычайным для своего вида интеллектом.

Принюхиваясь и дергая порванным носом, вождь посмотрел на темное небо и вспыхивающие там отблески пламени. Корабли людей, контролировавшие воздух и спокойно уничтожавшие его сородичей, даже не спускаясь в зону досягаемости зенитных орудий, казались ему самой серьезной угрозой грандиозным планам. Орде требовалась еда. Очень много еды, даже если какая-то ее часть сегодня погибнет. Смерти сородичей его не волновали совершенно, ратлинги плодились быстрее, чем их успевали убивать, и трупы павших станут такой же пищей. Однако эти вставшие на пути люди были намного сильнее всех, кого Орда встречала прежде, они могли выдержать удар. Требовалось что-то большее, чем просто живая лавина.

Предупредительно заверещали его подчиненные, ползающие по балкам, удерживающим ракету на месте. Он выбирал для работы с ней самых умных и изобретательных из тех, кто обычно работал с техникой. Худее и тоньше остальных, они были увешаны всевозможными деталями и инструментами настолько, что когда уже не хватало лямок на разгрузках, продевали их прямо сквозь кожу. И теперь они все суетились, судорожно пытаясь привлечь к себе внимание. Ракета была готова к старту, а корабли людей находились в зоне поражения. Вождь тут же отдал приказ на запуск.

С радостными визгами и верещанием ратлинги буквально облепили ракету, активируя системы запуска. По большей части они даже сами не до конца понимали, что делают, действуя больше интуитивно, выкручивая вентили охладительных систем и доводя давление в двигательном блоке. Компьютерные системы наведения были слишком сложны для них, но каким-то образом эти крысолюды могли даже правильно настраивать локаторы и определять цели, пользуясь не столько знаниями, сколько подсознательно выбирая правильные решения. Сами они подобному никогда не удивлялись, считая, что все так и должно быть. Разве что только сама аппаратура была такой же ворованной, как и практически все остальное в ракете.

Когда включилась первая пусковая ступень, корпус еще был облеплен работающими ратлингами, некоторые даже возились в соплах, очищая их и сдирая слои ржавчины. Они тут

же превратились в пепел в потоке химического пламени, не успев даже понять, что происходит, а еще больше крысолодей сгорели заживо за считанные секунды, когда волна пламени прошла по всей расселине. Продолжая верещать, остальные полезли вверх, цепляясь за опорные балки и корпус ракеты, когда она уже начала подниматься. Часть конструкции развалилась, и кто-то из них даже успел выскочить, прежде чем все завалило обломками, а кто-то, продолжая истошно верещать, остался судорожно цепляться за обшивку, когда ракета взлетела в небо.

Первая стартовая ступень отвалилась, когда ракета вышла на наивысшую точку своего полета, после чего включилась вторая маршевая ступень, наводясь на цель. Одной запущенной ракеты недостаточно, чтобы уничтожить целую эскадру, но на один из кораблей она все-таки нацелилась, тут же устремившись к нему. Локаторы крейсера почти сразу же обнаружили опасность, и включились защитные орудия. Скорострельные зенитные пушки открыли перекрестный огонь, пытаясь если не уничтожить ракету, то хотя бы сбить ее с траектории, но установленный там навигационный компьютер активировал маневровые двигатели, каждый раз уходя с линии обстрела. Примитивной технологии ратлингов не хватало, чтобы избежать попаданий, но на ракету навесили даже больше брони, чем нужно, и маломощные заряды скорострельных пушек просто не могли быстро ее пробить. Несколько удачных попаданий сбили один из маневровых двигателей, но слишком поздно, чтобы изменить курс. Ракету все-таки захватили под перекрестный обстрел и взорвали, когда до корабля-цели оставалось меньше километра.

Этого должно было хватить, но украденной ратлингами боеголовка оказалась стратегического назначения, применяемая для уничтожения вражеских укрепрайонов и крупных поселений. Ударная волна от взрыва все же прошла по всему борту крейсера, сминая его как тонкую жесть, десятки отсеков сгорели моментально, находившиеся внутри люди не успели даже понять, что произошло. Другим повезло меньше, оплавленные двери замуровали их внутри, оставив умирать от пожаров и перепадов давления. Целые корабельные секции превратились в мешанину обломков, одну из башен главного калибра вывернуло из своего места, выбросив в открытое воздушное пространство. Крейсер трянуло так, что во всех каютах люди летели на пол или хватались за любую опору, лишь бы устоять на ногах.

Самыми серьезными оказались повреждения двигателей, вызвавшие цепную неуправляемую реакцию, способную дойти до самого реактора, которую удалось остановить только опущенными противовзрывными заслонками и блокировками целых отсеков. Однако у корабля уже не хватало мощностей, чтобы и дальше удерживать свое положение в воздухе так близко к Поверхности. Уцелевшие двигатели выдавали едва ли тридцать процентов необходимой тяги, и крейсер, чадя столбами черного дыма пожаров по всему корпусу, стал медленно заваливаться на левый борт, все ниже к земле. Остальные корабли эскадры, находившиеся на большем расстоянии, а потому и пострадавшие намного меньше, теперь сближались словно птицы к раненому собрату, но не могли ничем помочь. Здесь не помог бы даже полностью оснащенный инженерный фрегат поддержки, такие повреждения невозможно починить в воздухе. Крейсер был сбит.

А внизу, глядя на падающий с неба корабль людей, бесновались и ликовали орды ратлингов, хорошо видя столбы горячего дыма и пламени в небе. Их вождь тоже наблюдал за происходящим, также возбужденный своим успехом, но старавшийся хотя бы внешне сохранять спокойствие и не уподобляться своим подданным. Он сдерживал своих менее

терпеливых военачальников, пока точно не стало ясно, куда падает корабль. Это не так далеко от позиций людей, но все равно на тех территориях, которые крысолюды уже заняли. Приняв у одного из рабов, слабого и забитого ратлинга, свой топор, вождь поднял его над головой и взревел, привлекая всеобщее внимание, и махнул в сторону сбитого крейсера. Вторая волна Орды пришла в движение, и сотни тысяч тварей, продолжая верещать, повизгивать и кричать, бросились бежать в том направлении по одному только его приказу. Вождь собирался захватить корабль и снова поднять в воздух. Его ноздри уже раздувались и дрожали в предвкушении подобного.

— Доложить о повреждениях! — скомандовал капитан, крепко схватившись за перила, чтобы не перелететь через них во время очередного рывка. Часть систем освещения перегорела из-за резкого перепада напряжения, и оплавившиеся кабели все еще коротило, осыпая помещение мостика снопами ярких искр. Пришлось подключать аварийное освещение, чтобы хоть что-то можно было разглядеть, но большая часть вычислительных корабельных систем еще работала, передавая данные о происходящем в остальных секциях. Данные поступали крайне пугающие, не оставляя практически никаких надежд на спасение корабля. — Мне нужно знать, что с реактором!

— Главный корабельный реактор поврежден, — сообщил один из операторов, не замечая стекающей из-под шлема по лицу капли крови. Подключенным к корабельным системам членам экипажа пришлось гораздо хуже многих остальных. Перепады напряжения били по нейроинтерфейсу мощными разрядами даже несмотря на предохранители и структурные отводы. Для кого-то это оказалось смертельным, нервная система просто не выдерживала, и люди умирали прямо на рабочих местах. Сколько именно операторов погибло, никто не знал, хотя капитан со своего места видел несколько тел, все еще подключенных к кораблю, но не шевелящихся. Однако те, кто еще мог что-то сделать, всеми силами пытались спасти положение.

— Прямой связи с пультом контроля реактора нет, по вторичной сети докладывают о серьезных повреждениях в третьем и пятом блоках, запрашивают разрешение на аварийный сброс плазмы. Во втором блоке произошла утечка, никаких данных оттуда не поступает, активирована система блокировки неуправляемой реакции.

— Мощность? — Капитан тяжело вздохнул, оглянувшись на те из обзорных экранов, что еще работали. Часть камер была уничтожена во время взрыва, и на мониторах только волнами шли помехи, либо вообще ничего не выводилось, кроме символа потерянного сигнала. Изображения, что еще хоть как-то выдавали камеры, ничего хорошего не показывали. Крейсер кренился все сильнее, несмотря на усилия рулевого и инженеров удержать равновесие. — Сколько еще можно выжать?

— Не более двадцати процентов даже при выведении работающих блоков на максимальную мощность. Повреждения систем охлаждения могут привести к полному отказу всех систем. Ремонтные бригады уже выдвинулись для аварийных работ, но на некоторых участках им преграждают путь пожары и завалы. — Операторы докладывали спокойным и монотонным голосом, словно не понимая, что фактически подписывают кораблю смертный приговор.

— Не дайте нам упасть. Необходимо посадить корабль каким угодно путем!

— У нас есть запрос на подключение канала видеосвязи. Разрешить? — Доложил

оператор, не обращая внимания, что у него в плече торчит кусок внутренней обшивки, в момент взрыва разлетевшейся по внутренним помещениям как настоящая шрапнель. На комбинезоне уже расплывалось кровавое пятно, но, поддерживаемый стимуляторами системы жизнеобеспечения, он все еще работал, пытаясь помочь в меру своих сил. — Запрос с «Резинанта».

— Естественно, — капитан кивнул и отдернул мундир, пытаясь представить, как сейчас выглядит. Одно плечо было обожжено, когда сверху упали куски плавящейся обшивки, а на левой стороне лба остался глубокий и все еще кровоточивший порез, замотать который бинтом никак не хватало времени. — Выведи изображение на капитанский пульт.

— Контр-капитан Деннор? Рад видеть вас живым. — У пульта проявилось изображение командующего офицера фрегата «Розинант» из его же группы. Лейб-капитан Цоффорд был намного старше его самого, но из-за упрямого характера и столь же упорного желания постоянно оспаривать решения начальства так и не смог подняться выше по служебной лестнице карийского флота, хоть и имел все подходящие для этого задатки. С короткой белой бородой и широкими бакенбардами, он практически всегда появлялся на людях с зажатой в зубах небольшой сигарой. Перебросив ее из одного конца рта в другой, Цоффорд кивнул вместо принятого в подобных случаях приветствия. — Судя по тому, что показывают датчики моего корабля, ваш крейсер получил свое. Мы снижаем высоту, чтобы прикрыть вашу эвакуацию. Вы сможете сесть или нам готовиться подбирать спасательные капсулы?

— Лейб-капитан, мы сделаем все возможное, чтобы посадить крейсер как можно мягче. Сейчас вам передадут координаты возможного места падения. Мы пытаемся выровнять курс, но все равно должны оказаться за пределами наших позиций. Пока не могу отдать более точные распоряжения касательно дальнейших действий эскадры... Неизвестно, что произойдет во время падения... возможно, и спасти будет некогда... В самом плохом случае командование примет контр-капитан Оссер, он уже и будет принимать решения касательно возможной эвакуации остатков экипажа и самого корабля. Пока что постарайтесь сделать все, чтобы прикрыть зону нашей аварийной посадки... Матерь Земная! — выругался Деннор, когда корабль снова тряхнуло и вибрация по корпусу усилилась. Освещение замигало не несколько секунд и едва восстановилось, но лишь частично. На пультах операторов стали приходить новые сообщения о повреждениях и потери сигналов отдельных секций. Три уровня палуб в кормовой части просто перестали отвечать и больше не выходили на контакт, как операторы ни пытались, а что там произошло, оставалось только гадать.

— Контр-капитан, мы уже занимаемся зачисткой рассчитываемой зоны падения. Однако хочу предупредить, что наши противники также активизировались. Локаторы дальнего действия фиксируют новые стаи ратлингов, передвигающиеся вне пределов досягаемости нашей основной наземной артиллерии. Дальнобойные орудия уже ведут огонь, но их недостаточно, чтобы рассеять ксеносов. Будьте готовы, что на земле станет еще хуже.

— Однажды вы сообщите мне хорошие новости, Цоффорд, но это явно будет не сегодня, — капитан крейсера приложил руку к сердцу. — Однако спасибо и за такое предупреждение. Рассчитываю на вашу поддержку.

— По возвращении будете должны мне пиво, контр-капитан. Конец связи, — Цоффорд тоже приложил руку к сердцу и поклонился прежде, чем отключил канал связи. Деннор тоже кивнул, но задумался, как ему теперь вообще следует поступать. Несмотря на предупреждение, ситуация лучше не стала.

— Высота пять тысяч. Мы продолжаем снижаться, — сообщил один из операторов. — Нижние палубы предупреждены о возможных разрушениях. Все, кто способен передвигаться, переправляются на верхние уровни. Идет примерный расчет вероятных повреждений при посадке...

— Активировать все маневровые двигатели! Постарайтесь выправить корпус! — скомандовал Деннер, оглядываясь на экраны, которые еще передавали картинку с камер. — Если врежемся носом, нас сомнет как бумагу!

Корабль взревел всеми двигателями, пытаясь если хоть не удержаться в воздухе, то хотя бы выровнять свое положение, из-за чего в и так разбитом корпусе начали разваливаться поврежденные секции, не выдержавшие новых перегрузок. Противно звучали сигналы аварийных систем, сообщавших о повреждениях по всему кораблю, и на пульте вспыхивали новые и новые красные метки. Туда сразу же отправлялись рабочие команды сервисных роботов и инженеров, они блокировали поврежденные отсеки, восстанавливали линии передачи энергии и сети связи, тушили пожары и закачивали в отсеки воздух. Некоторые из иконок повреждений гасли, но на их месте вспыхивали все новые и новые, разрушения были слишком обширные, корабль удавалось удерживать лишь от того, чтобы рассыпаться на части прямо в воздухе.

— Высота три тысячи! — Сообщил оператор. — Мы еще контролируем падение, маневровые двигатели на предельной мощности, угол пятнадцать градусов...

— Убедитесь, что эвакуация всех отсеков нижней полусферы завершена. После сразу же приступить к активации всех противовзрывных систем. Заблокировать все, что можно, заглушить системы подачи электроэнергии и сбросить всю плазму из реактора. Дальше спускаемся только на аварийном запасе.

— Принято. Уровень опасности красный, по предварительным расчетам пострадает больше восьмидесяти процентов корпуса корабля. Выживший экипаж эвакуируется в наиболее безопасные внутренние отсеки, на своих местах остается только вахтенная смена у корабельных систем первой важности...

— Две тысячи. Маневренные двигатели могут отказать в любой момент, перегрузка более двухсот процентов. Маневренные двигатели в левой нижней части сферы не отвечают, угол семнадцать градусов, мы теряем контроль.

Корабль снова начал заваливаться на левый борт, когда с левой стороны произошло несколько новых взрывов. Двигатели не выдерживали и перегружались, и вместе с ними разлетались в клочья целые отсеки. Как только плазма была сброшена, к реактору подключили аварийные батареи, но восстановить прежний уровень энергии уже не могли. Уменьшение тяги привело к тому, что крейсер накренился еще сильнее и быстрее устремился к земле, уже нависая над ней всей своей громадой. Трехсотметровая статуя крылатой и обнаженной фурии задиралась все выше, пока операторы и рулевой пытались посадить корабль горизонтально, но прямо на ходу от корпуса отваливались целые куски с внешними декоративными украшениям, арками и статуями, башенками внешнего обзора и зенитными установками.

— Включить тормозные системы на полную мощность! — Выдохнул капитан, когда до поверхности оставалось меньше тысячи метров. Все уцелевшие к этому моменту двигатели сработали на полную мощность, пытаясь замедлить падение, но на считанные секунды, реактор просто не успевал выдавать достаточное количество энергии. После чего произошло столкновение.

Корабли воздушного флота строились с расчетом, что никогда не будут садиться прямо на поверхность, из-за чего просто не имели никаких приспособлений для подобного, кроме систем аварийного торможения. Удар об землю смял носовые секции, с легкостью разрывая многослойное бронирование, оставшиеся башни нижней полусферы, палубы превратились в мешанину металла и керамики, раздавленные весом самого корабля. Все, остававшееся там к этому моменту, было уничтожено в мгновение ока, пульт повреждений тут же вспыхнул множеством красных сигналов, сообщая о потерянных отсеках, ревели сирены, и весь корабль трясло и раскачивало, словно при гравитационном шторме.

Непонятно даже, когда все закончилось. Просто в какой-то момент грохот прекратился, и весь мир словно замер, только слышен был треск пожаров и тревожные сигналы продолжали рвать воздух.

— Доложить о повреждениях! — Приказал капитан, схватившись за рассеченный лоб. Отлетевший обломок опорной балки ударил по голове, содрал клочок кожи. Мысли кружились в безумном танце, никак не выстраиваясь в нормальный порядок, но вбитые буквально в подсознание установки и мыслительные тренировки позволяли держаться на ногах не хуже системы жизнеобеспечения, вливавшей в кровь лекарства и стимуляторы. — Все системы, какие еще работают, в защитный режим!

Уцелевшие операторы, еще на что-то способные, докладывали о многочисленных повреждениях и разрушениях по всему корпусу. При падении крейсер превратился в нагромождение обломков, практически не осталось целых отсеков, а потери экипажа только по предварительным подсчетам были больше половины. На корабле продолжались многочисленные пожары, которые практически некому было останавливать, но хотя бы реактор удалось защитить и не допустить неуправляемой реакции. Он все еще работал, выдавая необходимое количество энергии для работы второстепенных орудий и зенитных батарей, теперь перенаправленных в сторону земли.

— Локаторы ближнего действия частично работают, — доложил один из операторов, не обращая внимания на то, что при каждом слове изо рта капает кровь. — Фиксируют множественные цели. Это ратлинги, господин...

— Активировать все работоспособные орудия, защитный огонь. Уничтожать каждую тварь, что попытается приблизиться! Всему экипажу объявить боевую тревогу, раздать оружие и приготовиться к попытке абордажа! Объявить тревогу! И передайте, что продержаться необходимо только до прибытия подкрепления.

— Так точно, господин...

Стаи ратлингов приближались со всех направлений, сбегаясь к упавшему кораблю как к самой желанной добыче. Сверху по ним били другие корабли эскадры, рассеивая самые крупные скопления и выжигая тысячи тварей, но все равно не могли перебить всех. По тем, кто успевал проскочить под огнем фрегатов, били зенитные орудия павшего крейсера, прокладывая крупнокалиберными снарядами кровавые просеки в их рядах, но кто-то все равно успевал добраться до борта. Проникая внутрь через многочисленные пробоины по всему корпусу, ратлинги разбегались по всему кораблю, восторженно визжа и вереща, разыскивая все, что могло оказаться хоть сколько-то ценным, или же в поисках выживших в безумном стремлении добраться до свежей крови. Самые голодные вгрызались в лежавшие тела мертвых членов экипажа, с визгом вырывая друг у друга куски плоти и тут же сплетаясь в драках за мясо.

Выжившие, пользуясь тем, что знают каждый сантиметр корабля, успели возвести

баррикады из обломков и всего, что попадалось под руку, закрепившись на позициях и прицельным огнем уничтожая зажатых в узких коридорах ратлингов. Они дрались отчаянно, отступить было некуда, но еще оставалась надежда на приближающиеся подкрепления, способные переломить ситуацию. После произошедшего практически все понимали, что крейсер ни за что нельзя отдавать ратлингам. Одни только Небеса знают, какие технологии они смогут украсть и потом воспроизвести. И потому даже если сдавали какие-то помещения, то перед этим бойцы экипажа старались уничтожить там все хоть сколько-нибудь ценное.

Ратлинги же, почуяв кровь, лезли вперед, не обращая внимания на потери и наполняя коридоры пронзительным крысиным визгом, от которого уши закладывало. Эти твари пугали многих даже не столько своей кровожадностью и жестокостью — солдаты в пустошах на Поверхности и не такое видели — сколько своим видом, вызывавшим первобытные страхи, спрятанные глубоко в душе. Слишком похожие на крыс, с ощерившимися мордами и налитыми кровью глазами, они лезли вперед прямо на стволы автоматов и пулеметов, изуродованные оспинами и шрамами. Перед этой массой живой волны пугались даже самые опытные и старые солдаты.

Капитан корабля отослал охрану мостика на передовую, а сам пытался руководить обороной со своего места, разделив все силы защитников на передовые заслоны и небольшой резерв, который перебрасывал на то направление, где больше всего нуждались в подкреплении. Ряды защитников редели, и если ратлинги могли позволить себе потерять без особых проблем десятки тысяч сородичей, то для людей в их ситуации каждый боец становился важной единицей.

— Отступить из всех внешних отсеков, они слишком сильно повреждены и слишком большие, чтобы пытаться там удерживать позицию. Закрепиться в секциях первостепенного значения, заблокировать все двери и пресекать любые попытки проникновения. Пока есть возможность, сохранять предполагаемые направления для подходов подкрепления. Если нет возможности удерживать его, то разрешаю заваривать двери, — раздавал он указания, пока прибывший на мостик медик бинтовал ему голову. Медицинский отсек по большей части пережил жесткую посадку, но рабочих рук там уже не хватало, раненых было гораздо больше, чем подготовленных коек, и даже медицинские дроны не успевали обрабатывать всех поступающих.

Тяжело вздохнув, Деннор бросил взгляд в сторону оператора связи.

— Есть хоть какой-нибудь сигнал от наших союзников?

— Никак нет. При падении полностью уничтожило радиорубку. Мы попытались подключиться к антеннам напрямую, но не получили ответного сигнала. Весьма вероятно, что они также серьезно повреждены. Правда, подтвердить это мы пока не в состоянии. Датчики не отвечают.

— Проклятье. Что по визуальному наблюдению?

— Есть несколько десантных челноков, запущенных с союзных кораблей. Они садят прямо на внешнем корпусе. Предположительно, это первая волна подкрепления, штурмовые и абордажные части. Мы все еще пытаемся хоть как-то с ними связаться.

— Продолжайте. Сейчас я рад каждому новому человеку.

Квенти Карийский с трудом втянул в себя воздух, глядя на стартующие от причалов

орбитальной станции фрегаты и ударные корветы. Рев корабельных двигателей, казалось, готов был разорвать сам воздух, и все вокруг напряглось в ожидании предстоящих событий. Как единственный сын карийского барона, он был будущим наследником, пусть едва и достигшим возраста дворянской правоспособности. В свои четырнадцать лет он получил из рук отца свой первый клинок и право вступить в ряды кадетов Королевской армии, где мог бы отточить свои навыки в училище, а позже и на должности полевого офицера. Однако барон Карийский решил оставить его при себе, сам занявшись его воспитанием, но из-за этого Квенти часто чувствовал себя обделенным, словно лишившимся чего-то важного в своей жизни. Право служить офицером в армии короля — честь, и дворяне должны подтверждать своей службой право на титул, пусть и не обязательно. Ему казалось, что отец просто не хочет его отпускать, потеряв старшего сына и наследника, и потому слишком боясь за младшего, последнего преемника карийского титула. Вместо службы в армии короля он учился командовать людьми в карийских войсках, находясь здесь в должности лейб-полковника, пусть это ничего и не значило на практике. Настоящие приказы отдавали старые и опытные офицеры, всегда его сопровождавшие, а действительно веских причин для тревоги не возникало. До сегодняшнего дня.

Орбитальную станцию Карийского бароната «Плиnum-пять», где он находился, перебросили к Намерийскому хребту вместе с сопровождавшей группой флота, чтобы остановить наступление ратлингов. Кто это такие, молодой наследник слышал только по урокам истории, но они представлялись ему не очень серьезными противниками, и почему для этого требовались такие массы войск, первое время никак не мог взять в толк. Однако после первых часов боя уже понял, что все не так уж и просто. Эти твари, несмотря на свой примитивизм, обладали огромным численным превосходством и просто сметали выставленные против них войска, а весь бой напоминал схватку со стаей мошкары. Ничего не стоит прихлопнуть нескольких, но никак не получается нанести удар, способный все изменить.

Теперь же ситуация стала еще страшнее. Эти крысы смогли сбить крейсер, что прежде казалось невозможным. Во всех предыдущих столкновениях с ними воздух полностью контролировали войска королевства, всегда обходясь минимальными потерями среди штурмовиков и бомбардировщиков, иногда попадавших в зону покрытия их примитивных систем воздушной обороны. Потеряв один из тяжелых кораблей, силы флота отступили, не зная, чего еще можно ожидать, и дожидаясь новых сообщений разведки о возможностях ратлингов. Активные действия велись только у места падения крейсера, куда спешно перебрасывались подкрепления для контрудара и его защиты. Все нервничали, и Квенти хорошо понимал этих людей, внезапно столкнувшихся с неизвестной прежде угрозой. Только, в отличие от грузившихся в эти минуты на челноки солдат, ему предстояло остаться на станции и наблюдать за происходящим с безопасного расстояния.

Стоя на мостике под самым потолком ангара, он только и мог, что смотреть на готовящиеся к отправке войска. Вся военная машина бароната пришла в движение, раскручиваясь все быстрее и готовясь наказать дерзких ксеносов, посмеявшихся нанести такой чувствительный удар. Теперь для бароната было делом чести не только спасти уцелевших членов экипажа, но и выжечь всю орду, уничтожить каждую тварь, пришедшую к границам колонии. Квенти хотел быть там, а не снова оставаться в стороне, послушным строгим приказам отца, вдали от настоящего сражения.

Статуи рыцарей в доспехах, поддерживавшие потолок, молчаливо взирали на то, как в

ангаре ряд за рядом, проносясь мимо их постаментов, в небо ряд за рядом поднимались десантные транспорты, перехватчики и бомбардировщики. И сам карийских наследник только и мог, что сложить руки на перилах, уложив их между декоративными наконечниками над рядом щитов с гербами феода.

— Я должен быть там, — упрямым голосом протянул молодой наследник, обращаясь к стоявшему чуть позади сопровождающему офицеру, титулованному рыцарю бароната. Он, как и постоянно присутствующий рядом адъютант, большую часть времени сохранял молчание и, как подозревал Квенти, больше был нужен затем, чтобы выполнять распоряжения его отца и наблюдать за молодым наследником для избегания любых возможных проблем. — Как я могу чему-то научиться, оставаясь вдали от любой возможности применить свои навыки? Это больше похоже, будто я прячусь за спинами подчиненных!

Карийский принц, как отмечали многие, выглядел даже моложе собственных лет. Высокий и стройный, как его старшая сестра, он так и не приобрел еще грубые мужские черты, оставаясь больше похожим на ребенка. Короткие белые волосы и светлая, как у любого здесь, выросшего под искусственным освещением, кожа так и не огрубели под влиянием открытых и опасных просторов Пространства и Поверхности. Чуть курносый, он смотрел на этот мир большими голубыми глазами, отличавшими его от остальных. Все вокруг имели тот природный красноватый оттенок глаз, и только представители дворянских родов могли похвастаться другими цветами.

— Господин, в силу вашего довольно юного возраста весьма рискованно отправлять вас на поле боя. — Ответил офицер, склонив голову. — Вы будете намного полезнее для бароната, находясь здесь и руководя операцией из штаба. В войсках достаточно профессионалов, чтобы успешно выполнить все задачи.

— В войсках всегда достаточно профессионалов, и мне претит мысль их использования исключительно как отметок на тактическом столе. Я должен быть рядом с ними, и должен показать, что не просто по праву рождения принимаю титул барона. Не хочется становиться вторым Анжеем Герским.

Эту историю хорошо помнили, и до сих пор она оставалась напоминанием многим из дворян Рейнсвальда о том, где заканчиваются права одних и начинаются обязанности других. Анжей Герский был герцогом молодого феода, всего лишь несколько поколений назад являвшегося королевской колонией, но получив независимость в качестве признания достижений семьи с наследственным титулом наместника, управлявшей этими землями. Молодой дворянский род на окраинных территориях далеко за пределами метрополии должен был стать примером того, как можно добиться благосклонности короля, правившего тогда Меркила Пятого, но итог оказался совершенно иным. Принявший власть Анжей Герский, внук первого герцога Герского, оказался неспособным к правлению и почти все время проводил в своем дворце, оставив все руководство феодом на своих рыцарей и вассалов. Абсолютно наплевательское отношение ко всему феоду, но постоянное ужесточение требований из-за слишком высоких расходов на личную жизнь привели к тому, что вассалы протерпели его чуть больше года, после чего подняли восстание. В итоге Анжей был арестован, а после и повешен. Король, узнав о произошедшем, провел разбирательство, но, узнав все причины, не только не наказал бунтовщиков, а еще и передал титул герцога главе восстания. А имя самого Анжея было вычеркнуто из всех дворянских книг и предано анафеме, но осталось в передаваемых устно историях как напоминание остальным,

передаваясь от одного рассказчика к другому.

— Господин, не стоит относиться к себе столь критическим образом. Никто не посмеет упрекнуть вас в подобном. Солдаты и так гордятся тем, что действуют напрямую под вашим командованием...

— Командуют офицеры штаба, а я просто нахожусь рядом и иногда качаю головой с умным видом, — отмахнулся Квенти. — Не это я себе представлял как военную службу. Сообщите командованию ударной группы, что наследник собирается принять участие в высадке.

— Господин, я настоятельно рекомендую не делать этого... — попытался остановить его рыцарь, не ожидавший подобного ответа. — У вас есть свои задачи в этой миссии, и нарушая их, вы рискуете успехом всей операции. Прошу вас еще раз внимательно подумать об этом решении.

— Пока что я еще дворянин, — заметил Квенти, втянув ноздрями воздух, после чего посмотрел на свою правую руку, закрытую перчаткой из тонкой кожи. Несмотря на то, что необходимости в этом не было, он все равно полевой мундир, привыкая к ощущениям формы на плечах. — И за сказанные слова несу всю ответственность. Я собираюсь лично участвовать в операции.

— Господин, ваш отец...

— Мой отец сейчас в родовом замке! А я здесь! И я имею право принимать решения! — выдохнул Квенти, сжав ладони. — Можете сообщить ему об этом позже, если возникнет такое желание, однако ничего все равно не изменится.

— Господин, вы знаете, что спорить с вами я не смею, — офицер кивнул головой. — Я отдам все необходимые распоряжения, но позвольте тогда следовать за вами.

— Приказ об этом я отдавать не буду, — Квенти покачал головой. — Однако не буду и отказывать. Это ваше собственное решение.

Глава 14. Сомнения и порядок

Разница человека с животными именно в том и состоит, что он только начинается там, где животные уже оканчиваются.

Виссарион Г. Белинский

Эдвард отлучился из главного зала с веселящимися гостями и поднялся наверх, в небольшое помещение этажом выше, откуда можно было выйти на небольшой балкон под самым потолком и сверху взглянуть на собравшихся. Вероятно, в прежние времена здесь отдыхали от суеты пиров властители забытого уже мира, оставившего после себя лишь наследие в виде столь древних артефактов. Здесь высшие из общества получали возможность хоть на некоторое время отступить от правил этикета и спрятаться от чужих глаз, а в случае необходимости вернуться к людям, показавшись на балконе. Оттуда можно было лишней раз подчеркнуть свое превосходство над остальными, пусть и лучшими из лучших, но все же вынужденных толпиться внизу, под ногами своих правителей.

По приказу барона теперь тут установили полноценный пульт связи и несколько рабочих мест операторов, собиравших всю поступающую информацию. Для масштабного замысла постоянного контроля, простирающегося далеко за пределы цитадели, нескольких адъютантов барону не хватало. Требовался полноценный узел связи с выходом на все основные военные частоты.

Охранник, стоявший в тот момент у входа, приветствовал барона и пропустил внутрь, где кроме нескольких подключенных к своим пультам операторов находилось трое офицеров связи, уточнявших полученные данные на голограммной карте. Точные трехмерные снимки разных участков Поверхности по очереди сменяли друг друга, показывая новую информацию и выводя обработанные сведения о действующих там Рейнсвальдских войсках.

— Господин барон! Позвольте вас приветствовать и сообщить, что серьезных расхождений с рассчитанными прогнозами до сих пор не обнаружено. Мы продолжаем постоянно мониторить происходящее на всех участках, но, кроме дублирования функций автоматики, ничего не добились. Ситуация под полным контролем, исключая вероятность ошибки из-за задержки передачи данных, — сообщил, отдав честь, главный из офицеров со знаками различия майора служб армейской связи.

— Это хорошие новости. — Эдвард подошел к карте, на которой в эти минуты выводился участок Поверхности с маячками крупного конвоя дикарей, окруженных превосходящими силами тристанского гарнизона. Как раз в эти минуты начали стрелять. Дальнобойная артиллерия обрабатывала сектор, засыпая тяжелые грузовые машины фугасными и плазменными снарядами. Первыми показали себя артиллеристы, демонстрируя возможности новых систем, поставленный на массовое производство в баронате. Танковые и пехотные части должны вступить позже, продемонстрировав свои достижения. — Что касательно ситуации у разведки? Какие-то изменения обнаружены?

— Ликвидированы две группы разведчиков потенциального противника, — доложил второй офицер, впервые с момента появления барона оторвавший глаза от своего планшета. — Господин, точных указаний, откуда они могут быть, не обнаружено. Однако

все ликвидированные бойцы имеют оружие и снаряжение, соответствующее общепринятым в Рейнсвальде стандартам. Предполагается, что это конкурирующие с нами феодалы. Кроме того, обнаружена довольно серьезная группа наблюдения, действующая за пределами нашей зоны влияния. Пока было принято решение не применять по отношению к ней протоколы ликвидации.

— Известно, откуда они? — Барон поднял взгляд, оторвавшись от карты. Факт наблюдения за операциями гарнизонов тристанских войск на Поверхности удивить не мог. Подобное практиковалось многими конкурирующими феодалами, и спецслужбы его собственного бароната сами вели активные разведывательные операции у границ соперников. Интерес оставался исключительно в том, кто именно решился в этот раз.

— Обнаруженный корабль предпринял все необходимые меры маскировки, но наши операторы смогли настроиться на их каналы передачи данных. Стандартные рейнсвальские системы кодировки, на их расшифровку не уйдет много времени. После этого мы сможем узнать, куда они передают данные.

— Продолжайте. Постарайтесь сделать так, чтобы вас не засекли. — Эдвард оперся двумя руками на край голографического стола, глядя на происходящее в сорока миллионах километров отсюда. Колонна дикарей быстро и эффективно уничтожалась, рассеиваясь под артиллерийским огнем, после чего отдельные группы окружались и истреблялись танками и тяжелой пехотой. Излишние мощности, здесь вполне могла справиться и стандартная колониальная пехота практически без потерь, но Эдвард пытался представить, как все это может выглядеть глазами дикаря с Поверхности. С их примитивными технологиями у них нет никаких шансов противостоять нападающим. Испытывают ли они страх или панику?

Дикари в биологическом плане, если не считать мутаций, практически не отличаются от граждан королевства, пусть и не считаются полноценными людьми.

Рейнсвальд оставался государством с консервативными взглядами, не менявшимися тысячи лет, несмотря на постоянную экспансию и развитие многих областей науки. Из-за внешних конфликтов на колониальных границах у многих уже сложилось отработанное поколениями негативное отношение к большинству жителей Поверхности. Когда он еще только учился, практически все время запертый в библиотеках Тристанского замка, старый монах, преподававший ему историю мироздания, убеждал, что в действительности человечество на Поверхности создавало несколько независимых друг от друга ветвей, способных к скрещиванию.

Вполне возможно, что население Рейнсвальда имеет близкие родственные связи с племенами, кочующими по Поверхности или же строящими там свои города. Странно представлять, как люди, создавшие цивилизации и преодолевшие тьму незнания, могли принадлежать к одному роду с теми, кто так и не сумел отступить от своего животного состояния. Иногда Эдвард ловил себя на мысли, что ему страшно.

Страшно оказаться таким вот неразумным дикарем, весь смысл существования которого сводится к банальному выживанию в суровых условиях Поверхности. Стать таким же лишенным значения существом, что с натяжкой можно назвать “человеком”, отчаянно цепляющимся за свою бессмысленную возню в грязи, которое считает жизнью. И который в итоге оказывается не более, чем насекомым под сапогом цивилизации, наступающей на пустующие земли в поиске все новых и новых ресурсов для продолжающейся экспансии.

Во время службы в Королевской армии он видел таких людей вблизи, и не только через прицел рельсового карабина. Иинан Третий был одним из немногих королей в истории

Рейнсвальда, продвигавших протекционистскую политику по отношению к дикарям человеческого вида на колонизированных территориях. Полк, в котором служил Эдвард, занимался не только военными операциями, но и гуманитарными миссиями, оказывая помощь и поддержку поселениям, которые включались в список населенных пунктов, входящих под юрисдикцию короны. Эти дни он хорошо запомнил, отложив в памяти как напоминание об огромной разнице между цивилизованными людьми и примитивными племенами.

Особенно тот день, когда сводную боевую группу, в составе которой он оказался, проведя всего лишь две недели в рядах Королевской армии. Поднятые по тревоге, они за одиннадцать минут надели стандартные боевые доспехи, выдвинулись на плац и погрузились на тяжелые грузовые квадрокоптеры, уже на борту взлетающих машин получив инструкции о происходящем. Их гарнизон оказался ближайшим к поселению, где располагалась гуманитарная миссия королевского феода, и теперь там срочно требовалась военная помощь. Стая мутантов пересекла незамеченной внешний рубеж обороны и напала на одно из подконтрольных поселений. Местных сил могло не хватить для отражения атаки, и туда срочно перебрасывались свежие силы.

В десантном отсеке квадрокоптера после того, как туда полностью загрузилось два отделения пехоты, свободного места практически не осталось. Боевые доспехи с наплечниками в виде львиных голов и крылатыми шлемами, позолоченные и больше похожие на произведение искусства, чем на вооружение солдат современной армии, теснились так плотно, что солдаты едва не задевали друг друга. Рассаженные по обе стороны, они оставляли только совсем небольшой проход в центре салона, где в эти минуты проходил старший офицер группы.

— Наша задача взять под контроль периметр поселения и провести операцию по уничтожению всех противников в зоне обороны, для чего нас разделят на две части. Первая будет высажена на стены, где примет позиции у местных вооруженных сил, а вторая группа будет высажена в тылу мутантов и прижмет их к стенам, не давая отступить. У операции зеленый уровень опасности, противник вооружен примитивным огнестрельным и холодным оружием, его единственное преимущество состоит в численности. Поэтому действуйте внимательно и осторожно, сохраняйте визуальный и огневой контакт со своими напарниками. Я не желаю писать отчеты, что в этом бою личный состав понес потери. — Их командир никогда не смотрел в свой инфопланшет и не сверялся с коммуникатором, сообщая о деталях новой операции, всегда все проговаривая на память. Сняв шлем, он посмотрел на своих подчиненных, среди которых больше половины были представители знатных домов Рейнсвальда, младшие сыновья и молодые наследники, проходившие обязательную королевскую службу, а другие — профессиональные элитные бойцы, своей кровью и потом доказавшие право на место в рядах лучшей армии Рейнсвальда. — Я отдельно напоминаю, что все аборигены, находящиеся в зоне операции, уже считаются подданными короны, и поэтому запрещено открывать огонь по гражданским. Это будет расценено как измена присяге и предательство.

— Господин майор, почему мы вообще должны рисковать своими жизнями ради каких-то дикарей? — Поинтересовался один из солдат. Эдвард не помнил, из какого дома. Из какого-то молодого и незначительного, на внешних границах королевства за пределами метрополии.

— Потому что это приказ короля. — Не дождавшись офицера, сухо ответил сам наследник тристанского барона, придерживая свой импульсный пулемет между ног, пока квадрокоптер трясло из-за слишком быстрого полета в плотной атмосфере. Освещения в салоне тоже практически не было, только горели красные сигнальные лампы, выхватывая из темноты угловатые обводы доспехов. Эдвард был самым молодым в отряде, но все знали, кто он такой и откуда. В будущем многие из его нынешних сослуживцев будут кланяться при появлении Эдварда, выражая честь и радость от его визита, и уже в эти дни мало кто с ними пытался спорить. — Мы не имеем права обсуждать приказы Его Величества до тех пор, пока их не выполним.

— Именно! — Рывкнул офицер. — Мы выполняем приказ! И если будет приказ головой вперед броситься в огонь, мы ответим «так точно»! И никаких обсуждений! Поэтому сейчас готовьтесь к бою, все остальное потом.

— Мы должны рисковать жизнью ради каких-то дикарей... — усмехнулся кто-то еще. — Ради чего? Они все не стоят даже потраченных зарядов.

— Король хочет положить начало новой политике, вы же слышали. Ассимиляция тех дикарей, которые не имеют мутаций и пригодны по всем параметрам. Это называли гуманизмом, — пошутил один из солдат, младший сын одного из дворянских домов метрополии, которому все равно не светил титул наследника. — Его Величество сказал, что это позволит лучше понять население Поверхности и стабилизирует ситуацию на границах. Какой-то смысл в этом, конечно, есть...

— Мешать рейнсвальдскую кровь с дикарской! — Выдохнул тот, кто был больше всех недоволен. — Что вообще может быть хуже?

— А говорят, что разница между нами и ними только в уровне цивилизованности. Если бы они обладали такими же технологиями, то ничем не отличались бы от нас. Мы судим их исключительно по внешнему виду, а возможно, стоит взглянуть на вопрос глубже, как и поступил Иинан...

— Внимание! Наша цель на горизонте! — Рывкнул майор, снова проходя через весь салон, придерживаясь рукой за перила под потолком. — Мы получили сигнал от расположенной там гуманитарной миссии, и новости не очень хорошие. Мутанты пробились через внешнюю стену и прямо в эти минуты заняты разграблением города. Поэтому первоначальный план отменяем. Вся группа высаживается в пределах поселка, и главной задачей является установление безопасной зоны вокруг здания миссии и нескольких участков, что сейчас будут помечены на ваших картах. Это места, где прячутся гражданские, которых успели эвакуировать. Однако в застройке еще много незащитных людей, и больше всего им сейчас требуется наша помощь. Будьте внимательны и смотрите, куда стреляете. Часть из вас высадят как можно ближе к этим зонам, остальные десантируются прямо с воздуха над городской застройкой в режиме вольной охоты. Действуйте тройками и прикрывайте друг друга спины. Все, минутная готовность!

В пассажирском отсеке не было иллюминаторов, солдаты внутри не могли понять, как близко подлетели и что в эти минуты происходит внизу. Единственное, что им оставалось — вслушиваться в гул двигателей и рев ветра за бортом, одновременно последний раз сверяясь с задачами и проверяя каналы связи.

— Внимание! Номера с первого по двенадцатый! Приготовиться к десантированию! Машины опустятся до высоты десяти метров над крышами, поэтому спускаться будете исключительно на антигравах. Постарайтесь не проломить все здание! — скомандовал

майор, подходя к заднему десантному люку. Хлопнув по большой красной кнопке и активировав гидравлические приводы створок, он схватился за поручень. В салон снаружи сразу же ворвался ветер, наполняя его громким ревом и гулом. Зато, как только люк раскрылся окончательно, стала видна панорама самого города под квадрокоптерами.

Королевские инженеры уже приступили к его перестройке, задав правильную пятиконечную форму с ромбами бастионов в каждом углу, но не успели возвести башни комплексной защиты и завершить защитные купола над жилыми секторами, из-за чего противник и смог прорваться. Городские кварталы с правильными, геометрически четкими улицами освещались пожарами и яркими прожекторами, выхватывая из темноты разграбленные магазины и разбитые автомобили, вокруг которых металась тень захватчиков.

Квадрокоптеры на полной скорости спустились ниже, и офицер замахал рукой, называя номера солдат для высадки. Эдвард был одиннадцатым. Он, рефлекторно придерживая одной рукой эфес шпаги, поднялся, услышав свой номер. Ускорившись, наследник бароната выбежал на спущенный пандус, в последний миг активируя на полную мощность заплечные антигравы, тормозившие падение. Прямо под ногами появилась крыша невысокого здания с выходящими винтами вентиляции и антеннами.

Бронированный солдат, несмотря на усилия, довольно жестко приземлился, проломив вентиляционные короба и сбив несколько антенн. Эдвард распрямился, держа в руках пулемет, и захватил в перекрестье прицела первые цели. Парочка дикарей, взобравшихся на крышу и вооруженных длинноствольными винтовками, никак не ожидала, что прямо им на головы свалится нечто подобное. Они даже сделать ничего не успели, как голову одного из них пробил импульсная пуля, превратив кость и плоть в кровавый пар, а второй, оглянувшись на звук выстрела, получил попадание в грудь, так что руки разлетелись в разные стороны.

— И как нам отличать противников от гражданских? — Раздался голос на общей частоте. — Ведем огонь только по тем, кто на нас нападает, но большинство разбегается. Уточните параметры целей!

— Стреляй по тем, кто не похож на обычного человека, вот и все! — Ответил Эдвард, даже не остановившись, чтобы открыть дверь, уводящую вниз с крыши. Выбив ее плечом, он спустился по ступенькам, одновременно проверяя все частоты. Двое других бойцов из его тройки высадились совсем рядом, их отметки он хорошо фиксировал на карте, и важнее всего было с ними соединиться. По пути проверял этажи, зачищая их от грабителей один за другим. Угрозу нападавшие действительно представляли минимальную, вооруженные примитивным, чаще всего пороховым или лазерным оружием. В том числе и трофейным. По имеющимся данным, город удерживало несколько взводов колониальной пехоты при поддержке отрядов, переобученных из местного населения. Нападающие наверняка успели набрать с их трупов трофеев и имели даже какой-то шанс подстрелить кого-нибудь из королевских бойцов, если бы знали, как правильно обращаться со столь сложными технологиями.

Пусть эти дикари и были необученными, от звуков пролетающих рядом зарядов все равно становилось не по себе. Однако Эдвард стрелял быстрее, точнее и без раздумий, не задерживаясь ни на мгновение. Уже приступившие к грабежам и рассеявшиеся по зданию мутанты не имели против него никаких шансов. Некоторые, отягощенные награбленным барахлом, не успевали даже схватиться за оружие, увидев королевского солдата.

В боях ему приходилось участвовать и прежде, и не только в составе королевских войск, но еще под тристанским флагом. Еще тогда он возненавидел мутантов в любых их проявлениях. Мутировавшие племена на Поверхности, изменившиеся до неузнаваемости из-за влияния химического и радиоактивного загрязнения, спариваний с другими видами, родственных браков и прочего, часто опускались до совершенно первобытного состояния, теряя на пути вниз остатки человечности и разума. Чаще всего они сохраняли технологии, помогающие выжить в столь тяжелых условиях, но и то лишь те, какие можно воспроизводить в кустарных условиях.

И в его прицеле были как раз именно такие существа. Изуродованные, словно гниющие изнутри, с волдырями и буграми мышц, в грубой броне и с таким же грубым кустарным оружием, они прятали лица за масками противогаров и шлемов, лишь немного внешне походя на людей. В их руках было оружие, позволявшее говорить, что когда-то их предки находились на куда более высоком уровне развития, но поколение за поколением деградировали все сильнее и быстрее. Бледная тень тех, кем они были когда-то. Эдвард не чувствовал ничего, кроме мрачного, почти что циничного удовлетворения, отстреливая этих уродливых существ одно за другим.

— Эдвард! Ты отстаешь! — Раздалось на частоте, когда он проломился сквозь стену, разделяющую жилые квартиры, поскольку локаторы обнаружили противников внутри помещения. С близкого расстояния пулемет буквально аннигилировал тела дикарей, от их защиты пользы выходило как от груды мусора. Эдвард стрелял короткими очередями в три заряда, успевая только замечать, как разлетаются кровавые ошметки, еще несколько секунд бывшие телами мутантов.

— Сейчас буду. Я еще в здании. Тут много врагов — Добавил он, зафиксировав на датчике сердцебиения еще три цели. — Удерживайте позицию и зачищайте окрестные территории. Тут их разбрелось по всем комнатам, только успевай отстреливать...

Зайдя в другую комнату, он оглянулся по сторонам, держа оружие наготове. Жилые помещения во многом походили друг на друга, отличаясь только расположением полок, шкафов и прочего хлама, по которому иногда даже можно было сказать, кто здесь живет. Во всем остальном — однотипные комнаты, связанные друг с другом небольшими коридорчиками, составляя очередную жилую квартиру. Именно эту он уже успел порядком разнести, проламываясь прямо через стены, благо они здесь исполняли чисто декоративную роль. Датчик сердцебиения показывал, что в этой комнате есть еще кто-то живой. Стрелять сквозь дверцу шкафа будущий барон не стал и, держа одной рукой оружие, второй осторожно отодвинул преграду в сторону. Как оказалось, там пряталась семья из матери и двух детей.

— Ребят, у меня выжившие. Трое гражданских, — сообщил он по радио, глядя на сжавшихся от страха людей, у которых глаза, казалось, распахнулись намного шире положенного природой размера.

— А у нас тут новая волна дикарей! Мы нырнули в самое змеиное гнездо! Я почти уверен, они под боевыми стимуляторами! Совсем безбашенные. Мы их отстреливаем, но нас давят огнем. Вдвоем тут слишком долго не протянем! Ты где?! Нужно перегруппироваться с остальными!

— У меня трое гражданских! — с нажимом рявкнул Эдвард, воспользовавшись появившейся паузой, чтобы сменить магазин пулемета. — Вам повторить еще раз или со второго все же понятно стало?! Мы именно их жизни здесь спасаем, а не свои!

— Эдвард! Тут до кучи мутантов! Двигай сюда, или мы покинем позицию без тебя! Матерь Земная! Я не хочу умирать на этой Небом забытой улочке!

Наследник бароната посмотрел на зажавшихся в углу детей, инстинктивно пытавшихся найти укрытие в объятиях матери. Обычные и ничем не примечательные люди, десятки миллиардов подобных живут на Рейнсвальде и имеют куда большую ценность, чем только что признанные подданными короны бывшие дикари с Поверхности. В любой другой раз он бы прошел мимо, даже не обратив на них внимания. Однако отступить от приказа будущий барон не мог. Все его обучение требовало четко следовать установленным правилам и выполнять приказы.

«Лишь тот, кто познал подчинение, сможет справиться с грузом командования», — гласила старая армейская поговорка.

Со своей стороны гражданские должны были видеть больше похожего на робота из-за тяжелой закрытой брони солдата, чье забрало изображало плачущий лик ангела возмездия из золота и с рубиновыми каплями слез на щеках.

Королевские войска считали своим покровителем небесного ангела Ариана, когда-то в древности первым спустившегося из чертогов всемогущего Отца, чтобы очистить мир от скверны Тьмы. Если верить легендам, он плакал кровавыми слезами, видя, во что превратились создания Отца, искалеченные Тьмой, и убивал не столько из-за жажды разрушения, сколько обрывая страдания этих существ, обреченных на вечные муки. В память о той легенде забрала шлемов королевских войск всегда украшали рубиновые слезы.

— Идите за мной, — приказал Эдвард, активировав внешний динамик. — Я доставлю вас в безопасное место. Только не отставайте.

Он сделал свой выбор, рискнув собственной жизнью и жизнями товарищей, забрав невооруженных гражданских, неспособных передвигаться столь же быстро и точно. Приказ оставался важнее всего остального, но где-то в душе Эдварда копошились мысли, что в этом решении виновато не только строгое следование уставу и подчинению служебной иерархии. Эдвард помнил и слова клятвы дворянина, обязательства защищать тех, кто не способен на это самостоятельно.

Именно по этой причине при зарождении Рейнсвальда предок рода Тристана получил право вести за собой других, принимать решения и нести за них ответственность. Какая-то часть его была уверена, что оставь он без помощи эту семью, то нарушил бы самую страшную клятву в собственной жизни — клятву, данную самому себе.

— Это Эдвард. Со мной трое гражданских. Необходимо прикрытие и подготовленный маршрут до ближайшей безопасной зоны, — он подключился к общему каналу, спускаясь к выходу из здания, по пути пристрелив еще нескольких мутантов и постоянно сверяясь, идут ли за ним местные. Дети кричали от звуков выстрелов, но мать крепко держала их за руки, не позволяя отстать. — Ориентируйтесь по моему идентификационному сигналу.

— Эдвард! Слышу вас. Это тройка Леотона. Немедленно меняем маршрут и идем вам на поддержку. Сохраняйте свою позицию. Тройка Хельна проверяет маршрут до безопасной зоны Альфа-три. Подтвердите получение.

— Подтверждаю. Удерживаем позиции до вашего подхода! — Эдвард, выбив прикрытую дверь, вышел в холл здания с разбитыми стеклами окон во всю стену, с ходу открывая огонь. Там было всего лишь несколько мутантов, то ли прятавшихся от его товарищей, то ли пытавшихся устроить засаду. Система поддержки целенаведения моментально выделяла неопознанные фигуры, тут же подсвечивая их в качестве очередных

мишеней, Эдварду нужно было только наводить ствол пулемета и нажимать на спусковую кнопку. Выделенные красными контурами в интерфейсе его шлема, мутанты двигались слишком медленно, только поднимая свое неуклюжее и грубое оружие в сторону Эдварда. Их реакция не могла опередить возможности человека в штурмовом боевом доспехе и с боевыми стимуляторами в крови. Некоторые из них так и не успели понять, что случилось, когда их уже рвало в клочья импульсными пулями.

Едва убедившись, что других целей здесь нет, будущий барон двинулся дальше на улицу, где кипел бой.

Застройка города считалась новым словом среди архитекторов королевства, отступивших от традиционных способов защиты от окружающей атмосферы вроде возведения высоких и толстых куполов. Над кварталами подобной защиты не существовало. Каждое здание внутри внешних крепостных стен являлось самодостаточным и экранированным, больше напоминая бетонные доты со скошенными стенами, поднимавшимися над землей на сорок и более этажей. Улицы между закрывали полупрозрачные крыши, проведенные над дорогами и тротуарами на высоте десяти или пятнадцати метров. Из-за отключившегося внешнего освещения уличные крыши напоминали нависшие над головой скелеты гигантов из-за своих каркасов с тонкими и длинными арками.

Неподалеку от здания, откуда вышел Эдвард, среди брошенных машин и обломков рухнувшей крыши кипела перестрелка. Его товарищи по тройке отстреливались от сбегавшихся со всех сторон мутантов. Противники засели за развалинами и за выгоревшими каркасами, засыпая королевских солдат шквалом мелкокалиберных пуль из своего оружия. Прimitивные заряды выгорали в дефлекторных щитах, не способные причинить серьезного урона, но их было столько, что мощность защиты все равно постепенно падала из-за не успевавших восстанавливаться батарей. Приходилось искать укрытия, но и этого не всегда хватало. Ответный огонь рейнсвальдцев был намного эффективнее, и улицу усеивали трупы врагов, но тех словно не становилось меньше.

— Эдвард! Мы отогнали первую волну и сейчас можем здесь удержаться! — сообщил один из бойцов, прервавшись на мгновение, чтобы сменить батарею. Длинный направляющий канал рельсового ускорителя гудел от переизбытка напряжения, и охлаждающие отводные каналы на оружии уже покраснели от нагрева. — Кажется, сил у них осталось не так много после прорыва стен и в любой момент могут окончательно истощиться. Главное — не дать им подобраться слишком близко.

Все происходящее больше напоминало слишком реалистичную тренировку в симуляторе виртуальной реальности, противники по одному не представляли серьезной угрозы, расстреливая целые магазины впустую, тщетно пытаясь управиться с незнакомым трофейным оружием либо со своим примитивным пороховым вооружением. Даже если какие-то отдельные выстрелы и попадали в солдат, то сгорали в поднятых дефлекторных полях, защищавших их.

Самой большой проблемой для тройки Эдварда было одновременно контролировать и врагов вокруг, и гражданских, которым приходилось прятаться за любыми укрытиями. Для них это был самый правильный поступок, слишком много пуль и осколков летало вокруг, но будущий барон все равно беспокоился, не желая, чтобы все потраченные усилия пропали даром.

— Говорит тройка Хельна! Мы расчистили территорию и удерживаем два перекрестка.

Противник на пути следования до пересечения Восьмой и Третьей Авеню уничтожен. Можете продвигаться вперед!

— Вас понял! — Система предупреждения завывла, сообщая об обнаружении наводящего луча, и Эдвард, не отрываясь от переговоров, тут же отскочил в сторону. В то место, где он стоял мгновение назад, тут же врезалась ракета, оставившая в дорожном покрытии небольшую воронку. Развернувшись, он всадил короткую очередь в окно на третьем этаже, и показавшийся там дикарь с ракетной установкой разлетелся в кровавые брызги, получив сразу два импульсных заряда в грудь. — Выдвигаемся вперед! Прикрывайте нас. Аарон, на тебе гражданские, отвечаешь за их безопасность лично! Всё, пошли!

Вокруг сверкали разряды выстрелов, выбивая из брошенных машин искры и брызги расплавленного металла, визг рикошетивших зарядов наполнял воздух, так что даже шумоподавители не справлялись. Проломив оборону, дикари устремились в центр города с самыми богатыми для грабежа домами. И теперь, казалось, они были в каждом окне, и каждый надеялся подстрелить хотя бы одного королевского солдата. Всего сто человек высадилось в городе, где было по меньшей мере пять или шесть тысяч мутантов, растянувшихся по улицам. Их, оказавшихся ближе всего к атакованному городу, бросили сюда самыми первыми, пока основные армейские части подходили к крепостным стенам, чтобы уничтожить каждого, кто посмел поднять руку на владения Рейнсвальда.

Кровавые брызги разлетались вперемешку с энергетическими разрядами, пока системы боевых доспехов сигналили о многочисленных угрозах со всех сторон. Пробивавшиеся к безопасным зонам солдаты королевства не знали пощады и оставляли позади груды разорванных пулями тел.

После всех проведенных тренировок, после изнуряющих многочасовых симуляций и занятий по освоению боевых доспехов, после службы в рядах армии феода само мышление и понимание происходящего менялось. Бой доходил до уровней рефлексов и моментальных реакций, так что мысль уже и не поспевала за движениями. Эдвард стрелял, двигался, целился и снова стрелял, успевая только фиксировать, кто именно попадает в перекрестье прицела за мгновение до того, как они разлетались кровавыми брызгами от энергии излишне мощных снарядов, рассчитанных для уничтожения куда более серьезных целей.

— Эдвард! Разворачивайтесь на Шестое Авеню! Немедленно! — Голос офицера не терпел возражений, но будущий барон все равно замешкался на мгновение, не понимая, почему так резко сменились планы. Они почти добрались до нужной точки, когда поступивший приказ потребовал удлинить оставшийся маршрут практически втрое. Потерянного мгновения хватило, чтобы один из мутантов, измазанный кровью с ног до головы, с визгом перескочил на стоявшую рядом машину и бросился уже на Эдварда, размахивая топорами. Он успел только руку поднять, защитившись от удара. Полиметаллические сплавы наруча выдержали грубо выкованное лезвие топора, хотя удар все равно оказался такой силы, что рука онемела. Отбросив противника назад, Эдвард тут же всадил в него короткую очередь, не дав снова подняться.

— Господин! В чем причина? — Все-таки осмелился он задать вопрос, оглянувшись. Они продвигались вполне успешно, отбросив противника назад, и причин для смены маршрута он сам не видел. Однако в конце улицы вскоре и появилась причина для таких изменений. Несколько тяжелых и неуклюжих мехов с пушечным вооружением, напоминавшим бочки, поставленные на ноги, шагали, оставляя в мельмитоловом покрытии глубокие вмятины от металлических опор. Двенадцатиметровые махины медленно

вышагивали, с грохотом втаптывая в землю брошенные машины. Там явно были системы обнаружения, поскольку шагавший первым мех почти сразу же навелся на Эдварда и открыл огонь. Снаряды пролетали с серьезными промахами, с визгом распарывали воздух или попадали в стены домов, выбивая взрывами куски внешней облицовки. Попадания из такого орудия явно будут летальным для пехотинца.

— Понял, причина смены маршрута в зоне видимости, уже поздно. Придется пробиваться с боем. С гражданскими на плечах мы уйти не успеем.

— Эдвард, не рискуй только, у нас тут своих забот хватает, поэтому подкрепление быстро вряд ли отправить сможем.

— Господин, постараемся справиться своими силами. — Эдвард замахал рукой остальным. — Хельн! У кого-то из ваших был тяжелый рельсовый ускоритель! Подбейте хотя бы один, мы займемся остальными!

Один из мехов снова выстрелил, продолжая двигаться, и в этот раз снаряд лег даже слишком близко к Эдварду. Будущего барона сбило с ног ударной волной и отбросило в борт стоявшего там грузовика. Оставив в нем большую вмятину, королевский солдат не сразу даже смог встать, подобрав с земли свой пулемет и пытаясь откашляться. В голове шумело от гула взрыва, а интерфейс шлема моргал, перенастраиваясь после удара.

— Святое Небо! Этому я лично голову отрежу! — Выдохнул барон, вскинув пулемет и отправляя один импульсный заряд за другим в меха, но толстая броня легко выдержала такой обстрел, оставлявший только небольшие сколы и опалины. Мех издал странный звук, похожий на гудение парового свистка, но в этот момент раздался выстрел. Выведенный на полную мощность тяжелый рельсовый ускоритель смог насквозь пробить танковую броню, а звук выстрела оказался настолько громким и резким, что казалось, будто рвалась сама реальность. Стограммовая вольфрамовая болванка насквозь пробила и закрытую кабину пилота, и его самого, выйдя с другой стороны, фонтаном брызг вытягивая кровавое месиво. Мех покачнулся и успел сделать пару шагов, прежде чем с грохотом рухнул на мелимитол трассы.

— Уводи гражданских в здание! — Велел Эдвард своему напарнику. — Быстрее! Святое Небо!

Мальчик, споткнувшись об трещину в мельмитоле, упал, выпустив руку матери, пока солдат тащил остальное семейство за собой. Продолжая ругаться последними словами, Эдвард, не прекращая стрелять, подбежал к ребенку и, подхватив, потащил его к той же двери, закрыв собой. Свободной рукой он достал пистолет, пока импульсный пулемет висел на креплениях, и отстреливался, выпуская пулю за пулей в сторону противника, даже особенно не целясь. В это время раздался новый выстрел ускорителя, но второй мех удачно покачнулся в этот же момент, так что заряд прошел мимо, только зацепив плечевой привод и вывернув кусок брони. Боевая машина пошатнулась, но не остановилась.

— Так... — Эдвард забежал в подъезд жилого модуля, где в коридоре уже лежало тело только что пристреленного мутанта, и опустил ребенка на пол. Тот бросился к матери со слезами на глазах. — Оставайтесь здесь. Вам ничего не грозит, пока мы рядом. Просто ожидайте, когда за вами придут, и всё будет хорошо.

Это было так давно, но Эдвард хорошо помнил каждый момент, каждое движение и бушевавшие тогда внутри чувства. Барон в тот день рисковал жизнью за бывших дикарей, ничем не отличавшихся, как оказалось, от него самого. Единственная разница в снаряжении

и используемых технология тогда выглядела слишком незначительной и уж совсем бессмысленной, когда заходила речь о ценности самой жизни. Простые гражданские Рейнсвальда были бы точно такими же беззащитными и беспомощными, как и те люди, но он никогда не стал бы задумываться, потребуй судьба у него необходимости встать на их защиту.

И теперь, глядя на голограммную карту, где воспроизводилось истребление каравана, забредшего на принадлежащую Тристанскому баронату колониальную территорию, Эдвард опять поймал себя на мысли, что думает, насколько незначительно эти дикари отличаются от всех остальных.

— Господин, поступили новые данные наземной разведки, — сообщил офицер, отрывая его от размышлений. — Дикари рассеиваются. Получены сообщения с нескольких точек наблюдения, что они дробятся на более мелкие группы и пытаются проскользнуть мимо наших заградительных постов. Пока что у них ничего не выходит, но офицерам приходится все сильнее растягивать силы, перекрывая возможные пути отступления. Намного эффективнее будет сформировать компактные ударные и мобильные группы, способные быстро перемещаться и уничтожать бегущих. Однако шанс, что кто-то все же сумеет прорваться, увеличивается.

— Тогда я отклоняю это предложение. — Эдвард распрямился и сложил руки на груди. — Мне важно обеспечить именно стопроцентное уничтожение окруженных. Это должно продемонстрировать нашим гостям необычайно высокие показатели тристанских войск и их качество. Понятно?

— Так точно, господин, — офицер кивнул. — Тогда мы стянем кольцо окружения, сократив протяженность линии войск и увеличив их плотность.

— Хорошо, можете приступать, — Эдвард кивнул и убрал руки за спину, все-таки отвернувшись от карты. — Если будут серьезные изменения ситуации или же получится определить, откуда прибыл тот разведывательный корабль, немедленно сообщите мне лично. А мне придется снова вернуться к гостям, пока они не решили, что остались без внимания хозяина.

Стоило ему только покинуть комнату, как он почти сразу же встретил Лейну, словно случайно столкнувшуюся с ним на лестнице. Уже успевшая сменить платье и теперь красовавшаяся в одеянии из лазурной ткани с высоким, выше головы, воротником, отливавшим серебряными нитями, и шуршащей юбкой, украшенной кружевами, она шла, придерживая ткань руками, так же лучезарно улыбаясь, как и при первой их встрече.

— Барон, я очень рада, что вас встретила, — промурлыкала глава корпорации, кокетливо моргнув несколько раз. — Надеюсь, вы составите мне компанию в большом зале. Гости активно обсуждают последние события и весьма взволнованы произошедшим нападением. Я посчитала своим долгом посоветовать вам пролить свет на произошедшее. Тайн становится слишком много.

— Спасибо за совет, я не премину им воспользоваться. — Эдвард кивнул и улыбнулся, после чего предложил ей руку, за которую глава корпорации сразу же взялась, довольно улыбаясь. — Одновременно с этим я попрошу вас составить мне компанию в общении с гостями. Сегодняшний день станет весьма важным не только для Тристанского бароната, но и для корпорации «ТехКо», если когда-то все-таки придется принимать конкретные решения.

— Неужели? — Лейна специально замедлила шаг, чтобы Эдвард не торопился

вернуться в главный зал к гостям. — Не могу спорить, что изменения в политике вашего феода скажутся и на моих отношениях с партнерами, но бросаться столь сильными фразами я бы не торопилась. Рынок Известного Пространства весьма гибкий, если одни партнеры отходят от прежних позиций, всегда можно найти других, не менее выгодных.

— Только времена тоже имеют свойство меняться. — Эдвард задержался у ниши в стене, где стояла на высоком постаменте одна из немногочисленных сохранившихся в приличном состоянии статуй из древних интерьеров. Строители крепости тоже были людьми, чтившими своих героев, пусть даже от них и остались только такие вот бессловесные напоминания. Скульптор изобразил волевое мужественное лицо с квадратным подбородком, небольшой бородой и закрытым повязкой правым глазом. — Когда-то и они мнили себя королями мира, а предков нашего народа, вероятно, рассматривали как бесполезных дикарей...

— И с чего такие мысли, барон?

— Внезапно задумался о прошлом и о том, как меняются наши взгляды на народы, не достигшие подобного уровня развития. — Эдвард вздохнул и пожал плечами, разглядывая доспехи, в которые был облачен безымянный герой. — В настоящий момент войска на Поверхности уничтожают одновременно несколько дикарских племен на разных участках, демонстрируя новое вооружение бароната. И почему-то вспомнилось, какую политику продвигал Иинан Третий при колонизации новых территорий. Например, остров, где ныне находится герцогство Изанское. Там же не проводилась чистка населения, как, скажем, при правлении Иинана Второго пять столетий назад.

— Вас, дорогой барон, не было пять столетий назад, чтобы сравнивать современность с прошлым как личный опыт. — Лейна покачала головой. — Пять столетий назад мир был совершенно другим, а ваше королевство не достигло еще своей нынешней мощи и величия.

— Именно об этом я и говорю. — Согласился Эдвард. — Мир изменился. И ныне он меняется снова. Масштабы изменений мне трудно предугадать, но они уже кажутся значительнее, чем все, что происходило в последние годы. А произошло действительно много. И я даже задумался, а не действую ли слишком консервативно, продолжая ту политику, которой неизменно следую с первого дня?

— И вы задумались об этом только сейчас? Барон, мне кажется, для этого сейчас не самое подходящее время...

— Конечно, сейчас гораздо важнее мои гости, живо интересующиеся всем происходящим ныне, — Эдвард улыбнулся и, отступив от статуи, направился к дверям главного зала, все так же придерживая Лейну под локоть.

Гости в эти минуты были гораздо оживленнее, обсуждая произошедшее нападение и строя теории, кто же мог решиться на столь отчаянный шаг, подставив под удар собственное имя и дипломатические отношения со своими партнерами. Особенно в возможных ответах на вопросы были заинтересованы представители крупных компаний и приглашенные послы государств, имевшие связи не только с Тристанским баронатом, но и с его прямыми соперниками. Многие из них теперь пытались предугадать, какие связи следует задействовать, чтобы обеспечить себе спокойствие в будущем на фоне грядущего конфликта. Другие же старались предугадать реакцию самого барона на такие действия, уже продемонстрировавшего свое отношение к защите личных интересов, и насколько он готов к самым решительным действиям. И поэтому появление Эдварда в зале рука об руку с главой корпорации «ТехКо» вызвало бурную реакцию: приглашенные гости завертелись вокруг как

распуганная мошкара.

Молодой барон старался держаться сдержанно и спокойно, ничем не выдавая свои настоящие чувства и размышления. Подобное нередко приравнивалось к слабости, а политическая игра в королевстве не допускала ни малейшего проявления такого, сметая любого, кто не мог и дальше выдерживать заданный темп.

— Господин, позвольте передать вам искреннее восхищение вашими войсками. На это действительно стоило посмотреть! — Его почти сразу же поймал один из представителей оружейной корпорации «Гинтахан». Одетый в строгий гражданский костюм, больше напоминавший военный мундир, он вежливо улыбался. Хотя из-за имплантатов, занимавших всю правую половину его лица, улыбка выглядела даже страшнее, чем его привычное выражение. Еще раз поклонившись, он тут же добавил: — Мы рассматриваем сейчас предложение об увеличении заказов на продукцию заводов «Тристан-цикл». Надеюсь, ваши мощности позволят увеличить поставки?

— Я рад, что мы продолжаем наше сотрудничество, но, к сожалению, точных сведений о работе заводов у меня сейчас нет. Пусть ваши агенты свяжутся с моими представителями. У них есть более точная информация, — Эдвард вежливо улыбнулся и кивнул, мысленно напомнив себе дать разведке задание касательно того, зачем «Гинтахану» такое количество оружия на перепродажу.

— Господин барон? — К ним подошел кто-то из представительства торговых кланов Намуриских земель. — Позвольте выразить вам свое удовольствие от представленного шоу с кораблями. Не часто удается увидеть столь профессиональные войска в действии. Хотя, конечно, можно было бы увидеть в качестве противников и нечто большее, чем такая эскадра. Ваши войска бы наверняка справились, но выглядело бы такое намного эффектнее...

— Это настоящее сражение, в которой ставкой были наши с вами жизни, а не гладиаторские бои, — барон покачал головой, после чего поклонился новому собеседнику. — Вы же не считаете, что будет нормальным явлением, если на стрельбищах мишени станут отвечать огнем на каждый выстрел? Однако я благодарен за столь высокую оценку действий моих солдат. Обязательно прикажу передать им ваше восхищение. В конце концов, речь сейчас идет не о дикарях, уничтожение которых уже можно называть относительно безопасной демонстрацией новых возможностей и технологий.

— Знаете, ваши слова могут понравиться далеко не всем, — представитель «Гинтахана» усмехнулся. — Во многих цивилизованных анклавах считают, что дикари на Поверхности имеют такое же право называться людьми, как и граждане любых цивилизованных городов. Могли бы послушать их рассуждения о равноправии. Вы будете весьма удивлены звучащими там выводами.

— Мне прекрасно известна эта демагогия о всеобщем равенстве. Такие мысли наверняка посещают каждого, кто сталкивается с жестокой реальностью и мечтает ее исправить. Однако в библиотеках моего родового замка есть еще и сведения о племенах, где не считается чем-то предосудительным поедание собственных детей, — заметил Эдвард в ответ, пожав плечами. Его мысли снова вернулись к прежним рассуждениям, но озвучивать их вслух он пока не хотел. В своих действиях следовало оставаться последовательным. — Известное Пространство слишком большое, чтобы пытаться объединить всех живущих в нем под какие-то общие рамки морали. И в Рейнсвальде считается недопустимым сравнивать жизни граждан королевства с необразованными дикарями, кто обитает на Поверхности.

Право называться человеком еще следует заслужить.

— Однако до нас доходят слухи, что в колониях многие феоды проводят более гуманную политику по отношению к аборигенам... — улыбнулась Лейна, все еще стоявшая рядом и слушающая каждое слово. — Барон, вы сами как относитесь к такому?

— Не уверен, что точно смогу ответить на этот вопрос. — Эдвард вздохнул. — Слишком много доводов и за, и против такого подхода.

— Однако где-то им даже дают гражданские права, — уточнил представитель торгового союза, заинтересовавшись темой. — Наши корабли доходят до самых диких мест сектора, а капитаны видели немало удивительного. И, конечно, мы торгуем и с теми анклавами, которые в Рейнсвальде могут считать дикими. Знаете, они не так уж сильно и отличаются от людей, живущих в куда более цивилизованных условиях. Просто им, скажем, сложнее выживать. Или нет таких возможностей.

— Позвольте вас покинуть, я вижу своих партнеров, с которыми мне нужно перекинуться парой слов. — Лейна отпустила руку Эдварда. — Я вернусь через пару мгновений, соскучиться не успеете.

— На территориях Поверхности, которые считаются подконтрольными феодам королевства, вы тоже можете найти подобные поселения. Мы держим их на примете и порой даже помогаем в развитии, но пока что не распространяем на них свою власть. Это не из-за человеколюбия или гуманности, — Эдвард пожал плечами. — Просто они для этого еще не готовы, и попытки их развития станут убыточным вложением. Выборка намного эффективнее. Поймите, Рейнсвальд имеет долгую историю, в которой есть свои взлеты, а есть и падения. Королевство вкладывает большие усилия, чтобы сохранить созданную цивилизацию. Нам необходим прогресс, а прогресс это... — Эдвард взмахнул рукой в воздухе, пытаясь подобрать нужное слово.

— Цифры, — кивнул его собеседник.

— Именно. Мы ведем подсчет вложенным средствам и полученным прибылям. Мы вкладываем силы в то, что позволяет делать еще один шаг вперед, но не можем задерживаться слишком долго, чтобы подтягивать за собой еще кого-то или ждать, что он сам туда доберется. Король Иинан желает привлекать в наши колонии аборигенов из местного населения не потому, что так уж их любит, а потому, что чистый генофонд без мутаций необходим нам самим для ускорения развития. Мы получаем дешевые рабочие руки, которые легко встраиваются в жизнь всего общества, помогают его развивать и дают новые возможности. Все те же цифры. — Эдвард подхватил с подноса пролетавшего мимо дрона бокал с вином и приветливо улыбнулся гостям.

— Тогда почему бы не принять в колонию и этих тоже? — Торговцу разговор стал действительно интересен. Не так уж часто выпадали моменты, когда можно откровенно поговорить со своими клиентами, узнав их немного лучше. Рейнсвальдские феодалы, с их консервативностью и протекционизмом, были пусть и надежными партнерами, но всегда слишком закрытыми.

— А зачем? — Эдвард тоже, в свою очередь, удивился. — В настоящее время у Тристана нет колоний, где был бы недостаток населения. На рудниках и заводах людей и роботов также достаточно. Обычно в таких случаях мы высылаем парламентариев с предложением немедленно обратиться с наших территорий, и чаще всего это срабатывает, но здесь они оказались то ли слишком наглыми, то ли слишком гордыми. Спрашивать нет смысла. Они сделали свой выбор.

— Вы всегда так прямолинейны?

— Лишь когда того требует ситуация, — Эдвард улыбнулся еще шире, когда увидел, как к нему снова возвращается Лейна, в этот раз в сопровождении остальных представителей корпорации. — Госпожа, рад, что не забыли о нас.

— Как же я вас покину, господин барон. Я хотела известить вас, что Совет директоров только что связался со мной, единогласно приняв решение о том, что наш ранее оговоренный маршрут поставок будет введен в строй в самое ближайшее время. Хотели точно уточнить расположение станций, но вижу, что вы заняты разговором.

— Ничего серьезного, госпожа. Мы просто обсуждали важность дикарей во внутренней политике бароната и их роль в общем прогрессе, — развел руками торговец. — Если у вас есть желание, можете к нам присоединиться.

— Тристанцы опять рассказывают, насколько важен прогресс в истории? — Лейна улыбнулась, сохраняя вежливую дистанцию рядом с Эдвардом. — Феодалы слишком пекутся о своих подданных, но вот корпорации в этом плане гораздо свободнее. Достаточно тех отчетов, что присылают управляющие.

— Значение имеют лишь цифры? — их собеседник бросил взгляд на Эдварда, приподнявшего свой бокал в знак согласия.

— Вся наша цивилизация строится на цифрах, — глава корпорации «ТехКо» рассмеялась тихим голосом. — Вы же торговец и знаете это не хуже меня. Мы считаем, сколько кораблей сходит со стапелей наших верфей, сколько колоний закладывается и сколько торговых маршрутов находится под нашим контролем. А потом подводим итоги уничтоженным эскадрам и сгоревшим городам. Мы считаем, сколько потеряли людей, товаров и кораблей. Сводим расходы с доходами и получаем прибыль. Ее мы и называем развитием. А развитие это шаги цивилизации.

— Я знаю мыслителей, готовых с вами поспорить. То, что вы сейчас произнесли, многие назовут не цивилизацией, а хищничеством, — произнес один из корпорантов, тоже взяв вина. — Мне приходилось слышать рассуждения одного такого агитатора. Точнее, записи его речей, которые он выгружал в городские инфосети для пропаганды. Он как раз утверждал, что цивилизацию можно построить не на принципах получения прибыли и развития, а на принципах равноправия и общественной собственности.

— Еще один утопист? — Эдвард разочарованно покачал головой, присматриваясь к собеседнику. Необычайно яркая желтая радужка глаз и практически неразличимые ушные раковины указывали на происхождение из мест, где условия отличались от стандартных для человека. На территории Рейнсвальда такие внешние отличия уже достаточны для смертного приговора. Однако здесь приходилось лишь улыбаться в ответ. Эдвард не чувствовал ненависти к людям с подобными отличиями, достаточно развитых и обладающих разумом, но понимал необходимость такого жесткого отбора. — Слушайте их больше. Эти люди порой сами не понимают, о чем говорят. Развитие возможно лишь за счет оптимизации процессов и повышения их эффективности. А это вопрос подчинения одних людей другим. Принципы равноправия дают слишком большой простор для расцвета неоварварства.

— Я и не говорю, что он прав, но его слушали десятки тысяч людей...

— Потому что он говорил то, что они хотели слышать. Люди всегда ищут легкие пути и оправдания, это часть нашей природы. А задача дворянина состоит в том, чтобы направлять их. И не туда, куда они хотят, а туда, куда это действительно нужно.

— А может быть, не все люди согласны с этим будущим. Вы никогда так не думали? —

корпоранту разговор явно стал интересен. — Однако, прошу меня простить, я сразу не представился. Господин, меня зовут Гекант Куа Мунди, третий легат Главного Контрольного Совета «Икрор-Эрго».

«Икрор-Эрго». Их Эдвард помнил и без всяких подсказок. Огромная транснациональная компания, имеющая свои представительства в каждом крупном анклав сектора, способная по своим возможностям сравниться с некоторыми государствами. Им принадлежали целые города и орбитальные станции, торговые и военные флоты, профессиональные армии обученных наемников и силы милиции из вооруженного ополчения. Компания занималась разработкой минералов на Поверхности и их переработкой, а после и продажей на самых разных рынках, порой обеспечивая сырьем целые отрасли в промышленности независимых анклавов. Их главная сила была в экономике, возможности добывать то, что необходимо всем.

Эдвард коротко кивнул в ответ.

— Недовольные будут всегда. Это так же неотъемлемо, как и все стальное. Всегда будут силы, готовые разрушить цивилизацию ради собственных сиюминутных желаний. Именно поэтому всегда приходится быть готовым.

— Хочешь мира — готовься к войне, — упомянув поговорку древнюю, как само мироздание, улыбнулась Лейна, обращаясь к корпоранту. — Я не думаю, что этот принцип вам так далек, мой друг.

— Я думаю, здесь больше вопрос в том, какую цену приходится платить. Намного проще признать, что все равны, чем искать жестокий порой смысл...

— Цену платят всегда одну, — сухо заметил Эдвард. — Кровь. Единственная универсальная валюта, с которой считаются во всем Известном Пространстве. Вопрос лишь в том, чью именно.

Глава 15. Чего стоит цель

Безумен тот, кто, не умея управлять собой, хочет управлять другими.

Публий Сир

— Знаешь, есть одна интересная загадка. В ней спрашивается, сколько нужно дворян, чтобы вкрутить лампочку. — Пират заулыбался, демонстрируя вставные металлические зубы, больше похожие на клыки хищника, и глядя прямо в глаза собеседника. — Мне она всегда очень нравилась. Ты ответ не знаешь, поэтому я его тебе сам скажу. Ни одного. Сколько бы ни было дворян, они все равно не разберутся. Смешно, правда?

— Прямо обхохочешься, — мертвенно-спокойным тоном ответил человек в мундире военного флота одного из рейнсвальдских феодалов. Судя по узорам серебряной вязи на левом плече, он принадлежал к верхушке командования военно-воздушными силами. И тем удивительнее было наблюдать такого человека здесь, в баре портовой зоны одного из свободных анклавов на небольшом острове совсем близко от Поверхности. В таких местах обычно не приветствовали вообще никаких представителей закона, а единственным правом оставался заряженный пистолет в кобуре на поясе. Пираты, контрабандисты, налетчики, рейдеры с Поверхности, а вместе с ними торговцы и путники со всех сторон Известного Пространства собирались в подобных заведениях, чтобы передохнуть после долгого пути и подготовиться к следующему переходу. Под низким бетонным потолком, когда-то обклеенным плакатами самого разного содержания, а теперь закопченного до такой степени, что кроме пятен сажи ничего не получалось разглядеть, пахло табаком, алкоголем и курительными смесями. С непривычки смесь таких ароматов била в нос с такой силой, что многие торопились выйти обратно на свежий воздух, кроме гостей, постоянно пользовавшихся респираторами, но офицер даже не морщился и еще что-то потягивал из стоявшей тут же на столике кружки.

Электронная музыка, доносившаяся из динамиков со всех сторон, попадала в ритм с цветными огнями, сверкавшими на сцене, где три почти обнаженные девушки доводили своими движениями до экстаза собравшуюся толпу зрителей. Кроме людей там набилось порядочное количество гуманоидных ксеносов и ярко выраженных мутантов, на многих из которых без страха и не взглянешь. На Поверхности подобное не редкость: там выживают наиболее приспособленные и подготовленные, а не отличающиеся внешней красотой.

Мутанты — существа, появившиеся в результате неконтролируемого дрейфа генов, смешанных браков различных рас и безумия генокода из-за радиации или химического заражения — нередко оказывались лучше других приспособлены к жестким условиям Пустошей, будучи ее настоящими детьми, а не пришельцами других миров, как чистокровные расы. Кто-то даже верил, что, несмотря на все старания консерваторов и борцов за чистоту расы, однажды мутанты и гибриды вытеснят всех остальных из Известного Пространства. Пусть этот процесс и затянется, но обратить его вряд ли у кого-то получится. Однако офицер поглядывал в сторону этих существ с плохо скрываемой неприязнью, и его собеседник не мог этого не заметить. Хотя он и так всеми силами старался зацепить хоть чем-то выходца из благородных домов королевства, короне которого хоть и номинально, но принадлежали все окружающие земли, насколько хватало глаз.

— Тогда чего ты не смеешься? — Пират наклонился ближе к рейнсвальдцу, вглядываясь

в острые черты его тонкого лица. Собеседник легко выдержал его взгляд, неожиданно сам став серьезным и мрачным, что пират сразу же принял как вызов. — Чего? Не хочешь смеяться?

Следующие движения произошли слишком быстро, и на них мало кто обратил внимание, будучи занятый своими делами. Дворянин выхватил из ножен на поясе кортик, блеснувший в неровном освещении серебряным лезвием, и тут же всадил его в ладонь пирата по самую рукоять, прибивая ее к столу. Лезвие с мономолекулярной заточкой пробило и человеческую плоть, и толстый пластик стола с такой легкостью, словно не заметило препятствий. Пират моментально умолк, а потом взвыл, попытавшись вырваться, от боли моментально забыв обо всем, кроме прибитой к столешнице руке. Схватившись за нее здоровой ладонью, он как можно крепче сжал зубы, пытаясь не кричать в полный голос, а дворянин ухватил его за воротник и притянул к себе, глядя глаза в глаза.

— Сейчас ты должен смеяться. Ты же так смешно шутишь! — Процедил дворянин, глядя прямо в зрачки пирата. Разборки прямо на месте были в таких заведениях событием не настолько уж редким, чтобы привлекать всеобщее внимание, но крики и шум драки нередко отвлекали от музыки и мешали соседям. Так что, если все разворачивалось совсем уж бесконтрольно, могли вмешаться и другие, из-за чего получали свое и правые, и виноватые. Чаще всего единственным правилом, которого придерживались все, оставалось использование исключительно холодного оружия, длина которого не превышала ладони, чтобы даже при широком замахе не зацепить никого из окружающих. Дворянин ограничений не нарушал, и никто даже пальцем не пошевелил, чтобы его остановить.

— Скотина... — прохрипел пират, но рейнсвальдец, схватившись за рукоятку своего оружия, выдернул его одним движением, в следующий миг загнав лезвие по самую рукоять собеседнику под подбородок.

— Видишь, какая смешная шутка. Только не говори, что тебе не нравится. — Рейнсвальдец продолжал внимательно смотреть пирату в глаза, проворачивая кортик и наблюдая, как у того закатываются зрачки.

Сидевший за соседним местом второй пират только удивленно приподнял одну бровь, но не стал ничего предпринимать, глядя, как его только что уверенный в своих силах товарищ дергается в предсмертных судорогах. Никого больше это событие вообще не заинтересовало. В полудиких поселениях на Поверхности, где власть рейнсвальдской короны номинальна, любой закон пишет тот, кто стреляет первым, остальное значения уже не имеет.

— Думаю, такой юмор он все же не оценил, — сообщил пират, когда рейнсвальдец выдернул кинжал и вытер лезвие об одежду трупа. Приподняв свою кружку с пивом, отдающим синтетикой и химикатами противорадиационных фильтров, давно свой срок отработавших, он сделал полный глоток в знак уважения к почившему. — Пусть в следующий раз дважды подумает, прежде чем так шутить. Так на чем мы остановили наш разговор... господин?

— На том, что я устал просто сидеть без дела и ждать попутного ветра, — выдохнул дворянин, усаживаясь обратно на свое место, и, забрав свою кружку пива, откинулся к стене, наблюдая за тем, как на сцене под долбящую электронную музыку извиваются танцовщицы. Гуманоиды, среди которых только одна была человеком, остальные же принадлежали к сходным к человеческим типам рас, так что хоть не отвращали одним своим видом. Ксенофобия на Поверхности чаще всего была просто неактуальна, слишком многое

перемешалось и зависело друг от друга, чтобы пытаться выделить кого-то, а кого-то принизить. Хотя естественный отбор даже среди разумных видов оставил на обочине истории очень и очень многих. Многие так и не смогли приспособиться к жестким условиям пустошей под вечно черным небом, даже несмотря на весь технологический прогресс.

— Это мы уже поняли. — Пират обернулся, посмотрев на проходившую мимо поднощицу с рабским ошейником, но потом снова посмотрел на дворянина. — Однако, пока мы не приступили к тренировкам нашего чувства юмора, мне казалось, что вы говорили о каком-то плане действий. Хотелось бы узнать о нем несколько подробнее и, желательно, услышать ответы на терзающие меня сейчас вопросы.

— Всему свое время, здесь не место для такого обсуждения...

— Тогда зачем вы вообще меня сюда привели, герцог Русский? — пират в удивлении развел руками и оглянулся. — Назначили встречу в подобном месте, а потом сами и не желаете продолжать начатый разговор? Признаюсь, вы один из самых странных моих нанимателей, с которыми вообще приходилось иметь дело. Я действительно не знаю, какой ваш приказ будет следующим, и все сильнее ощущаю себя бычком на привязи, которого куда-то ведут, а он еще и радостно блеет по этому поводу. А ведь в финале может оказаться и консервный завод вместо молочной телки.

Герцог Русский усмехнулся и отставил кружку в сторону. Его острое и вытянутое лицо украшали только тонкие усики с небольшой бородкой, и выглядел он необычайно бледно даже на фоне местных жителей, альбиносов, выросших без естественного света с практически неразвитыми цветовыми пигментами. Высокий и подтянутый, с затянутыми сзади в короткий хвост белыми волосами, герцог больше всего выделялся даже не цветом кожи или одеждой, а своими странными манерами, в которых сочетались дворянское воспитание и дерганые движения неуравновешенной личности. Он не мог ровно просидеть даже одно мгновение, никак не находя места рукам и постоянно оглядываясь, лишь иногда заставляя себя сосредоточиться на чем-то одном. Посмотрев на пирата, дворянин склонил голову набок, словно под таким углом мог заметить еще что-то важное.

— Чтобы выслушать твое мнение касательно наших потенциально новых соратников. — Респир Русский снова взял кружку, отставленную пару секунд назад, понюхал содержимое и сморщился, выражая свое неудовольствие, но мгновение спустя одним залпом опрокинул в себя несколько больших плотков. — Святое Небо, насколько же это невероятная гадость! После такого возникает желание сходить и разрядить в пивовара магазин пистолета!

— Надеюсь, что наши новые друзья будут обладать лучшими качествами. — Пирату все-таки надоело соседство с трупом, и он спихнул тело на пол, прямо под ноги посетителям, и так едва проходивших ближе к сцене мимо столиков. Кто-то почти сразу же споткнулся, громко выругавшись и уже собираясь полезть в разборки, но, пересекшись с пиратом взглядом, просто стал протискиваться дальше. Труп на полу особенно никого не беспокоил, и лежать он здесь будет до тех пор, пока вышибалы не вытащат его наружу, попутно облегчив карманы от всего ценного.

Здесь, в этом довольно известном среди пиратских кругов заведении, собирались представители самых разных слоев общества. От окончательно опустившихся маргиналов, приходивших за подачками и в тайной надежде попасть на борт одного из отправлявшихся в рейд кораблей, до богатых и известных торговцев, приходивших сюда, чтобы обсудить в непринужденной обстановке свои дела. Когда-то украшенный всевозможными плакатами потолок теперь уже покрывал такой слой копоти и сажи, что разглядеть изображения стало

практически невозможно. В кабаке чистили только прожектора светомузыки, работавшие без перерыва, но редко когда попадая в такт музыке. Из-за них в глазах постоянно рябило, и Респир периодически их тер, пытаясь сосредоточиться на своих размышлениях. На верхних уровнях подземного комплекса всего заведения всегда шумно, царит атмосфера безумного праздника в наркотическом угаре, но среди этих постоянно дергающихся в танце тел русский дворянин чувствовал себя намного спокойнее, настолько все это не было похоже на показное спокойствие и плавность рейнсвальдских балов.

— Они скоро появятся, Калгер, не стоит так сильно беспокоиться по этому поводу... — Герцог снова заметил поднощицу, уже в третий раз проходившую мимо их столика, и моментально напрягся, решив, что она может подслушивать их разговор. Провожая ее взглядом, он на несколько секунд забыл о своем собеседнике, все так же сидевшем в ожидании окончания фразы и уже ловившем себя на мысли, что начинает привыкать к такой манере общения. Калгер Энистон относился к тому типу пиратов, что еще придерживались определенных правил приличия как в мирное время, так и в рейдах. Именно из-за этого он когда-то и встретился с Респиром, тщетно искавшим себе соратников в переменчивом течении жизни на Поверхности.

Тогда герцог Русский прибыл на самые окраины Рейнсвальдского королевства, где границы цивилизации смешивались с дикими нравами пустошей Поверхности, а законы значили ровно столько, сколько хотели их соблюдать, в поисках безрассудных и горячих голов, готовых бросить вызов сложившемуся порядку. До этого мало кто видел дворян так далеко от метрополии, а для многих слово «королевство» значило исключительно те небольшие гарнизоны, что власти устанавливали для контроля наиболее важных районов. Его горячие речи, а главное, звенящий золотом кошелек, привлекали к себе многих, но он в них быстро разочаровывался, видя вместо героев будущей войны обычных разбойников, готовых резать любые глотки за любые лозунги, лишь бы за это хорошо платили.

Энистон, напротив, ненавидел Рейнсвальд всей своей душой, будучи когда-то предприимчивым и умелым торговцем, но не выдержавший конкуренции с королевским рынком, когда в город, в котором он торговал, прибыли первые разведчики Даломирского герцогства. Разорившись и лишившись практически всего, что имел, он вспомнил свое прошлое на военной службе местного князька и, подняв в воздух два своих последних корабля, набрав таких же, как и он сам, бывших солдат и наемников, отправился рейдировать на торговые пути, по каким еще недавно сам возил товары.

Жесткий феодализм и консерватизм рейнсвальдских структур не оставлял никакой свободы выбора тем, кто попадал под его пяту, загоняя своих подданных под заранее определенную им участь и уничтожая всех, кто смел спорить. Генетические чистки местного населения обходились сотнями и тысячами жертв, считавшихся мутантами и гибридами, а потому подлежащими выселению в резервации или же физическому уничтожению. Всех, кто проходил под строгие рамки, отправляли на смены на заводы, в шахты или на фермы, заставляя отрабатывать свое право на существование под возводимыми защитными куполами. Люди Энистона отказались лишаться права на свободу в обмен на возможность безопасного, но практически рабского существования, и с того дня он вел свою собственную маленькую войну против королевства с переменным успехом. До того момента, пока не встретил Респира Русского, говорившего именно те слова, которые он давно хотел услышать.

— Последний раз, когда мы пытались таким образом найти людей, то едва не

наткнулись на засаду, а я еще и получил пулю в ногу, — напомнил Калгер, тщательно взбалтывая кружку, прежде чем окончательно ее опустошить последним глотком. — И вообще, почему мы должны продолжать искать новобранцев в подобных местах, когда можно просто обратиться напрямую к любому из пиратских лордов, чтобы просто один раз заплатить, а потом сразу получить все необходимое. Конечно, возьмут они дорого, но зато нам не придется терять столько времени.

— Потому что я уже говорил тебе. Мне не нужны наемники, готовые убивать того, в кого пальцем покажут, пока им за это платят. — Респир поправил воротник и шумно выдохнул. В помещении было душно, долбила музыка, а ароматы дешевой курительной травы и алкоголя висели такие, что казалось, будто и не требуется ничего заказывать. Достаточно несколько минут подышать местным воздухом, чтобы получить ударную дозу дурмана. Застегнутый на все пуговицы и молнии мундир в такой атмосфере не давал толком дышать, и дворянину хотелось как можно быстрее выйти на свежий воздух. Во всяком случае туда, где у местных был «свежий» воздух. Выпрямившись на своем месте, он смахнул с небольшого экрана в центре столика уже начинавшую подсыхать кровь и, активировав его, нажал на кнопку вызова подноскицы. — Чего-нибудь крепкого и ледяного. И как можно быстрее... Так вот, Калгер, о чем я сейчас говорил... О наемниках. Эти собаки всего лишь обычная стая на поводке, которым просто нужно показать цель. Эффективно, но глупо. Власть, построенная на такой силе, вынуждена будет постоянно сосать из простого населения деньги до тех пор, пока что-то не лопнет. Либо сама власть, либо терпение у народа. Рейнсвальдские рыцари в таких случаях хороший показатель. Феодалу можно все, что он захочет, но ровно до тех пор, пока это не становится ярмом на шее рыцарства феода. Если такое случается, может последовать быстрый и жестокий конец. И знаешь, что самое интересное? Все остальные феодалы это проглотят, а их рыцари еще и поддержат. Хочешь надежную опору и сильных солдат? Придумай что-нибудь еще, кроме денег.

— И что же придумал Респир Росский? — Калгер всем своим видом изображал любопытство, хотя этот диалог у них уже проходил. Герцог оказался необычайно импульсивным человеком, желая снова и снова озвучивать свои мысли по несколько раз, пока не убедится, что все слушатели точно его поняли, и после этого может их снова несколько раз поднять, но уже позже, повторяя одно и то же. Калгер подозревал, что у Респира все далеко не так в порядке с головой, как можно подумать, а его поведение только это подтверждало. С другой стороны, глупо было бы ожидать иных мыслей от дворянина, у которого мозги работали именно в том ключе, что воспитывался в королевстве.

— Респир Росский, по всей видимости, придумал напиться, пока ожидает появления своего связного... — отметил герцог, когда к их столику подошла подноскица, неся бокал и небольшую пузатую бутылку, покрытую быстро тающими кристалликами льда. В этот раз девушка оказалась не человеком, а, к удивлению герцога, полуэльфийкой, если верить светло-золотистому оттенку волос, ярким зеленым глазам, почему-то сохранившимся у этого вида даже при неразвитых цветовых пигментах, и небольших треугольных ушах. Как и у остальных, у нее был все тот же рабский ошейник, туго стягивавший кожу, но еще и следы многочисленных побоев, некоторые из которых должны уже стать шрамами. Сломать ее было, по всей видимости, сложнее, чем остальных, но теперь она все так же боялась поднять глаза на клиента, судорожно дергаясь от каждого звука. Респир на мгновение поймал себя на мысли, что ему интересна ее история. Интересно, как представительница столь редкого вида оказалась здесь и в таких условиях, но этот порыв быстро вытеснили более насущные задачи.

К столику подошел еще один человек, по внешнему виду похожий на типичного путника с пустошей, в тяжелом защитном комбинезоне с бронепластинами и карманами разгрузного жилета, а на боку болталась сумка с противогазом. Отпихнув труп от стула, человек уселся прямо напротив герцога и первым выхватил бутылку из рук подносицы, не став даже утруждать себя наполнением стакана, а сразу сделав несколько глотков из горлышка. Только алкоголь оказался действительно крепким, и лицо человека свело судорогой, пока он пытался справиться с пожаром в горле. Герцог все это время наблюдал за ним с ленивым любопытством, вглядываясь в острые черты его обветренного и потемневшего из-за излучения пустошей лица, ожидая, когда его связной все же начнет говорить.

— Ваша милость, у меня есть новости и хорошие, и плохие. С каких прикажете начинать? — Связной говорил низким и противным голосом, все время стараясь перейти на шепот, как может только человек, привыкший зарабатывать перепродажей чужих секретов. Люди такого типа, как Ивей Парнс, у многих не вызывали ничего, кроме отвращения, и, если бы не прямой приказ Респира, Калгер уже давно бы выстрелил ему в лицо. Ивей торговал секретами, а в мире, где информация стоит во много раз ценнее золота, у него всегда были клиенты, как готовые что-то продать, так и что-то купить. Иметь с ним дела опасно, поскольку для него не существовало понятия чести и достоинства, и верен Ивей ровно до тех пор, пока ему кто-то не предложит больше. Респир сам как-то заметил, что однажды Ивея найдут где-нибудь в подворотне с ножом между лопаток, и никто по этому поводу горевать не будет. Только пока он был жизненно важен герцогу, и платили ему всегда ровно столько, сколько он скажет, без всякого торга. И потому он всегда стелился перед Респиром, изображая само добродушие и почитание.

— С плохих. — Первым заметил сидевший рядом пират, даже отставив стул подальше, будто чем-то мог заразиться от этого человека. — И заодно скажи сразу, что ты не привел за собой никакого хвоста.

— Нет, добрый господин, я всегда внимателен. За мной никто не следил, но многие интересовались, почему Ивей в последнее время так активно скупает всю информацию о пиратах, какая только есть. Люди нервничают. Люди считают, что Рейнсвальд хочет закончить местную вольницу. Люди задают неловкие вопросы, и Ивею приходится выкручиваться, чтобы не говорить правду. — Связной изобразил жалостливое выражение лица, и Респир с тихим стоном закатил глаза, но все же вытащил из своего кармана небольшой расшитый мешочек с золотыми монетами и бросил его на стол. Прежде чем Калгер успел даже рассмотреть, сколько там может быть монет, Ивей сгреб его движением руки куда-то в недра своего комбинезона. — Добрый клиент хорошо платит, его интересы стоит защищать...

— Я плачу тебе не для того, чтобы ты защищал мои интересы, а для того, чтобы ты узнавал то, что мне интересно. — отрезал Респир уже более жестким тоном, так что продавец секретов дернулся, словно от удара. Герцог уже успел продемонстрировать, как умеет не только деньгами разбрасываться, но и наказывать тех, кто встает у него на пути. Первого же пиратского капитана, решившего, что можно от герцога что-то требовать силами и угрозами, Респир просто и беспощадно уничтожил. Взял на бордаж его корабль, вырезал экипаж, а его самого, еще живого и со снятой кожей, подвесил на носу своего корвета, демонстрируя всем проходящим мимо во время стоянки в порту. Как и четвертовал парочку торговцев информацией до Ивея, пытавшихся торговать уже тем, что услышали о самом Респире. Единственным действенным законом в этих местах оставалась сила, и герцог этим

пользовался при любой возможности, даже не пытаясь скрывать свое удовлетворение от подобного.

— Если говорить о плохих, то вчера рейнсвальдцы устроили крупный рейд с арестами по пристаням и отправили на тот свет или за решетку много хороших парней, готовившихся к отправке в рейд. Как минимум шесть кораблей сейчас арестованы, а на борту группы ищек вынюхивают какие-то там улики. Зато на пристани перед причалом уже готовят виселицу. Люди напуганы, идут разговоры о том, что пора выдворить отсюда «черных воротников». А другие боятся того, что может последовать дальше, и снимаются с места. Туда, где о Рейнсвальде и не слышали.... Кажется, старые времена свободы постепенно подходят к концу... А ведь они были не такими уж и плохими...

Респир хмыкнул. «Черными воротниками» здесь называли колониальную пехоту Даломирского герцогства из-за абсолютно белых мундиров, где только высокие сапоги и доходившие до скул воротники оставались полностью черными. После появления здесь первого гарнизона рейнсвальдского феода прошло несколько лет, но у герцогства хватало и своих проблем, чтобы еще активно заниматься развитием очередного дикарского поселка. Только теперь они, судя по подобным слухам, начали что-то делать, постепенно выживая отсюда пиратов и контрабандистов, а также принося понятие законности и королевской власти.

Этот процесс может затянуться, но вот обратить его получится вряд ли. У местных нет ни сил, ни возможностей, чтобы противостоять ударным группам военно-воздушных флотов Рейнсвальда, а пиратские лорды не станут вмешиваться, рискуя не только своими людьми, но и собственной жизнью. Феодалы все равно вернутся, рано или поздно, и от их мести тогда уже ничто не спасет. В худшем случае они попросту сравняют все поселение с землей прямо с низкой орбиты, не оставив ни одного живого существа. Самого Респира это беспокоило лишь потому, что пираты после такого начнут покидать ставший небезопасным порт.

— Если это плохие новости, то в чем же хорошие? — Калгер не стал ничего говорить о рейде в порту, где должны были стоять и его корабли. Для него это поселение последнее время было не более чем одной из временных баз, и сменить место стоянки особой проблемой не будет. Есть еще в этих местах порты, куда власть Рейнсвальда не добралась.

— Этот рейд был не для того, чтобы напугать пиратов, а чтобы найти один конкретный корабль. «Месть Элизии». Он принадлежит небольшой повстанческой группе, что уже давно не дает спокойно жить рейнсвальдским военным в секторе. Их, конечно, не так уж и много, но для Вашей милости они сейчас наилучшее решение из всего возможного. У них есть корабли, неплохое вооружение и именно такие люди, которых вы и ищете. Идеалисты. Фанатики. Сможете их убедить сражаться на своей стороне — получите хорошо подготовленную маленькую армию...

— Почему я о них никогда раньше не слышал? — Сразу поинтересовался Респир с загоревшимися глазами. — Кто такие и за что воюют? Ты ведь разузнал, пес, все, что только мог. Выкладывай, за ценой я не постою.

— «Новая память». Сброд недобитков, сумевших спастись от рейнсвальдских карательных сил по самым разным причинам. — Ивей пожал плечами. — Однако у них много сочувствующих на фронтире. Власть короля несет закон и порядок, а порядок — это обязанности. Не всем такое нравится. «Новая память» контактирует с контрабандистами и пиратами, партизанами и рейдерами... Короче, со всеми, кто может хоть сколько-то

навредить королевству и у кого есть для этого достаточно зубов. Я поднял немного информации о них, но...

Торговец информацией цокнул языком, и Респир снова тяжело вздохнул, потянувшись за вторым увесистым кошельком с монетами. Здесь, на самой границе подконтрольных королевству земель, о рейнсвальдских денежных знаках знали, но надежнее, чем настоящий металл, еще ничего не представляли. Золото в монетах и слитках оставалось самым верным способом завоевать внимание человека, на все остальное все еще смотрели с подозрением. Второй мешочек исчез в недрах комбинезона, и Ивей снова расплылся в широкой улыбке.

— Ваша милость, с вами приятно иметь дело. Про «Новую память» найти действительно правдивую и подтвержденную информацию невероятно сложно, все же за ними идет постоянная охота, и доверять незнакомцам здесь могут разве что идиоты. Однако и они с такой наивностью долго не живут. И говорить об этом вслух я тоже не особенно рискую... Чревато, знаете ли... Здесь вся необходимая информация, — с этими словами он протянул Респире небольшой жесткий диск. — Будьте осторожнее. За эту информацию мне пришлось пожертвовать жизнями двух людей, а королевские спецслужбы за нее могут открыть охоту и за дворянином...

— Не заставляй меня думать, что для большей безопасности стоит тебя пристрелить, — изучив диск взглядом, отметил герцог прежде, чем убрал его в карман. — Знаешь, я ведь могу и соблазниться. Сегодня ты послужил хорошую службу, но теперь скройся с глаз.

Калгер взглядом проследил, как торговец информацией затерялся среди толпы, и только после этого повернулся к своему нанимателю.

— «Новая память». Я слышал о них...

— Тогда почему ничего не говорил? Они же именно те, кого я и ищу. — Респир протер перчаткой потную бутылку и, прочитав название на этикетке, налил себе немного в бокал. Освежившись парой глотков, он смерил пирата тяжелым взглядом. — Когда я принял твои услуги, то рассчитывал найти поддержку, а не вытаскивать клещами каждую крупицу информации...

— Я не говорил о них потому, что уверен — они ни за что не станут даже разговаривать с рейнсвальдским дворянином, а еще на подлете откроют огонь на поражение. Они ненавидят все, что собой представляет Рейнсвальд. А дворяне и есть главный символ вашего королевства. Если вы ждете от этих партизан хоть чего-то, кроме пули в голову, можете сразу забыть об этих надеждах...

— Выйдем... — Респир поднялся и, оставив бутылку недопитой, направился к выходу, проталкиваясь сквозь толпу. Он никогда не брал с собой сопровождающих, даже незаменимого киборга-адъютанта, часто заметных рядом с дворянами, и в лучшем случае рядом с ним могли оказаться один или двое из его наемников, ответственных за безопасность. Калгер всегда удивлялся этому, но только до того момента, как увидел навыки герцога при обращении с холодным оружием. Респир мог не только постоять за себя, но его мастерства хватало, чтобы еще и защитить спутников. Пусть герцог и выделялся на общем фоне, все же мало кто рискнет поднять руку на вооруженного дворянина.

Из подвального помещения клуба наверх шла высокая лестница и пара эскалаторов, которые владелец заведения никак не удосужился починить. Подниматься и спускаться приходилось либо пешком, либо на лифте для особо важных гостей. Респир сразу направился к дверям, на ходу натягивая на лицо респиратор замкнутого цикла, и даже не остановился, проходя мимо дежуривших на входе охранников. Он только с непривычки

зажмурился, когда в лицо ударил яркий свет улицы, намного ярче, чем царившая в подземных залах атмосфера полумрака.

Над городом, расположенным на склонах огромного древнего карьера, не было защитного купола, и от темноты Небес жители могли защищаться только множеством ярких огней, из-за чего улицы были заметны даже с высоты воздушного корабля, выглядя как паутина ярких сияющих нитей. Невысокие здания из бетона и камня, больше похожие на оборонительные укрепления, облепили со всех сторон всевозможные хижинки и лачуги, собранные из строительного мусора и лома с ближайшей свалки списанных кораблей. Яркие электрические фонари освещали грязные и протоптанные улицы, выложенные пластиковыми и металлическими листами, вытоптанными и переломанными, кучи мусора у подворотен и прохожих в масках и противогазах, снующих по своим делам.

Несмотря на то, что атмосфера здесь была пригодна для дыхания, в воздухе все равно находилось слишком много испарений и примесей, приносимых ветром с пустошей или поднимающихся со дна котлована, где из кислотного озера все еще торчали остатки каких-то металлических конструкций и древней добывающей техники. Улицы каскадом спускались все ниже и ниже по склонам котлована, где в самом низу упирались в несколько очистительных фабрик, добывавших из грязных вод озера химикаты, что затем шли на продажу прибывающим в порт купцам. Там, совсем близко к берегам, постоянно висела легкая дымка испарений, а фильтры обычных противогазов забивались за пару часов использования. Там были самые бедные кварталы, где только поднимались бетонные вышки старых жилых модулей гильдий наемников и пиратских кланов, осевших здесь еще во времена, когда город только начинал расти несколько столетий назад. Высотки с толстыми стенами и маленькими окошками поднимались над скоплениями хижин. А выше на склонах поднимались уже новые кварталы, где широкие основания таких же зданий-бункеров, способных выдержать влияние вредной атмосферы, окружала мешанина хибар, налезавших друг на друга и оставлявших только совсем тоненькие улочки, где в лучшем случае могли разминуться два человека.

Респир считал, что когда-то эти территории пыталась заселить более развитая цивилизация, оставившая эти бетонные здания и относительно серьезный портовый комплекс на противоположной стороне карьера, но по каким-то причинам не смогла здесь закрепиться. Теперь старыми зданиями пользовались совсем другие поселенцы, перестраивавшие их по собственной надобности.

И смотрел герцог на причалы, протянувшиеся прямо над городскими кварталами. Там, среди прочих кораблей, стоял и его корвет, что уже должны были подготовить к отлету. Как и всегда, вся портовая зона ярко освещалась, и отдельно выделялась только высокая диспетчерская вышка, с яркими прожекторами, направленными в небо. С противоположной стороны поднимались стены крепости, возводимой рейнсвальдцами. Высокие башни комплексной защиты уже были достроены, и вокруг них постепенно вырисовывались контуры бастионов и мощных стен с артиллерийскими батареями. Когда она будет закончена и системы воздушной обороны перейдут на режим боевого дежурства, все воздушное пространство окажется под полным контролем королевства. Для города это будет означать фактическую потерю независимости.

А пока что здесь на улицах можно встретить и мутантов, и гибридов, и прочий всевозможный сброд с пустошей. Все они умудрялись жить в относительном мире, но только, как однажды колко заметил Калгер, ровно до тех пор, пока не показывались

рейнсвальдцы.

— Энистон, когда все закончится, я сделаю тебя рыцарем... — заметил герцог, чуть гундося из-за модулятора голоса в респираторе. Кевларовая маска закрывала всю нижнюю часть лица, оставляя снаружи только пару фильтров и уходящие за спину тонкие шланги от кислородного генератора за плечами. Только глаза оставались открытыми, и в них снова плясали те самые безумные огоньки, что сверкали каждый раз, когда Респир загорался очередной идеей. — Если, конечно, ты сможешь выжить.

— Увольте, — пират покачал головой, встав рядом с ним, застегивая последние молнии на своей тяжелой защитной шинели. Его лицо скрывал противогаз с фильтром с левой стороны и низко опущенный капюшон. — Постараюсь сделать все, чтобы избежать такой участи. Или же сразу пристрелите меня...

— Вот именно поэтому мы и сошлись, друг мой. — Респир коротко рассмеялся и похлопал своего спутника по плечу. — Ты искренне ненавидишь Рейнсвальд. Все то, что он из себя представляет и чем еще только может стать. Точно так же и «Новая память». И я более чем уверен, что у них для этого есть немало причин. И именно поэтому вы отлично сможете понять друг друга...

— Вы хотите отправить меня на переговоры с ними? — Энистон даже остановился, не сразу поверив услышанному. — Нет, конечно, я понимаю, что это проявление доверия, но все же... Не слишком ли поспешные решения сейчас принимаются? Вы еще даже не в курсе, кто они такие. Да и я только слышал о них самое общее.

— Ты боишься? — Респир остановился, чтобы пропустить тяжело нагруженную телегу, подталкиваемую вьючным рогачом, недовольно мычащим при каждом новом окрике владельца. Грузное животное занимало практически все свободное пространство на улице, разрезая поток людей как нос корабля. — Никогда не замечал за тобой подобного. Могу даже назвать неприятным открытием...

— Я не уверен в необходимости сразу мчаться на поклон к повстанцам, отказываясь от первоначальной идеи набора пиратских капитанов, — ответил Калгер, недовольно осматривая свои высокие сапоги, на голенища которых набрызгало грязи, когда рогач наступил в лужу. — Это не так рискованно... Я уже говорил, что среди этих людей найдутся многие, кто найдёт причины поквитаться с вашим королем...

— Плевать... — Респир оставался непреклонен. — Я хочу «Новую память». И я ее получу. До них все же дойдет, что наши взгляды не настолько уж сильно отличаются, чтобы не найти общих слов.

Сложив руки за спиной, он потопал дальше к парковке воздушного транспорта, и Энистон поспешил за ним, пытаясь сообразить, что теперь взбрело в голову герцогу. Они прибыли сюда всего лишь день назад, и все это время Респир был занят тем, что вербовал людей в свою маленькую армию, постепенно становившуюся все больше. Такой подход для дворян удивителен, обычно они старались формировать силы из местного населения своих феодалов, обучая и подготавливая солдат, а не полагаясь на наемников. Ресурсы самого герцогства не позволяли содержать крупные силы наемных армий, казна просто не могла выдержать подобного, но герцог пользовался практически неограниченными возможностями финансирования из казны своего дяди.

Граф Гористара поддерживал своего родственника в подобных безумных начинаниях, но вряд ли предполагал, к чему именно герцог готовился. Во всяком случае, Респир был искренне в этом уверен, когда разрабатывал планы своей будущей революции, желая

перевернуть с ног на голову устоявшийся порядок вещей, выстроив их в том виде, что считал идеальным и подходящим для всех.

У причалов города теперь стояло еще несколько кораблей, чьи капитаны согласились на участие в предстоящей войне, и чьей задачей теперь были постоянные налеты на торговые пути, по которым ходили рейнсвальдские грузовозы, перевозящие тысячи и тысячи тонн как готовой продукции, так и необходимых материалов. Королевство словно огромный спрут раскинуло щупальца своего влияния гораздо дальше собственных границ и колоний, и торговля имела огромную роль в жизни каждого феода. Именно сюда герцог и хотел бить изначальное, и прямо в эти минуты уже продумывал, как именно будет использовать новых наемников.

— Господин, хорошо, что вы вернулись. — Встретил их один из охранников, в отличие от своего сюзерена одетый не в форму герцогства, а в безликое снаряжение, больше подходящее очередному бойцу рейдерского отряда или вольной группировки с пустошей. Так они привлекали к себе намного меньше внимания, чем сам герцог, на которого оглядывался каждый второй прохожий. — У нас все спокойно, но...

Заканчивать было необязательно, герцог и так понял, что имел в виду его подчиненный. Здесь постоянно приходилось держаться настороже, а человека могли убить только ради того, чтобы потом обобрать его еще теплый труп. Охранники, привыкшие к более мирным порядкам рейнсвальдских городов, чувствовали себя словно под прицелом. Людям Энистона было намного проще, как родившимся и выросшим в подобных условиях, и они больше скучали в ожидании своего командира.

— Мы возвращаемся на корабль. — Респир отдал приказ готовить их транспорт к взлету, а сам повернулся к сопровождавшему его пирату. — Я оставляю тебе нескольких человек и систему связи, чтобы оставаться на контакте в любое время суток. Возможно, вскоре мне придется вернуться на Рейнсвальд, но ты не полетишь вместе со мной. Возьмешь своих людей и несколько наиболее подходящих экипажей, после чего отправишься по координатам, которые тебе перешлют.

— А как же эти партизаны? — пират даже удивился. — Вы же хотели туда меня отправить!

— Это позже. Про «Новую память» мне еще следует изучить материалы, а вот с Сатоном Тристанским необходимо наладить контакты как можно быстрее.

— Тристанским? — Энистон даже остановился на мгновение, с недоверием глядя на герцога. — Если мне не кажется, то эта фамилия одного из дворянских родов королевства. И вы сейчас хотите наладить контакты с одним из таких феодалов? Пожалуйста, скажи мне, что просто неудачно пошутили.

— Если говорить откровенно, то я еще не уверен, что стоит иметь с ним дела, но у нас во многом совпадают планы. — Респир пожал плечами. — Его люди сами вышли на меня, но бежать к нему сразу же, как собачонка, я не собираюсь. Поэтому отправишься ты, как самый безопасный в этом плане человек. Ты даже не подданный короны, поэтому если меня хотят подставить, то ничего не выйдет...

— Хороший у вас ход мыслей, ничего не скажешь. — Энистон покачал головой. — Я вот тут думаю, вас прямо сейчас послать куда подальше или подождать, пока вы попытаетесь мне прямой приказ отдать.

— Можешь послать прямо сейчас. Однако ты все равно полетишь к этому дворянину и посмотришь, кто он такой. А я займусь своими делами на Рейнсвальде. Как только закончу с

ними, сразу же вернусь и буду ждать от тебя развернутого отчета.

— Иногда мне все же хочется взять и действительно вас послать...

— После чего вернутся к своему нехитрому ремеслу, да? — Респир уже садился в аэромобиль, но убрал ногу с подножки и вернулся к пирату. — Будешь и дальше рисковать всем, что умудрился сохранить, когда эмиссары королевства выкинули тебя на мороз, оставив практически ни с чем, просто потому, что ты им мешался? Будешь пытаться ковырять своими мелкими зубками кожу титана, который даже не замечает твоего существования, пока однажды все-таки не ошибешься и не получишь свое, превратившись в пыль Открытого Пространства? Так, что ли? Только знаешь, чем обернется вся эта твоя борьба и столь героическая смерть?

Калгер только шумно втянул воздух фильтрами своего противогаза, но ничего не сказал, глядя сквозь линзы с плохо скрываемой ненавистью прямо в глаза своему нанимателю. Респир только подошел ближе, положив левую руку на рукоять висевшей на поясе шпаги.

— Все это будет бесполезно. Бессмысленно, как все жизни большинства живущих в этом городе! Как паразиты рождающиеся, живущие идохнувшие в собственных помоях, не оставляющие после себя ничего, кроме таких же выродков, дабы те потом легли новым слоем мусора под ногами правителей мира! Хочешь остаться таким же? Ты пришел ко мне потому, что я дал тебе шанс сделать хоть что-то значащее в жизни! — Герцог ткнул пирата пальцем в грудь так, что тот даже отступил на шаг, сам рефлекторно схватившись за эфес палаша на поясе. — И ты поклялся служить мне, поэтому будешь делать то, что я скажу! Не хочешь — можешь валить уже прямо сейчас и сдохнуть, как и сотни тех, кто был до тебя! Бесполезно и бессмысленно!

— Любого другого я уже убил бы за такие слова...

— Так чего же ты ждешь? — герцог раскинул руки в стороны. — Даю тебе слово, что ни один из моих людей не станет тебе мстить!

Калгер даже схватился за рукоять палаша, но шумно выдохнул и, распрямившись, отпустил оружие.

— Ты и сам знаешь, что я прав... — процедил Респир и отступил на шаг. — Поэтому просто поверь мне на слово и делай то, что необходимо.

— Я надеюсь, вы хоть сами понимаете свои поступки... — Калгер вздохнул и склонил голову, надеясь спрятать взгляд из-под линз противогаза.

— Будь уверен...

Глава 16. Страх будущего и прошлого

Страх — это глубочайшая бездна, в которой гибнут люди и народы.

Автор неизвестен

Аяк бежала по древним развалинам, ориентируясь на все еще пробивавшийся источник радиосигнала и надеясь только на то, что успеет добежать раньше, чем появится враг, напавший на конвой. Повторявшееся сообщение доходило плохо, с перебоями и помехами, но все же сигнал постепенно усиливался с приближением к указанной точке и самому передатчику. Среди обломков и возвышавшихся над ними выветренных остовов зданий, в окружающей тишине, любое эхо, усиливаясь и искажаясь, расходилось на многие километры, отражаясь от старых стен и изломанных скал. До ушей доходили приглушенные звуки выстрелов и взрывов, гул двигателей и лязг гусениц тяжелых танков, хоть и непонятно было, откуда доходят эти звуки, путая, с какой стороны стоит ждать опасности и что может случиться в следующие несколько секунд. Жестокий разгром и беспощадность врагов, гибель всех товарищей и бесплодные попытки спастись подломили девушку изнутри, и теперь страх пробирал до самых костей, хотелось уже просто выбраться из этого кошмара, забиться в угол и рыдать.

Сжав зубы, она продолжала бежать, забыв даже о том, что кроме других людей и солдат противника здесь могут оказаться и дикие твари, не менее опасные для одинокого путника, чем засевшие на своих позициях снайперы.

— Вы где?! — Чуть ли не в истерике выдохнула Аяк в общий эфир, пытаясь определить, куда бежать дальше. Здесь полуразрушенный коридор древнего здания выходил в большой двухэтажный зал с высохшим бассейном в центре. Оттуда вели и другие двери, но девушка чувствовала, что еще немного — и она просто заблудится среди этих бесконечных лабиринтов этажей и переходов.

Легенды о древних зданиях ходили среди многих искателей и путешественников, рискованных настолько, чтобы в одиночку передвигаться по пустующим развалинам Пустошей. Многие, имевшие за плечами большой опыт таких переходов, любили поугадать новичков или же просто делиться воспоминаниями. Аяк от таких путников, иногда останавливавшихся в караване, и раньше слышала истории о призраках и неуспокоенных душах, продолжавших бродить среди каменных стен, голодных и вечно жаждущих тепла настоящего живого тела. Рассказывали они истории и про то, что на самом деле древние развалины не такие уж и бездушные, как считается простыми обывателями. Старые здания, забытые и брошенные, сохраняли в себе память обо всех событиях, когда-либо происходивших в их стенах. Все они постепенно превращались в нечто большее, становясь настоящей душой этого места, способной по своему желанию как помочь забредшему путнику, так и, наоборот, запутать его и заставить плутать. Истории казались выдумкой, но Аяк чувствовала присутствие здесь кого-то еще, внимательно следившего за одинокой девушкой, близкой к тому, чтобы заблудиться в пустошах. Противное ощущение чужого взгляда, внимательно смотревшего ей в спину, никак не покидало девушку. И потому в первую очередь Аяк требовалось успокоить нервы, но как раз это у нее никак не выходило.

— Кто на линии? — Ее голос все же пробился через все помехи, услышанный кем-то на

другой стороне. Нервный мужчина, засекавший ее вызов, сам, казалось, готов был разорвать контакт в любую секунду. — Кто на линии, немедленно назовитесь или мы отключим канал!

— Аяк, машина номер девяносто восемь! Нас подбили, я одна из выживших. Об остальных ничего не знаю, но, думаю, все погибли! — Сердце подпрыгнуло как ужаленное, что ей наконец-то получилось зацепиться за протянутую хрупкую соломинку спасения. Девушка прижала гарнитуру к уху, оглядываясь по сторонам. Старые и истлевшие стены со всех сторон давили на нее, высокие колонны и остатки барельефов в спектре ночного визора отбрасывали странные и уродливые тени, пугающие и ни на что не похожие. — Двигаюсь на ваш сигнал. Вы далеко?

— Аяк? Святое Небо! Ты спаслась! Продолжай ориентироваться на сигнал, мы забились в каком-то внутреннем дворе, куда их танки не пролезают. Вроде как смогли отбиться, но они могут появиться снова в любой момент! Так что быстрее! Мы не можем слишком долго ждать! Смотри, чтобы старый небоскреб с высокой башней все время оставался справа. На открытое место не выходи, у них всюду снайперы.

— Скоро буду, — выдохнула девушка, окрыленная надеждой. Тот высокий небоскреб, выделявшийся в режиме ночного зрения на фоне неба, она успела запомнить с самого начала. Слишком он возвышался на фоне остальных окружающих развалин, почти не поврежденный, и оставался самой высокой точкой над всей окружающей территорией. Получалось по первым прикидкам, что ей оставалось совсем немного до спасения, а сигнал пробивался так плохо не из-за расстояния, а из-за толстых бетонных стен, глушивших радиоволны. В последний раз оглянувшись, девушка подняла взгляд вверх и тут же с испугу отшатнулась.

Прямо над ее головой, забравшись на обломок декоративной арки, сидело нечто, отдаленно напоминавшее человека, в бесформенном рваном балахоне и заросшее черными волосами. Из всего лица получалось разглядеть только оскаленный рот с неровными треугольными зубами и лишённые зрачков глаза. Сидевшая в засаде тварь словно ее разглядывала и изучала, но один этот взгляд испугал до дрожи. Аяк моргнула, и наваждение в тот же миг исчезло, не оставив после себя даже облачка дыма. Сколько она потом ни всматривалась в остатки арки, ничего похожего там уже не появлялось.

Что именно это было, девушка так и не поняла, но повторения дожидаться ей не хотелось совершенно. Осенив себя святым знаком, она поторопилась выбежать из зала, направившись по коридору, проходившему ближе всего к источнику сигнала. Мощность сигнала, то падающая, то снова начинавшая расти, указывала, в какую сторону бежать, снова и снова сворачивая на очередной развилке или гряде обломков. Коридоры полуразрушенных зданий, наваленных друг на друга, словно в гигантской песочнице, в итоге выводили на остатки подвесной улицы, когда-то проходившей высоко над уровнем земли. Треснувшее полотно дороги огибало просевший остов небоскреба и уходило в высотную застройку, где постепенно спускалась обратно к уровню земли. Большая часть тротуаров и магистралей давно засыпана обломками и остовами древних машин, так и застрявших в бесконечных пробках, сгнивших до состояния бесформенных кусков железа. Расчищенные проходы с раскиданными по сторонам грудями ржавых обломков указывали на недавно прошедшую здесь технику, и Аяк побежала по этим следам, ориентируясь на все тот же небоскреб, едва различимый в канале ночного визора.

Девушка торопилась как могла, но все же старалась держаться в укрытии, помня о возможных снайперах. На поверхности за пределами здания сигнал усилился, и

ориентироваться стало проще. Аяк, присев на колени под укрытием старого корпуса небольшого грузовика, сверилась с экраном коммуникатора на левой руке и убедилась, что идет правильно. Сигнал становился четче, если повернуться в сторону тянувшихся дальше следов. И там же в зоне видимости появлялись следы недавно прошедших боев. Уходившие этим путем остатки конвоя добивали уже с воздуха или наводя артиллерийские удары, так что среди обломков еще горели и чадили дымом остовы разбитых грузовиков и бронетранспортеров. Обгоревшие тела ее соплеменников лежали на земле среди обломков, изуродованные огнем настолько, что уже было и не узнать никого.

Аяк пыталась не думать о том, как много народа погибло на этом пути, но душу против воли захлестывала волна отчаяния. Глупых надежд она не лелеяла, понимая, что с подобным врагом им сражаться не по силам, это были отряды крупного государства, с вооружением и техникой, недоступной никаким кочевникам. От них можно только бежать, но вот скольким из всего племени получится вырваться, страшно представить.

Боевые квадрокоптеры бароната уничтожили несколько разрозненных групп, пытавшихся пробиться по этому пути, и только единичным машинам удалось прорваться к безопасному пока месту. Дальше по дороге один из высотных комплексов сходил в замкнутый атриум прямо на перекрестке подвесных дорог. Осевшие и накренившиеся стены закрывали внутренний двор от атак сверху, а спускаться слишком близко к полотну дороги пилоты квадрокоптеров, чьи машины не обладали мощным бронированием, не рисковали. Легкая авиация отступила, а артиллерия пока не получала приказов уничтожить это участок, и потому на некоторое время воцарилась тишина, нарушаемая только долетавшим издали эхом.

Единственный свободный проезд перекрывал один из легких джипов с развернутым в сторону дороги автоматическим гранатометом. Стрелок сразу навел оружие на показавшийся из темноты силуэт, но, успев узнать в прицеле знакомую фигуру, так и не выстрелил.

— Эй! Давай быстрее сюда! Мы уже сейчас отправляемся! — Стрелок замахал бежавшей девушке рукой, призывая поторопиться. — Больше нельзя ждать!

Аяк, не останавливаясь, проскочила мимо джипа, оглядываясь по сторонам. На небольшом пятчке земли между полуразрушенных стен сбилось около десятка тяжелых грузовиков и даже пара бронемашин. Обожженные, с пробоинами и поломанными колесами, едва выбравшиеся из-под обстрелов, они производили жалкое впечатление. Остатки огромного конвоя, забившиеся в угол, последние выжившие, все еще отказывавшиеся сдаться и просто умереть. Водители и уцелевшие техники пытались привести свои машины в порядок, заставить двигаться все, что вообще имеет колеса. Спешно латая дыры и меняя поврежденные диски, они порой вытаскивали из обломков других машин нужные запчасти, с руганью пытаясь подогнать их под нужное место, пока гражданские бинтовали раны и считали потери.

Пахло гарью и кровью. В каждой уцелевшей машине полно раненых, многие из которых вряд ли переживут ближайшие пару дней, поскольку мобильному госпиталю прорваться не удалось. Где-то кричали дети, кто-то стонал от боли, а кто-то уже срывался на истерику. Трупы погибших складывали отдельно в дальней стороне, прикрывая окровавленными тряпками, времени не было даже на то, чтобы их толком похоронить. Только кто-то все же выделил пару канистр с топливом для костра, который собирались разжечь, когда остатки конвоя тронутся в путь. Новый столб поднимавшегося дыма мог привлечь ненужное внимание.

Один из немногих уцелевших офицеров пытался организовать какой-то порядок и распределить спасенные припасы по всем машинам, но его почти никто не слушал. Жители конвоя были куда более сплоченными и организованными, чем обычные поселенцы, из-за постоянных опасностей, преследовавших их в пути, но и они теперь находились в состоянии, близком к панике.

— Когда отправляемся? — Аяк, заметив офицера, первым делом подошла к нему. Время на приветствия терять тоже уже нельзя.

— Сразу, как только вернутся разведчики, — огрызнулся тот, но, заметив броню девушки и узнав ее, чуть успокоился и объяснил ситуацию. — Мы вляпались по уши. Они глушат наши частоты и локаторы, так что мы немые и слепые. И понятия не имеем, где сейчас их основные силы и выжил ли хоть кто-то из наших. Как только разведчики скажут, что маршрут безопасен, сразу же выдвигаемся...

— Надо прямо сейчас! Если нас обнаружат, то уйти уже не дадут! — оборвала его девушка. — Перебьют прямо здесь как в загоне!

— Мы не можем лезть вслепую! — отмахнулся офицер. — Один раз уже полезли! Теперь хоть кого-нибудь бы вытащить отсюда!

Их прервала яркая вспышка, и почти сразу же за ней последовал звук взрыва, на секунду всех оглушивший. Внедорожник, закрывавший проход, снесло с места прямым попаданием, бросив пылающий остов внутрь двора, на толпившихся там людей. Тех, кому повезло, снесло сразу, превратив в кровавые брызги на древнем дорожном покрытии. Кому повезло меньше, раскидало с оторванными конечностями и переломанными костями. Валяясь на дороге, они кричали от боли, но остальные уже не обращали внимания на раненых. Все, кто мог держать оружие, бросились к проходу, где снова появился противник.

— Они уже здесь! — чей-то истерический голос породил новые крики страха среди гражданских, уже не знавших, куда деваться.

Аяк подхватила кем-то оставленный автомат и тоже бросилась к проходу, откуда уже доносилась стрельба. В конце улицы, на пределе дальности маломощных визоров кочевников, показалась цепочка стрелков. Тяжелобронированные солдаты, прикрываемые штурмовыми щитами, двигались вперед, ведя огонь короткими очередями. Один из них присел на колени и опустил щит, а напарник, державшийся за его спиной, взвел гранатомет на плече, после чего раздался новый выстрел. Реактивный снаряд прошел выше и ударил в каменный потолок над головами защитников. Посыпались обломки, и древние межэтажные конструкции треснули. Перекрытие просело и начало разваливаться, куски бетона и камня посыпались вниз. Еще живые бойцы побежали во все стороны от осыпающихся стен, и в этот момент их сбивали автоматические очереди. Тяжелые пули вырывали из тел куски плоти с костями, легко прошибая примитивную броню, и стоило только высунуться, как человек превращался в решето.

Гул приближавшейся авиации Аяк даже не сразу услышала из-за грохота стрельбы. Только когда бомбардировщик завис над ними, девушка заметил угрозу сверху. Яркие точки в безликом черном небе вырвались из его корпуса, из открывшихся с обеих сторон люков, дождем обрушившись во двор по кривым траекториям, огибая препятствие и точно нацеливаясь на людей. Только маленький ребенок, оставленный кем-то в куче тряпья, в последние секунды счастливо смеялся, пытаясь поймать ручонкой одну такую звездочку, полетевшую в его сторону.

Взрывы бомб оборвали последние надежды. Аяк только успела проклясть тот день,

когда они встретили проводника, обещавшего безопасный проход через земли. Авиабомбы детонировали, даже не долетая до сбившихся внизу людей и машин, и все внизу охватило ревущее плазменное пламя, моментально выжигая воздух. Легкие обожгло, а горло перехватило железной хваткой удушья. Следом взрывались охваченные огнем боеприпасы и грузовики, а те, кто не погиб сразу, умирали в жутких муках, стораживаясь и задыхаясь.

Аяк, обожженная и полуослепшая от пламени, успела подползти и спрятаться за каменными обломками, судорожно кашляя и пытаясь сделать хоть один вдох, но воздух словно состоял из одного только дыма и пепла, что резал и колол обгоревшее горло. Рев пламени заглушал все остальные звуки, а привыкшие к полумраку глаза нещадно слепили яркие блики. Мимо ее укрытия пробежал человек, охваченный пламенем, но не успел он сделать и нескольких шагов, как отлетел назад, получив в грудь несколько попаданий.

Тристанские пехотинцы вошли внутрь, зачищая территорию и добывая последних выживших. Их светофильтры не могли помешать яркое пламя, а датчики сердцебиения позволяли обнаружить даже тех, кто еще пытался спрятаться. Аяк ничего не могла сделать, пока солдаты добывали ее товарищей, и только закрылась рукой от яркого фонаря, когда один из тристанцев обнаружил ее укрытие. За лучом света получалось различить только ничего не выражавшее керамитовое забрало с пятью маленькими, бледно светившимися линзами визоров. В руках солдат бароната держал ручной пулемет, направленный в девушку. Стоило ей только дернуться, как стальная подошва прижала ее к каменным обломкам, не давая пошевелиться.

— Да будьте вы все прокляты! — в отчаянии, чуть не плача, закричала Аяк в безликое забрало шлема, пытаясь оттолкнуть от себя стальной сапог. В следующую секунду раздалась пулеметная очередь, превратившая девушку в кровавые клочья.

— Сектор зачищен, — безликим голосом доложил робот ударной группы, подключив канала связи с командиром-человеком. — Сопротивление подавлено. Выжившие ликвидированы.

Кольцо закрылось. Группы тристанских бронетанковых и пехотных подразделений легко рассекали и уничтожали раздробленные и изолированные друг от друга очаги сопротивления самыми жесткими и эффективными способами. Презентация возможностей сухопутных армий бароната шла с блеском, казавшимся излишним в таких условиях. В ход шли системы артиллерийского и залпового огня, тяжелые танки и штурмовые мехи, вооруженные модульными орудиями последнего поколения. Сверхтяжелые «Викинги», впервые выпущенные с секретных полигонов бароната, широкими траками раскатывали целые кварталы, словно сухопутные крейсера, уничтожая целые группы дикарей единственным залпом своих орудий.

Именно эти танки и стали главной частью устроенного представления, казавшиеся слишком громоздкими и неуклюжими для условий плотной городской застройки. Их огневая мощь поражала. Орудия главных калибров, установленные в центральной башне, сносили развалины древних небоскребов, превращая толстые бетонные стены, пережившие тысячелетия запустения, в мелкое крошево, а вторичные добывали то, что каким-то чудом умудрялось уцелеть.

Приглашенные гости с удивлением и любопытством рассматривали эти боевые машины, впечатленные детищем военного гения Рейнсвальда.

«Викинги» действительно не подходили для ведения боев в городских условиях, но и

создавали их совершенно для других целей. Эти сверхтяжелые танки с дополнительными башнями и высоким корпусом никогда не предназначались для ведения автономных боев, а рассчитывались как мобильные средства поддержки наступающих танковых порядков. С орудиями, способными представлять серьезную угрозу даже для воздушных кораблей на низкой орбите, «Викинги» доминировали на поле боя, не имея серьезных соперников по огневой мощи или защите, а действенных способов их уничтожения пока что не было разработано, кроме бомбардировки силами воздушного флота. На тестовых обстрелах их бронирование выдерживало даже налеты бомбардировочной авиации, а установленные системы воздушной защиты позволяли эффективно отбиваться от таких атак выставлением силовых щитов и огнем скорострельных зенитных систем.

Более легкие и мобильные танки, прикрывавшие «Викинги», крушили тех немногих дикарей или же одиночные машины, каким-то чудом ушедшие из-под огня крупного калибра. А позади них шли подразделения из новых роботизированных полков, добывая последних выживших. Поставленная задача гласила о полной зачистке территории, не допуская спасения даже единственного дикаря. И вопрос был не столько в кровожадности или жестокости тристанского командования, сколько в желании показать возможности современных систем вооружения, изготовленных на собственных мощностях бароната. Особенно были впечатлены представители промышленных корпораций, понимая, что Эдвард демонстрирует не только подавляющее военное превосходство своих армий, но и заводские мощности феода, способных обеспечить конвейерное производство подобной техники. Столь серьезные конкуренты могли значительно изменить ситуацию не только на внутреннем рынке королевства, но и на внешнем, изменив соотношение экспорта и импорта.

А на поверхности в ход шли и другие системы вооружения, вплоть до автономно действующих роботов. Их системы, модифицированные с учетом последних прорывов в кибернетике, позволяли творческое мышление в рамках задач операции. Широкое использование боевых роботов, не имеющих дистанционного контроля, всегда представлялось рискованной задачей после событий Наррайского инцидента четыреста лет назад. Тогда кибернетическая армия, состоящая из роботизированной пехоты и техники, лишилась единого управления после того, как противником были удачно подавлены основные центры контроля. Только вместо того, чтобы отключиться и перейти в пассивный режим, как предполагалось, искусственный интеллект, используя разрешенные алгоритмы автономного мышления, принял общее управление войсками и продолжил боевую операцию, окончательно добив сначала противника, а потом развернув силы против недавних союзников из биологических солдат. Тогда начинавшееся восстание машин удалось подавить, но этот пример был самым ближайшим и наиболее ярким в истории.

Барон внимательно следил за тем, как роботизированная пехота, не имеющая даже офицеров из людей или общего управления из центра, опираясь только на собственные проработанные алгоритмы, без потерь загоняют пешие группы дикарей, тратя минимальное количество боеприпасов. На территории Известного Пространства по последним данным существовали три полностью роботизированные цивилизации, сформировавшиеся из лишнего контроля искусственного интеллекта.

Известно было о четырех, но четвертая, ставшая представлять угрозу для государств Цитадели, восемьсот лет назад была уничтожена объединенным Небесным Походом двух десятков государств этого союза, среди которых был и Рейнсвальд. Тогда кровавые сражения привели к тяжелейшим потерям со стороны сил Похода, но разумные роботы были перебиты

до последней единицы, а места их городов-заводов превращены в стекло массивированными ядерными обстрелами, не оставившими даже отдельных артефактов. Благословление Церкви Неба значило совершенно ясно и точно, что «ни одно из техносуществ, оскверняющих землю, не должно уцелеть, ни одного следа их существования не должно остаться, лишь память как о скверне и извращении образа человеческого останется в анналах истории как пример порицания и напоминания будущим поколениям, дабы не допустить подобного».

Теперь же, глядя на столь совершенные модели роботов, некоторые сомневались, что феодалы Рейнсвальда полностью подчинились правилам Церкви, не оставив в своих архивах никаких артефактов искусственных цивилизаций. Такие технологии выглядели слишком совершенными на фоне всего, что использовалось в роботостроении прежде. И мало кто мог догадаться о действительных причинах, почему Эдвард в последние годы так много вкладывал в развитие роботизированных и кибернетических подразделений, заменявших обычных солдат в специальных операциях.

Тристанский барон, задержав дыхание, смотрел на экраны, где крупным планом выводились боевые роботы разработок его исследовательских институтов при поддержке лабораторий «ТехКо». Эти гуманоидные модели, вооруженные по последнему слову техники и ведущие себя в бою как настоящие люди, впечатляли своими боевыми показателями. Они казались ему будущим. Тем будущим, что может защитить от того, что однажды уже пыталось прорваться в этот мир, устроив бойню в Такийской провинции, и который ценой огромных потерь едва удалось остановить.

Перед глазами снова проносились образы и воспоминания той битвы, когда рейнсвальдские силы, истекая кровью, пытались сделать хоть что-то, подавленные превосходством врага, и могли только отступать, не в силах сдерживать натиск. Тристанский барон, бывший тогда офицером королевской армии, хорошо помнил те первые дни.

Он снова видел горящий город с разрушенными куполами и стенами, где среди поднимающихся клубов дыма все еще возвышались башни жилых модулей и остатки защитного купола. Пейзажи разрушенных куполов и видов горящих городских кварталов раскрывались перед ним во всем своем кошмаре, словно напоминание об их слабости и невозможности что-то изменить.

Основные силы королевской армии и подошедших подкреплений ближайших феодалов уже были выбиты из центральных кварталов и могли удерживать только отдельные участки на окраинах, подвергаясь непрерывным атакам со всех сторон. Эдвард, державшийся уже только на одних стимуляторах, с импульсным пулеметом в руках сидел около иллюминатора, глядя на открывавшуюся панораму. Их ударная группа составляла первую волну начинавшейся контратаки по позициям неизвестного противника, и в первые ряды командование старалось поставить людей, уже имевших боевой опыт столкновения с ним, по сути бросая людей в ту же мясорубку, откуда они только выбрались.

Тяжело вздохнув, он встал со своего места, хватаясь за поручни под потолком и проходя мимо своих бойцов, не менее уставших и измотанных, бросаемых из одной схватки в другую. Рейнсвальд вкидывал в разворачивавшееся здесь сражение все больше и больше сил и ресурсов, но потери были настолько колоссальные, что солдат все равно не хватало. Поэтому те, кто смогли выжить в первых сражениях, не имели даже возможности нормально отдохнуть после боев, возвращаясь в тыл буквально на считанные часы для ремонта

снаряжения и пополнения боеприпасов. Никто уже не задумывался о восстановлении украшений или символики, только некоторые, самые упорные, успевали обновлять клятвенные печати, после чего снова возвращались в бой.

— Итак, парни. Наша новая задача сейчас — высадиться на крыше жилого модуля под номером Стагма-сорок, после чего развернуть там периметр и укрепиться до подхода новых подкреплений. После чего, как предполагает командование, мы продолжим развивать успех... — Он говорил спокойно и не торопясь, внимательно оглядывая своих бойцов. В такие слова после всего пережитого сложно поверить, но, как офицер, Эдвард должен быть твердым и вселять уверенность в остальных. — Не стоит рассчитывать, что все будет просто, но отступать мы не имеем права. Даже по самым приблизительным меркам в зоне боевых действий еще множество гражданских, и мы обязаны им помочь. Так что делаем свою работу, но без лишнего героизма.

Три сотни воздушных транспортов приближались к городу, гудя реактивными двигателями и сопровождаемые перехватчиками, уже вылетевшими вперед. В их задачу входило подавление возможной обороны от угроз с неба, которую противник вполне мог успеть организовать. Эти существа приспособлялись к любым применяемым к ним атакам невероятно быстро и вполне могли успеть что-то выставить и против налетов авиации. Подготовленные для боя с наземными целями перехватчики двигались рассыпным строем, тщательно сканируя все пространство перед собой. Некоторые звенья спустились ниже, в мешанину городской застройки, чтобы поддержать еще сражавшиеся там подразделения, только выводя защитные дефлекторные щиты на максимальную мощность. Среди высотных зданий, в дыму пожарниц и без четкой связи, глушимой по всем каналам, пилоты серьезно рисковали, едва ли не намеренно подставляясь под возможные удары.

Прежде у противника не было зафиксировано воздушной поддержки, но эта информация десятичасовой давности внезапно успела устареть. Навстречу появившимся перехватчикам поднялись летающие твари, взмахивающие широкими кожистыми крыльями с растянутыми перепонками. Медленные и неуклюжие по сравнению с верткими перехватчиками, они числом превосходили в несколько раз силы королевства, а в условиях городской застройки имели больше преимуществ, чем в открытом воздухе. Налетая со всех сторон, они либо просто шли на таран, либо старались ухватиться за обшивку машин, разрывая броню необычайно крепкими когтями. Слишком медленные для дефлекторных щитов, эти существа проникали сквозь такую защиту без всякого сопротивления.

Уродливые и жуткие твари, отдаленно напоминающие гуманоидов, только с длинными конечностями, усеянными когтями, и слепыми мордами с широкой зубастой пастью, они, расправив крылья, сотнями срывались с крыш и стен зданий, вереща и завывая. Еще работавшие короткие частоты, пробивавшиеся через помехи неизвестного происхождения, наполнились криками пилотов о многочисленных целях. Многие сообщения замолкали или обрывались прямо на середине, когда твари буквально облепляли перехватчики и те теряли управление, падая или врезаясь в стены зданий.

— Группа прикрытия атакована и больше не может выполнять поставленные задачи! — сообщил пилот по частному каналу связи с офицерами. — Безопасную высадку никто не обеспечивает! Какие будут приказания?

— Продолжать движение прежним курсом! — приказал Эдвард практически сразу же, не давая никому успеть испугаться. — У нас есть поставленная задача! Всем машинам перестроиться и сгруппироваться! Свяжитесь с перехватчиками и передайте приказ

отступать обратно, пусть прикрывают транспорты!

— Кто отдает приказанья? — Это был голос командира ударной группы, пробивавшийся с командного центра. Усиленные сигналы, посылаемые с наземных установок, еще могли пробиваться сквозь помехи, но и их радиус действия оставался ограниченным. На таком расстоянии голос командующего был едва слышен. А окончания отдельных слов и вовсе пропадали в постоянном шипении и треске.

— Майор королевской армии Эдвард Тристанский! Я нахожусь непосредственно на одном из транспортов! Мы все еще контролируем ситуацию и можем высадиться!

— Майор! Вы не руководите операцией и не отдаете себе отчет в том, что происходит! — отрезал командующий офицер, не желая тратить время на споры. — Высадка слишком опасна в таких условиях, и мы не можем потерять весь оперативный резерв в ставшей бессмысленной попытке снова зацепиться в центре города! Всем транспортам! Мой прямой приказ...

— Генерал! — Эдвард решился оспорить приказы старшего по званию, но тот внезапно перестал отвечать. На частоте остались только помехи, где уже не слышно было ни единого членораздельного звука. — Генерал! Генерал, вас не слышно! Каковы будут ваши приказанья?! Генерал!

Сигнал все так же не проходил, и связи с командованием вообще больше не было ни на одной из частот. Эдвард пытался пробиться сквозь помехи еще несколько секунд, а после, оставив эту задачу на отрядного радиста, переключился на короткие частоты, связавшись с остальными транспортами и остатками прикрытия.

— Говорит майор Эдвард Тристанский! Связь с командованием потеряна, наши задачи остаются неизменными. Для успешного их выполнения принимаю руководство операцией и всю дальнейшую ответственность на себя!

Транспорты продолжали движение, войдя в черту города и поднявшись выше, чтобы не повторить ошибку перехватчиков и не оказаться под ударом с нескольких сторон. Более медленные и неповоротливые, они не могли не привлечь внимание тварей внизу, и вскоре к ним устремились летающие монстры, закручиваясь словно в воронку, желающую всех поглотить.

— Всем транспортам! Сохранять прежний порядок! Активировать все защитные системы! Открыть все люки по периметру корпуса! — скомандовал Эдвард, зашедший в кабину пилотов и теперь своими глазами наблюдавший за происходящим. На фоне пылающих пожаров с языками пламени в несколько этажей высотой, воздух словно рябью шел от множества мелькавших там крылатых врагов. Будущий тристанский барон только судорожно вздохнул, а после закрыл забрало шлема. — Всем бойцам! Приготовиться к отражению атаки! Зарядить оружие, боеприпасы не экономить!

У тяжелых транспортов люки открывались по всему периметру корпуса, обеспечивая максимально быструю выгрузку всех солдат, но в первые секунды не все сразу сообразили, зачем убирать единственную защиту между бойцами и атакующими тварями, да еще и на такой высоте. В открывавшиеся проходы дул лютый ветер и вместе с ним рев двигателей, закладывавший уши даже через защиту слуха шлемов. Солдаты вскакивали со своих мест, на ходу заряжая штурмовые винтовки и разрядники, сразу же занимая позиции у ближайших люков. Те, кому не хватило места, оставались рядом, готовые в любую секунду заменить выбывших из строя.

Летающие твари, вереща и визжа даже громче двигателей, налетели на транспорты, и по

ним сразу же открыли огонь. Дефлекторные щиты могли перехватить энергетические заряды или лазерные лучи, пули или же ракеты, но против столь медленных целей оставались практически бесполезными. Этим тварей могла сдержать лишь броня.

Очереди сверкающих трассеров чертили темное небо, легко пробивая ничем не защищенные тела монстров, а им вторили скорострельные излучатели в боковых спонсонах, выплевывая сотни снарядов за считанные секунды. Пилоты даже не пытались маневрировать, понимая, что так лишь нарушат строй и доставят еще больше проблем, но при виде десятков тварей, бившихся о корпус их машин и пытающихся зацепиться за толстые листы брони, у многих сдавали нервы. С подобным противником никто прежде не сталкивался, и казавшиеся неиссякаемыми полчища тварей заставляли отчаяться даже самых опытных солдат.

Эдвард, как и остальные, просто стрелял во все, что появлялось в перекрестье прицела, не обращая внимания на счетчик боеприпасов. Тварей в воздухе было столько, что начинало казаться, будто никаких патронов не хватит, чтобы перестрелять всех. На место каждой сбитой твари тут же налетало две других, и они, вопя практически на ультразвуке, продолжали биться о транспорты, нависая на них, забиваясь в сопла реактивных двигателей и пытаясь выдернуть солдат из отсеков.

— Их слишком много! Два двигателя повреждены! Мы не можем и дольше удерживать высоту! — почти что паническое сообщение поступило с одного из транспортов. Тяжелый «Хэварго» с восемью реактивными двигателями вдоль всего корпуса, два из которых уже горели, оставляя позади длинные шлейфы черного и горячего дыма, сверкавшего в инфракрасном спектре, отставал от остальных все сильнее. Облепленный крылатыми монстрами, буквально раздирающими его на куски, транспорт больше не мог придерживаться общего курса.

— Возьмите вправо, мы сейчас их снимем! — Приказал Эдвард и сразу переключился на внутреннюю частоту отряда, связавшись с пилотом. — Ближе к Зет-пять. Надо снять этих уродов!

Прицельный автоматический огонь сбивал монстров с брони за считанные мгновения, превращая в кровавые брызги, разлетающиеся во все стороны. Заряды импульсных и репульсорных винтовок пробивали легкие и тонкие тела летающих тварей, практически не теряя убойной силы, и если бы не их количество, эти демоны не представляли никакой угрозы. «Хэварго» снова выровнялся и смог вернуться в строй, но тем самым транспорт, на котором летел будущий барон, привлек больше внимания противника, и следующая волна монстров ударила в него. Всего заградительного огня не хватало, чтобы их отогнать. С визжанием и воплями, почти что переходящими в ультразвук, твари накидывались на транспорт, цепляясь когтями за брони и набиваясь в двигатели. Когда взорвался первый из них, машину качнуло, и один из солдат вывалился из раскрытого люка, не удержавшись. Он даже до земли не долетел, демоны еще в воздухе облепили его и разодрали на куски.

Одна из тварей, сложив крылья, влетела, словно снаряд, прямо в люк, вцепившись длинными когтями в грудь первому попавшемуся на пути солдату, раздирая и расплосовывая броню с каждым новым ударом. Эдвард развернувшись, выхватил из ножен шпагу и одним движением разрубил тварь по диагонали, от плеча до бедра. Силовое лезвие только ярко вспыхнуло, прожигая себе путь сквозь плоть и кости, ничуть не замедлившись. Демон не успел даже зареветь, развалившись пополам.

— Нужно садиться! — выдохнул будущий барон, не отключая силовой клинок шпаги и

давая крови окончательно прогореть. — Чем быстрее, тем лучше!

— Почти долетели! — сообщил пилот. — Будем садиться на крыше того здания...

Последние слова фразы пропали в грохоте взрыва и реве перегруженных двигателей, когда совсем рядом с ними, облепленный летающими демонами и все еще отстреливающийся изо всех орудий, очередной «Хэвкарго» устремился к земле, теряя на ходу сдираемые куски обшивки и оставляя длинный, тянущийся след смолянистого дыма. Эдвард судорожно вздохнул, а после этого пробил шпагой морду еще одной твари, сунувшейся в люк.

— Садимся, пока и нас не сбили!

Уцелевшие машины конвоя постепенно спускались к остаткам городской застройки, пробиваясь через все новые волны демонов, которых, как всем казалось, вообще невозможно сосчитать. Из каждой щели, из каждого окна или пролома вылетали все новые и новые противники, прыгая в воздух и раскрывая широкие кожистые крылья. Прямо по курсу уже возвышались развалины жилого модуля, с рухнувшими верхними уровнями, где теперь торчали обломки опорных конструкций и балок с остатками внешних стен и внутренних переборок. Секции модуля словно провалились друг в друга, оставляя мешанину переломанных плит и груды обломков.

Жилые модули серии «Стагма» строились как настоящие вертикальные города, полностью автономные и самодостаточные, не имеющие необходимости во внешнем защитном куполе. Даже на фоне одной только его уцелевшей части «Хэвкарго» казались совсем крошечными, словно мошки рядом с титаном, пока подлетали все ближе к устоявшим после разрушений островам верхних уровней. Километровые статуи колоссов, поддерживавшие одну из внешних открытых террас, все еще стояли, покрытые множеством сколов от постоянных обстрелов. На их могучих плечах в тени удерживаемых платформ скопилось еще больше летающих тварей, теперь словно всеми силами пытаясь не допустить транспорты до террас.

«Хэвкарго», неся все большие потери, прорывались через эти заслоны и опускались на каменные плиты сразу возле внешних оград. Некоторые машины из-за не совсем точных расчетов пилотов, проводимых второпях, сбивали установленные там статуи, задевая днищем или двигателями. Несколько транспортов, добравшихся до места посадки буквально на последнем издыхании, просто падали на плиты террасы, не успев даже выпустить посадочные опоры.

— Приготовиться! Первыми на выход дроиды! — Эдвард отступил от люка, перезаряжая штурмовую винтовку и уже на ходу прикидывая следующие шаги десантной группы. С такими потерями уже не шёл разговор о том, чтобы продолжать наступление, но можно было хотя бы попытаться продержаться до следующей волны подкреплений. Второй раз нападение в воздухе уже не будет столь же неожиданным, и флот выставит против этих тварей более серьезные силы.

Четыре тяжелых штурмовых дроида в деактивированном состоянии находились на каждом транспорте, обычно первыми покидая отсек и принимая на себя большую часть вражеского огня, если высадка происходила прямо на поле боя. Оснащенные модульным вооружением и штурмовыми щитами с генератором отдельного дефлекторного поля, роботы могли выдерживать огромное количество попаданий вплоть до выстрелов из пехотных противотанковых систем, обеспечивая практически безопасную высадку остальных сил.

В тот момент, когда «Хэвкарго» уже спускался, в корпус угодил энергетический заряд,

появившийся словно из ниоткуда. Мощный взрыв разорвал броню, практически переломив машину пополам. Салон, забитый солдатами, моментально превратился в бойню, когда острые осколки броневых плит разлетелись во все стороны, словно снаряды пробивая солдатскую броню.

Бойцу, стоявшему впереди, кусок металла снес голову, забрызгав кровью забрало Эдварда. Будущий барон почувствовал, как пол уходит из-под ног, и попытался хоть за что-нибудь ухватиться, но под руку попался только кусок чьего-то вырванного плеча. Весь мир перевернулся перед глазами. Он только испугаться успел, выпав из разваливавшегося транспорта вместе с другими, через несколько секунд неконтролируемого падения спиной приземлившись на камень. От боли в глазах потемнело, а ощущения были такие, словно все кости в теле превратились в труху. Внутренний интерфейс брони светил тревожным красным светом, система жизнеобеспечения перешла на аварийный режим, впрыскивая в кровь дозы лекарств и медицинских нанитов.

Эдвард судорожно втягивал воздух, чувствуя боль в легких и противный металлический привкус во рту, но все же заставил себя подняться. Его винтовка выпала из рук при падении, но шпага оставалась в ножнах, ее будущий барон и вытащил, с ходу рубанув первую из тварей, что бросилась на него. Рогатый человекоподобный монстр, ростом под два метра, лишился когтистых рук после первого выпада и дико заревел, но вторым ударом наследник вогнал силовое лезвие ему в грудь. Брызнувшая кровь залила нагрудник, дымясь в холодном воздухе.

Жуткие твари, больше похожие на самые мерзкие из порождений ночных кошмаров, атаковали солдат прямо в зоне высадки, выбираясь из руин жилого модуля. Одни были похожи на людей гуманоидным строением, но зубастые и когтистые, с жуткими кривыми рогами или с лишними конечностями. Другие выглядели как зомби со снятой кожей, сочащиеся кровью и гноем, но вооруженные трофейным рейнсвальдским оружием. Десантники королевской штурмовой пехоты всеми силами старались перестроиться и закрепиться возле севших транспортов, но их уже теснили.

Новый энергетический разряд вспыхнул прямо в одной из групп десантников. Черные молнии, словно щупальца, появились из возникшей пространственной дыры, пронзая тела людей и выгибаясь под всеми возможными углами. Попавшие под удар несчастные заживо запекались в собственных доспехах, крича в жутких предсмертных муках.

Эдвард взмахом клинка перерубил еще одного демона, а потом ударом кулака проломил голову ближайшему зомби, вложив всю силу электронной мускулатуры доспеха. В следующий миг дыхание сбилось, а ноги стали как свинцовые, едва получилось сделать новый шаг, словно сила гравитации моментально выросла в несколько раз, прижимая к каменным плитам террасы.

Перед глазами все плыло, ощущения были такие, словно в кровь накачивали наркотики, тормозившие реакцию. Из носа и ушей пошла кровь, будущий барон чувствовал, как капли стекают по коже, оставляя красные следы. Второй шаг сделать уже не получилось, тело и доспехи стали настолько тяжелыми, что Эдвард упал на одно колено, тяжело дыша и пытаясь хотя бы распрямиться, но неизвестная сила все равно прижимала его к земле. Один из монстров, выглядевший, словно освежеванный, с бугрящимися мышцами, одним пинком повалил его на спину, и у наследника бароната не хватило сил, чтобы встать. Он видел, как солдаты королевства падали вокруг, захваченные теми же силами, не способные даже удержать собственное оружие. И как их потом добивали твари, беспомощных раздирая на

куски голыми руками.

«Будущий барон... Наследник феода... Последняя надежда своего отца...» — его голова чуть не взорвалась, когда в ней зазвучал сухой старческий голос, буквально сочившийся ядом и ненавистью. — *«Такой гордый, такой наивный... Еще не подозревающий, что весь твой мир идет по пути разрушения и должен сгореть в великом пламени...»*

Эдвард едва смог заставить себя перевернуться и привстать, пока каждое движение отдавалось в голове тупой ноющей болью и позывами рвоты. Перед глазами все кружилось, краски смазывались и становились ярче, как под влиянием стимуляторов сознания. Но он видел перед собой высокий силуэт в темной угловатой броне, будто составленной из острых осколков черного стекла, и именно с этим существом голос и ассоциировался.

«Вы слабы, ваши потуги жалки. Этот мир даже слабее, чем можно было предполагать. Ваши души уязвимы, ими легко управлять. Вы все здесь умрете».

Говоривший протянул руку, и словно по одному его желанию сразу несколько транспортов вспыхнули из-за взорвавшихся топливных баков. И еще пытавшихся защищаться солдат, и наседавших на них монстров охватило огнем, сжигая корчившиеся фигуры за считанные секунды.

Эдвард едва смог встать на колени, чувствуя, что голова в любую секунду может лопнуть. Из глаз шли кровавые слезы, оставаясь на ресницах, и весь мир будто задернуло красной пеленой. Он не мог в эти минуты даже шпагу нормально поднять, упорно отказываясь выпускать оружие из рук и пытаясь снова встать на ноги, не желая умирать на коленях. От одного движения руки это нового, невиданного прежде врага его сердце будто сжали ледяные пальцы, глубоко впиваясь в плоть. Больше даже вздохнуть не получалось, он раскрыл рот, тщетно пытаясь хотя бы закричать.

«Вы слабы. Я вижу. Я вижу, что вы ни на что не способны. Все закончится быстро. Жатва будет недолгой».

Боевой робот со штурмовым щитом, заляпанным слоем крови и рваных внутренностей, с низким гудением прорвался вперед, выстрелом из модельного дробовика на правом наруче снес голову ближайшей твари и всем весом смяв еще пару ближайших, отчего во все стороны полетели брызги. Штурмовая машина, выглядевшая так, будто только что выбралась из разделочного цеха, крушила все на своем пути, разряжая во врагов остатки боезапаса. Удар штурмовым щитом буквально снес вставшего на его пути монстра, и следующий выстрел дробовика пришелся уже в существо, положившее всю королевскую пехоту одним движением. В стороны полетели осколки стекла, а из появившейся дыры в броне пошел черный, вьющийся и быстро растворяющийся дым.

С руки существа соскользнул новый виток молний, но они только порвали выставленный щит. Робот дважды выстрелил из дробовика по новому врагу, каждый раз вышибая новые брызги стекла во все стороны, а после врезавшись в него со всей силы, сминая собственным весом. Его противник от такого удара отлетел на несколько шагов, врезавшись в стену, и ужасное чувство, давившее на сознание, исчезло в ту же секунду. Эдвард почувствовал, как в его теле снова забила жизнь, а сознание прояснилось, он снова смог подняться и схватиться за оружие.

«Это ничего не изменит!»

Новый ментальный удар был несколько слабее прежних, словно существо не могло сконцентрироваться. Однако боевой робот, определив самого опасного противника, уже не останавливался. Заговорил импульсный пулемет, всаживая в стеклянное тело заряд за

рядом и каждый раз прошибая его насквозь. Эдвард зашатался, снова услышав этот голос, но теперь уже смог удержаться на ногах, чувствуя одновременно целую гамму эмоций, от удивления до холодной ненависти к такому врагу, о существовании которого до сего момента никто и не подозревал.

Новая пулеметная очередь расколола и снесла твари голову, последний напуганный и полный бешенства вопль прервался на самой высокой ноте, и чувство чужой воли в голове будущего барона исчезло. Боевой робот, убедившись в уничтожении цели, только щелкнул автоматикой перезарядки модульного вооружения и повернул бронированную голову с промятым лицевым щитком в сторону Эдварда, считывая данные его доспеха и убеждаясь в безопасности офицера. А сам человек на мгновение даже забыл о том, что находится посреди поля боя, глядя на полностью кибернетическую машину, лишенную всего человеческого, на которую совершенно не влияла ментальная мощь врага.

И теперь, стоя в безопасности на борту космической станции, подконтрольной Тристанскому баронату, Эдвад Тристанский, молодой барон могущественного феода, передернулся от одного только воспоминания о том чувстве беспомощности и отчаяния при виде существа, которое он до сих пор не мог назвать человеком. Того, кого он поклялся снова убить.

Случайность помогла тогда избежать ему смерти. Случайность в лице машинного мышления, искусственного интеллекта, лишенного человеческих слабостей, а потому неуязвимо для силы той твари. Случайность, которую Эдвард потом обратил в преимущество, и которое, как он чувствовал, однажды снова может понадобиться.

— Барон... Прошу прощения, если отвлекаю... — Знакомый голос раздался под самым ухом, и Эдвард обернулся, увидев представителя Остезейского союза при своем дворе, Линка Де Кессерилда, высокого и стройного выходца воздушных городов союза. С острыми чертами лица и неподвижным взглядом он производил впечатление вечно грустного человека, но в действительности чувство юмора ему было не чуждо. Просто улыбаться не любил, особенно на людях. Как и любой другой остезеец, он прежде всего ценил время и деньги, и в эти минуты, на банкете вместе с остальными гостями, Линк ощущал себя ничем не занятым бездельником. Облокотившись об перила рядом с бароном, он болтал в воздухе бокалом с остатками вина. — Вы слишком мало времени уделяете гостям, чтобы считаться радушным хозяином. Как только дело доходит до банальной пьянки и дешевых разговоров, вас не видно и не слышно. А многие из них хотели бы поболтать с вами именно на такие ничего не значащие темы... Барон, вы меня вообще слушаете? Вы слишком задумались...

— Наблюдаю... — Эдвард потер пальцем переносицу и изобразил улыбку. — В конце концов, не зря же все это представление устроено.

— Да, представление эффектное. Роботоризированная пехота. И «Викинги». Они поражают разум, особенно несведущий. Вы ходите по краю, уважаемый друг. Эти технологии могут посчитать и за запрещенные...

— Вряд ли кто-то будет этим заниматься. А эти технологии... Они обеспечат нам выживание в будущем. В будущих войнах... — Эдвард все еще думал о своем, но остезеец его понял, пусть и не так, какой смысл изначально вкладывался в эти слова.

— Роботы? Сильно сомневаюсь. Обычные солдаты дешевле и эффективнее. Роботы, конечно, впечатляют, но их массовое использование...

— Роботы порой могут выжить там, где не сможет ни один живой солдат. Об этом

нужно помнить...

— Я буду надеяться, что нам не придется отправлять солдат туда, откуда они никогда не смогут вернуться. Все-таки они денег стоят... — Линк распрямился. — Барон, может, вы все-таки составите мне компанию? Я банкир, а не солдат. Все эти сцены с избиением дикарей наводят на меня тоску. В отличие от вашего замечательного вина... И думаю, вам самим следует хоть на несколько мгновений расслабиться...

— Возможно, вы правы... — Эдвард кивнул. — Выпить стоит...

Глава 17. В сердце паутины

"Выигрывает сражение не тот, кто придумал план битвы, а тот, кто взял на себя ответственность за его выполнение".

Наполеон

Флагман «Букерон» заходил на стыковку медленно, практически на одной инерции и тормозных двигателях, удерживающих его от падения на острые прибрежные скалы. Громада двенадцатикилометрового корпуса тяжело бронированного линкора, проплывавшего между отрогов воздушных фьордов, все равно казалось небольшой на фоне окружавших каменных стен, выветренных и усеянных оборонительными фортами и башнями противокорабельной обороны. Порты Мыса Харкии, столицы и одного из важнейших городов всего графства, находись среди узких и длинных расщелин, изрезавших всю эту часть острова, и прибывающие корабли медленно подходили к закрытым ангарам и открытым причалам, а над ними на скалах поднимались стены и башни укреплений столицы. Начиная от небольших дозорных башенок, вынесенных к самым обрывам фьордов, и заканчивая высокими многоуровневыми башнями комплексной защиты, они шли до самых крепостных стен города, связанные друг с другом переходами и пролетами. Над ущельями тянулись длинные арочные мосты со множеством сияющих огней, с опор которых свисали километровые алые полотнища с вышитым золотом изображением оскалившейся головы пустошного волка. А среди необработанных скал проступали высокие, размером с небольшой корабль, вырезанные фигуры мужчин и женщин в древних доспехах, с открытыми забралами и длинными, спадавшими из-под шлемов волосами. Каждая скульптура протягивала руку в пустоту, держа в ладони ярко сияющее голубое плазменное пламя, и гирлянды таких огоньков украшали скалы у столицы феода.

Мыс Харкии когда-то был небольшой крепостью, основанной на самой заре колонизации Рейнсвальда, и позже стал столицей Гористарского графства, отделившегося от одного из первых баронатов во времена первых внутренних войн. С тех пор и сама крепость, и город вокруг нее продолжали расти, как поднимаясь вверх все более высокими и многоуровневыми защитными куполами, так и растягиваясь по склонам всего горного хребта, протягивая все дальше и дальше переходы, новые комплексы и жилые модули. Все дальше расходились оборонительные линии, обрастали все новыми и новыми фортами, башнями комплексной защиты, высокими стенами, бастионами и укреплениями, нередко превращавшимися в настоящий лабиринт, где мог заблудиться любой враг. А над куполами его кварталов поднимались орудия дальней воздушной обороны, предназначенные для сбивания любых кораблей, способных представлять опасность для города. Там же, высоко в небе, висели защитные станции, платформы и дрейфующие порты, связанные с городом системой орбитальных лифтов. И среди ярких контурных огней этих воздушных сооружений мелькали сигналы кораблей охранного флота, выходивших на дежурство, чтобы стеречь безопасность окружающего Пространства.

Даже сам граф Гористарский уже запомнил, сколько именно населения живет в столице, но этот вопрос и не был тем, что его беспокоило в настоящее время. Гораздо сильнее Омфея Гористарского волновали события, постепенно раскручивавшиеся на жернова

рейнсвальдской политики. Паутина связей, договоров и соперничества между феодалами натянулась так сильно, что любое неосторожное движение могло порвать любую из нитей и привести к неконтролируемым последствиям. Глядя на крепостные укрепления вокруг ворот закрытой корабельной гавани, граф зябко поежился и плотнее закутался в тяжелые меха своего плаща. В последнее время он чувствовал холод, даже когда температура вокруг была выше привычной. Возможно, сказывался уже возраст, и организм, даже несмотря на все процедуры лечения и омоложения, постепенно начинал давать сбои. Несмотря на свои возможности, над временем граф все же не был властен и ничего не мог поделывать с медленно, но верно подкрадывающейся старостью.

Закрытая гавань среди скал, куда они направлялись, строилась специально для нужд военного флота еще на заре Рейнсвальда. Каменные арки потолка давно были укреплены полиметаллическими каркасами, а старые причалы заменены на новые. Сохранили только древних гранитных колоссов, своими плечами державших длинные пролеты шлюзовых отсеков. Огромная пещера, в которой могло находиться одновременно около трех полноценных эскадр, находилась глубоко под самой столицей. И от нее до гористарского родового замка на вершине тянулись системы подземных комплексов и сооружений, пробуренных в скалах еще в древности и до сих пор служивших как один из главных исследовательских и военных центров всего графства. По всему феоду среди населения ходили истории о том, что происходит в сокрытых от простого глаза пещерах, но ни один из рассказчиков не мог даже приблизиться к истине. Каждый из феодалов хранил секреты, и у Омфея Гористара были свои, которыми он не желал делиться даже с ближайшим окружением.

Флагман медленно подошел к месту стоянки, где его подхватили системы стыковки, намертво закрепив на положенном месте. С кораблем такого размера автоматика самостоятельно усилила мощность антигравитационных полей, так что при желании с причала можно было разобрать тихое гудение работающих генераторов. Пока экипаж занимался стандартными процедурами подготовки корабля к долгой стоянке, служебные команды порта приступили к разгрузке всего необходимого и профилактическим работам. Граф торопился, и потому пассажирские шлюзы подвели почти сразу же, дав ему возможность спуститься с корабля, а сразу за переходными камерами его ждали машины, чтобы доставить в замок.

Омфей Гористар не любил путешествия, как не любил вообще покидать свои покои, откуда и так мог управлять всеми важными ему процессами. Основное его могущество строилось не на сильных армиях, флотах или развитых колониях. Всю свою жизнь гористарский граф создавал и развивал шпионскую сеть, растянувшуюся теперь не только на все королевство, но и на соседние страны и корпорации, в которых у него имелись свои интересы. Все управление было сосредоточено в столице, именно оттуда граф мог дергать нужные ниточки и запускать нужные ему процессы. Однако для некоторых вещей все же действительно следовало покидать насиженные места, особенно, когда речь шла о короле. Омфей Гористар пережил уже трех королей Рейнсвальда, но не мог назвать никого из них способным стоять даже близко к настоящему. Граф искренне его уважал не только за то, что он сделал, но и за то, что неоднократно мешал его собственным планам, находя эффективные способы политической борьбы, проходящей в тени рейнсвальдского престола.

Граф немного лукавил при общении с королем. Ему не был нужен строгий порядок, он процветал при внутреннем хаосе и постоянных конфликтах между феодалами, которые

извечно раздирали королевство изнутри. Однако Иинан Третий прекратил подобное, стянув феоды столь прочными правилами и ограничениями, что те не могли их преступить. Долгожданный мир настал, и экспансия феонов обрушилась на пустоши Поверхности и другие острова, но внутренние претензии и обиды однажды должны были найти себе выход. И этот процесс граф все еще рассчитывал контролировать, направив в нужную сторону. Одновременно с этим он хотел решить еще и собственные проблемы, одной из которых оставался тристанский барон.

Опираясь на свою трость и медленно вышагивая по композитным плитам пола в переходных камерах, Омфей даже не оглядывался на свою охрану, размышляя больше о том, что в первую очередь необходимо сделать по возвращении в свои палаты. Откладывать дела больше не имелось возможностей.

У выхода с трапа его ждали встречающие из замка, вооруженная охрана и часть его постоянной свиты, оставленная в городе, поскольку поездка предполагалась недолгая, и из-за этого приготовления сократили. Вместе с ними прибыли несколько министров, ожидавших вопроса по неотложным делам, и его личный помощник, оставленный здесь следить за основными проблемами на время отсутствия самого графа. Если Омфей все же периодически покидал столицу, то этот человек вообще никогда не был дальше внешних городских стен. Невысокого роста, в мундире горситарских внутренних войск практически без знаков отличия, не считая единственной вязи серебряными нитями на правом рукаве, отмечавшей его положение в свите феодала, и в своей вечной фуражке с коротким козырьком, из-под которой торчали наспех уложенные волосы, он покачивался на каблуках сапог, ожидая распахнутой дверцы автомобиля.

— Господин граф! Позвольте вас приветствовать и выразить свою радость по поводу вашего возвращения домой. — Эурой Делл поклонился, когда его сюзерен подошел ближе. — Мы уже ожидаем вас. Прикажете возвращаться в замок?

— Да, это было бы наилучшим из возможных решений. — Кивнул граф, подождав, пока один из адъютантов не раскроет перед ним дверцу полностью, после чего забрался в салон автомобиля, придерживая края своей меховой накидки. — И как можно быстрее. У меня на сегодня накопилось много планов, которые желательно решить в самое ближайшее время.

— Как вам будет угодно. — Эурой задержался на несколько секунд, чтобы отдать командиру сопровождения последние распоряжения касательно маршрута, а потом забрался в салон вслед за графом, усевшись с другой стороны. — Ваша Светлость, как прошла ваша поездка?

— Хуже, чем я надеялся, но лучше, чем следовало ожидать, — выдохнул Омфей, посмотрев в окно, пока машины медленно тронулись с места. Кортёж графа на улицах столицы феодала был редкостью, но почти десяток машин сопровождения вряд ли могли остаться незамеченными. Тихо шурша по крышкам по расчищенной полосе, они кратчайшим путем направились к замку, и из-за его появления пришлось перестраивать всю работу порта, чтобы не мешать кортежу. — У короля есть планы насчет своего преемника, и мне совершенно не хочется думать о том, кого он желает видеть на рейнсвальдском престоле.

— Слышать такие слова от вас по меньшей мере непривычно, — заметил Эурой, доставая инфопланшет и разворачивая голографическое изображение, слабо светившееся в полумраке салона с затемненными окнами. Трехмерная карта показывала метрополию королевства, разделенную на разноцветные пятна феодалов с выделенными границами. —

Если позволите, я готов доложить о тех изменениях, что произошли за период вашего отсутствия.

— Это пока можно отложить. Пока что нужна информация касательно нашего тристанского союзника. В настоящий момент он у нас стоит на первом месте. И еще мне следует как можно быстрее увидеть Тарваила. Он сейчас в замке или его снова куда-то унесли беспробудные ветра?

— Нет, в Мысе Харкии его сейчас нет, он отправился, взяв несколько отрядов, на Поверхность, практически сразу же после вашего отбытия. Поступили сведения, что одну из наших приграничных крепостей атакует очередная орда ксеносов. Событие не то чтобы заурядное, но и не вызывающее особой тревоги. Доклады с границы поступали довольно оптимистичные. Дикари плохо вооружены и не имели особого преимущества в численности, чтобы поднимать основную армию. Однако ваш сын посчитал недопустим тактическое отступление, оставлявшее несколько рудников без прикрытия. Поэтому решил отправиться туда с подкреплениями, чтобы, по его словам, разобраться с угрозой раз и навсегда.

— Опять он не может спокойно усидеть на месте. Отправьте ему сообщение, чтобы возвращался как можно быстрее. У меня есть для него важное поручение. — Граф вздохнул, недовольно покачав головой. Тарваил был его первенцем, сыном от первого брака, закончившегося слишком рано из-за скоропостижной кончины супруги. Как всегда считал сам Омфей, в нем проявились все худшие черты дворянского рода, откуда он и взял первую жену. Импульсивный, скорый на решения и всегда слишком активно реагирующий на любые неудобства, он нередко сначала действовал, а потом уже раздумывал над последствиями. Более спокойного и размеренного графа такое поведение наследника не только раздражало, но и заставляло опасаться за будущее феода, которым он так дорожил.

Потративший столько сил на укрепление его политического и экономического влияния, Омфей вовсе не желал, чтобы следующий граф разрушил все достижения, вслепую бросаясь в каждую войну или конфликт, только возникавший на границах. Тарваил был неплохим полководцем и хорошим солдатом, а о его мастерстве мечника ходили целые легенды. Однако, как считал граф, для титула феодала недостаточно только уметь махать мечом.

— Сделаем, — Эурой кивнул. — Касательно Тарваила есть интересная информация. Возможно, она вас заинтересует. Поступили сообщения от наших наблюдателей. В последние дни перед вашим отъездом он провел несколько личных встреч с рыцарями и благородными Гористарского феода, обсуждал с ними его поддержку в случае передачи ему титула графа. На заговор это не похоже, никаких поползновений в вашу сторону не наблюдалось, но почва все же для чего-то готовится.

— Вероятнее всего, он подозревает, что я не собираюсь передавать ему титул, и рассчитывает получить графство в обход моего завещания. — Омфей Гористар усмехнулся, снова покачав головой. — Что ж, с его стороны это действительно разумный шаг. Жаль только, что он даже не пытается подумать о подводных камнях подобного поведения. Что касательно тех, с кем он беседовал?

— Ничего особенно интересного. Лояльность этих людей вам вряд ли подлежит сомнению, это в большинстве своем важные лица при вашем дворе. Посмею предположить, что они согласились на подобные обсуждения исключительно из-за того, что не знают о вашем подготовленном завещании.

— Это правильно, отказывать во встрече сыну своего сюзерена будет дурным шагом, но и объявлять о завещании я не стану. Оставим это как сюрприз Михаэлю...

Граф снова посмотрел в окно. Там, за затемненным стеклом, мелькали огни работающих цехов и осветительных маркеров вдоль дорожного ограждения. Скалы под Мысом Харкии были изрыты тоннелями и бункерами, проплавленными в толще пород и связывающими между собой части города и замка. Короткий маршрут пролегал как раз через систему таких подземных путей, поднимавшихся до нижних уровней самой цитадели Гористаров. Смотреть здесь практически не на что, только иногда мимо мелькали ярко освещенные перекрестки с постами охраны и иногда забытые небольшими пробками, ожидавшими, когда мимо, не сбавляя скорости, промчится кортеж с графом.

— Значит, прикажете пока бездействовать? — Эурой сделал несколько пометок в планшете и посмотрел на графа, подняв глаза над краем слабо светившегося в полумраке салона экрана. Омфей только кивнул, и его помощник записал еще несколько слов в планшете. — Есть новые сведения, полученные разведкой из Камского герцогства. В последнее время данные стали поступать намного реже и в малых количествах. Камская контрразведка и так весьма нам мешала, а теперь, когда там работают еще и специалисты из баронатов Тристана и Кариин, ситуация стала близка к критической. Наша агентурная сеть практически полностью подавлена, действует лишь несколько человек, не имеющих возможности регулярных выходов на связь. Однако с тем, что поступает оттуда, идут весьма тревожные вести. «Сакрал» вошел в завершающую стадию строительства. Если проект будет завершен, это может привести к необратимым последствиям.

— Значит, они так и продолжают его строительство. — Граф вздохнул. — Мы использовали уже все законные способы остановить происходящее, но эти тупицы отказываются видеть дальше собственного носа. Похоже, пора приступать к более радикальным действиям. Задействуем внешние рычаги. Что с акциями проекта?

— После последнего объявления камского герцога снова взлетели вверх. Королевская биржа бьет любые потолки, и многие закладывают последние штаны, лишь бы получить хоть небольшой процент акций. Контрольный пакет, как и прежде, у Камского герцогства, но это фикция. Герцог не в состоянии оплатить столь масштабный проект, и без субсидий Тристана его верфи можно смело распиливать и продавать на запчасти. Фактически контрольный пакет акций находится в руках Тристанского барона, а герцог не более чем подставное лицо.

— Значит, как и прежде, нам нужно искать рычаги давления на молодого барона.

— Господин, вы, как и прежде, считаете, что поддержка Сатона Тристанского для этого наилучший из возможных путей? — Эурой снова посмотрел на своего сюзерена, но теперь даже не пытаясь скрывать в голосе сомнения. — Этот человек не выглядит как надежный союзник. И, честно говоря, он не выглядит как хорошее вложение средств и сил. Пока что от него отдача близка к нулевой.

— Но он старается, — граф улыбнулся, хотя его собеседник не видел здесь ничего смешного. Шутка, понятная только для говорившего. Хотя намного сильнее Омфея забавлял недоумевающий вид его помощника, не посвященного во все детали плана. — Сатон из того типа людей, которые будут идти до самого конца, каким бы ни был итоговый результат. Именно за этим он мне и нужен.

— Подрывная деятельность на территории бароната, проводимая его боевиками, имеет крайне низкую эффективность. Разве что сильнее напрягаем внутренние службы безопасности Тристана, но действуют они на удивление эффективно. Предположительно, молодой барон провел серьезную чистку после внутренней войны и сторонников Сатона там не осталось. Как вообще подобные комариные укусы помогут вашим планам? — Эурой

тяжело вздохнул и отложил планшет в сторону. — Я этого искренне не понимаю и никак не нахожу подходящих объяснений.

— Во-первых, стоит учитывать, что Сатон не из тех людей, которых я хочу видеть феодалами в Рейнсвальде. Его ожидания касательно захвата титула барона мы будем поддерживать ровно столько, сколько нам это выгодно. Зато наш молодой барон не может окончательно забыть о Сатоне, поскольку тот о себе все время напоминает. Не знаю, с чем связано такое настойчивое стремление, но предполагаю, что нашего друга банально гложет зависть. — Омфей продолжал смотреть в окно, глядя на открывшийся вид подземного ущелья, пересекавшего скальные породы под замком. Дорога шла вдоль отвесной стены, среди прочих конструкций и сооружений, облепивших скальные отроги и вцепившиеся в камень стальными опорами. Здесь размещались многоуровневые силовые установки, обеспечивавшие энергией большую часть оборонных систем замка. Гигантские колонны генераторов темной энергии, увитые кольцами защитных систем, охладителями и преобразователями, поднимались из далекой дымки далеко внизу и уходили в потолок за пределами зрения.

Между ними можно было заметить огоньки снующих дронов, занятых ежедневными профилактическими работами и наблюдением за работой систем. Дорогу от них закрывала прозрачная крыша с изоляцией в несколько уровней, поскольку вокруг генераторов из-за подобных огромных мощностей нередко происходили случайные разряды, напоминающие молнии. Толстая изоляция поглощала звуки и все, как казалось, происходило в полной тишине, нарушаемой только равномерной работой мотора. Омфей вздохнул и поднял ширму на стекле, отгородившись от таких видов.

— Если мы поддерживаем Сатона Тристанского не для того, чтобы получить титул барона для нашего человека, который будет следовать в ключе нужной вам политики, то зачем тогда мы вообще это делаем? — Эурой развел руками. — Господин граф, я понимаю ваши пожелания, но в данном случае позвольте все же узнать, какие у вас есть планы на этого человека. Я могу быть полезнее, если буду понимать, с чем в настоящий момент работаю.

— Все в действительности очень просто. Сатон Тристанский нужен исключительно для отвлечения внимания нынешнего барона, не стоит ставить на этого неудачника больше, чем он того стоит. У него были все возможности получить титул барона, но вместо того, чтобы мыслить головой, он продолжал думать своей пятой точкой, к чему все в итоге и привело. Теперь же главной нашей задачей является способ подтолкнуть Сатона к встрече с бароном лицом к лицу. Главное, сделать это так, чтобы Эдвард не просто отправил людей привезти ему голову любимого дядюшки, но отправился к нему сам лично, оставив все остальные дела без присмотра. Это тот момент, к которому мы так готовимся. — Омфей вздохнул и устроился на сиденье поудобнее, сложив пальцы и внимательно посмотрев на Эуроя. — Мне не нужна война с Тристанским баронатом. Любая гражданская война в королевстве сейчас приведет к необратимым последствиям, которые никто не сможет контролировать. И одни Небеса ведают, что получится в итоге. Поэтому нам необходимо удалить Эдварда Тристанского как можно дальше от родовых земель. Он не должен успеть отреагировать на наши действия, когда придет решающий момент. А как это сделать, я знаю не так уж и много способов.

— Господин граф, Эдвард не так уж и редко покидает свой феод. — Напомнил Эурой. — Например, его нет в королевстве в настоящий момент.

— И он не поддерживает связь с метрополией? — Омфей усмехнулся. — Особенно учитывая, что его войска не сдвинулись с места дислокации.

— Вы хотите сказать, что мы рассчитываем пожертвовать Сатоном и его силами? — Брови Эуроя приподнялись вверх, выражая крайнюю степень удивления. Помощник графа начал понимать ход мыслей своего сюзерена и нервно вздохнул, собирая мысли в одну кучку. — Отвлечь и самого барона, и его силы, а в эту минуту...

— А в эту минуту разобраться с тем, что оставил наследнику прежний Эдвард Тристанский. Сатон предполагает существование чего-то, о чем в настоящее время знает только Его Величество, когда-то и давший добро на последнюю экспедицию. И наш друг боится, что эти исследования могут привести королевство к гибели. Я должен знать, о чем идет речь.

— Понимаю. И, судя по всему, Эдвард сам еще не в курсе об этом?

— До тех пор, пока Его Величество не решил, что тристанский барон готов об этом услышать. Я помню те дни, когда прежний Эдвард Тристанский готовился к той экспедиции. На моей памяти это единственный случай, когда силы любого из феодалов так тесно контактировали с королевской разведкой. И, что самое интересное, тристанцы довольно активно работали на развалинах Белой Башни.

Эурой замолчал, откинувшись на спинку кресла и вспоминая эту мрачную историю, связанную с падением ордена Белой Башни. Историю, которую помнили и хранили в архивах королевства, отмечали как знак особой гордости в любом благородном роду, но не любили вспоминать, с чем она была связана. Омфей тоже замолчал, не желая развивать тему дальше. Некоторое время они оба так и сидели, пока кортеж медленно заехал на платформу лифта и остановился. Вместе с ними там стояли грузовые машины, несколько инженерных мехов и загруженные контейнеры. Охрана графа, остановив свои машины вокруг кортежа, вышла наружу, держа оружие наготове и опустив очки мультивизоров. Раскрыли даже люки сопровождавшего их черного бронетранспортера, открыв все проходы по периметру и развернув отделение боевых дроидов. Больше напоминающие треноги с установленными безоткатными пушками, эти роботы быстро разбежались вокруг, моментально образовав вокруг кортежа периметр безопасности с зонами перекрестного огня.

Омфей помнил историю Белой башни. Это было еще при его деде, и его отец был тогда еще совсем мальчишкой, но все равно пересказывал те события словно древнее предание, не похожее на реальность и пугающее. Орден Белой башни посвятил себя изучению наук и тайных знаний, оставшихся от тех, развалины чьих цивилизаций теперь устилала пустоши Поверхности. Лишь избранные, прошедшие жесткий отбор и принятые мудрецами Внутреннего Круга, могли стать одним из братьев ордена. Замкнутый и отрешенный от всего мира, он углубился в изучение знаний столь древних и запутанных, что его братья забыли, с чего вообще когда-то начинали, избрав путь оккультизма и поисков общения с Бездной, видя там ключ к тайнам мироздания, которые пытались вскрыть.

Символ ордена и его знаний — Белая башня, древнее сооружение, дошедшее до этих времен из старых эпох, возвышавшееся среди пустошей словно стрела, превратилась в символ страха и ужаса. Некогда благородные рыцари ордена опустошали целые поселения, угоняя в жертву своим чудовищным экспериментам и исследованиям тысячи мирных жителей, а земли вокруг Башни наполнились слухами о выпущенных демонах и тварях Бездны, призванных Внутренним Кругом. Кровавые жертвоприношения и ритуалы за гранью разумного понимания возвели Белую Башню к вершинам власти и могущества, с которых она

грозила уже целым государствам и великим городам Поверхности, но никто не смел бросить им вызов, напуганный потусторонней силой ее властителей.

Только Рейнсвальд, возглавляемый Кристофом Шестнадцатым, бросил вызов силам Белой Башни, благословенный Церковью на Небесный поход против отвернувшегося от света ордена. Объединенные силы феодалов и королевской армии вступили в разоренные земли, где теперь стояли крепости рыцарей Белой Башни, и началась война, позже получившая название Белой войны, но, по воспоминаниям очевидцев, ставшей одной из самых кровавых, которые когда-либо вело королевство.

Рыцари и феодалы Рейнсвальда на полях сражений встретились не только с людьми и ксеносами на службе Белой Башни, но и с биороботами, и с демоническими порождениями явно не из этого мира, и созданиями, объединявшими в себе не только механическую часть, но и инфернальную, как результат экспериментов Внутреннего Круга. Многие погибли на тех полях сражений, но результат все же был известен каждому, кто хоть немного знал историю королевства. Силы ордена были оттеснены к Белой Башне, их замки разрушены, крепости и города уничтожены и превращены в шлаковые озера, где нет и быть не может ничего живого. Последний штурм самой Белой Башни оказался самым тяжелым сражением, в котором долго не мог установиться баланс сил, но все же королевские войска пробились сквозь оборону ордена и штурмом взяли главную цитадель. С уничтожением Внутреннего Круга и всех рыцарей ордена война закончилась. Еще несколько лет продолжались чистки, в которых добивали последние осколки Белой Башни и выжигали любые возможности восстановить проводимые орденом исследования, но там были лишь последние затухающие угольки растоптанного костра.

Все исследования Белой Башни подвергли анафеме, ученых и рабочих в лабораториях уничтожили, а сами исследовательские центры сровняли с землей. Церковь Неба запретила любые упоминания о том, чего смогли добиться там, и ее инквизиторы ревностно следили за тем, чтобы ни капли информации не было спасено из огня пожарищ. И тем удивительнее и страшнее было узнавать о том, что миссии феодалов Рейнсвальда снова объявлялись среди проклятых развалин, которые даже дикий мутанты далеко обходили стороной. Омфей мог лишь предполагать, какие тайны там пытались снова вынести на свет, но был уверен, что ни к чему хорошему это не приведет.

— Если получится найти доказательства того, что тристанцы проводят исследования, запрещенные на королевском уровне, то это окажется веским поводом для предъявления обвинений, — наконец, вслух произнес Эурой.

— Не уверен, что обвинения окажутся эффективными. — Граф раскрыл свою меховую накидку, почувствовав, что ему становится слишком жарко. — У меня есть подозрения, что король был в курсе исследований прежнего барона и даже оказывал ему поддержку. Мы сами рискуем навлечь на себя гнев Иинана Третьего, а он король, несмотря на его нынешнее состояние. Подобные действия будут неразумны, следует действовать осторожнее. Кроме того, возможно, мы сможем использовать полученную информацию себе на пользу.

— Мы не можем так говорить, пока не узнаем наверняка. Вполне может быть и так, что все это всего лишь мистификация...

— Из-за мистификации прошлый барон Тристана вряд ли бы отправился за пределы Известного Пространства. И не сгинул бы там настолько бесследно, что даже десяток поисковых групп, отправленных его сыном, не нашли ни единой зацепки. Там что-то есть. Что-то настолько важное и пугающее, что даже сам Иинан Третий предпочтет унести это с

собой в могилу, чем рассказать кому-то, кроме наследника Тристана. Я не удивлюсь даже, что король намеренно ждет своего смертного часа, дабы рассказать Эдварду эту тайну в последние минуты жизни и не увидеть последствий.

— Господин граф, я осмелюсь назвать это не самой приятной перспективой из тех, что может нас ожидать. — Эурой поспешно кивнул головой. — Тогда будем действовать, исходя из ваших дальнейших соображений.

Кортеж поднимался в замок на платформе грузового лифта, мимо мелькали одинаковые тубинги уходящего вверх тоннеля, освещенного через равные участки яркими плазменными факелами, отбрасывавшими неровные отблески во все стороны. Кроме их тихого потрескивания слышно было только, как работают механизмы лифта, подтягивающие платформу все выше и выше. Граф почти каждый раз, когда возвращался в свой замок, проходил этим путем, не пользуясь замковыми воротами, обычно все время распахнутыми. Многослойные створки, отделанные платиной и бронзой, давно покрывал толстый слой патины и пыли, нанесенной ветрами за прошедшие десятилетия. Каждый квадратный сантиметр покрывали рельефные изображения святых и ангелов небесного пантеона, окруженные извивавшимися лозами с цветами и большими листьями. Их закрывали только в те моменты, когда самому замку угрожала опасность. Если верить легендам, они были освящены самим святым Коланом, обещавшим, что ни один враг никогда не пройдет через эти врата. В подобное можно было поверить, учитывая, что замок продолжал постоянно укрепляться вместе с ростом самого города и бастионы, защищавшие подходы к замковым вратам, могли выдержать полноценные штурмы и осады, оцетинившиеся многочисленными орудиями и генераторами щитов.

Однако сам граф всегда прибывал прямо в центральный донжон, с грузового лифта высаживаясь на нижних уровнях, в гаражах и транспортных ангарах, где стояла гарнизонная техника и располагались мастерские и ремонтные цеха. Кортеж останавливался около проходов, уводивших к лифтовым шахтам, где можно было подняться уже до жилых уровней. Все, мимо кого граф проходил, останавливали работу и, поклонившись, приветствовали своего господина, но Омфей не обращал на них внимания, закутавшись в меховую накидку и углубившись в размышления. На глазах у простых граждан он показывался вообще крайне редко, в лучшем случае на объявленных турнирах или же во время больших празднеств.

Его личные покои находились в правом крыле одного из верхних ярусов донжона, занимая пару этажей и одну из многочисленных башенок, поднимавшихся над треугольными крышами. Туда он сразу и направлялся, игнорируя остальные роскошные залы и галереи своего замка.

— Найдите мне Михаэля. И как можно быстрее, — велел Омфей, когда наконец-то перешагнул через порог дверей, отделявших его покои от остального дворца. Золотые статуи рыцарей у дверей в действительности были хорошо замаскированными боевыми дроидами и сразу же обнаружили появление своего владельца и приоритетной цели защиты, тут же сменив режим охраны с пассивного на повышенный. Внешне это можно было заметить лишь по активации дополнительных сканеров, на мгновение вспыхнувших красными огоньками под забралами шлемов.

Дома было спокойнее, а дела уже не казались настолько проблемными и нерешаемыми. Здесь, в своей крепости, среди родных стен и знакомых залов, Омфей был уверен в собственном могуществе и находился буквально в центре переплетения всех нитей, способный, не сходя со своего места, руководить событиями практически в любой точке

королевства.

Практически сразу же, как за его спиной закрылись двери зала, к графу подскочили пажи в ярких трико с кружевными рукавами. Молодые мальчики, ни одному из которых не было и двадцати лет, с выражением абсолютного счастья на лице стремились услужить своему господину, предугадать каждое его пожелание и мысль. Когда-то они были полноценными и свободомыслящими людьми, одними из множества дикарей на пустошах, но разными путями попали на невольничьи рынки, где их и нашли посредники Омфлея. Возможности форматирования сознания и перестройки личности превращали любого человека во что угодно, в зависимости от пожелания заказчика, например, в абсолютно послушную и преданную прислугу, не имеющей собственной воли и желаний. Именно такие, какие и нужны графу.

Будучи человеком, привычным действовать из тени, оставивший за своей спиной немало врагов, и мертвых, и еще живых, больше всего граф Омфей боялся не войны и клинка своего противника — на поле боя он не появлялся уже очень давно. Больше всего правитель Гористарских земель боялся покушения, в чем бы оно ни выразилось, будь то наемный убийца или попытка отравления. Только преданные слуги, даже не роботы, которых можно взломать или перепрограммировать, а именно живые люди, неспособные даже помыслить в ненужную сторону, абсолютно устраивали его. Кроме того, на взгляд самого графа, подобная прислуга выглядела необычайно эстетично.

Он устроился в кресле, удобно раскинувшись на вышитом вручную бархате, и стал раздумывать о том, что необходимо сделать в первую очередь, пока один из мальчиков делал ему массаж ног, а второй занялся маникюром пальцев. Ногти запачкались и местами потеряли прежнюю утонченность за время полета на корабле и пребывания во дворце короля. Третий из мальчиков прислуги в это время уже успел подойти с небольшим подносом фруктов. Спелые и свежие, выращенные в подземных теплицах Мыса Харкии, эти красные и желтые плоды выглядели практически так же, как и на монастырских фресках, где изображают райские кущи под сияющим в небесах солнцем. Мир для графа постепенно стал возвращаться в прежнее размеренное русло.

— Господин, только что поступило сообщение от охраны. К дверям подошел Михаэль Гористар. Ему было передано ваше пожелание, и теперь он спешит его исполнить, — сообщил еще один служка, опустив взгляд в пол и не смея поднимать взор на графа, даже обращаясь к нему. — Каковы будут ваши распоряжения, господин? Прикажете впустить?

— О, Михаэль... Быстро он. Естественно, вели пропустить, мне с ним нужно поговорить. — Граф сразу выпрямился и поправил свои одежды, а потом отогнал прислугу. Михаэль получил строгое воспитание, как и положено сыну дворянина, в офицерской академии Кенингхорма, а позже еще и отслужил в королевской армии. Его взгляды на досуг дворянина разительным образом отличались от того, как себе представлял подобное сам граф, и спорить с ним Омфлей не спешил. Пусть лучше внук просто не видит подобного, тогда и не будет лишним раз с ним ругаться. Слуги едва успели исчезнуть из поля зрения, как раздался звук открывавшихся дверей.

Михаэль Гористар подходил под звание рейнвальдского дворянина намного больше, чем сам нынешний граф, словно с него списывали те агитационные плакаты, которыми потом завлекали молодых людей на службу в армию. Высокий и статный, с несколько грубыми, но точными и правильными чертами лица, с большими зеленоватыми глазами, под которыми при внимательном изучении все же можно было разглядеть небольшие синяки,

оставшиеся от постоянной работы сутки напролет, и волнистыми волосами. Они у него всегда отпущены больше положенной длины и постоянно выкрашены в слабый блондинистый оттенок. Михаэль не особо любил появляться в покоях своего деда, считая их слишком роскошными для дворянина, как и не всегда принимал те методы, с помощью которых его семья пришла к вершинам власти. Однако сам граф был уверен, что это ровно до тех пор, пока он сам не станет наследником феода через голову Тарваила. Михаэль гораздо лучше подходил для этого, а его способности и демонстрируемые навыки в командовании людьми и в делах административных позволяли надеяться, что из него выйдет отличный граф, достойный такого титула.

Он, как казалось, прибыл прямо откуда-то с полей, успев только сменить защитный доспех на более подходящую для такого случая парадную форму без наград и особых знаков отличия. На какой-то момент Омфлей даже залюбовался своим будущим наследником, как на нем сидит алый мундир Гористарского графства с золотой вышивкой и позументами, его строгой выправкой и орлиным взором. Омфлей всегда старался быть не только командующим, но и примером для своих солдат, так что даже после нескольких суток нахождения на Поверхности выглядел так, словно и не покидал собственных покоев. Омфлей считал, что умеет оценивать чисто эстетическую красоту как женщин, так и мужчин. Граф лишь несколько скривился, когда Михаэль в своих толком не вытертых от пустошной пыли сапогах прошелся по застилавшим пол коврам, каждый из которых стоил как целый военный корабль.

— Ваша Светлость, я прибыл в замок меньше суток назад и был несколько занят в ангарах Четвертого флота, когда мне сообщили о вашем желании меня увидеть, — Михаэль кивнул головой, что было явно недостаточно для приветствия своего сюзерена, но граф не стал обращать внимания на подобные мелочи. В конце концов, определенные трения с внуком у него были, но делать из этого проблему Омфлей не торопился. Человек, который со всем соглашается, вряд ли станет хорошим лидером. А графству нужны крепкие руки.

— Михаэль, где же ты пропадал до этого? — граф изобразил искреннее любопытство.

— На границах тринадцатого сектора зафиксировали появление неизвестного флота, и все силы обороны были подняты по тревоге. Оказалось, что это какие-то кочевники, сборная солянка из людей и похожих на людей рас. Они даже не знали о существовании наших границ, но очень интересовались палладиевыми жилами, которые мы разрабатывали. На наше предложение развернуться и немедленно покинуть территорию графства они ответили отказом. Пришлось применить силу.

— Значит, теперь все спокойно. Михаэль, я же говорил прежде, что гонять дикарей на приграничных территориях не самое подходящее занятие для рейнсвальдского дворянина, — граф посмотрел на своего внука с надеждой во взгляде, собираясь направить его эмоции в нужное русло.

— А мне всегда казалось, что защита собственных границ и безопасности подданных является одной из главных обязанностей дворянина. Если мне не изменяет память, то подобные слова даже звучат в клятве, которую мы приносим перед короной. — Михаэль сложил руки на груди, оставшись стоять. — И слова нашего девиза говорят о том же самом. Дело не должно отставать от того, что мы произносим.

— Да, естественно, я помню. Слово и Дело. Не больше и не меньше. Красивый девиз. — Граф посмотрел на вышитый шелковый ковер, занимавший стену над дверью за спиной Михаэля. На красном полотне золотом была вышита голова пустошного волка,

оскалившегося перед броском, и окружали ее многочисленные переплетенные ветви песчаного терновника с вплетенными гербовыми лентами и колосьями зерновых. И над всем большим гербом были вышиты геральдические буквы, складывавшиеся в девиз рода Гористара «Слово и Дело». Михаэль проследил за его взглядом и согласно кивнул, догадываясь уже, что вызвали его не только из-за праздного интереса графа.

— Именно, Ваша Светлость. И если уж так говорить, то дела не ждут и не терпят отлагательств. Пустые слова можно оставить и на то время, которое окажется свободным. Если позволите, я бы предпочел вернуться к делам...

— Постой, именно по причине дел неотложных тебя и вызвали. — Граф щелкнул пальцами, и к ним подошел один из пажей, держа в руках поднос с наполненными бокалами с вином. Граф взял один, и Михаэль вынужден был повторить этот жест, чтобы не проявить открытого неуважения к своему сюзерену, но просто оставил бокал в руках. Омфлей пригубил вино и снова стал серьезен. — У меня был разговор с нашим королем. Он весьма обеспокоен сложившейся ситуацией с аккерийцами. У них появился новый лидер. Ты знал об этом?

— До меня доходили только общие слухи о происходящем там. На границах Таннурейской конфедерации вообще редко когда бывает спокойно, но ни о каких запросах о помощи я не слышал. А есть причины считать, что опасность может быть выше рядовых налетов на приграничные поселения? — Михаэль даже отставил бокал в сторону, на ближайший столик. Известия из Спирали редко когда получалось назвать хорошими.

— Король считает, что есть. Однако пока эта информация не обнародована, и я оказался первым, с кем Его Величество поделился своими опасениями. Считаю подобное доверие за честь, оказанную нам королем. Он просил меня отправить к границам конфедерации военные силы для предупреждения возможного масштабного наступления из Спирали. И у меня нет более достойных кандидатов, чем ты, Михаэль, чтобы возглавить эти экспедиционные силы.

— Почту подобное за честь, господин. — Михаэль поклонился, но потом снова распрямился, с сомнением глядя на графа. — Однако здесь появляется слишком много вопросов, ответы на которые могут не понравиться ни мне, ни вам. Разрешите их озвучить? С подобными сомнениями выходить в бой не самая хорошая затея.

— Говори, — графу даже стало интересно, о чем может спросить предполагаемый наследник. Если его мысли пойдут в правильном направлении, то это лишь подтвердит правильность мнения о передаче титула графа ему, а не его отцу.

— Если мы действительно направимся к границам Спирали, то отправлять туда небольшую эскадру бессмысленно, необходимо поднимать ударные силы флота и армии, чтобы создать достаточно мощную группировку. А это значит, что мы оголим собственные границы. Конечно, если это королевское желание, то можно не беспокоиться о возможных нападениях со стороны других феодалов, но ведь сейчас политическая ситуация такова, что даже таким обещаниям приходится верить с трудом. Король не в том состоянии, чтобы говорить с уверенностью о завтрашнем дне. Не можем ли мы оказаться в положении, когда потребуются активные действия, а наши основные силы окажутся слишком далеко? — Он озвучивал те мысли, которых король хотел избежать, и Омфлей улыбнулся, довольный.

— Не все так просто. Хотя мне и приятно твое желание одними лишь силами Гористара остановить Спираль, это маловероятно.

— Таннурейцы сильные солдаты и отличные воины, их помощь может сказать веское

слово в предстоящих сражениях, — напомнил Михаэль, сразу же склонив голову, чтобы не выдать выражения своего лица. — Однако я признаю свою ошибку. В одиночку даже гористарские силы не смогут остановить Спираль, если вторжение будет подобно тем нашествиям, которые записаны в истории нашего прошлого.

— Королевская разведка предполагает подобное. Гористарские силы должны стать первыми на острие меча, который встретит аккерийцев. Король желает объявить о новом Небесном Походе, и все силы Рейнсвальда выступят вслед за нами. — Рокфор вздохнул. — Потери мы понесем большие, но если все так и произойдет...

— То вы заработаете политический капитал для графства? — Михаэль оставался таким же спокойным и равнодушным, даже не попытавшись изобразить возмущение.

— Нет, — граф ответил совершенно искренне. — Это будет политический капитал для тебя, Михаэль. Одних побед в конфликтах с дикарями недостаточно, чтобы сделать себя имя, о котором будут говорить по всему Рейнсвальду.

— Зачем мне это? — Михаэль искренне удивился. — Я хорошо помню о своем месте, господин.

— Мир переменчив, даже несмотря на все наши усилия его усмирить.

Глава 18. Необдуманное

Молодости свойственно грешить поспешностью.

Уильям Шекспир. Гамлет

Когда-то давно Отец взял плоть от плоти своей и кровь от крови своей, принеся в жертву собственную боль и нарушив идеальный порядок существующего мира, но создал новую жизнь. Тогда Он создал человека, творение совершенное, в котором горела частичка Его божественной сущности. Творение уязвимое, не готовое к жизни в темном мире.

Впервые осознавшие себя в Великой Тьме, люди бродили неприкаянные в поисках света и надежды. Отец оставил их, дав шанс выжить лишь сильнейшим, позволив разуму, каким их наделил, найти собственный путь среди пустоты и страха. Люди были созданы не за тем, чтобы следовать предназначенному пути.

Отец наделил их свободой выбора, наделил их самым из совершенных своих творений — разумом. Люди должны были сами выйти к свету, преодолев все препятствия, либо сгинуть во тьме как еще одно из множества его творений. Тьма всегда была обратной стороной, что следовала в тени Отца, совращая его создания, соблазняя и развращая их, превращая в жуткие пародии и уродливых монстров из-за одной только вечной ненависти к свету и всему, что несло наследие Его. Тьма должна стать главным испытанием для людей, выдержать которое смогут далеко не все.

Такие легенды в своих проповедях рассказывают служители Церкви Неба, слепым взглядом красных повязок глядя на собравшуюся паству. Их голос, звучащий под каменными сводами церквей, среди звуков органов и тихого шелеста кибернетических херувимов, летавших у колонн, казался настоящими отзвуками Небес, приобщая к чему-то более возвышенному и могущественному, чем обычный человек. Слабость рода людского, неспособность выживать под черным небом этого мира без защитного снаряжения, опасности мутаций и облучения, вечно шедшие рука об руку со страхом перед жуткими тварями Поверхности, аномалиями и извечной темнотой, считались проклятием. И они же подавались как причина, почему именно люди смогли подняться так высоко. Став препятствиями, они помогли разуму человека найти решения для их преодоления, запустив цепь цивилизации, которую больше нельзя было остановить.

Когда-то в столь давние времена, что уже и никто не мог их назвать, первый человек высек искру, ударив камнем о камень и впервые создав огонь, разогнавший тьму. И теперь их потомки поднимали в воздух стальных гигантов весом в десятки миллионов тонн, способные обрушить настоящее пламя ада на головы порождений Тьмы. Эти два события разделяли миллионы лет, проведенные в постоянном блуждании, поисках, пробах и ошибках. Человечество заплатило кровью и миллиардами жизней за каждый шаг к вершине, за каждую новую ступеньку вверх, к совершенству. Люди сделали тот выбор, на который надеялся Отец. Они пошли путем лишений и страданий, сквозь тернии, страх и пустоту, но не отказались от того, чем Он их наделил. Не отказались от разума, узнали его силу и применили ее, став тем, кем Он хотел их видеть.

Квенти Карийский вспоминал истории наставника, стоя на капитанском мостике ударного крейсера «Памяти Святой Елизаветы», вместе с остальными кораблями

вылетевшего к местам боев. Эскадра шла на малой скорости и небольшой высоте, окруженная десятками кораблей сопровождения, роями истребителей и перехватчиков. Если у крысолюдов есть еще ракеты, то они будут сбиты еще на подлете, вне зоны опасности. Карийский баронат не собирался допускать подобной ошибки второй раз. А вот помощь наземным войскам, пытавшимся прорваться к сбитому кораблю, требовалась как можно быстрее.

Крысолюды. Квенти помнил, что об этих тварях рассказывал его наставник. Старик с красной повязкой на лице, опираясь на посох морщинистыми руками, словно сгибаясь под тяжестью своих белых одеяний, всегда становился раздражительным и грубоватым, когда начинал вспоминать о ксеносах, считавшихся варварскими и примитивными существами. Они противоречию самому учению Неба о совершенстве и внушали ему отвращение почти на физическом уровне. Порождения Тьмы, созданные из ее ненависти ко всему, что представлял собой Отец, и тех, кто не смог выдержать ниспосланные человечеству испытания. Эти учения шли в странном разрезе с исследованиями биологов и ксенологов о природе этих существ и возможном их эволюционном развитии, но Квенти, глядя на происходящее теперь внизу, быстрее вспоминал рассказы проповедников, а не скучные и нудные лекции преподавателей.

Возможно, больше правды в словах ученых, но слова служителей Неба намного ярче и ближе описывали эмоциональное состояние любого человека, впервые столкнувшегося с этими мохнатыми гуманоидными тварями с выгнутыми спинами, кривыми лапами, сжимавшими примитивное и грубо сработанное оружие. Визжащие, кричащие и беснующиеся, они катились вперед волной грязной шерсти, вони, оскаленных зубов и лысых розовых хвостов.

Квенти рефлексивно сжал рукоять своего меча, висящего на поясе в ножнах, разглядывая творившееся на экранах капитанского мостика корабля.

Сбитый карийский корабль рухнул в открытых пустошах недалеко от одного из горных отрогов, оставив позади себя длинную распаханную полосу, протянувшуюся от места столкновения с землёй. Среди вывернутых глыб камня на отвалах полосы валялись и обломки корабельной брони, надстроек и внешних украшений. Некоторые были настолько большими, что оставались различимы приборами еще с низкой орбиты. Пылающее пламя выжгло пепел и песок до мутного черного стекла, а поднимающиеся в небо языки пламени пожаров выхватывали искореженный корабельный корпус, отбрасывающий кривые темные тени. Датчики, направленные на него, фиксировали множество ратлингов, прорывавшихся сквозь огонь орудий и протискивавшихся во все доступные щели и проломы. Фиксировали они и вспышки выстрелов ручного оружия, и сигнатуры боевого снаряжения карийских солдат. Выжившие из экипажа приняли отчаянный бой, как можно дороже продавая собственные жизни.

На других экранах передавались изображения спускавшихся вниз транспортных челноков и десантных капсул. Штурмовые отряды бароната спускались волна за волной на Поверхность, чтобы помочь своим товарищам и эвакуировать всех, кого еще возможно. Можно было проследить, как капсулы, сверкая яркими всполохами работавших ускорителей, врезались в землю прямо в толпы врагов и оттуда выходили, разворачивая вооружение, тяжелые десантные дроиды. Боевые машины, словно берсеркеры, врывались в ряды крысолюдей, ведя шквальный огонь из шестиствольных пулеметов и автоматических дробовиков, а в ближнем бою орудуя стальными кулаками с дополнительными силовыми

полями. Их мощь была настолько велика, что даже опьяненные запахом крови и бойни ратлинги в ужасе разбежались, только усиливая хаос в своих рядах.

Этим пользовались десантные группы штурмовых подразделений, высаживавшихся следом и торопившихся закрепиться в зонах высадки, быстро формируя единый периметр вокруг корабельного корпуса. Квенти знал, что это стандартная операция флота по эвакуации выживших. Планирование подобного он на симуляторах проходил не раз и не два, тщательно выверяя направления отсекающих ударов, подходы кораблей и маршруты транспортных челноков. Тогда это было лишь теорией военных игр, а теперь подобное происходило на практике, где ценой каждой ошибки были сотни жизней тех, кто сражался на земле в эти минуты.

— Передайте новые приказания группе эсминцев. Мне нужно, чтобы они поднялись выше и открыли огонь по всему квадрату Альфа-Тридцать пять-Сорок четыре. Необходимо отсечь всю эту орду прежде, чем успеют ударить по нашим позициям, — приказал Квенти на ходу, бросив взгляд в сторону сопровождавших его офицеров. Старые и опытные командиры бароната, они были приставлены к нему отцом, чтобы, как сам Квенти подозревал, в случае необходимости всегда помочь исправить любой неверно отданный приказ. Однако в этот раз они только кивнули.

Капитанский мостик обеспечивали работой несколько десятков операторов, и любые приказания расходились по всей эскадре за доли секунды, а каждый корабельный маневр фиксировался, заносился в базы данных, после чего загружался в алгоритмы просчета дальнейших действий, анализирувавших не только движения союзников, но и вражеских сил. Тысячи гигабайт информации постоянно перерабатывались вычислительными фреймами кораблей и пропускались через подключенные к ним сознания операторов. Квенти оставалось лишь отдавать приказы, после чего наблюдать, как десятки тысяч людей и сотни боевых машин послушно выполняют каждое распоряжение.

Мир внизу, все еще сокрытый покровом темноты и лишь слабо освещенный вспышками артиллерийских орудий, снова разорвало сияющее пламя, когда эсминцы открыли огонь. Ракеты с плазменными боеголовками превратили проход между выветренными скалистыми хребтами в огненный ад, где сам камень плавился и растекался словно вода. Тысячи крысолюдей, попавших под обстрел, буквально испарились, оказавших в зоне прямого поражения. И еще больше подобных тварей теперь катались по земле, ослепленные, обожженные и обгорелые, когда тепловая волна прошла по пустошам. Часть орды вынуждена была отвернуть в сторону, чтобы не сгореть заживо, и давление на позиции высадившихся штурмовиков ослабло.

— Поступают доклады с поверхности. Защитный периметр вокруг корпуса выстроен, высадившиеся инженерные команды разворачивают оборонительные турели и кратковременные огневые точки. Внутри корабельных помещений идет зачистка от проникших туда ксеносов. Установлен прямой контакт с выжившими членами экипажа. Требуется подтверждение приказа эвакуации с Поверхности.

— Даю подтверждение. — Квенти попытался сглотнуть несуществующую слюну и кивнул. Все шло именно так, как он и ожидал. Солдаты отлично справились бы и без его личного присутствия на борту, но так он чувствовал хоть какую-то свою важность, не оставаясь в глубоком тылу. — Никого не оставляйте внизу.

— Господин, вы хорошо справляетесь, — отметил сопровождавший его офицер, подойдя чуть ближе. — Однако прошу вести себя чуть более сдержанно. Ваше нервное

волнение становится заметным. Причин для такого поведения нет.

— Я в курсе! — огрызнулся Квенти, не поворачивая головы. — Прошу не беспокоить меня. Операция все еще не закончена.

— Внимание! Обнаружены новые ракетные пуски! — Внезапно сообщил тревожным голосом один из операторов. — Пуски наземные! Идут, по всей видимости, из подземных шахт. Это может объяснить, почему мы не засекали их ранее. Ракеты приближаются со стороны хребта в квадрате Сигма-двадцать восемь-тридцать шесть. Пять. Нет, шесть запущенных ракет. Идет расчет траектории и вероятные цели столкновения. Поражающая способность неизвестна, данные не определены.

— Активированы системы перехвата. Дальнее предупреждение активно. Звенья истребителей высланы на рассчитанные курсы движения ракет. Внесены корректировки изменения маршрута, — докладывали другие операторы, реагируя на новую угрозу. В этот раз атака крысолюдей не была неожиданной, и эскадра Карийского бароната отреагировала сразу же. Примитивные ракеты ратлингов захватывались системами противовоздушной обороны кораблей и уничтожались перекрестным огнем одна за другой. Ни одна из них не смогла долететь достаточно близко, чтобы представлять хоть какую-то угрозу.

— Они не очень быстро учатся, — заметил офицер, наблюдая, как на экране засветилась красным крестиком последняя из летевших в сторону кораблей ракета. — Решили, что раз получилось один раз, то обязательно получится и во второй.

— Командующий! Новые сообщения с поверхности! Солдаты столкнулись с новыми силами противника, поддерживаемыми шагающей бронетехникой. Они появились буквально из-под земли на удерживаемых позициях. Чтобы избежать окружения, солдаты вынуждены оставить сразу шесть секторов. Удерживать оборонительный периметр более невозможно! — доложил еще один оператор, подключенный к системам связи. — Есть запросы на отправку дополнительных сил. Точных данных о количестве и возможностях ксеносов все еще нет, их число продолжает возрастать в геометрической прогрессии.

— Мы не можем оставить оборонительный периметр! — Выдохнул Квенти, почувствовав, как холодок страха моментально пробежал по всему позвоночнику, следуя за противным чувством неуверенности. Битва внезапно изменила ход, и инициатива оказалась утрачена. — Отправьте первую волну резерва к месту прорыва! Второй волне приготовится к десантированию! Всем кораблям огонь на подавление по любым доступным целям! Отрезать основную часть орды от наших позиций!

— Господин. Необходимо продолжать эвакуацию в любом случае. Велите инженерным командам подготовить корабль к подрыву в случае, если ситуация выйдет из-под контроля, — стоявший за плечом офицер говорил спокойно и размеренно, но от его голоса Квенти стало еще тяжелее. Наследник бароната даже обернулся, глянув в глаза своему сопровождающему. Тот спокойно выдержал его взгляд и даже кивнул, подтверждая сказанное.

— На поверхности находится еще много наших людей. Я не могу гарантировать...

— Господин, следует учитывать, что одной из наших первостепенных задач является не допускать возможности, при которых технологии воздушных кораблей могут попасть в руки крысолюдей, — напомнил офицер. — Солдаты отлично знают, на что идут, когда спускаются на землю. Не стоит давать волю чувствам, находясь на командном посту.

— Я себя контролирую! — Квенти выдохнул и попытался успокоиться, чтобы случайно не сказать лишнего. — Однако я не собираюсь взрывать этот корабль до тех пор, пока в зоне

поражения есть хоть один карийский солдат!

— Это всего лишь один из вариантов...

— Этот вариант не будет обсуждаться! Мне нужно больше информации о происходящем на поверхности! Как можно быстрее доложите, что эти крысы откопали и как вообще смогли сбить наши порядки! — Квенти знал правила. Эффективность превыше всего. Поставленные задачи намного важнее не то что отдельных жизней, но иногда целых областей и армий. Военная машина Рейнсвальда нивелировала человека до одного из многочисленных винтиков безотказно работающего механизма, стирая личности и перетирая в порошок судьбы. Каждый мог быть заменен, каждый мог быть потерян без серьезного удара по всей системе. Однако дворянская гордость, воспитанная в его душе отцом, требовала иного. Он клялся защищать своих подданных, а не бросать их на алтарь победы лишь оттого, что изменилась ситуация на Поверхности. — Мы перебросим подкрепления и загоним крыс обратно в те норы, откуда вылезли!

— Как вам будет угодно, господин, — офицер все же вынужден был уступить и поклонился, соглашаясь со словами будущего барона. — Разведданные еще анализируются, но пока ситуация складывается не в нашу пользу.

Данные поступали оператором самыми различными путями, начиная от корабельных сканеров и заканчивая нашлемными камерами бойцов, оказавшихся в общей свалке. Вся эта масса данных разбивалась на отдельные фрагменты, тщательно анализировалась, собиралась по сходным образцам и выявленным деталям, после чего уже преобразовывалась в отчеты и описания новых обнаруженных противников.

Аналитический отдел уже рассчитывал, что крысолюди могли заранее подготовить план сражения у сбитого корабля, опираясь на привычные для них массовые атаки только как на отвлекающий маневр. Подобное поведение нехарактерно для этих ксеносов, аналитика предыдущих столкновений указывала на отсутствие какой-либо стратегической или тактической мысли у ратлингов, а здесь, прямо в эти минуты, они смогли обыграть карийских командиров.

Внизу кипел бой. Прямо среди вывернутых груд земли и разбитых каменных глыб раскрывались провалы, откуда, как безумные, начинали лезть крысолюди и жуткие порождения их технологического гения, начиная от грубых экзоскелетов, куда просто заваривали сородичей, до шагающих боевых машин, напоминающих пауков. Окажись они в зоне прямой видимости, в прицелах орудий, то были бы уничтожены, не успев ничего толком сделать, но тут они оказывались сразу на карийских позициях, наваливаясь всей массой, затягивая солдат в рукопашные схватки, где просто облепляли людей и разрывали на части.

Развернутые турели со спаренными пулеметами или же скорострельными лазерными излучателями расстреливали крысолюдов буквально в упор, разрывая на куски податливые тела, но потом их сметала живая волна. Штурмовые шагоходы и тяжелые экзоскелеты держались чуть дольше, выжигая врагов огнеметами, оставлявшими в рядах крысолюдов пылающие просеки, заваленные обгоревшими телами, но и их в итоге облепляли и валили. Эти твари торжествующе визжали и выли, выдирая из машин куски брони или же, обмотанные взрывчаткой, кидались прямо на противника, взрываясь вместе с ним. Крысолюдов было слишком много, и казалось, что им не будет конца. Те, кто выжил в первой атаке, теперь вынуждены были отступать, прижатые к борту сбитого крейсера, прибывшие как спасательная команда, но внезапно сами вынужденные просить о помощи.

Висевшие в воздухе корабли теперь оказались бесполезны, противник был слишком близко, чтобы вести даже точечный огонь без страха задеть своих же. Командование могло только продолжать спускать подкрепления, чтобы удержать ситуацию под контролем, но это казалось каплей в море. Орда продолжала наступать, затапливая позиции карийских солдат, несмотря на все отчаянное сопротивление.

Около пролома в корабельном борту, где толстые бронеплиты смяло и разорвало ударом как папиросную бумагу, продолжало держаться подразделение боевых шагоходов, прикрытое остатками десантников, успевших отступить. Тяжелые боевые машины гуманоидной формы и с модульным вооружением на манипуляторах, неуклюже переступая с ноги на ногу, вели шквальный огонь из излучателей и репульсорных пулеметов, быстро навалив вокруг себя груды тел, а две машины, вооруженные спаренными огнеметами, разрывали темноту длинными струями химического пламени. Тех же крысолюдей, кто успевал прорваться, выкашивал прицельный огонь десантников. Именно на эту группу Квенти и обратил внимание, когда операторы проводили анализ сложившейся ситуации. Небольшой участок стабильности посреди всеобщей мешанины прорванного периметра. И именно туда в первую очередь были направлены подкрепления, чтобы закрепить и развить этот маленький успех.

— Если мы сумеем удержать этот участок, то разорвем их силы пополам. Прорыв заткнем быстрее, чем он приобретет неконтролируемые размеры, — Квенти пытался говорить спокойно, но мысли в голове крутили как бешеные, судорожно пытаясь приобрести какое-то очертание плана на фоне быстро разваливающейся спецоперации.

— Есть новые данные! — сообщил один из операторов. — Группа оперативного анализа сообщает, что обнаружен вожак крысолюдей. Либо одна из особей, командующая ордой на этом направлении. Согласно кратковременному анализу собранных данных, присутствие данной особи на поле боя положительно сказывается на моральном духе крысолюдей и их мотивации в продолжении боя. Возможное ее устранение приведет к панике в рядах противника. Есть запрос на соответствующие указания касательно данной особи.

— Дайте картинку, — приказал Квенти, посмотрев в сторону, откуда прозвучал голос оператора. — Крупное изображение этой твари. Переведите на экран капитанского пульта. И рассчитайте вероятность его уничтожения корабельными орудиями.

— Вероятность уничтожения стопроцентная при первом же залпе по указанным координатам. Цель находится в опасной близости от наших позиций. Вероятность дружественного огня по своим силам достигает ста процентов даже при точечном прицеливании. Прикажете продолжать? — оператор говорил равнодушно, словно машина, даже не приподнимая головы в нейрошлеме, пока указывал новые координаты комендорам орудий.

— Отставить! — Квенти сразу дернулся. — Отменить прежние приказания! Рассчитать вероятность высадки штурмовой группы в непосредственной близости от его местоположения.

— Идет расчет точки высадки и анализ ситуации...

Квенти снова посмотрел на экран капитанского контрольного пульта, где выстраивалось пропущенное через фильтры тепловизоров и ночных режимов изображение происходящего на поле боя. Прямо сквозь плотные ряды карийских солдат, выстроившихся в оборонительную формацию, выставив вперед широкие ростовые щиты, проламывались огромные крысолюды, закованные в примитивную броню с множеством шипов и

торчавшими наружу деталями экзоскелета. Явно мутанты, они были в два раза больше человека, вооруженные секирами и грубо сработанными алебардами, орудуя ими с такой силой, что пробивали солдатскую броню. Оскаленные морды с разбухшими мышцами, так что даже кожа расползалась, оставляя вечно кровоточащие нарывы, торчали из открытых шлемов, с капающей изо рта слюной и пеной, как у обезумевших. Принц Карийского бароната подсознательно погладил рукоять своей шпаги, висевшей на поясе, глядя на этих тварей.

У крысолюдов принято брать в вожак самых сильных, самых живучих и жестоких. Претензии на роль вожака эти ксеносы нередко выясняли в кровавых поединках друг с другом, где остаться в живых мог только один. А здесь вожак, по всей видимости, смог собрать себе подобных тварей, вооружив их и бросившись в лобовую атаку. Дикость и примитивизм, в которых каждый лидер должен быть первым среди своих солдат. И от этой мысли Квенти почувствовал укол совести.

— Господин Гельсен, прикажите подготовить штурмовую группу для высадки, — велел Квенти, не оборачиваясь. — И оставьте в десантном челноке как минимум одно свободное место. Я постараюсь спуститься к ангарам как можно быстрее.

— Господин, простите мою дерзость, но я не могу допустить подобного. Это слишком рискованно. У нас достаточно профессиональных и хорошо подготовленных солдат, чтобы обойтись без вашего личного присутствия. — Сопровождавший его офицер, вытянулся и приготовился к спору с наследником. Квенти был излишне импульсивен, как он считал и если бы кто-то вообще попросил бы старого офицера озвучить свое мнение. Ему еще следовало учиться и учиться сдержанности, холодности в мыслях и логике действий. Желание действовать самостоятельно похвально, но порой феодалу следовало оставаться позади. Армия Рейнсвальда не состоит из дикарей, которым каждый раз требуется подавать личный пример.

— Господин Гельсен, — Квенти даже не остановился, направившись к выходу с капитанского мостика. — Я не помню, чтобы интересовался вашим мнением касательно принятых мною решений. Зато отлично помню, что дал вам четкое распоряжение касательно ближайших действий. Будьте столь любезны исполнить его с точностью, достойной офицера моего отца.

— Господин, ваш отец поставил меня с распоряжением оберегать вас от неразумных решений и поспешных действий. И сейчас я могу со всей допустимой уверенностью говорить, что ваши действия продиктованы не столько доводами разума, сколько эмоциями. Я не могу допустить подобного.

— Господин гранд-капитан, — Квенти все же остановился и, развернувшись, посмотрел на сопровождавшего его офицера. — Я понимаю ваше желание и желание моего отца защитить мою жизнь. Однако я отлично помню слова девиза, выбитого на гербе нашего Дома!

Квенти ткнул пальцем в сторону большого геральдического щита, вырезанного на стене над капитанской надстройкой мостика. Большой герб Дома Карики, который поддерживали вставшие на задние лапы мантикоры, увитый лианами с широкими листьями, и большой лентой золотого цвета внизу, где черными буквами были пропечатаны слова девиза «Храбрости обязаны всем». На самом гербе был изображен воин в черном доспехе, стоящий на черепе дракона и поднимающий к небу меч. Квенти хорошо помнил легенду о происхождении этого герба, передававшуюся из поколения в поколения как пример для

всего рода.

Кария, дочь Эсселя, облачилась в отцовскую броню, неузнанная никем за черным забралом своего шлема, вышла на бой вместо него, сраженного тяжелой болезнью. Ее братья уже пали в войне против демонических ксеносов ксатриев, грозивших уничтожить все живое на землях Рейнсвальда, тогда еще не объявленного королевством. Кария сражалась наравне с мужчинами, чтобы защитить честь и дом своей семьи, защитить тех, кого вообще было возможно. И в одном из сражений, когда возникла угроза, что фронт все-таки будет прорван, Кария осталась на позициях, приняв бой, который должен был стать для нее последним. Тогда фронт удалось удержать, подошедшие подкрепления отразили врага, а среди сваленных горами мертвых тел нашли Карию, последнюю выжившую, израненную и залитую кровью с ног до головы, но все еще державшую древко знамени. Только в госпитале и выяснили — под доспехом была девушка. Заслуги Карины были признаны всеми, и девушка позже стала одной из тех, кто возложил свой меч на камень, за которым и было создано королевство Рейнсвальд.

«Храбрости обязаны всем». Квенти столько раз повторял этот девиз, что теперь не мог понять, почему должен отсиживаться вдали от боя, когда наконец-то появилась возможность доказать, что он достойный сын своего отца и вырос уже достаточно, чтобы и все окружающие считали его самостоятельным.

— Одних слов девиза мало, чтобы оправдать риск для вашей собственной жизни там, где в этом нет прямой необходимости, господин. Ситуацию можно решить, даже если вы останетесь на корабле. Моя обязанность...

— Господин Гельсен, я понимаю, что приказал вам отец, но и прошу вас понять меня! — Квенти Карийский тяжело вздохнул и опустил плечи. — Я ведь тоже дворянин. В моем возрасте я должен быть в рядах Королевской армии. Я должен сражаться, чтобы доказать, что достоин стать преемником титула. А вместо этого мой отец печется обо мне, как о яйцах в бумажной корзинке. Я должен спуститься на поверхность!

— Господин, это слишком рискованно...

— Да плевать! — бросил Квенти в сердцах и взмахнул руками. — Все-таки здесь я отдаю приказы! Если хотите, можете попытаться меня остановить!

Будущий барон прошел через открытый шлюз и, громко стуча по полу подкованными сапогами, направился в сторону оружейной, где хранился его комплект боевых доспехов. Его первый личный доспех, подогнанный специально под его параметры, настроенный точно по указанным характеристикам и даже украшенный по специальному заказу, правда, никогда прежде не использовавшийся в реальном бою.

Для дворян доспехи нередко значили не меньше, чем родовое оружие, а порой и передавались от отца к сыну из поколения в поколение, обновляясь и модернизируясь от раза к разу. Начиная свою историю от древней и примитивной брони допороховых эпох, боевые доспехи прошли долгий путь развития, иногда полностью исчезая с вооружения, иногда появляясь вновь. Однако необходимость в усилении снаряжения, наличии достаточных мер для защиты от окружающей среды и брони вернули латные доспехи на вооружение всех армий. По старым привычкам их специально конструировали с теми же традициями внешнего вида, что и тысячи лет назад, с множеством деталей, декоративных элементов, украшениями и гравировками по всему корпусу и нередко заметными отличительными знаками на шлемах. Карийские дворяне предпочитали ставить там небольшие парные крылья, поднимавшиеся над головой и закрепленные на тех же

сервоприводах, что и забрало.

Квенти посмотрел на герб, изображенный на щите его доспеха, и тяжело вздохнул. Какая-то часть его души оставалась уверена, что поступает он правильно, но где-то глубоко внутри копошились сомнения. Возможно, ему действительно стоило послушаться сира Гельсена, отец все-таки не зря поставил сопровождающего. Возможно, нынешний карийский барон сомневается в готовности своего сына, а возможно, это всего лишь отцовская забота о последнем наследнике. Судьбу старшего сына Квенти не хотел повторять. Погибнуть в дурацком происшествии, где даже не было его собственной вины — это не та смерть, которая предназначена для дворянина.

Оружейная была местом, где даже в самое мирное время пахло машинным маслом и озоном. Профессиональные оружейники сами во многом уже утратили человеческий облик, совершенствуя свое тело многочисленными имплантатами и дополнительными модулями, поддерживая примерно в таком же виде и свои рабочие места. В полумраке длинных залов с низкими сводами, где вдоль стен ровными рядами стояли доспехи, оружие, боевые дроны, сервисные модули и многое другое, необходимое для безошибочной работы целых армий, постоянно доносились звуки шипения гидравлических приводов, лязг механизмов и шум работавших ремонтных мастерских.

В залах для подготовки всегда занимались люди, чаще всего смены абордажных команд, проходивших регулярные тренировки, но дальше, в складах хранения и мастерских, простых людей встретить можно было крайне редко. Чаще всего там встречаются оружейники и их подмастерья, больше напоминающие продолжение своих подопечных машин, порой настолько, что уже и непонятно, где начинается человек и заканчивается электроника.

Квенти смотрел на личный доспех, закрытый в капсуле под толстым стеклом, все еще сомневаясь, когда услышал за спиной звук шагов. Слабый лязг по металлическому полу ничуть не напоминал походку сира Гельсена, и наследник титула развернулся поинтересоваться, кем же был его незванный гость. Перед ним стояло существо, слабо напоминающее человека. Его сутулое тело обросло множеством дополнительных манипуляторов и серворук, а вместо ног появилось нечто, напоминающее сегментированное тело многоножки, закрытое от чужих взглядов подолом тяжелого балахона из огнеупорной ткани. Лицо еще напоминало человеческое, только вместо привычных черт оставались подвижные металлические пластины, за которыми находились многоканальные визоры, а нижнюю половину лица скрывала система подачи питательных веществ и решеток фильтров для дыхания и перекачки воздуха.

Главный оружейник флагмана, техномастер Аурелий, о котором ходило достаточно легенд, чтобы даже Квенти о них слышал мимоходом. Никто не помнил уже, сколько лет Аурелий занимал эту должность, но многие были уверены, что намного больше, чем тысячу лет. От его прежнего человеческого тела практически ничего и не осталось, кроме части нервной системы, заключенной в емкости с биологическими жидкостями и запаянной глубоко в недрах его нового тела. Вечный надзиратель оружейной, он обладал настолько огромной памятью, что помнил буквально каждый патрон и каждую запчасть на складах, равно как и всех, кого когда-либо видел на борту флагмана. Находиться в его присутствии было сомнительным удовольствием для тех, кто не привык к тому, как выглядят люди, посвятившие себя служению культу Механизма.

— Ваша Милость... — Аурелий склонил голову в поклоне, демонстрируя усеянный многочисленными проводами и имплантатами затылок, постепенно переходивший в

искусственный позвоночник, топорщившийся небольшим металлическим гребнем. — Прошу прощения, что нарушил ваши размышления, но в моих владениях вы появились впервые и... я весьма любопытен...

Голос у техномастера был не менее странным, чем сам его внешний вид, практически не имевший человеческих интонаций, но при этом сухой и ломкий, как у древнего старика. Он даже слова произносил словно нарочито медленно, вытягивая окончания и делая большие паузы между предложениями. Привыкшие к компьютерным кодам и передаче огромных масс данных через сетевые соединения, культисты Механизма нередко забывали о том, как правильно пользоваться человеческой речью, считая ее слишком медленной и неэффективной. Для Квенти культ Механизма, хоть и не считавшийся запрещенным в Рейнсвальде и даже не конфликтовавший с церковью Неба, все равно оставался чем-то пугающим и все еще малопонятным. Культисты сами не торопились ничего рассказывать непосвященным, ни про особенности своих верований, ни про проводимые обряды и способы поклонения. Известно было лишь то, что последователи культа считали любую плоть несовершенной и продолжение эволюции выдели в использовании кибернетических тел и имплантации.

— Надеюсь, ваше любопытство удовлетворено полностью? — Квенти покачал головой, но сразу отвернуться побоялся. Отлично понимая, что Аурелий даже не подумает причинить вред дворянину, он подсознательно все равно не торопился поворачиваться к нему спиной. — Еще какие-то желания?

— В полном понимании этого слова, Ваша Милость. Раз уж предначертано было сложиться последовательным линиям, чтобы мы встретились, то у меня будет к вам небольшой разговор. Естественно, если Ваша Милость согласится меня выслушать.

— Я тороплюсь, — Квенти отрицательно покачал головой. — Меня ждет высадка, а это не терпит отлагательств.

— Уверяю Вашу Милость, что много времени это не займет. Тем более корабль еще только разворачивается. У нас есть, обобщая говоря, около трех с половиной минут дополнительного времени, которое никоим образом не скажется на эффективности операции, в которой Ваша Милость желает участвовать.

— Хорошо. Говори.

— Ваша Милость может не задерживаться, выслушивая мою речь. Автоматика снаряжения облачит вас в доспехи, а вы сами пока слушаете, что говорит старик.

Надеть доспех можно было и самостоятельно, пусть и не каждую модель, но для этого требовался немалый опыт и физические навыки, а Квенти пока не обладал ни тем, ни другим. Поэтому, встав перед капсулой со своим доспехом, все-таки повернувшись спиной к техномастеру, он нажал кнопку запуска процесса. Из потолка над ним тотчас вылезли манипуляторы, с тихим шипением настраиваясь под параметры его тела, а прозрачное стекло капсулы исчезло за металлической заслонкой. Из стен по обе стороны капсулы выдвинулись вперед, встав по обе стороны от будущего барона, киборги, соединенные с системами оружейной в единое целое и утратившие уже всякие остатки человеческого сознания. Они больше были органическими корпусами с еще сохранившимися частями тела, и имели фрагменты самостоятельной мыслительной деятельности, нужной только для контролирования процесса сборки доспеха. Из вживленных в плечо на месте ампутированных рук креплений развернулись тонкие и длинные, похожие на паучьи лапы, манипуляторы, тут же защелкавшие вокруг Квенти.

Процесс снаряжения доспеха был целым ритуалом, в котором теперь роль оруженосцев выполняла автоматика, а самому солдату самостоятельно нужно было только раздеться, оставшись в одном нижнем белье. Квенти рефлексивно дернулся, когда вышедшие из пола манипуляторы затянули его тело в обтягивающий комбинезон из адаптивной ткани, оставлявший открытым только разъемы для нейроподключения. За ним шел еще один комбинезон с дополнительными подключениями для данного типа доспеха, и только после этого уже манипуляторы зашуршали и зашевелились, закрепляя на теле дворянина внутреннюю часть доспеха. Автоматика буквально дробила доспех на отдельные элементы, а потом точно так же собирала его снова, используя человеческое тело как каркас. Здесь необходимы была точность и правильный расчет, любая ошибка могла привести к тому, что неправильно подогнанная псевдомускулатура доспеха или же неверно выставленные сервоприводы переломают носителю кости.

Странное ощущение, когда электронные системы буквально запаивают носителя в доспех. Для дворян подгонка была индивидуальной, электронный мозг «оруженосцев» самостоятельно рассчитывал все необходимое, в то время как для рядовых солдат и младших офицеров использовались поточные системы обмундирования с конвейерными линиями. И прямо напротив Квенти, задумчиво разглядывая работу больше аппаратуры, чем самого дворянина, стоял техномастер, пока его многочисленные манипуляторы складывались и шевелились будто сами по себе, выдавая его волнение. Или, возможно, это было чувство предвкушения или ожидания чего-то, Квенти не мог точно разобрать.

— Ваша Милость, происходящие сейчас события считаются нестандартными, затрагивая параметры деятельности ксеносов, прежде считавшиеся невозможными. Как человек, обладающий тягой к знаниям, я имею желание просить вас позволить подробнее разобраться в данном вопросе. Вполне может возникнуть вероятность, что мы имеем дело с новыми принципами мышления ксеносов, появившихся даже не столько в рамках биологической, сколько в условиях зарождающейся социальной эволюции этих существ. Подобные общности, насчитывающие столь большое количество особей, невозможны без социального взаимодействия. Рассчитана довольно высокая вероятность, что контроль такой массы объектов требует не столько внушения физической силой, сколько активных мыслительных процессов для аналитики состояния и прогнозирования результатов. В ином случае данная орда давно бы уже сама себя поглотила, не имея возможности адаптации ко столь малым доступным пищевым ресурсам.

Квенти на мгновение зажмурился, когда тонкие манипуляторы киборгов осторожно подхватили спустившийся с потолка шлем, медленно опустили его на голову и тут же закрепили под горжетом нагрудного панциря. Подоспешный ворот тихо зашипел, выравнивая давление на всех креплениях и герметизируя доспех. Шлем было довольно распространенной моделью среди карийского благородного сословия, крупный и с треугольным забралом, выдававшимся вперед. Во внешней броне оставались только узкие прорезы для расположенных внутри визоров и решетка воздухозаборников.

Окуляры тут же вспыхнули зеленоватым светом, подключенные к основным системам доспеха, пока интерфейс загружал все основные параметры, выводя данные на внутреннее забрало прямо перед глазами Квенти. Наследник дернулся и прикусил губу от резкого укола боли, когда нейроинтерфейс шлема подключился к нервной системе. Болевые ощущения при использовании контактов, вживленных в тело, оставались тем неприятным моментом, от которого инженеры так и не смогли избавиться, несмотря на все попытки и эксперименты.

Человеческий организм пытался защититься от внешнего воздействия, реагируя на активацию контактов как на любой другой раздражитель.

— Вы хотите сказать, что крысолюды смогли собрать такую орду потому, что среди них появились твари, способные к мышлению на уровне человеческого? — недоверчиво поинтересовался Квенти, пытаясь одновременно и думать, и не потерять сосредоточенность, пока перед глазами суетились манипуляторы киборгов, закрепляя детали доспеха и проверяя работу псеводмускулатуры. Это было сложно, к такому он все еще не смог привыкнуть.

— Именно, — Аурелий кивнул, обходя наследника по кругу и проверяя собственным взглядом работу автоматики. — При любом исходе событий это мои субъективные рассуждения, основанные на анализе прежних столкновений с этими ксеносами. Прежде столь крупные операции против ратлингов не проводились, как и не было столь серьезных потерь. Существует вероятность, что мы собственными глазами наблюдаем эволюцию этих существ, способных представлять отныне серьезную угрозу даже крупным и развитым поселениям на Поверхности. Аналитический отдел подтверждает данную теорию и, возьму на себя смелость судить, ваш штаб придерживается такого же мнения, иначе почему так важно уничтожить корабельные двигатели и систему управления.

— Возможно, вы правы, — наследник чувствовал себя обманутым. Ему не докладывали о таких теориях, данные аналитического отдела шли сразу штабным командирам, которые, как ему казалось, взяли на себя всю ответственность, принимая решения через голову находившегося здесь же дворянина. — Однако зачем вы пересказываете мне все это здесь и сейчас?

— Меня интересуют используемые ратлингами технологические нововведения, неизвестные прежде. И в первую очередь системы подготовки и контроля ракет дальнего радиуса действия, применяемые для борьбы с нашими кораблями. Данное наблюдение является уникальным и не зарегистрированным прежде. И оно является результатом социальной эволюции ксеносов. Научно-исследовательским институтам будет весьма интересен этот вопрос развития столь сложных технологий в столь примитивных условиях. Моя просьба в первую очередь заключается в поиске и сохранении всего, что у ратлингов может быть связано с ракетостроением.

— Вы считаете, будто у них есть что-то, чему нам следует учиться?

— Вероятность победы в сражении всегда определяется информацией. Знание о возможностях противника и прогнозировании его активности является решающим моментом для достижения поставленных целей. Обладая информацией о техническом прогрессе ратлингов, мы сможем эффективнее применять против них свои силы.

— Сложно с вами спорить... — Квенти тяжело вздохнул, поведя плечами и проверяя работу перчаток доспеха, сжимая и разжимая пальцы. — Я сделаю все возможное в моих силах. Ваш запрос прямо сейчас отправлю в центральный штаб операции, пусть доведут информацию до сведения личного состава. Не могу гарантировать, что он будет исполнен, нам гораздо важнее уничтожить этих тварей, чем размышлять над тем, насколько умными они стали. Ковровые бомбардировки никто не отменял... И я не стану рисковать жизнями солдат, если риск будет слишком велик. Надеюсь, это вы тоже понимаете?

— Ваша Милость, достаточно одного только вашего слова. Вы делаете одолжение не только мне, а всей науке, обещая попытаться, — Аурелий снова склонил голову. — А теперь я вынужден вас оставить, чтобы заняться уже прописанными для меня обязанностями. Пусть Небеса улыбаются вам сегодня, а детали вашего снаряжения будут работать без сбоев и

ошибок.

Техномастер удалился, оставив Квенти одного в оружейной келье. Даже киборги уже вернулись обратно в свои ниши, и наследник бароната стоял перед пустой капсулой доспеха в гордом одиночестве, только услышав, как с тихим шипением двери закрылись за Аурелием. Квенти последний раз сжал и разжал перчатку правой руки, глядя, как механические пальцы в точности повторяют его движения. Было даже немного страшно, пусть он и сам не хотел признаваться себе в подобных чувствах. Первая настоящая боевая высадка и, возможно, первый убитый враг, если Квенти окажется достаточно умел, чтобы разобраться хотя бы с одним ратлингом.

В виртуальных симуляциях он показывал довольно неплохие результаты, но вот в ближнем бою все еще оставалось куда расти. И словно в ответ на его сомнения, включился один из модулей на правой наручи, выдвинув короткий прямоугольный ствол плазменного разрядника. Мысленно выругавшись, что не может четко контролировать нейроинтерфейс, Квенти убрал его обратно, а потом развернулся и, покинув свою келью, направился к лифтам, уходящим к корабельным ангарам.

Он проходил мимо готовившихся к бою солдат, сразу замечавших украшения дворянского доспеха и торопившихся вытянуться и поприветствовать своего сюзерена. Квенти знал, что под закрытым забралом не видно его лица, но все равно не мог не улыбаться, чувствуя, как внутри поднимается то самое теплое чувство, когда вокруг есть люди, готовые поддержать в любую секунду. Он старался хотя бы кивнуть каждому, мимо кого проходил, или же ответить парой вежливых слов, когда ему желали успеха в бою и благословения Неба. Это ему действительно пригодится.

Лифтовая платформа опускалась словно нарочито медленно, с тихим скрипом двигающихся в пазах шестерней и шипением гидравлических систем. Там уже стояло больше полусотни бойцов, тоже готовых к новой волне десанта на поверхность, но Квенти сразу же уступили место. Судя по тому, как солдаты на него косились, на отрядной частоте шло бурное обсуждение, зачем дворянину потребовалось участвовать в высадке, где все планы и так уже полетели в Бездну. И от таких мыслей принц снова почувствовал раздражение, ведь он, в конце концов, просто пытается исполнять свои обязанности. Обязанности, которые произносил вслух, принимая дворянский статус и первое армейское звание от своего отца.

Внизу, в ангаре, было шумно и, как казалось, очень тесно. Несмотря на то, что большая часть десантных челноков и транспортов уже отсутствовала, каждый квадратный сантиметр свободного пространства был чем-то занят. Окончательно ощущение хоть какого-то свободного пространства в центральных корабельных ангарах вытесняли четыре трехсотметровых корпуса кораблей сопровождения, вынужденных вернуться в крейсер с повреждениями от зенитных орудий ратлингов и осколков сбитых ракет. Нависая прямо над головой громадой металла, с хорошо заметными на броне опалинами и пробоинами от примитивных, но все равно мощных орудий крысолюдей, они полностью закрывали высокий потолок ангара, так что казалось — протяни руку и сможешь коснуться сопел, вокруг которых дрожал от жара воздух. Все-таки крейсер — не линкор и не супердредноут, где для десантных и транспортных ангара выделяли отдельные помещения. Здесь место приходилось экономить.

Квенти уже не в первый раз бывал в таких ангарах. Только не в подобной мешанине и тесноте, где среди еще сверкающих натертыми боками транспортников стояли и закопченные пыльные машины с дырками попаданий и подсыхавшими пятнами крови на

бортах. Особо удручающее впечатление производили ряды тел, закрытых простынями, мокрыми от крови. С поверхности вывозили всех, кого только могли, в том числе и тела, чтобы потом была возможность вернуть их семьям погибших. Такой альтруизм доступен не всегда в современных войнах, но если была возможность, от нее не отказывались.

Рядом же лежали рваные и изломанные солдатские доспехи, которые порой приходилось буквально резать на части, чтобы все-таки вытащить оттуда тела. Кто-то даже присыпал лужи крови песком, чтобы не поскользнуться. Квенти отвел взгляд, когда увидел, как вытаскивают новые тела из только что приземлившегося транспортника, все еще дымившего пробитым насквозь прямым попаданием двигателем. Машина выглядела так, будто участвовала в стрельбищах в роли мишени, а пилоту, сидевшему тут же, у ступенек пассажирского отсека, медсестра бинтовала окровавленную голову, что-то добродушно, судя по улыбке, шепча. А рядом несколько бойцов в помятых и запачканных кровью и грязью доспехах просто, словно кули, выгружали наваленные в отсеке тела.

— Господин, я все же настаиваю, чтобы вы еще раз подумали над своим решением... — Сир Гельсен уже был здесь, ожидая его как раз у самого лифта. Квенти в первые секунды даже несколько растерялся, не зная, куда идти, и чувствуя себя здесь явно лишним, так что появление знакомого лица его даже обрадовало. Приставленный к нему офицер уже был в полном снаряжении, только шлем был еще не на голове, а закреплен на поясе. Будучи рыцарем Кариийского бароната, сир Гельсен тоже имел индивидуальный доспех, даже более бросающийся в глаза, чем у Квенти, во многом из-за высокого алого плюмажа из крашенных перьев костяной птицы подземелий Поверхности. И, как старший офицер легкой кавалерии, на нагруднике имел большую золотую гравировку, повторявшую герб бароната.

— Я считаю, что принял вполне осознанное решение, — Квенти решил оставаться твердым. — Как вижу, вы собрались сопровождать меня...

— Вы позволили мне самому принимать решение, и данный вариант показался мне наиболее удобным из всех вероятных, — рыцарь снова поклонился. — Господин, нам следует поспешить, чтобы не останавливать весь график полета. Наш челнок с боевой группой пришлось включать в общее расписание, сдвинув и нарушив сразу несколько позиций. Это не критично, но может вызвать определенные неприятные последствия. Особенно если задерживать вылет.

— Да, конечно... Ведите... — Квенти даже не заметил, как крепко в этот момент его бронеперчатка сжимала эфес Висевшего на поясе меча, но сир Гельсен не стал акцентировать на этом внимание. Несложно понять, какие мысли в эти секунды обуревали молодого наследника престола, и в такие моменты лучше не стоит вмешиваться, чтобы не сделать еще хуже.

Тем более челнок, готовый доставить их на поверхность, уже ждет неподалеку. Его скрывал от них только корпус поврежденного шаттла, еле-еле дотянувшего до ангара и буквально рухнувшего на выделенное под него место.

Глава 19. В тени чести

Дух торговли, который рано или поздно овладеет каждым народом, — вот что несовместимо с войной. Из всех сил, подчиненных государственной власти, сила денег, пожалуй, самая надежная, и потому государства будут вынуждены (конечно, не по моральным побуждениям) содействовать благородному миру.

Иммануил Кант

Торговлю можно назвать одним из главных двигателей прогресса. Многие позволяли себе такую мысль, что даже война не сделала столько для развития любой цивилизации, чем торговля. Конкуренция товаров на рынках заставляла производителей вкладывать средства в разработку новых и более совершенных технологий, вносить в устоявшиеся связи что-то новое, дабы получить новых клиентов и возможности сбыта. Прибывавшие в страну товары ускоряли и улучшали денежный оборот, создавая все больше возможностей для развития мирной жизни, а деньги, получаемые от продаж за рубежом своей страны, положительно влияли на государственный бюджет. Масса возможностей для политиков, конкуренция среди производителей, борьба за спрос и предложение порождали невероятное количество вариантов для выстраивания отношений, формирования новых связей и бесконечного усложнения самого общества. Торговля расширяла связи государства, позволяла искать новых союзников, создавала новых соперников и даже врагов. Торговля не позволяла странам закрыться внутри себя и медленно затухать в попытках сохранить существующий порядок вещей.

И потому торговые связи были так важны. Потому торговые соглашения становились первым шагом на пути к союзам и коалициям, прокладывали пути для будущих контактов или закрепляли уже существующие. И потому торговля всегда оставалась скользкой и хрупкой дорожкой, на которой каждый в первую очередь искал собственную выгоду. Понятия чести и верности здесь не были значительны, долг и порядочность отходили на второй план, а главным становилось получение более выгодного положения. Практически та же политика, только выстроенная на вечной погоне за наживой, а не на крови.

За те дни, что прошли среди стен древней орбитальной крепости, Тристанский баронат серьезно укрепил свое положение за пределами Рейнсвальда. При всех своих промышленных мощностях, могущественных армиях и высоких стенах городов ни один феодал не сможет долго продержаться, оставшись без рынков сбыта и притока капиталов. Эдвард понимал это так же ясно, как и собственное дыхание. И потому всеми силами старался закрепить существующие отношения и создать новые. Поставки вооружения, высокоточных технологий, продуктов автомобильной промышленности и кораблестроения шли в обмен на редкоземельные металлы, минералы и программное обеспечение.

Феодал мог многим себя обеспечить. В мирное время его заводы выпускали практически все необходимое для того, чтобы граждане не бедствовали, но в военные времена, когда приходилось полностью перестраивать экономику, как внутреннюю, так и внешнюю, все изменялось радикально. Феодалу нужны были резервы, нужны были надежные пути торговли, нужны были союзники, к помощи которых можно прибегнуть без страха предательства. Именно те контракты, что подписывались за время переговоров, позволяли взглянуть в

будущее уже не с таким страхом, как прежде. Тристанский баронат закреплял свои позиции и даже подвинул некоторых конкурентов. А кое-что из представленного стало даже принципиально новым и невиданным прежде. Ничто не заставляет так надежно следовать договоренностям, как понимание неотвратимого возмездия в случае их нарушения.

«Викинги». Появившиеся перед камерами, снимавшими представление, впечатлили всех без исключения. Сверхтяжелые танки, по своей массе и габаритам уже близкие к малым боевым кораблям, считались тупиковой ветвью развития технической мысли. Слишком неповоротливыми и уязвимыми они могут стать, слишком сложными и дорогими для производства, слишком узкими для использования. Только в эти дни «Викинги» доказали обратное.

Технологии, выкупленные у Реструкторов и адаптированные мастерами бароната, позволили создать боевые машины, ставшие не столько передвижными крепостями, сколько стальным кулаком, не знавшим препятствий. Эти танки не знали себе равных на поле боя, и их появление превратило избиение дикарского конвоя в настоящую бойню. Всего лишь три машины, оказавшиеся в пустошах, произвели больше разрушений, чем несколько подразделений тяжелых танков. Орудия главного калибра в центральной башне выжигали целые кварталы, не оставляя после взрыва ничего, кроме пепла и воронок с расплавленными краями, а вторичное вооружение позволяло быстро и эффективно уничтожать практически любую бронетехнику и живую силу противника.

Эдвард Тристанский, один из тех, кто первым предложил идею создания подобного танка, в тот день сполна насладился реакцией своих гостей, увидевших вживую столь разрушительную силу. На земле у «Викинга» не существовало соперников, и разве что орбитальная бомбардировка могла его уничтожить.

— Прекрасные машины. — Заметил Линк во время демонстрации стоявший рядом с Эдвардом. — Я не рассчитывал на подобное, но ты все равно меня смог удивить. «Викинги» смогут изменить баланс сил в наземных операциях. А это откроет новую гонку вооружений в Рейнсвальде.

Линк Кессерилд, личный представитель Остезейского банковского союза Рейнсвальда, крупнейшей конфедерации феодалов в королевстве. Один из немногих людей, которых Эдвард осмеливался называть другом и к кому относился хоть и как к равному, но с доверием, словно зная, что не будет обманут. Молодой наследник одного из графских родов, вошедших в состав Остезейского Союза, достаточно влиятельного и древнего, чтобы получить честь представлять своих сюзеренов при дворе столь значимого клиента, как Тристанский баронат.

Об Остезее ходило немало слухов, одни казались правдивыми, другие откровенно вымышленными, но никогда не получалось говорить с уверенностью, что именно оправдается и чего следует ждать от остезейцев. Этот союз был сформирован в дни Второй Внутренней войны в королевстве. Тогда феодалы северного полуострова Рейнсвальда оказались отрезаны ото всех, лицом к лицу с армиями тирана Горссада Завоевателя, и вынуждены были объединиться, чтобы сдержать их в битве у Галаридского перешейка. Позднее конфедерация оформилась окончательно, и феодалы поняли те преимущества, что дает им объединение. Остезейский Союз со временем превратился в крупнейшую финансовую организацию королевства, сосредоточив усилия на денежных операциях на внутреннем и внешнем рынке. И если его армии были далеко не самыми крупными, а добывающих колоний практически не имелось, то главная сила заключалась в возможности затянуть удавку на шее соперника,

тесно связав кредитами и финансовыми санкциями.

И потому к остезейцам всегда относились двойко. Они были необходимы, без остезейских банков королевство давно бы развалилось, не сумев удержать всю сложную и многоуровневую финансовую систему, но к ним же относились как к тем, кто не достоин титула рейнсвальдского дворянина. Ростовщики и кредиторы, финансисты и экономисты — это не те, кто должен иметь подобный титул. Не пристало настоящему дворянину откладывать меч в сторону, чтобы садиться за счеты. Однако Линк был одним из тех немногих дворян королевства, к которому Эдвард испытывал подобие благодарности и уважения за его честные и искренние поступки.

— Как говорится, «вишенка на торте», — согласился тристанский барон, кивнув головой и глядя на то, как один из «Викингов» единственным выстрелом главного орудия уничтожил группу отбившихся от основного конвоя дикарей грузовых и пассажирских машин. Единственная вспышка взрыва расцвела посреди развалин, сметая и легко бронированную технику, и древние стены, уцелевшие от стоявших когда-то на этих землях городских кварталов. После того, как пламя померкло, на этом месте осталась только воронка с разбросанным щебнем. Линк даже удивленно охнул в этот момент, недостаточно тихо, чтобы Эдвард не смог его услышать. Усмехнувшись, тристанский барон закончил начатую фразу: — Эти машины изменяют очень многое. Мы наконец-то сможем заменить количество качеством при полномасштабных сражениях. Конечно, они невероятно дороги, но все же дешевле, чем целые танковые дивизии.

Линк кивнул, и Эдвард все же скосил взгляд в его сторону, отмечая поведение остезейского представителя. Не знай он его лично, то ни за что бы не сказал, будто этот человек принадлежит к владениям одного из самых спорных и таинственных феодалов королевства.

Остезеец больше напоминал благородного рыцаря из старых легенд. Высокий, статный, с орлиным профилем и казавшимися вечно взъерошенными коротко стриженными белыми волосами, но на деле прическа оказывалась тщательной укладкой. В белоснежном мундире с серебряной вязью на манжетах рукавов и бортах шинели из тонкой ткани, он казался даже слишком заметным на фоне разукрашенных и разноцветных костюмов гостей, словно кичившихся друг перед другом своим богатством. И, чем еще больше нравился Эдварду, Линк не любил двусмысленные формулировки и фразы со скрытым смыслом, предпочитая говорить только правдиво и только по делу. Из-за чего еще меньше походил на своих соотечественников. Мир, в котором ложь возведена на одну ступень с истиной, правда может звучать как удары молота там, где требуется изящество иглы.

— Барон, вы действительно считаете, что следует столько внимания уделять наземным сражениям, когда многие специалисты сходятся во мнении, что эпоха войн уходит в пустоту и основную роль в дальнейшем будут играть боевые флоты. Армии отойдут на второй план...

— Я не считаю, что стоит слепо верить тому, что говорят так называемые эксперты. — Эдвард отрицательно покачал головой, продолжая внимательно смотреть на экран, где «Викинг» проламывался через плотную разрушенную застройку заброшенного города. Огромные траки легко сминали старые стены, поднимая тучи пыли и пепла, оставляя за собой пропаханную полосу, засыпанную обломками и мелкой раздавленной крошкой из бетона и керамики. Тристанский барон пригубил вина из своего бокала и устало вздохнул. — Когда дело касается войны, слишком сложно что-то предугадывать заранее. Живые противники всегда найдут способ выстроить новую тактику в ответ на твои действия, равно

как легко найдут твои уязвимости. Легко говорить про доминирование флота, если сравнивать системы вооружения и разрушительные возможности, но это бронированный кулак, который крушит и ломает. А наземная армия — куда более тонкий инструмент с куда большими возможностями применения. И чем шире возможности армии, тем больше вариантов тебе представляется для решения проблем. Всегда можно сравнить противника с землей орбитальным залпом, но после такого далеко не всегда можно добиться желанных целей. Линк. Ты же не станешь с этим спорить или утверждать такую глупость, что вспомогательных сил флота хватит для наземных компаний?

— Естественно, нет. Я и сам не определился, что могу сказать по этому вопросу. Скорее, мне было интересно услышать ваше мнение, барон. — Линк пожал плечами и отвернулся от экрана. — В любом случае, мои сюзерены уже просят отчета о том, что вы представили здесь, и сведения о «Викингах» будут весьма любопытны. На фоне сделанного вами заявления, что эти машину не поступят на продажу, а представлены лишь как демонстрация возможностей вашей армии, волна может подняться весьма широкая. Никто и так не будет рад, что возможный соперник имеет столь передовые возможности для своих войск, а ваше заявление лишь добавит сомнений, зачем вообще они вам нужны.

Тристанский барон улыбнулся, но отвечать ничего не стал.

— Значит, причины не только экономические, но и политические, — Линк сделал свои выводы и покачал головой. — В любом случае, вы можете гордиться произведенным впечатлением. Всего лишь неделя, проведенная за переговорами, а ситуация на Королевской бирже уже изменилась. Хотя, думаю, вы и без меня знаете, что там происходит. Все-таки ваши представители на торгах действуют сейчас необычайно активно. Даже активнее, чем во время открытия «Сакрала».

Королевская биржа Рейнсвальда. Крупнейшая торговая площадка не только в самом королевстве, но и во всех государствах Цитадели и, вполне вероятно, что и во всем секторе. В огромных залах с сияющими экранами, куда выводились ежечасно обновляемые графики изменений цен на акции тысяч и тысяч компаний сектора, товары и ресурсы, всегда толпились брокеры и представители феодалов и корпорантов. В свете ярких люстр постоянно работали вычислительные машины, а мощные компьютерные фреймы, занимавшие порой целые этажи, проводили анализ и обработку всего массива данных, поступающих из Известного Пространства.

Центральное здание Королевской биржи располагалось в столице, в одном из куполов верхнего уровня, и вокруг него фактически всегда разрасталась пробка из-за множества прибывающих и отъезжающих кортежей. Высотное здание, со стороны напоминающее ступенчатую пирамиду, фактически до самого свода было едва ли не символом человеческой алчности, где можно было купить всё и вся, за считанные дни сколотить огромное состояние, удачно вложив даже небольшой капитал. Или же прогореть и потерять все до последней монеты, сделав не ту ставку.

Каждая компания, каждая корпорация, феодал или отдельное государство считало прямым долгом и даже обязанностью иметь своих представителей и брокеров на Королевской бирже. Многие выводили на этот рынок и свои акции, формируя капиталы или же вкладываясь в казавшиеся перспективными направления. Многие передовые проекты или целые компании поднимались на торгах этой биржи, и не меньше было связано с ней историй о катастрофах и гибели целых финансовых империй. Тристанский баронат, как и каждый из феодалов королевства, имел там своих представителей, постоянно отслеживая

ситуацию и динамику вложенных средств.

Эдвард навскидку мог вспомнить примерно полсотни акционерных компаний, куда входили активы бароната, а кроме них существовало еще несколько сотен проектов. За которыми он лично не следил, ему только докладывали о разнице в цифрах и приводили варианты решений для согласования. Но динамика некоторых акций напрямую сказывалась и на остальных, как того же «Тристан-цикл», общего концерна, под которым проходили все промышленные предприятия бароната. Рост или падение его акций моментально сказывались и на остальных проектах.

— Насколько мне известно, основные курсы повысились от семи до двенадцати пунктов. — Эдвард безразлично отвернулся от экрана. — Линк, друг мой, я собираюсь пройти до стола с закусками. Не желаете составить мне компанию? К тому же я там наблюдаю нескольких корпорантов, у меня к ним еще есть парочка вопросов с последнего проведенного круга переговоров.

— Господин барон, вы же прекрасно знаете, что я не посмею вам отказать. — Линк даже руку к сердцу приложил. — Кроме того, это вино оставляет слишком сладкий привкус во рту, не самое приятное сочетание. А вот поднос с сырной нарезкой в этом случае смотреться будет как нельзя кстати.

Эдвард по пути поздоровался еще с несколькими гостями, которых не видел за столом в последний раз, отметив, что количество присутствующих с последнего раза сократилось. Представители компаний и послы уже начали постепенно разъезжаться, истощив свои возможности и выполнив намного больше, чем собирались по прибытии. Эдвард старался никого не отпускать недовольным, и каждому, кто приходил к нему с извинениями и просьбами оставить его гостеприимство по причине неотложных дел у себя дома, оставлял богатые подарки и обещания, равно как и озвучивал надежды, что заключенные соглашения останутся в силе, когда потребуется. Оставшиеся гости все больше времени посвящали тристанскому гостеприимству и все меньше делам, так что уже можно было подводить первые приблизительные итоги этого собрания.

Корпоранты, собравшиеся у стола, были заняты обсуждением транспортных маршрутов, по которым должны были пойти товары из феода на открывшиеся после последних договоренностей рынки Скалифа и Озера — вольных анклавов, не входивших в состав Цитадели и с опаской смотревших на рейнсвальдскую экспансию. Договоренности с ними Тристанского бароната о торговле можно было считать большим успехом барона, открывшего совершенно новые рынки сбыта. И теперь корпоранты предполагали, что компании, способные организовать роль посредника, смогут получить большие прибыли, особенно ничем не рискуя. Что естественно в таких ситуациях, каждая корпорация рассчитывала взять на себя услуги транспортного перевозчика и обеспечивать безопасность маршрутов.

С такими вопросами собравшиеся у столика с закусками корпоранты и обратились к Эдварду, рассчитывая угадать или хотя бы предположить его намерения, но у барона не было желания обсуждать столь важные вопросы столь поспешно. Поэтому с вежливой улыбкой он пообещал поднять этот вопрос на ближайшем круге переговоров и обязательно его решить так, чтобы никто не остался недовольным. Слово барона значило многое, и за ним стояло больше, чем пустой звук. Убедиться в этом собравшиеся гости уже успели.

— Мне начинает казаться, что я уже успел порядком устать от всех игр в дипломатию и постоянных улыбок всем и каждому, — заметил Эдвард, как только они снова остались с

Линком вдвоем. Тристанский барон склонился над большим блюдом с тарталетками, выбирая ту, что казалась аппетитнее. — Друг мой, скажи, а вот тебе самому, находясь рядом со мной, не надоедает эта игра в улыбки и вежливость? Возможно, в этих чувствах мы похожи.

— Барон, иногда у меня возникает ощущение, словно вы намеренно пытаетесь заставить меня выйти из себя, прибегая к подобным гнусным вопросам. — Линк остался равнодушен, все еще держа в пальцах шпажку от сырного канопе. — Неужели вы все еще не можете поверить, что это действительно мое к вам отношение? Я искренне вам симпатизирую и необычайно рад, что судьбу Небеса сложили именно тем образом, в котором мы с вами встретились лично.

— Мне хочется в это верить, но я не привык, что некоторые вещи могут быть настолько простыми. Достаточно примеров, когда люди вели себя не так, как пытались изобразить. — Эдвард распрямылся, держа в руках тарталетку с мясом сухопутного краба. — В отличие от компьютеров, люди намного сильнее склонны к ошибкам.

— Некоторые ошибки могут сделать человека счастливым. — Линк пожал плечами. — Возможно, от неведения, а возможно, действительно окажутся на пользу. Хотя здесь еще вопрос, что стоит считать ошибкой. Насколько мне известно, такую ошибку, полностью доверяя человеку, вы допустили лишь единожды...

— Это совершенно другое. — Эдвард отмахнулся. — И честно говоря, у меня нет ни малейшего желания обсуждать ее таким вот образом, не говоря уже о том, чтобы даже хоть относительно связывать ее имя с теми делами, с какими занят здесь. Не хочу пачкать воспоминания о ней подобным местом...

— Но не можете признать, что не думаете о ней. Я прав? — Линк с интересом посмотрел на барона. Тот даже не стал отвечать, только головой кивнул. — И тем удивительнее это смотрится. Нет, я могу понять, что в такой девушке мог найти тристанский барон, но вот что нашла она в вашей персоне, для меня остается загадкой.

— Откровенно говоря, для меня тоже. — Тристанский барон задумался. — Линк, я повторяю, что сейчас не самое подходящее место для обсуждения подобного. И, если продолжать, то не думаю, что у меня есть вообще хоть какое-то желание обсуждать Изабеллу и все, что с ней связано.

— Простите мою наглость, — Линк прикрыл глаза и кивнул, соглашаясь. — Это не более, чем мое любопытство. Слишком многое пришлось в последние дни на мою память. Необходимо хоть чем-то отвлечься, чтобы в голове немного улеглись все эти цифры, имена и договоренности. А как говорится...

— Никак не говорится... — Эдвард даже помрачнел, встревоженный мыслями, всколыхнувшими в нем старые чувства. Он действительно давно не видел Изабеллу Карийскую, свою возлюбленную и невесту. Насколько он знал, девушка в эти дни должна была оставаться в родительском замке под строгим, но заботливым присмотром своего отца. В ее чувствах Эдвард был уверен настолько, насколько вообще можно быть уверенным в такой ситуации, но в последний раз собственными глазами видел ее слишком давно.

Это было на дне поминовения Святого Арда — покровителя всего рода карийских дворян, памятник которому стоял во внутреннем дворе Карийского замка. Барон Рокфор считался довольно набожным человеком и не мог оставить такой день без пышных празднеств. Одно из разосланных приглашений пришлось и к Тристанскому двору. Хотя, как подозревал Эдвард, во многом это был лишь повод, чтобы дать влюбленным увидеться.

Рейнсвальдские традиции, особенно те, что касались публичного поведения, оставались необычайно жесткими и практически не оставляли места для чувственных порывов. Приличная девушка не должна была проводить слишком много времени с одним и тем же молодым человеком, с которым еще не обвенчана, а венчание между дворянскими отпрысками не могло состояться до тех пор, пока не будут решены все вопросы юридического и финансового толка. А этот процесс даже при самой скорой спешке весьма небыстрый. Для каждой новой встречи нужно было искать поводы или причины, даже самые простые дружественные визиты не получалось повторять слишком часто. Репутация не только в самом рейнсвальдском общества, но и перед взором Церкви Неба, королевских геральдистов и самого Иинана Третьего значила слишком много. Публичность дворян не оставляла много возможностей для личной жизни.

— Вы когда последний раз спали, барон? — Выражение лица Линка стало озабоченным. — Я внезапно сообразил, что каждый раз, когда спускаюсь на переговоры или просто провести время в этих залах, то все время вижу вас. Не помню, чтобы вы отлучались от гостей больше, чем на пару часов.

— Мне пока что достаточно стимуляторов. — Эдвард пожал плечами. — Неделя без сна не настолько уж и серьезное испытание. Как только все гости разъедутся, тогда и можно будет отдохнуть. А пока надо продолжать делать вид, что я действительно необычайно рад видеть всех этих людей и ксеносов.

— А я вижу вашего секретаря. Наверное, что-то опять случилось.

Линк приподнял свой бокал, приветствуя уверенно направляющуюся в сторону Эдварда молодую девушку в форме Тристанского бароната, но без каких-либо знаков отличия, если только не считать короткого геральдического плаща на левом плече с изображенным там золотым грифоном. От обычных солдат она отличалась еще и тем, что вместо стандартных штанов, заправляемых в армейскую обувь, у личного секретаря барона была юбка ниже колен, оставлявшая открытой только тонкую полоску кожи до места, где начинались голенища сапог с металлическими вставками.

— Господин барон, получены срочные известия из родового замка. Огейн Тристан просит вас как можно быстрее ознакомиться с этими сведениями и написать ему ответ. Сообщение с пометкой чрезвычайной важности, — девушка отчиталась как при официальном докладе, не спуская с Эдварда внимательного взгляда. Как и у многих жителей Рейнсвальда, у нее были голубые, почти что прозрачные глаза с едва заметными жилками кровеносных сосудов, напоминающие два холодных кристаллика льда, где даже эмоций не заметно. Практически все, выросшие под искусственным освещением защитных куполов городов и поселений, оставались альбиносами, мало у кого проявлялись хоть какие-то цветовые пигменты. Однако многие предпочитали красить волосы в разные цвета или же носить линзы. Секретарша Эдварда красовалась яркой огненной шевелюрой, тщательно расчесанной и обычно уложенной на правое плечо. Хотя больше она пугала Линка своей строгостью и холодностью. Сколько раз он ее не видел, так и не смог вспомнить ни одного проявления ею эмоций.

— Хорошо. Я сейчас же ознакомлюсь. — Эдвард отставил бокал в сторону и направился к выходу из зала, сопровождаемый секретаршей. Девушка легко подстроилась под его армейский шаг, прижимая к груди тонкую папку с инфопланшетами. Линк проследил за ними взглядом и усмехнулся. Дела бароната не требовали отлагательств, даже если накладывались друг на друга. И тристанец словно жил этим, отмечая все остальное, что хоть

и считалось за норму поведения, но все равно выглядело поразительно даже на фоне других дворян.

Эдвард направился в контрольный пункт связи наверху, куда перенесла все свои дела и его секретарь, чтобы не тратить время каждый раз на посыльных и просить барона подняться на борт флагмана. Несколько операторов были подключены к ее рабочему месту, систематизируя и распределяя полученные запросы и сообщения, и у нее были даже два своих киборга адъютанта, ни один из которых не задерживался слишком часто на одном месте. На пяти развернутых экранах бегали столбики цифр и информации, а на столике лежало несколько блокнотов и стояла чашка с недопитым кофе, пусть ей этого и хватало. Не у каждого феодала в секретарях сидит настоящий гений.

— Прощу вас. Письмо здесь. Уровень секретности высокий, рассчитываю, что объяснять особенности не следует. — Девушка передала ему инфопланшет и вернулась в свое кресло, вчитываясь в строчки на экране.

Огейн Тристан — двоюродный брат Эдварда, сын восставшего Сатона, пытавшегося захватить власть вооруженным переворотом — доказал свою преданность настоящему барону и потому остался близок к власти, когда все закончилось. В первый же день, когда только появились новости о том, что Сатон Тристанский отказался признавать волю своего брата, написанную во вскрытом завещании, Огейн лично явился к Эдварду и, встав на одно колено, отрекся от отца и на клинке поклялся новому барону в верности. Позднее он подтвердил слова, участвуя в сражении против бунтовщиков, нисколько не колеблясь и не сомневаясь в правильности своего решения. Будучи дворянской крови, он нередко оставался доверенным лицом Эдварда во многих делах, имея доступ к секретной информации высшего уровня.

«Господин барон, смею уведомить вас касательно разведывательной информации о действиях гористарских вооруженных сил. В настоящий момент наши разведчики наблюдают массовую переброску личного состава и систем вооружения, а также передвижения главных ударных сил флота за пределы королевства. Информация касательно их главных целей в настоящее время отсутствует, но полученные данные указывают в качестве точки назначения на координаты вблизи границ Таннурейской конфедерации. Господин барон, в срочном порядке запрашиваю у вас разрешение на приведение в полную боевую готовность флотом с Четвертого по Шестой и выдвижению их основных ударных сил к северным территориям у границ королевства для возможной переброски к Таннурейской конфедерации. По моим предположениям, такой маневр позволит перекрыть возможные пути наступления на наши отдаленные колонии, одновременно с этим обеспечив необходимую поддержку в том случае, если данные от ваших представителей у королевского двора окажутся правдивы. Прощу выслать ответ с вашим решением как можно быстрее».

Эдвард вздохнул и посмотрел на свою секретаршу, не обращавшую на него никакого более внимания. Он нашел ее на самых окраинах своего феода, в одном из небольших добывающих городков в колониях на Поверхности, где возможностям ее интеллекта просто негде было развернуться. Молодая девочка, производившая в уме вычисления со скоростью неплохого персонального компьютера, сдававшая любые экзамены на высшие баллы даже без какой-либо подготовки, очень быстро привлекла внимание эмиссаров бароната, отправивших ее на обучение в спецшколу для одаренных детей. Оттуда Эдвард про нее и услышал. Возможно, ее уникальные возможности к осмыслению огромных объемов данных были результатом мутации, но необычайно полезной, оказавшейся востребованной в личной

свите барона. Девушка с легкостью в одиночку выполняла работу, на которую прежде требовались усилия целого отдела подготовленных специалистов.

— Сион, отправь Огейну мой ответ... — Эдвард удалил письмо с инфопланшета и присел на край стола секретарши. Она только подняла на него взгляд с вопросительным видом, но ничего не сказала. Сион вообще крайне редко комментировала действия и приказы своего сюзерена, какими бы они ни были. — Как тристанский барон, даю свое разрешение на приведение в полную боевую готовность флотов с Четвертого по Шестой. Флоты должны быть готовы по первой же команде выступать в указанном направлении. Однако вместо указанных координат перебросить все соединения к колониям на Ахейских Великих хребтах, где они и должны оставаться до следующих приказаний. Продолжать наблюдения за группировками указанного вероятного противника. В первую очередь необходимы данные касательно командования обозначенной группы и наличия там королевских представителей.

— Будет передано со всей точностью, — кивнула секретарь, закончив набор текста и переслав его одному из операторов для кодирования и отправки адресату. — Господин барон, полторы минуты назад также поступил доклад от группы адаптации. Они в настоящий момент заняты проверкой освобожденных вами пленников рабовладельческого судна. Поступили отчеты об отсеянных мутантах и количестве подходящих особей для последующего использования с дальнейшей возможностью получения гражданства. Возможно, вам будет интересно. Хотите взглянуть на цифры?

— Нет, не интересно. Они уже закончили? Пусть и дальше следуют стандартной процедуре, здесь недостаточно рабочих рук. — Эдвард отрицательно покачал головой. — Возможно, стоит прерваться и самому взглянуть на процесс отборки. Когда запланирован следующий круг переговоров?

— Через одиннадцать с половиной часов. — Секретарь даже ни с чем не сверялась. — Если у вас все же есть желание самостоятельно посмотреть на процесс фильтрации присланных аборигенов, то я прикажу немедленно подготовить выделенную транспортную линию. После недавнего обновления используемых площадей комплекс перевоспитания перенесли в другое крыло. Там как раз завершили ремонтные работы.

— Да, заодно оценю результаты. — Эдвард подумал, что Линк может быть в чем-то и прав. Иногда стоит отвлечься от всех забот и просто дать голове отдохнуть. Во всяком случае, барон может позволить себе час или другой ничем не заниматься.

Комплексы для фильтрации аборигенов и дикарей не являлись чем-то особенным в рейнсвальдских колониях. Несмотря на переселение городов метрополии и высотных жилых ульев, поднимавшихся даже выше защитных куполов, в отдаленных колониях рабочих рук практически никогда не хватало, даже при активном использовании дроидов или даже клонирования до достижения необходимого числа поселенцев. Практики клонирования вообще считались едва ли не запрещенными, к ним старались не прибегать без особой на то надобности, а вот использование в качестве доступного ресурса местного населения даже поощрялось при новой королевской политике.

И комплексы фильтрации в первую очередь необходимы были для того, чтобы отсеять нежелательных кандидатов в будущие граждане королевства. В отсеивании шли представители ксеносов, даже гуманоидных, здесь не было никаких исключений, даже с новыми введенными Иинаном Третьим послаблениями. И следом мутанты, вне зависимости, проявлялись ли мутации внешне или были исключительно внутренними, незаметными без

специального изучения. Этим и занимались развернутые медицинские центры, через которые пропускали всех, кого считали подходящим, и часто даже без какого-либо согласия со стороны самих аборигенов. Поисковые отряды феодалов в буквальном смысле налетали на выбранные поселения аборигенов, сгоняя в пассажирские отсеки транспортов всех, кто казался похожим на человека, и только потом уже решая, кого отправить на утилизацию, а кто мог пройти дальше.

Эдвард оставил несколько доверенных человек в зале с гостями, сказав, что ему нужно отлучиться. Зачем конкретно, уточнять не стал, поэтому многие решили, что барон просто устал и хочет отдохнуть. Многие удивлялись его стойкости, с которой он проводил все время вместе с приглашенными, и некоторые совершенно искренне желали ему приятного отдыха и спокойного сна. Другие только обрадовались, что тристанец хоть на какое-то время их покинет, дав возможность обсудить дела, не касавшиеся его ушей.

А некоторые настойчиво просили присоединиться к нему, среди таких особенно упрямой оказалась госпожа Кейнивал, в этот раз решившая поразить всех платьем ярких салатных оттенков, переливавшимся всеми цветами радуги под прямым светом, и с длинным разрезом практически до самого бедра. На голове у главы корпорации красовалась тонкая изящная диадема с несколькими крохотными светоканьями, дополнявшая длинные и тяжелые серьги в ушах. Она, как всегда, улыбалась, уже практически по родному беря барона под руку.

— Господин барон, признаюсь, мне просто хочется провести с вами немного дольше времени. За этими переговорами и бесконечными обсуждениями практически не остается возможности снова с вами вот так просто, без всяких важных тем, пообщаться, — девушка улыбнулась, прижимаясь к нему теснее дозволенного правилами. — Вы же не станете отказывать в такой простой просьбе.

— Госпожа, вам лишь стоит попросить, — Эдвард тоже улыбнулся, не находя никаких способов ей отказать и потом беря ее за руку. — Вы же прекрасно знаете, что я не смею спорить с вашими желаниями. Однако постараюсь убедить вас, что вряд ли вы найдете там что-нибудь интересное. Я собираюсь пройтись по второстепенным корпусам крепости, дабы убедиться в их готовности. Не более того...

— И вы считаете подобное неинтересным? — Лейна покачала головой. — Вся эта крепость необычайно интересна, и, хоть ваши люди и не выпускают нас дальше дозволенного, уверена, что каждый гость сделал множество удивительных открытий в этих древних коридорах. Я преисполнена любопытства, что может быть дальше этой ограниченной вами линии, и оттого еще сильнее хочу составить вам компанию.

— Тогда позвольте и мне присоединиться к вам, — Линк хлопнул в ладони, тоже заинтересовавшись неожиданным желанием Эдварда покинуть гостей. — Я сперва подумал, что наш барон все-таки решил не перетруждать свой организм и лечь спать, но раз он никак не может усидеть на одном месте, то я все же пожелаю присоединиться к нему. Это будет весьма любопытно.

— Кажется, что-то подобное ты говорил в тот день, когда Остезейский Союз поддержал мое право на титул. — Эдвард кивнул, соглашаясь. — Буду весьма рад, если согласишься сопровождать нас.

В тот день, когда Тристанский баронат погрузился в хаос внутренней войны, представитель Остезейского Союза проявил необычайную для политики твердость в своих убеждениях, даже без приглашения явившись к молодому барону от лица всего союза. Эдвард хорошо запомнил те дни, отложившиеся в памяти как одни из самых сильных

впечатлений, момент его слабости и неуверенности, страха и растерянности перед грядущим. Он был готов ко многому, но не к тому, что в спину ударит один из самых близких людей. Сатон Тристанский прежде всегда был верен феоду и никогда не оспаривал слова старшего брата, и в первые часы после известия о его восстании Эдвард даже не мог определиться, кому вообще теперь можно верить, поглядывая с опаской даже на ближайших советников.

Линк Кессерилд явился к нему лично, не успев даже привести себя полностью в порядок, поднятый прямо с кровати новостями и суматохой в замке. Солдаты, пришедшие с ним, держались напряженно, сняв оружие с предохранителей, не зная, как молодой барон отреагирует, но Эдвард в эти часы готов был выслушать кого угодно, лишь бы хоть немного разобраться в ситуации.

— Господин барон, я только что был извещен о произошедшем... — Остезейский представитель в тот день опустил на одно колено, но не склонил взгляд к полу. Он продолжал внимательно смотреть на молодого наследника титула и следить за его реакцией. — И сейчас явился к вам, чтобы заверить Вашу светлость в лояльности Остезейского союза наследнику прежнего барона Тристанского. Позвольте от имени своих сюзеренов сообщить вам, что Союз сохранит в силе все прежние договоренности и сделает все, что необходимо для помощи и поддержки Вашей Светлости в честной борьбе за сохранение своего титула и жизни...

— Это ваши слова или слова тех, кого вы представляете? — только и поинтересовался Эдвард, отложив в сторону инфопланшет с последними данными с приграничных территорий.

— Не буду вам врать, господин барон, сейчас я говорю о том, что еще не согласовал со своими сюзеренами, но... — Линк вытащил из ножен на поясе дворянский кортик, отчего солдаты сразу же дернулись, направив на остезейца оружие и едва не открыв огонь. Оглянувшись на них, Линк взялся за лезвие, глубоко разрезая кожу, и кровь тонкой струйкой потекла по руке, оставляя на белоснежной ткани быстро растущую полоску.

— Здесь и сейчас, своей кровью на клинке, я, Линк Кессерилд, Остезейский дворянин, равный из общего дела, клянусь вам, барон Тристанский, что произнесенные слова станут реальностью, и если же я потерплю неудачу в этом деле, то отдам свою жизнь в ваши руки. Небеса в свидетели сказанных слов, и гнев их обрушится на меня, если посмею отступиться от них...

— Линк Кессерилд... Я принимаю вашу клятву... — Эдвард тяжело вздохнул, впервые принимая клятву на клинке. — И признаю честность ваших слов. Идите и исполните их, ни один из моих людей не посмеет вам помешать.

Эдвард до сих пор помнил, что Линк рискнул и своей жизнью, и своим положением, чтобы исполнить эту клятву, но Остезейский Союз в итоге поддержал молодого барона, и все кредиты Сатону Тристанскому были обнулены, а счета заморожены. Лишенный и доступа к казне бароната, и остезейского финансирования, мятеж не мог долго и активно продолжаться.

А теперь Линк оставался улыбающимся и жизнерадостным, словно ничего и не происходило. Он смеялся и шутил, рассказывая истории из своей ранней жизни. В отличие от Эдварда, прошедшего период взросления и юность сначала в рядах армии бароната, а потом в Королевской армии, Линк исполнял долг дворянского происхождения в рядах участников этнографических экспедиций Королевской Академии Наук, побывав в таких

местах, о которых Эдварда никогда прежде и не слышал. Лейна заразительно смеялась и продолжала крепко держать молодого барона под руку, предлагая тоже что-нибудь рассказать из своих историй, но он деликатно отмалчивался. Смешных историй у него не хватало, в отличие от тех, которые могут испортить настроение всем присутствующим.

Магнитные поезда соединяли все исследованные и восстановленные части крепости, адаптированные для нужд разворачиваемой здесь колонии. Стандартные составы на десять вагонов, половина из которых оставалась грузовыми, ходили между станциями каждые десять минут, постоянно загруженные и материалами, и людьми. Одну линию освободили для барона, его гостей и сопровождавшей их свиты. Кроме привычной в таких случаях охраны из тристанских гвардейцев и боевых дроидов «ТехКо», своих хозяев сопровождали адъютанты, связные и пара секретарей с необходимым набором документов и сведений просто на всякий случай.

«Центр адаптации и подготовки» — гласило название станции, на которой они вышли. Даже Эдвард с любопытством оглядывался по сторонам, вспоминая, как все выглядело прежде и насколько изменилось теперь. Когда он бывал в этой части орбитальной крепости, здесь еще шла зачистка коридоров и залов от колоний мутантов и проверка на наличие аномалий. А теперь он словно попал в залы одной из тристанских крепостей, что строились в приграничных колониях. Высокие потолки ярко освещались люстрами и лампами с плазменными огнями, в стенных нишах стояли каменные статуи героев и святых, а сами залы были вычищены, обновлены и обустроены под новые нужды. От старой компоновки помещений порой просто ничего не оставалось, архитекторы полностью все перестраивали, пробивая новые коридоры, возводя стены и деля этажи дополнительными перекрытиями на разные секции.

По предположениям археологов прежде в этой части крепости находились залы для тренировки и обучения солдат, но поскольку из Тристанского бароната в крепость присылали уже готовые войсковые подразделения, от восстановления прежних функций решено было отказаться, в отличие от необходимости адаптации дикарей к будущему заселению развернутой в пределах крепости колонии. Оранжереи и системы искусственного поддержания жизнеобеспечения были практически восстановлены, поэтому в пределах этих стен вполне могло существовать автономное поселение, которое обеспечит столь необходимыми рабочими руками дальнейшие работы. Эдвард не строил иллюзий по тому поводу, что первое поколение поселенцев не будет весьма лояльным к тристанской власти. Среди специалистов адаптации давно уже ходит шутка, что можно вывести дикаря из племени, но нельзя вывести племя из дикаря. Даже получив все привилегии цивилизации, они будут скучать по прежним временам, по тому беззаконию, какое называли свободой, и тому бессмысленному существованию, которое называли свободой выбора. Что-то из них получится вывести, от чего-то заставят отказаться, для чего-то смогут объяснить пользу, но сопротивление от этого не исчезнет полностью, только через два или даже три поколения их потомки смогут стать полноценными гражданами феода и королевства. Пока что они были всего лишь материалом.

Эдвард с гостями и в окружении охраны шли тем же маршрутом, через который прогоняли всех присылаемых в центр адаптации дикарей. На станции людей выгоняли из вагонов и отправляли дальше по коридорам, где шла санитарная обработка. Старые вещи изымались, людей раздевали догола, и весь тот хлам, что назывался одеждой, сжигался. А дикарей гнали дальше, в камеры обработки, под пенные струи воды и разведенного шампуня.

Одетые в закрытые санитарные костюмы, сотрудники расталкивали ошалевших дикарей под душевые струи и, убедившись, что хотя бы застаревший запах пота и грязи, исходивший от них, отбили, сразу гнали дальше.

В общую толкучку сам барон с гостями соваться не стал, они просто прошли по одному из коридоров для сотрудников, откуда душевые кабины можно было увидеть через толстые стекла из прозрачного пластикеа. Картина была не самая приятная, но если Эдварду было просто неинтересно наблюдать за тем, как вымывают согнанных с Поверхности дикарей, то Лейне это было откровенно неприятно, она рефлекторно прикладывала надушенный платок к носу и отводила взгляд.

Как оказалась, здесь в эти минуты прогоняли группу бывших рабов, отбитых у перехваченного в нескольких парсеках отсюда конвоя работорговцев, направлявшегося на рынки Верхнего Истрия. Боевой патруль засек след их загруженных транспортов, и командир принял решение сойти со стандартного маршрута и перехватить нарушителей. В итоге на борту тристанских кораблей оказалось больше пяти тысяч бывших рабов, прошедших первичную фильтрацию. Фактически это значило, что ксеносов и людей с ярко выраженными мутациями или признаками смещения кровей оставили на борту захваченных кораблей, а потом взорвали, превратив в пространственную пыль.

Дальнейшие секции были закрытыми, там происходил отбор будущего населения колонии, где опытные медики и генетики проверяли дикарей на скрытые мутации и аномалии организма, физическую подготовку и наличие врожденных или передающихся по наследству болезней. Тех, кто не проходил этот отсев, следом точно так же отправляли на утилизацию.

Лейне, как оказалось, все было необычайно интересно, с подобным она прежде не сталкивалась. В корпорациях редко когда встречались теории чистоты крови, там речь в первую очередь шла о получении прибылей, чем о приверженности старым традициям и сохранении устоявшихся порядков. И теперь глава «ТехКо» с искренним любопытством расспрашивала о принципах отбора, изучении особенностей генетических мутаций и принципах культурной ассимиляции населения.

Эдвард хорошо помнил теоретическую основу этих принципов, заученных еще в детские годы, когда его наставником был престарелый учитель из Церкви Неба. И, пока они шли к тем секциям, которые уже можно было показать для того, чтобы произвести впечатление, барон неторопливо и с замечаниями Линка в общих чертах рассказывал леди Кейнивал о культурной ассимиляции. Девушкой она была неглупой, многое понимала и сама, но все равно внимательно слушала рассуждения о том, что осознание себя как части определенной культуры формирует сопротивление новым принципам. И о том, что именно разрушение культурной принадлежности подавляет в людях волю к сопротивлению новым порядкам. Оторванные от своих традиций, вырванные из племен с прежде объяснявшими им жизнь вождями и шаманами, перемешанные с выходцами из других племен и поселений, точно так же растерявших традиции и прежние связи, они быстро терялись в общей массе, различия между ними стирались, и в итоге уже через пару поколений все растворялось в рейнсвальдском обществе.

— Согласно законам, введенным нынешним королем, феодалы не только используют адаптированных аборигенов как дешевую военную силу в приграничных колониях, но и стараются интегрировать их во все слои общества в закладываемых новых колониях. Результат интеграции в таких случаях действительно выше прежнего, особенно если удается

сохранить семейные отношения между адаптированными аборигенами. Прежде считалось, что родственные узы усложняют процесс интеграции, однако практические результаты не только оказались прямо противоположными, но и превысили все наши ожидания. Однако...

Эдвард остановился перед створками шлюза, который только открывался. Охрана разошлась в сторону, пропуская делегацию, но процесс был не самым быстрым, и потому всем пришлось дожидаться, пока толстые стальные створки разойдутся в стороны, убирая все запоры из толстых армированных прутьев. Линк, воспользовавшись паузой и почувствовав ток свежего воздуха из открывавшейся щели, вытащил из нагрудного кармана пачку сигарет и прикурил одну, щелкнув зажигалкой. Поймав недовольный взгляд барона, он только пожал плечами, но все равно затянулся и выпустил две тонкие струйки дыма из ноздрей.

Створки шлюза раскрылись окончательно, и делегация прошла в огромный зал с прозрачным потолком, через который можно было увидеть темноту Неба, освещенную только огнями самой орбитальной крепости. Прежде это был внутренний двор крыла, но архитекторы и реконструкторы закрыли его и изолировали от внешней среды, закачав внутрь пригодную для дыхания атмосферу и нормализовав уровень излучений. Теперь тут располагались подготовительные зоны будущей колониальной милиции. Самая дешевая военная сила, в первую очередь предназначенная для сохранения внутреннего порядка и пресечения мелких нарушений, а также выполнявшая роль первой волны ополчения в случае необходимости.

— Военная служба является самым быстрым способом получения гражданства для адаптированных дикарей, — заявил барон, когда они вышли на небольшие мостики, перекинутые над различными зонами подготовки или тянувшимися вдоль разделявших их стен. Намного ниже под ногами группы вооруженных дикарей, уже в тристанской полевой форме и со стандартным пехотным снаряжением, отрабатывали раз за разом боевые тактики бароната или же проходили физическую подготовку. Там же тянулись плацы и бараки для будущих солдат, некоторые ближе к проходившим мосткам, а некоторые ниже. — Я всегда говорил, что кровь является универсальной ценой, и люди, которые проливают свою и чужую кровь за интересы бароната, в первую очередь достойны получения гражданства. Они, рискуя собственной жизнью, доказывают свое право на это.

— Вы вооружаете тех, кого захватили силой и заставили служить себе? — Лейна изобразила на своем лице удивление. — Неужели вы никогда не сталкивались с восстаниями? Наверняка же находятся и такие, которых не так легко сломить?

— Сталкивались, — Эдвард кивнул головой, задержавшись около перил. Внизу раскинулся плац, на котором выстраивались подразделения милиции, уже прошедшие большую часть курса обучения. На это указывали их выучка, точные движения и строгое следование приказам офицера. — Именно поэтому милицейские подразделения используют лишь легкое пехотное и противотанковое вооружение, не имея доступа к более серьезным технологиям. Если они и пытаются поднимать восстания, то такие бунты обычно подавляются в зародыше. Достаточно поучительно, чтобы остальные трижды подумали, прежде чем повторять их попытку.

Тристанский барон бросил вниз случайный взгляд, но в ту же секунду остановился, зацепившись за совсем незначительную деталь. На плацу стояли «коробки» личного состава, выстроенные в десять рядов по десять человек, пока офицер проводил смотр. Стандартное пехотное снаряжение колониальной милиции состояло из укрепленного защитного костюма

с тяжелыми бронированными наручами и сапогами, выкрашенного в серый с разводами цвет. Лицевой щиток шлема представлял собой противогаз со встроенным многоканальным визором и уходившими за спину ребристыми шлангами воздушных фильтров. Вооруженные уже считавшимися устаревшими, но все еще весьма надежными и эффективными лазерными карабинами, солдаты милиции стояли, не шелохнувшись. И только один из них, чья «коробка» стояла совсем рядом со стеной, разделявшей сектора, и по вершине которой шла дорожка, где гуляли гости, почему-то задрал голову вверх. Эдвард почувствовал, что взгляд зеленых линз визора направлен прямо на него. Секундное наваждение, которое прошло практически сразу же, как только появилось. Тристанский барон даже не заметил, как взгляд пропал. Среди сотен таких же фигур, неотличимых друг от друга, упустить всего лишь одну совсем просто.

— Барон? — это был голос Лейны. — Вы задумались?

— Нет, просто отвлекся... — Эдвард покачал головой и думать забыл об этом моменте. — Что ж, я думаю, стоит тогда посмотреть, как идут работы в центре поведенческой коррекции. Думаю, госпожа, вам это тоже будет весьма интересно.

Конец первого тома

— Ваше Величество, вы же знаете, что это секретный архив, который был запечатан по вашему же приказу? — неуверенно переспросил главный архивариус, нервно постукивая металлическими пальцами протезов рук друг о друга. — Наложённые защитные информационные печати имеют высший уровень защиты, и даже при лицензированном запросе доступа открыть их будет непросто. Искусственный интеллект печати не имеет прямого алгоритма разблокировки.

— Но его можно открыть? — поинтересовался Иинан Третий, внимательно посмотрев на голографическое изображение архивариуса, передаваемое в эти минуты совсем с другого конца королевства.

Тайные архивы Рейнсвальда было одной из загадок короны, о которых знали только посвященные. Хранители Знаний королевского дворца, вечно показывавшиеся на глаза только в закрытых одеяниях и никогда не покидавшие нижние уровни, передавали сведения о них и ключи доступа лишь новому королю после его избрания, принимая у него клятвы хранить все в тайне и никому не передавать. Только с прямого королевского разрешения можно туда попасть, куда ходил единственный корабль с полностью роботизированным экипажем и подготовленный к самоподрыву в случае любой попытки взлома.

Расположенные на отдаленном скалистом острове в зоне аномальных преобразований пространства, архивы в действительности представляли собой настоящую крепость, подготовленную к длительной осаде. Там нес свою службу вечный гарнизон, пополнявшийся добровольными изгнанниками, отказывавшимися от любых связей с внешним миром лишь ради того, чтобы хранить королевские тайны. Уровни секретности были такие, что страшно даже представить, какие знания могут хранить там. И что же надо было скрывать нерушимыми печатями, когда и так королевские архивы оставались практически недоступными.

— Открыть невозможно, Ваше Величество, но печати можно сломать. Тем более, с королевским уровнем доступа. — Поспешно кивнул архивариус, посмотрев на него через голографическую передачу своими искусственными глазами. Свои у него уже давно высохли от старости, и теперь большую часть лица занимала кибернетическая маска с пятью визорами, расположенными в два ряда. — Однако, Ваше Величество, это будет невозможно без вашего личного присутствия. Необходим анализ свежей королевской крови. Вы знаете правила.

— Да, мастер Вилигиус, я помню правила. Но... — король закашлялся, и медицинский киборг сразу же к нему наклонился с экстрактом лекарственных трав и ароматических солей, чтобы облегчить приступ. Иинан отогнал его взмахом руки. — К сожалению, я не в том состоянии, чтобы пережить путешествие до вашего удаленного островка. Неужели нет никакой возможности обойти этот запрет. Мне нужна эта информация, пока я еще вообще могу дышать.

— Примите мои сожаления, Ваше Величество, но это невозможно. И даже дело не в правилах, которые не нарушались с первого дня создания архивов, а в недопущении такой возможности самой системой. — Архивариус развел руками. — Мы не в состоянии провести подобную операцию без вашего присутствия. И никто в Известном Пространстве не сможет этого сделать.

— Значит, все эти сведения останутся запечатанными?

— До тех пор, пока король Рейнсвальда не явится в архивы лично, чтобы взломать печати и снова вернуть эти знания миру, — согласно кивнул головой архивариус, ничуть не меняя интонации. Иинану показалось, что он намеренно опустил слово «новый» в своих словах. — Иного пути нет.

Иинан тяжело вздохнул.

— Что ж, пусть оно все так и остается. До тех пор, пока не прибудет король...

— Позвольте передать вам глубочайше искренние пожелания выздоровления, Ваше Величество, — кивнул архивариус прежде, чем отключиться.

Иинан жестом велел унести голопроектор с кровати и откинул голову назад, на мягкие подушки своей перины. Он чувствовал, как неизвестная болезнь медленно подтачивала его, сжигая изнутри, разъедая внутренние органы и постепенно затуманивая разум, несмотря на все усилия сохранить его чистым и ясным.

И все же он еще хорошо помнил тот день, когда сам же приказал наложить печати на сведения, добытые бароном Тристанским. Тоже Эдвардом, отцом нынешнего молодого и дерзкого феодала. И он хорошо помнил тот разговор.

Даже сейчас он мог вспомнить каждое слово, словно прозвучавшее несколько секунд назад. Как и выражение лица Эдварда Тристанского, прежнего феодала.

— Ваше Величество, вы должны понимать, что все это звучит как бред очередного сумасшедшего на паперти городского собора. Однако мы несколько раз все перепроверили. Ошибки быть не может. Основатели Белой Башни были правы. — Старый барон впервые выглядел напуганным, даже не пытаюсь скрывать этого. И в то же время в нем чувствовалась уверенность. Барон выглядел так, словно наконец-то услышал страшные вести, которых так долго ждал, но и которые все-таки надеялся никогда услышать. И теперь он знал, что нужно делать.

— Эдвард, мой старый друг. Твои слова больше похожи на пророчества еретиков, которых убивали за одно лишь то, что осмеливались произнести их вслух. Это противоречит всему, о чем говорит Культ Неба. — Иинан Третий в тот день лишь покачал головой.

— Однако это правда. Я сам не хочу в это верить, но все совпадает с тем, что пытались до нас донести из Белой Башни. И я так думаю, потому они столь отчаянно и сопротивлялись. Они видели в нас лишь таких же слепцов, которые не хотят ничего понимать. Они думали, что их сил хватит, чтобы остановить грядущее. Они думали, что смогут остановить грядущее, но на деле их не хватило даже на нас. А мы теперь должны закрыть глаза на все это? — Старый барон выдохнул и обхватил голову руками, сам с трудом веря в то, что говорил. — У нас еще есть возможность. Надо только начать действовать.

— Это невозможно. Ты должен это понимать. То, о чем ты рассказываешь, не может быть в нашей реальности. Просто не может.

— Однако все так и есть. Это многое объясняет из того, почему наш мир такой. Я отправлюсь по указанным координатам, чтобы найти место, где все началось. Там будут доказательства. — Барон развел руками. — Я должен хотя бы понять, как к таким выводам пришли мудрецы Белой Башни. С чего они начали свой путь. Тогда я смогу повторить их действия.

— И Церковь назовет тебя еретиком.

— Это уже не важно. Мое дело продолжит мой сын. Он готовится к этому с самого рождения, пусть и сам этого не понимает. Тем более, шансов на мое возвращение

практически нет. Если я потерплю неудачу, то погибну. Если же у меня хоть что-то получится, возвратиться в Рейнсвальд уже не смогу.

— А что делать с тем, чем занимался последние двадцать лет? Оставить так, как есть? Все передать ему?

— Нет. Он еще не готов узнать об этом. Ваше Величество, я вполне официально прошу вас спрятать все наработки. Спрятать их там, где никто и никогда не сможет до них добраться до тех пор, пока не настанет время о них рассказать. Эдварду, моему сыну. Когда это случится, решите вы сами.

Иинан Третий в тот момент только кивнул. Речь шла о безопасности и будущем всего королевства, и он не мог так просто отказать.

Теперь же он не мог даже точно сказать, сожалеет ли он о том согласии или нет. Тогда он принял на себя, как первый из равных, обязанность нести бремя знаний, который могли разрушить до основания не только все королевство, но и вообще весь цивилизованный мир. Знания о том, что все уже предрешено, а вся их великая история чей-то заранее прописанный план, который однажды должен подойти к своему логическому завершению.

Он ждал того дня, когда можно будет снять печати, в какой-то дикой надежде, что однажды прежний барон Тристанский вернется и снимет с него муки выбора решения. Решения, в котором ни один из вариантов не несет ничего хорошего. И только теперь понимал, что времени на ожидание у него уже не остается. Его забирала болезнь.

— Эдвард... Возможно, тебе придется стать следующим королем, — вздохнул Иинан Третий, подумал о молодом бароне. — Если только у тебя хватит смелости взять корону, которая тебе не принадлежит.

Путь в тысячу ли начинается с первого шага.

Ляо-Цзы

Больше книг на сайте - Knigoed.net